

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 4 (74) 2022

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.

Научные направления
периодического издания:

— Военные науки

— Право

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.

Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей
аттестационной комиссии при
Минобрнауки России от 26 апреля
2019 г. издание с 7 мая 2019 г.

включено в **Перечень**

**рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубли-
кованы основные научные
результаты диссертаций на соис-
кание ученой степени кандидата
наук, ученой степени доктора
наук по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки
(№ 777 Перечня по состоянию на
25.05.2022)**

В период с 18 октября 2016 г.
по 26 марта 2019 г. издание было
включено в указанный Перечень по
группе научных специальностей
12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —

КОРЯКИН

Виктор Михайлович,

доктор юридических наук,

профессор

e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —

ГУСЕЙНОВА

Альбина Джабаровна

Адрес в интернете

<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Аулов В.К. Обзор концепта ментальной войны: структура и содержание	9
2. Максуров А.А. Полномочия Президента Российской Федерации в условиях специальных режимов (военного и чрезвычайного положения)	18
3. Щербак С.И. Делимитация, демаркация, редемаркация государственной границы как легитимные действия при отчуждении части территории Российской Федерации.....	24
Теория и история военного права	
4. Верхова Н.В., Минеева Т.Г., Щелокова Н.В., Метелицкий В.В. Значение воинского знамени: правовые и сакральные аспекты	33
5. Давыдова Е.Ю. Сравнительно-правовой анализ отдельных положений нормативных документов, содержащих описание воинских захоронений в период Великой Отечественной войны (лето 1941 года)	41
6. Зорин О.Л., Ставицкий С.Н. Генезис офицерских собраний Вооруженных сил Российского государства: краткий историко-правовой обзор	44
7. Зюбанов Ю.А. Применение термина «голова» в законах Древней Руси	53
8. Тарадонов С.В. Военное законодательство как комплексное нормативное правовое образование	59
9. Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход	73
Военно-административное право	
10. Глухов Е.А. Правовые средства объективной оценки управляющей деятельности военных руководителей	82
11. Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Содержание стадий производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных пограничным органам, осуществляемого в отношении юридических лиц	91
12. Семенова И.В. Административно-правовое регулирование предоставления Росгвардией государственной услуги по выдаче гражданам лицензии на коллекционирование и (или) экспонирование оружия, основных частей огнестрельного оружия, патронов к оружию	107
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
13. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Утюганов А.А. Совершенствование норм права о социальных гарантиях военнослужащим по контракту, совмещающим прохождение военной службы с получением	

высшего образования — подготовкой кадров высшей квалификации	110
14. Джейранов С.С.	
Военные учебные центры: проблемы и перспективы правового регулирования деятельности	117
15. Лагашкина Ю.В.	
Актуальные проблемы правового регулирования альтернативной гражданской службы и некоторые меры по его совершенствованию	122
16. Лутохин А.И.	
Возможные направления гармонизации законодательства о накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих	129
17. Цуциев С.А.	
Безопасность военной службы как гарантия защищенности военнослужащих от опасностей и профессиональных рисков	133
Правоохранительная, судебная, прокурорская деятельность	
18. Кайнов В.И., Шеншин В.М.	
Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам невыполнения требований о прохождении военнослужащими медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения	139
19. Туганов Ю.Н., Кочешев С.П.	
Направления дальнейшего совершенствования низшего звена судов общей юрисдикции	145
20. Шнякина Т.С., Рожок Н.Д.	
К вопросу о видах органов военного управления, решения, действия (бездействие) которых могут быть оспорены в порядке административного судопроизводства	151
Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика	
21. Багаев М.М.	
Уголовно-правовые меры борьбы с подрывной деятельностью иностранных государств и организаций, направленной против безопасности Российской Федерации и направления их совершенствования	161
22. Ермолович Я.Н.	
Новая судебная практика Верховного Суда Российской Федерации по квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях	172
23. Изотов Д.М., Мелешко П.Е.	
Предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества в теории военно-уголовного законодательства и в судебной практике	178
24. Корякин В.М.	
Почерковедческое исследование документов и подготовка материалов для проведения почерковедческих исследований	190
25. Роганов С.А., Берников Г.О.	
Криминалистическая характеристика преступлений против избирательных прав граждан	201
26. Суденко В.Е.	
Понятие предмета доказывания и его пределы	208
27. Харитонов С.С., Шарапов С.Н.	
О несоответствии выводов суда, изложенных в судебном акте, фактическим обстоятельствам дела, как основание для отмены судебных решений: практика военных судов	216

28. Чернышев Д.Б., Карымова К.Р.

Правовые основы освобождения военнослужащих от уголовной ответственности за причинение смерти врагу в ходе боевых действий 223

Военные проблемы международного права

29. Некрасов А.А.

Международные правовые основы правоохранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации 229

30. Свинных Е.А.

Установление специальных административно-правовых режимов в приграничных районах для противодействия незаконной миграции: опыт отдельных западных государств 239

31. Шоев Ш.Р., Джобборов Ф.Н.

Правовое регулирование деятельности воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности по решению военных задач 252

Указатель сокращений

абз. — абзац

АГС — альтернативная гражданская служба

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион

ВУ — Военный университет

ВУЦ — Военный учебный центр

ГАС — государственная автоматизированная система

ГБУ — государственное бюджетное учреждение

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГОСТ — государственный стандарт

дис. — диссертация

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕС — Европейский Союз

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КГБ — Комитет государственной безопасности

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

КСОР — Коллективные силы оперативного реагирования

МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергии

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социального развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИС — накопительно-ипотечная система

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

- ООН** — Организация Объединенных Наций
- ООО** — общество с ограниченной ответственностью
- п.** — пункт
- ПВО** — противовоздушная оборона
- подп.** — подпункт
- РАН** — Российская Академия Наук
- Росгвардия** — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации
- Росреестр** — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии
- Росстат** — Федеральная служба государственной статистики
- РСФСР** — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- руб.** — рубль, рублей
- РХБЗ** — радиационная, химическая, биологическая защита
- СБСЕ** — Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе
- СК России** — Следственный комитет Российской Федерации
- СВР России** — Служба внешней разведки Российской Федерации
- СНГ** — Содружество Независимых Государств
- СНК** — Совет Народных Комиссаров
- СОУТ** — специальная оценка условий труда
- СССР** — Союз Советских Социалистических Республик
- ст.** — статья
- США** — Соединенные Штаты Америки
- ТК РФ** — Трудовой кодекс Российской Федерации
- трлн.** — триллион
- тыс.** — тысяча
- УК РФ** — Уголовный кодекс Российской Федерации
- УПК РФ** — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
- ФАС России** — Федеральная антимонопольная служба
- ФГБУ** — федеральное государственное бюджетное учреждение
- ФГБОУ ВО** — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
- ФГКВОУ ВО** — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования
- ФГКУ** — федеральное государственное казенное учреждение
- ФГКУЗ** — федеральное государственное казенное учреждение здравоохранения
- ФСБ России** — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ЦБ РФ — Центральный банк Российской Федерации

ч. — часть

Правовое обеспечение национальной безопасности

Обзор концепта ментальной войны: структура и содержание

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, доцент, судья в отставке

Аннотация. В статье автор предлагает собственный подход к дефилированию понятия «информация» для целей информационной безопасности и информационного противоборства. На базе оригинального понимания указанного термина — когда информация рассматривается исключительно как параметр языковых и визуальных средств ее носителя — строится понятийный ряд терминов смыслового поля ментальной войны. Еще одним априорным авторским допущением является понятие «ментального объекта» как смысловой структуры, результат понимания которой в существенной степени определяет способность физического лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Ключевые слова: информация, ментальный объект, ментальные угрозы, информационная безопасность, информационное противоборство, информационный противник, новое качество информационных угроз.

Overview of the concept of mental warfare: structure and content

© Aulov V.K.,
retired judge, candidate of law, associate Professor

Abstract. In the article, the author offers his own approach to the definition of the concept of "information" for the purposes of information security and information warfare. On the basis of the original understanding of this term – when information is considered exclusively as a parameter of the linguistic and visual means of its carrier – a conceptual series of terms of the semantic field of mental warfare is constructed. Another a priori assumption of the author is the concept of a "mental object" as a semantic structure, the result of understanding which significantly determines the ability of an individual to be aware of his actions and guide them.

Keywords: information, mental object, mental threats, information security, information confrontation, information opponent, new quality of information threats.

Значительная часть толковых словарей и тезаурусов рассматривает понятия терминов «концепт» и «концепция» как тождественные¹. Однако существует и точка зрения, согласно которой концепт и концепция — это паронимы — слова, сходные по звучанию и морфемному составу, но различающиеся лексическим значением².

Еще один подход к дифференциации

состоит в том, что разница между концептом и концепцией заключается в степени легитимности их основных идей. Если концепция — система взглядов, понимания и толкования базовых идей, которые потенциально могут нормативно определять порядок и сроки каких-либо действий, то концепт в этом случае — это некая модель, предназначенная исключительно для презентации, анализа и обсуждения³. Та-

¹ Синонимы онлайн: [сайт]. URL: <https://synonyms.su/K/концепт> (дата обращения 08.05.2022).

² Словарь паронимов русского языка: [сайт]. URL: <https://paronymonline.ru/K/712> (дата обращения 08.05.2022).

³ Например: Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025

кой взгляд на юридическую силу концепций основан на норме п. 10 ст. 3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и принят за исходное допущение в настоящей работе.

Иными словами, изложенное ниже — это не претензия на проект политико-программного документа, а попытка изложения с использованием методологического инструментария военного права одного из способов понимания борьбы за менталитет человека в ходе собственно вооруженного конфликта, на предшествующих такому конфликту стадиях и после завершения конфликта — при фиксации результатов противоборства.

Причина появления концепта ментальной войны — очевидная неспособность ранее обнародованных концепций асимметричных¹, сетевых², сетевых³, информационных⁴, сетевых⁵,

когнитивных⁶, гибридных⁷, психологических⁸, многодоменных⁹, многосферных¹⁰,

года»; Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» и т.д.

¹ Назаров С.П. Обзор развития концепции асимметричной войны: философия, теория, практика // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : матер. I Всерос. междисц. научн. конф. Отв. ред. И.П. Герашенко. 2019. С. 12—15; Спиридонова В.И. Информационная война как разновидность «абсолютной войны» — нового типа войн XXI века // Религия и политика в постсекулярном обществе : матер. XXXI Харакского форума и XIII междун. семин. Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. 2017. С. 259—271.

² Раскин А.В., Пеляк В.С. Концепция сетевых войны — за и против // Военная мысль. 2012. № 7. С. 14—21; Харланов А.С., Белый Р.В. Концепция сетевых войны: состояние, перспектива развития и опыт применения космических средств наблюдения США // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 118—121.

³ Савин Л.В. Сетевая и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 130; Шеремет И.А. Концепция «сетевых войны» и особенности ее практической реализации // Независимое военное обозрение. 2005. № 43.

⁴ Зубарева Н.П. Концепция информационной войны // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : Сб. ст. по итогам Межд. науч.-практ. конф.: в 3 частях. 2017. С. 75—77; Пичугин В.Г.,

Годунова Л.А. Концепция информационной войны будущего // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 3—15.

⁵ Нагорный В.А., Сальников В.И. Сетевая и сетевая война: определения, общие и отличительные черты // сб. тр. конф. «Аспирантские тетради». Воронежский филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ». 2018. С. 111—118; Дугин А.Г. Сетевые войны // URL: <http://www.dynacon.ru/contant/articles/2319/> (дата обращения 08.05.2022);

⁶ Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны // Философия и общество. 2021. № 4 (101). С. 39—51; Бартош А.А. Когнитивная война как третье операционное измерение современных военных конфликтов // Науч. тр. ученых 1 отд. — Отд. общих пробл. войны, мира и армии Академии военных наук. АВН, НИЦ проблем нац. безопас. М., 2022. С. 102—113; Серебряков Ю.И., Бойко С.В., Тамп Н.В., Баскаев С.Р. Военная меметика — часть когнитивной войны // Научная мысль. 2021. Т. 18. № 4-1 (42). С. 60—63.

⁷ Смирнов А.А. Информационные и гибридные войны в геополитической практике // Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции / Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А., Ковалева Ю.В., Смирнов А.А. Сер. «Психология социальных явлений». М., 2020. С. 183—195; Серебряков Ю.И., Ганиев А.Н., Тамп Н.В., Баскаев С.Р. Особенности диффузно-гибридных войн и конфликтов современности // Научная мысль. 2021. Т. 17. № 3-1 (41). С. 72—76.

⁸ Гуторович О.В., Гуторович В.Н. Психологическая война и морально-психологическая подготовка военнослужащих: онтологический аспект // Тр. Воен.-косм. акад. им. А.Ф. Можайского. 2017. № 656. С. 208—217; Кушкарев М.С. Психологическая война: концептуальный обзор // Роль и место информационных технологий в современной науке : Матер. ст. Всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 263—267.

⁹ Половинкин В.Н. Перспективы многодоменных боевых действий в современной войне // Защита и безопасность. 2021. № 3 (98). С. 16—19; Стучинский В.И., Корольков М.В. Пути противодействия реализации концепции США и НАТО «многодоменная битва» // Военная мысль. 2021. № 7. С. 41—49.

¹⁰ Голубенко Н.Ю., Вавринюк С.А. Многосферные войны США // E-Scio. 2020. № 10 (49). С. 340—342; Стучинский В.И., Корольков М.В. Обоснование боевого применения авиации для срыва интегрированного массированного воздушного удара в многосферной операции противника // Воздушно-космические силы. Теория и практика.

кибер-¹ и прочих прокси-войн² построить универсальную теоретическую конструкцию, которая определила бы оптимальный баланс между использованием мер неволевого характера и насильственными военными действиями.

Смысловым лейтмотивом названий перечисленных лексических конструкций являются или место вооруженного конфликта (сети, киберпространство), или порядок подчиненности (многодоменные, многосферные), или (причем одновременно) задачи обороны, цель наступательных действий, место проведения операций и ключевая технология ведения боевых операций (информационные войны).

К примеру, изъян концепции «сетевидной» войны усматривается в том, что составляющая ее совокупность взглядов «еще довольно далека от практики и природы войны». «Этот «множитель силы» остается слишком эфемерным, но очень затратным», — пишут авторы, видя опасность названной концепции в том, что она может стать для российских Вооруженных Сил очередной ментальной ловушкой³.

Второй общий недостаток перечисленных концепций — размывание цели

применения военной силы на фоне количественного наращивания и качественного усложнения терминов. Понимание изложенных в концепциях решений затрудняет и тот факт, что некоторые суждения и выводы вторичны, поскольку сконструированы (полностью или частично) на базе исходного англоязычного образца. Соответственно, в основных своих положениях концепции повторяют оригинал, но при этом вольно или невольно в переводе искажается смысл многих терминов⁴.

Другим изъяном обнаруженных концепций является отстраненность некоторых разработок от действующих руководящих документов. Знания, наработанные при развитии той или иной концепции «войны», не сменяют уже имеющиеся на более продуктивные и современные. Принадлежащие каждой концепции доктринальные воззрения сосуществуют друг с другом в качестве равноценных — в том числе явно устаревшие, утопические или иным образом скомпрометировавшие себя. Тем самым размываются границы военнаучного дискурса и затрудняется практическая реализация того действительно ценного, что присутствует в каждой такой теоретической разработке.

Использование инструментария военного права в логических операциях с предикатом «ментальный» и дефицитом «война» видится одним из вариантов устранения терминологической путаницы.

Номинация в концепте устоявшегося в русском языке иноязычного слова «менталитет» в качестве базисной категории и доминантного термина с одновременным лишением субстанциональности термина «информация» не препятствует созданию единой теоретической конструкции взаи-

2020. № 16. С. 29—36; Хомутов А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «многосферных операций» // Военная мысль. 2021. № 5. С. 27—41.

¹ Крисна В.И. Роль методов кибервойны как средства противоборства в современной прокси-войне // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : Сб. матер. XV Всерос. (с межд. участ.) науч. конф. студен., магистр., аспиран. и молод. уч. 2019. С. 214—218.

² Шагов А.Е. Турецкая концепция прокси-войны // *Advances in Law Studies*. 2020. Т. 8. № 4. С. 26—30; Бордюжа Н.Н. «Канал», «Арсенал», «Прокси» и другие операции ОДКБ // *Международная жизнь*. 2009. № 2-3. С. 20-26; Капицын В.М., Корчмарек Т.В., Столетов О.В., Щерба К.Д., Зверева В.С., Джанаева А.Э., Деев И.А., Кочетков Д.А., Калфаоглу Р., Черпакова А.И. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 4. С. 117—139.

³ Ковалев В.И., Малинецкий Г.Г., Матвиенко Ю.А. Концепция «сетевидной» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? // *Экономические стратегии*. 2013. Т. 15. № 5 (113). С. 35—51.

⁴ Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-centric Warfare: Its Origin and Future // *Proceedings*. January 1998., Countering cognitive warfare: awareness and resilience // Johns Hopkins University & Imperial College London. 2021, Cyberdeterrence and Cyberwar // The RAND Corporation. 2009, Weaponised AI is coming. Are algorithmic forever wars our future? // *The Guardian*. 2018, Peering into the Crystal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare // The RAND Corporation. 2020.

мосвязанных дефиниций¹. Основной элемент новизны здесь состоит не в отказе от понятия «информация». Новая оценка и трансформация понятия термина подразумевает сужение его смыслового поля до достаточного и необходимого предела применительно к институту информационного противоборства.

В формально-правовом аспекте исходная посылка отказа от самостоятельности термина «информация» опирается непосредственно на Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В этом нормативном акте прямо прописано, что «информация» предполагает обязательное наличие ее носителя (формы ее представления) (п.1 ст. 2 названного закона).

В подтверждение правильности данного подхода можно сослаться и на сходные методы в практике информационного противоборства основных субъектов геополитики, которые также не рассматривают информацию как самодостаточную категорию. В их понимании информация признается исключительно как некое особое качество (характеристика) ее носителя (изделия). В то время как некоторые информационные угрозы (большой частью с использованием юридических технологий) возникли еще на стадии правовой формализации юридической конструкции российского федерализма².

Поэтому издержками использования заимствованного слова «менталитет» в данном случае можно пренебречь.

В содержательном аспекте концепт представляет собой стандартную в теоретическом плане структуру взаимосвязанных элементов, находящихся друг с другом в логической взаимосвязи и правовом единстве. Основой объединения дефиниций в концепт, их структурирования и ква-

лификации — то есть ядром структуры — является термин «ментальный объект». Все элементы структуры последовательно упорядочиваются через раскрытие данной абстракции. Суждение о том, что «информация об объекте есть изменение параметра наблюдателя, вызванное взаимодействием наблюдателя с объектом», принимается в концепте за априорное допущение. Указанное допущение детерминирует характер связей ядра с элементами периферии³.

Итак, с учетом изложенных выше оговорок и допущений, содержание концепта ментальной войны составляют следующие тезисы.

1. Информация — параметр языковых и визуальных средств ее носителя, который участвует в создании ментального объекта.

Из данного определения следует, что в смысле правового обеспечения информационного противоборства имеют значение лишь те параметры носителя информации, которые воспринимаются человеком через визуальную или аудиальную репрезентативные системы. Иными способами восприятия информации — через другие органы чувств человека — в рамках концепта ментальной войны можно пренебречь. Только лишь визуальный образ и (или) вербальная составляющие информации, воспринимаемые с помощью зрения и слуха, представляют интерес для информационного противоборства как потенциально самостоятельного раздела военного права и социальной технологии управления обществом.

За пределами правового интереса остается и осознание человеком факта восприятия информации. В основу такого подхода положена следующая позиция психологов: «раздражитель, подействовавший извне на человека, может ощущаться, а может и не ощущаться; может восприниматься, а может и не восприниматься ... может осознаваться, а может и не

¹ Менталитет. Виды менталитета — Дом Солнца. [Сайт] URL: <https://www.sunhome.ru/journal/146937> (дата обращения 23.05.2022).

² Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 624—636.

³ Цитируется по: Расторгуев С.П. Информационная война. М: Радио и связь. 1999.

осознаваться»¹.

Перенос акцента правового понимания термина «информация» с максимально отвлеченных ее понятий в ранее разработанных определениях на физически существующие разнообразные объекты материального мира — на носители информации — позволяет формализовать взаимосвязь между информацией и физическим лицом с фиксацией момента возникновения корреляции между ними.

Вне субъекта восприятия информация в лучшем случае остается вещью в себе. В отсутствии субъекта, не проявляющая себя во вне, информация, как правовое явление, не существует. Информация приобретает статус таковой лишь когда ее семантическая составляющая осознается (распознается) кем-либо в этом качестве².

Таким образом, в юридическом смысле начальный момент существования информации определяется философской максимой «сущее, не проявляющее себя во вне, не существует» и совпадает с моментом создания реальной возможности контакта субъекта права с носителем информации. Информация типа «рукописи в столе», для которой в принципе исключен контакт субъектов права с ее носителем, для института информационной безопасности не существует.

2. Ментальный объект — смысловая структура, результат понимания которой в существенной степени определяет способность физического лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Ближайший аналог ментального объекта на материальных носителях — сформированные языком разметки гипертекста HTML5 блоки, семантическая структура которых позволяет программно-синтаксическому анализатору опираться на смысловое предназначение каждого блока, помогая пользователю понимать, о

чем идет речь³.

3. Менталитет — совокупность врожденных и приобретенных ментальных объектов, интегральный результат понимания которых определяет способность физического лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Из определения видно, что в основу дефинирования термина «менталитет» положено его деятельностное проявление в поступках человека. Базируется такой подход на устоявшемся в правоприменительной практике понятии «вменяемость» как синонима нормального, адекватного в конкретной ситуации поведения⁴. Тем самым предлагаемый концепт ограничивается физическим лицом — единичным субъектом правоотношений — в качестве объекта ментальной войны и в качестве обладателя менталитета.

3.1. Понимание — опосредствованный аналитико-синтетический процесс, базирующийся на активной интеллектуальной переработке воспринимаемой информации. Эта переработка включает в себя членение информации на смысловые отрезки, выделение различного рода «контекстных объединителей», а затем интеграцию выявленных отрезков. В качестве контекстных объединителей выступают наиболее существенные, значимые для понимания элементы информации (ключевые слова, визуальные образы, мемы, тэги)⁵.

4. Врожденный ментальный объект — смысловая структура, свойства которой обусловлены индивидуальными врожденными инстинктивно-гормональными особенностями развития человека на ранних стадиях становления его когнитивной сфе-

¹ Панасюк А.Ю. Сознание, подсознание и потоки информации. М.: Дело, 1997. С. 27.

² Баранов В.М. Документ: предмет или процесс? // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее : Межд. науч. конф. (Краснодар-Новороссийск 11—14 сент. 1996 г.) Тез. докл. Краснодар, 1996. С. 249—250.

³ Забудьте про div, семантика спасет интернет / Хабр [Сайт] Компания HTML Academy. URL: <https://habr.com/ru/company/htmlacademy/blog/546500/> (дата обращения 25.05.2022).

⁴ Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности: (Теория и практика) : автореф. дис. ... доктор. юрид. наук. М., 1995; Тугушев Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2002.

⁵ Подробнее об этом см.: Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: 1983. С. 35.

ры.

Иллюстрацией влияния врожденных ментальных объектов на поведение человека может служить сформулированный А.А. Зиновьевым закон экзистенциального эгоизма (рационального расчета), «согласно которому человек не действует во вред себе, он отдает предпочтение тому, что в его интересах»¹. Гипотетический человек предпочтет то место работы из двух, на котором заработная плата выше»².

5. Приобретенный ментальный объект — смысловая структура, результат понимания которой обусловлен условиями социализации конкретного физического лица и не связан с индивидуальными врожденными инстинктивно-гормональными персональными особенностями развития человека на ранних стадиях становления его когнитивной сферы.

6. Специальный (военный) ментальный объект — искусственно созданная смысловая структура, результат понимания которой позволяет сторонам ментальной войны манипулировать противником вследствие деформации способности человека отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

6.1. Специальные (военные) ментальные объекты создаются смыслообразующими центрами субъектов геополитической конкуренции «из фрагментов реальности ради реализации текущих социальных задач». Такого рода смысловые структуры обладают особым качеством — возможностью влиять на способность человека отдавать отчет в своих действиях и руководить ими³. В основу предлагаемой дефиниции положена позиция М. Вебера, согласно которой действие становится «социальным» только в том случае, если по смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него⁴.

¹ Зиновьев А.Л. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 180.

² Там же.

³ Пилюгина Е.В. Общество постмодерна в парадигме «Нового средневековья»: концептуализация // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 3. С. 139—150.

⁴ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения : пер. с нем.

6.2. Содержание специального (военного) ментального объекта — идеологически маркированные бездоказательные суждения, ошибочно воспринимаемые сознанием человека как в целом правильные. Некоторые футурологи определяют специальные ментальные объекты через термин «химера» — «сгусток чужой воли, принимаемой за свою»⁵. Данному определению близки по смыслу термины «мемовирус»⁶ и «теэг» — информационные феномены, которые, по мнению прогнозистов также «... создаются людьми — особыми организациями, контролирующими развитие человечества»⁷. Термин «юридическая химера», осмысленный в ряде работ как ментальный объект, введен в научный оборот доктором юридических наук, профессором Е.Б. Хохловым⁸ задолго до публикации процитированного высказывания одного из героев В.О. Пелевина. В последующем подход Е.Б. Хохлова получил развитие в ряде работ других авторов⁹. В политологии аналог юридической химеры — мифологема — разрабатывается А.Н. Круталевич, О.Н. Стрельник, Е.И. Шейгал, Н.В. Шульгой¹⁰. Определение специально-

М.И. Левиной, предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 602—603.

⁵ Пелевин О.В. Искусство легких касаний. М.: Эксмо, 2019.

⁶ Подосокорский Н.Н. Масонские мемовирусы, химеры соцсетей и братство Сатурна в «Искусстве легких касаний» Виктора Пелевина // Литература, 2019. № 143.

⁷ Пелевин О.В. Указ. соч.

⁸ Хохлов Е.Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Правоведение. 2004. №1.

⁹ Гуляихин В.Н. К вопросу о методологии диссертационных работ в юридической науке // Юридические исследования. 2012. № 1. С. 92—106; Денисенко В.В., Капустина М.А. Правовое регулирование: системный подход // Вестник Воронежского Государственного университета. Серия: право. 2014. С. 15—24; Мурунова А.В. Ментальный подход к классификации правовых систем // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. С. 79—83; Правовые режимы: актуальные общетеоретические и конституционно-правовые проблемы : монография / под общ. ред. В.Е. Чиркина. Красноярск, 2016. С. 272.

¹⁰ Круталевич А.Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 10—21; Стрельник О.Н.

го (военного) ментального объекта во многом совпадает с пониманием Г.Г. Почепцовым «меметической войны» и его идеей о том, что «смысловая война движется образами. ... Образ включает мир эмоций, где нет места рациональным рассуждениям»¹.

7. Ментальная война — вид информационного противоборства и способ решения военно-политических задач путем применения специальных (военных) ментальных объектов в ходе информационно-психологического воздействия.

8. Цель ментальной войны — формирование у населения противника менталитета с заданными параметрами.

9. Задачи ментальной войны — обеспечение ментальной безопасности своего населения и управление поведением населения противника вследствие деформации его способности физических лиц отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

10. Сущность ментальной войны — вытеснение из менталитета населения противника ментальных объектов, понимание которых противоречит интересам одной из сторон информационного противоборства.

11. Информационные вызовы менталитету — неумышленные деяния физических лиц, формирующих менталитет населения Российской Федерации вопреки государственным интересам России.

11.1. Источник информационных вызовов менталитету — физические лица, по неосторожности формирующие менталитет российского населения вопреки государственным интересам России.

12. Информационная угроза ментали-

тету — действия противника по созданию смысловой структуры, результатом понимания которой он сможет управлять.

13. Противник в ментальной войне (информационный противник) — физические лица, составляющие население субъектов политической конкуренции, а также физические лица на территории Российской Федерации, умышленно формирующие менталитет населения Российской Федерации вопреки государственным интересам России.

14. Источник внешних информационных угроз менталитету — действия информационного противника за пределами Российской Федерации, направленные на формирование менталитета граждан России вопреки ее государственным интересам.

15. Источник внутренних угроз менталитету — действия информационного противника на территории Российской Федерации, направленные на формирование менталитета граждан России вопреки ее государственным интересам.

16. Причина внешних угроз менталитету — стремление субъектов политической конкуренции к уничтожению российской государственности.

17. Причина внутренних угроз менталитету — ошибки во внутренней политике Российской Федерации результатом которых является присутствие на территории Российской Федерации, физических лиц, умышленно формирующих менталитет населения Российской Федерации вопреки государственным интересам России.

18. Кумулятивный эффект нового качества информационных угроз проявляет себя:

— усложнением алгоритмически неразрешимой проблемы выявления начала информационной агрессии;

— наличием у субъектов ментальной войны негосударственного уровня возможностей по информационному воздействию, сравнимых с возможностями субъектов геополитической конкуренции;

— принципиальным изменением политико-правовых характеристик информационного противника, которыми являются граждане всех субъектов геополитической

Мифологические корни политической идеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 4. С. 18—29; Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.-Волгоград, 2000. С. 367.; Шульга Н.В. Мифологема в структуре массового политического сознания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. 1

¹ Почепцов Г.Г. Первая смысловая война в мире (Украина, Крым, Россия) // Media Sapiens. 1.06.2014 //

https://ms.detector.media/ethics/manipulation/pervaya_smyslovaya_voyna_v_mire_ukraina_krym_rossiya/ (дата обращения: 25.05.2022).

конкуренции в том числе и тех, с которым противники по другим вопросам находятся в коалиции;

— возможностью в ходе информационно-психологического воздействия через сетевые платформы достигать заданного эффекта, анонимно вовлекая в непосредственное взаимодействие субъекты, которые ранее никогда не влияли друг на друга и которым результат такого взаимодействия кажется спонтанным;

— пролонгированным действием на массовое сознание поражающих свойств компонентов (объектов) информационной сферы, использованных в качестве оружия, разрушительное психологическое действие которого не прекращается с окончанием информационно-психологического воздействия;

— массовым производством специальных (военных) ментальных объектов, понимание объективных параметров которых находится за пределами возможностей физического лица из-за естественных ограничений когнитивной функции человека;

— молниеносным нарушением психического здоровья больших групп людей под воздействием специальных (военных) ментальных объектов.

18.1. Следствием нового качества информационных угроз является неопределенно длительная временная конфигурация информационной агрессии против Российской Федерации.

18.2. Новое качество информационных угроз влечет трансформацию государственной политики Российской Федерации в области информационного противоборства в самостоятельную подотрасль военного права с собственным понятийным аппаратом и отличным от военной политики предметом и методом регулирования.

19. Объекты ментальной войны — физические лица.

20. Субъекты ментальной войны — все субъекты политической конкуренции, в том числе и те, которые по отдельным вопросам находятся в коалиции друг с дру-

гом¹.

21. Ментальная безопасность — состояние менталитета, при котором специальные (военные)/ ментальные объекты противоборствующих сторон не влияют на способность противника отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

21.1. Ментальная безопасность достигается блокадой или (и) уничтожением специальных (военных) ментальных объектов противника в ходе информационно-психологических компаний, операций и акций.

22. Ментальное оружие — компоненты (объекты) информационной сферы, которые могут быть использованы для достижения цели ментальной войны.

22.1. Предлагаемый концепт исключает официальное употребление термина «ментальное оружие» с учетом ограничений, установленных международными договорами. В качестве эвфемизма данного термина предлагается оперировать составным термином «использование сторонами информационного противоборства компонентов (объектов) информационной сферы для достижения цели ментальной войны».

Использование нейтрального по смыслу и эмоциональной нагрузке описательного выражения соответствует отечественной правовой традиции, где юридическая конструкция «в качестве оружия» присутствует в составах преступлений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и активно применяется на практике в других отраслях права.

22.2. Поражающие свойства ментального оружия — интегральный параметр, определяющий возможность конкретного специального (военного) ментального объ-

¹ Вишневецкий Б.Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. № 2; Шилов В.Н. Политическая конкуренция и модернизация в современной России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4(25); Кошель Д.И. Политическая конкуренция в современной России: аспекты политико-правовой регуляции : дис. ... канд. пол. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Кинзерская И.Л. Влияние электоральных институтов и практик на развитие политической конкуренции в России : автореф. ... канд. пол. наук. СПб., 2009.

екта влиять на способность человека отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Закрепление в руководящих документах предложенного понимания термина «информация» и иных категорий изложенного выше концепта ментальной войны, позволит перейти от ментальной обороны к массовому производству специальных (военных) ментальных объектов и обеспечению ментальной безопасности населения России на качественно более высоком уровне.

Библиография

1. Аулов, В.К. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 5. — С. 624—636.
2. Баранов, В.М. Документ: предмет или процесс? / В.М. Баранов // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее : Межд. науч. конф. (Краснодар-Новороссийск 11—14 сент. 1996 г.) Тез. докл. — Краснодар, 1996. — С. 249—250.
3. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. М.И. Левиной, предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — С. 602—603.
4. Гуторович, О.В. Психологическая война и морально-психологическая подготовка военнослужащих: онтологический аспект / О.В. Гуторович, В.Н. Гуторович // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. — 2017. — № 656. — С. 208—217.
5. Ковалев, В.И. Концепция «сетевидной» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? / В.И. Ковалев, Г.Г. Малинецкий, Ю.А. Матвиенко // Экономические стратегии. — 2013. — Т. 15. — № 5 (113). — С. 35—51.
6. Нагорный, В.А. Сетевая и сетевидная война: определения, общие и отличительные черты / В.А. Нагорный, В.И. Сальников // Сб. тр. конф. «Аспирантские тетради». Воронежский филиал РАНХиГС при Президенте РФ. — 2018. — С. 111—118.
7. Назаров, С.П. Обзор развития концепции асимметричной войны: философия, теория, практика / С.П. Назаров // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : Мат. I Всерос. междисц. науч. конф. — 2019. — С. 12—15.
8. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. — М., 1983.
9. Панасюк, А.Ю. Сознание, подсознание и потоки информации / А.Ю. Панасюк. — М.: Дело, 1997.
10. Почепцов, Г.Г. Первая смысловая война в мире (Украина, Крым, Россия) [Электронный ресурс] / Г.Г. Почепцов // Media Sapiens. 1.06.2014. — Режим доступа: https://ms.detector.media/ethics/manipulation/pervaya_smyslovaya_voyna_v_mire_ukraina_krym_rossiya.
11. Расторгуев, С.П. Информационная война / С.П. Расторгуев. — М.: Радио и связь, 1999. — 416 с.
12. Савин, Л.В. Сетевидная и сетевая война. Введение в концепцию / Л.В. Савин. — М.: Евразийское движение, 2011.
13. Серебряков, Ю.И. Военная меметика — часть когнитивной войны / Ю.И. Серебряков, С.В. Бойко, Н.В. Тамп, С.Р. Баскаев // Научная мысль. — 2021. — Т. 18. — № 4-1 (42). — С. 60—63.
14. Смирнов, А.А. Информационные и гибридные войны в геополитической практике / А.А. Смирнов // Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. — М., 2020. — С. 183—195.
15. Хохлов, Е.Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки / Е.Б. Хохлов // Правоведение. — 2004. — № 1. — С. 6—13.
16. Шульга, Н.В. Мифология в структуре массового политического сознания : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Н.В. Шульга. — Омск, 2006. — 16 с.

Полномочия Президента Российской Федерации в условиях специальных режимов (военного и чрезвычайного положения)

© **Максуров Алексей Анатольевич**,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель кафедры теории и истории
государства и права ФБГОУ «Ярославский
государственный университет им.
П.Г. Демидова»

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы конституционного установления полномочий Президента Российской Федерации в условиях специальных режимов, прежде всего, военного и чрезвычайного положения. Показана взаимосвязь между статусом Президента как гаранта Конституции России, его конституционными правами и обязанностями, а также его общими полномочиями и функциями и их трансформацией в условиях специальных режимов. По результатам исследования сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, функции, полномочия, гарант Конституции Российской Федерации, правовой статус, конституционные права и обязанности, режим военного положения, режим чрезвычайного положения

Powers of the President of the Russian Federation under special regimes (martial law and state of emergency)

© **Maksurov A.A.**,
Ph.D., Associate Professor Teacher of the
Department of Theory and History of State and Law
FBGOU "Yaroslavl State University.
P.G. Demidov»

Abstract. The article deals with the problems of the constitutional establishment of the powers of the President of the Russian Federation in the conditions of special regimes, first of all, military and state of emergency. The relationship between the status of the President as the guarantor of the Constitution of Russia, his constitutional rights and obligations, as well as his general powers and functions and their transformation under special regimes is shown. Based on the results of the study, proposals were made to improve the current legislation

Keywords President of the Russian Federation, functions, powers, guarantor of the Constitution of the Russian Federation, legal status, constitutional rights and obligations, martial law regime, state of emergency

Конституционные права и обязанности Президента Российской Федерации составляют основу его правового статуса. Скорее всего, данные права и обязанности следует рассматривать именно как полномочия, предполагающие не право Президента действовать в той или иной ситуации соответствующим образом, а его обязанность применить то или иное имеющееся у него властное полномочие или несколько полномочий одновременно.

Совокупность указанных полномочий представляет собой объем компетенции Президента Российской Федерации как высшего должностного лица государства. В свою очередь, компетенция определяется: 1) целями установления института президента; 2) его местом в системе высших органов власти и 3) его функциями.

Исходными для понимания порядка реализации Президентом России принадлежащих ему полномочий, то есть, осу-

ществления прав и исполнения им возложенных на него как на должностное лицо обязанностей, служат указания ст. 80 Конституции Российской Федерации об основе президентского статуса и основном функционале данного должностного лица, вытекающем из поставленных перед ним Конституцией задач и целей деятельности.

В частности, на основании ч. 1 ст. 80 Конституции Президент Российской Федерации именуется главой государства.

В Конституции не расшифровывается это понятие, однако оно, по меньшей мере, означает два момента: 1) Президент вправе персонально и единолично представлять Российскую Федерацию как субъекта международного права и 2) государственный механизм в Российской Федерации не может функционировать вне взаимосвязи и взаимодействия с Президентом Российской Федерации, имеющим в отношении иных органов и институтов власти и их должностных лиц властные (но не обязательно субординационные) полномочия.

В ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации указаны общие функции Президента Российской Федерации.

Прежде всего, это функция гаранта: в Конституции указано, что Президент Российской Федерации является гарантом ее самой, а также прав и свобод человека и гражданина.

Непосредственно указания на содержательные характеристики функции гаранта в Конституции Российской Федерации не имеется, что позволяет исследователям выделять самые разнообразные свойства такого рода функции Президента¹. Обратим внимание на основные моменты.

Во-первых, уровень гарантированности Конституции зависит от конкретной политико-правовой, социально-экономической, духовно-культурной и другой обстановки в конкретном государ-

ственно-правовом образовании, что обуславливает как особые задачи по построению системы такого рода гарантий, так и использование специфического арсенала правовых и иных средств для достижения поставленных целей². То есть, данная функция именно Президента Российской Федерации реализуется как в контексте его прав и обязанностей, так и с точки зрения конкретной исторической обстановки.

Во-вторых, в современной литературе гарантирующая функция по своему содержанию иногда во многом отождествляется с охранительной и правозащитной функцией³, что, разумеется, не так, поскольку существует масса других органов, не относящихся к системе президентской власти, которая также выполняет функции правоохраны и правозащиты, например, надзор за соблюдением норм Конституции осуществляет прокуратура Российской Федерации, защиту прав — судебная власть, в том числе, Конституционный Суд Российской Федерации, уполномоченный оценивать правовые акты и юридически значимые действия по их исполнению только и исключительно на соответствие Конституции России. С этой точки зрения правильнее все же считать гарантирование как создание условий и средств для непосредственного действия норм Конституции Российской Федерации, обеспечения фактической беспрепятственной реализации и действенной охраны прав и свобод человека и гражданина, на что указывают и другие авторы⁴.

В-третьих, мы не согласны с мнением отдельных исследователей о том, что «в статусе главы государства как гаранта Конституции, прав и свобод личности нет неопределенности, поскольку его реализация подкрепляется конкретными полномо-

¹ Лучин В.О. Указное право в России. М., 2016. С. 89; Окуньков Л.А. Президент Российской Федерации. М., 2018. С.19; Правовой статус Президента Российской Федерации / под ред. Д.А. Дмитриева. М., 2017. С. 33; Президент Российской Федерации в системе разделения властей / под ред. В.И. Радченко. Саратов, 2018. С. 40.

² Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Изд. "Сашко", 2020. С. 19.

³ Куриленко А.В. Понятие и содержание деятельности Президента Российской Федерации в качестве гаранта Конституции России // Юридический мир. 2011. № 8. С. 24—26.

⁴ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 2017. С. 37.

чиями»¹. Это очевидно не так: наличие тех или иных полномочий во исполнение конкретной функции при наличии других, не менее значимых функций, явно способно характеризовать саму функцию гаранта крайне отдаленно и опосредованно.

В результате мы приходим к выводу, что указание на Президента Российской Федерации как на гаранта представляет собой не обозначение его гарантирующей функции (имеющиеся у него полномочия вполне могут быть «распределены» среди других функций), а обозначают обращенное к нему самому императивное требование, означающее одну из наиболее важных целей его деятельности, то есть именно то, чего ждут от лица, находящегося на этом посту, государство и общество.

Для выполнения такого рода императивного требования Президент Российской Федерации может предпринимать самые различные действия, используя для этого весь арсенал имеющихся у него средств. Осуществление Президентом такого рода деятельности, как правило, происходит в правовой форме, прямо установленной Конституцией Российской Федерации.

В частности, согласно ч. 1 ст. 90 Конституции России, Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения. Их высокая юридическая сила подчеркнута в ч. 2 ст. 90 Конституции Российской Федерации: они обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации. Вместе с тем, существует и ограничение: указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам, как на то прямо указывает ч. 3 ст. 90 Конституции Российской Федерации.

Также в ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации отмечается, что Президент Российской Федерации 1) принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, 2) ее а) независимости и б) государственной целостности, 3) поддерживает гражданский мир и согласие в

стране, 4) обеспечивает а) согласованное функционирование и б) взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти.

В данном случае мы наблюдаем уже четкое подразделение направлений (функций) деятельности Президента Российской Федерации, отражающихся в его полномочиях, однако, на практике, в силу своей сложности и многозначности, реализуемых комплексно.

Необходимо отметить тесную взаимосвязь обязанностей Президента Российской Федерации принимать меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поскольку это единые составляющие внешнеполитических функций Президента России, а государственный суверенитет, по сути, означает суверенность избранной гражданами России власти, действующей самостоятельно (независимо) на его территории.

В рамках осуществления этой функции Президент не только представляет Российскую Федерацию как субъекта международного права, но и осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации, в том числе, ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации, подписывает ратификационные грамоты, принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нем дипломатических представителей (ст. 86 Конституции Российской Федерации).

Полномочия Президента в сфере обороны определены в ст. 87 Конституции, согласно которой Президент Российской Федерации в силу самого своего статуса является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации, то есть руководит ими, равно как и обороной страны. Предусмотрены и полномочия организационного характера в случае проявления внешней агрессии в отношении Российской Федерации или при наличии непосредственной угрозы агрессии: в такой ситуации он вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом

¹ Снежко О.А. Президент Российской Федерации — гарант прав и свобод граждан // Право и политика. 2005. № 2. С. 21—26.

Совету Федерации и Государственной Думе.

Непосредственно режим военного положения не описан в Конституции и определяется федеральным конституционным законом, в котором определены цели объявления военного положения, а также порядок деятельности органов власти в условиях данного особого правового режима.

Так, ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» четко указывает, что целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Полномочия Президента Российской Федерации, палат Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обеспечения режима военного положения определены ст. 11—15 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Статьей 16 Закона особо регламентирована деятельность судов, органов прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации на территории, на которой введено военное положение.

В ст. 17 Закона предусмотрены особенности деятельности органов государственной власти в период действия военного положения. В частности, в период действия военного положения указом Президента Российской Федерации могут быть определены федеральные органы исполнительной власти, которыми он осуществляет руководство по вопросам обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, режима военного положения; а также функции и полномочия федеральных органов исполнительной власти могут быть перераспределены исходя из интересов обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, режима военного положения.

Близким к указанному режиму является особый режим чрезвычайного положения.

В силу ст. 88 Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе.

В ст. 2 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» указаны три цели введения чрезвычайного положения: 1) устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения; 2) обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина; 3) защита конституционного строя Российской Федерации.

Между тем, первая цель сформулирована таким образом, что ее содержательные характеристики, по сути, отсутствуют; она лишь указывает на конечную точку действия специального (особого) режима по времени. Вторая и третья цели стоят перед органами публичной власти и при обычном, не чрезвычайном, правовом регулировании. Скорее всего, следовало вести речь о том, что вне режима чрезвычайного достижение органами публичной власти обычно стоящих перед ними целей существенно затруднено или вовсе невозможно, поэтому целью введения чрезвычайного положения будет необходимость предоставления органам власти и их должностным лицам новых, дополнительных полномочий, достаточных для эффективного выполнения возложенных на них обязанностей, но уже в кризисный период.

Попутно отметим в качестве недостатка правового регулирования недостаточную корреляцию положений ст. 2 и 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»: наличие угрозы безопасности граждан, например, никак не относится к целям введения чрезвычайного положения. Более того, такая угроза в отношении тех или иных индивидов в жизни присутствует едва ли не ежеминутно (например, в отношении лиц, находящихся на военной или правоохранительной службе при выполнении ими тех или

иных боевых или иных специальных заданий и проч.), однако это не становится поводом для введения чрезвычайного положения, то есть одновременно должны быть учтены и иные факторы, в частности, такие, как «массовость» угроз (существование в совокупности нескольких угроз сразу), их обращенность к широкому или даже неопределенному кругу лиц, невозможность для указанных лиц без активного содействия органов власти избежать неблагоприятных последствий реализации этих угроз и проч.

Кроме того, ч. 1 ст. 56 Конституции Российской Федерации, например, предусматривает лишь установление ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного положения. Поскольку норма говорит об указании пределов и срока действия таких ограничений, то можно сделать однозначный вывод о том, что конституционно подразумевается лишь пассивное поведение (воздержание), хотя жизнь такова, что в кризисной ситуации вполне может возникнуть необходимость социально-активного поведения граждан.

В то же время, в конституционных актах некоторых государств от органов государственной власти и должностных лиц, как правило, требуется больше информации для уведомления гражданского общества. Например, на основании п. 3, 4, 5 ст. 131 Конституции Республики Косово¹ в декрете об объявлении состояния чрезвычайного положения должна быть указана природа угрозы и ограничения прав и свобод.

Такой подход представляется верным и нам.

В связи с указанными обстоятельствами, мы предлагаем изложить ч. 1 ст. 56 Конституции Российской Федерации в следующей редакции:

«В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием причин введения чрезвычайного

положения, пределов и срока действия ограничения прав и свобод, а также дополнительные обязанности в тех же целях и том же порядке».

Отметим, что полномочия Президента Российской Федерации по установлению особых правовых режимов не исчерпываются режимами военного и чрезвычайного положения; Президент России обладает компетенцией и в части объявления иных режимов, которые прямо не поименованы в Конституции Российской Федерации, но, тем не менее, подробно урегулированы федеральным законодательством.

Например, так называемый «режим повышенной готовности», а также режим чрезвычайной ситуации урегулированы нормами Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Скорее всего, такой особый режим должен иметь место по результатам положительного решения вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, что не исключает использования положений Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», а также Федерального закона 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и т.п.

В целом можно прийти к выводу, что объем имеющихся у Президента Российской Федерации полномочий, во-первых, вполне достаточен для исполнения возложенных на него обязанностей и, во-вторых, соответствует статусу Президента России как высшего должностного лица и главы государства, а также установленным Конституцией целям и задачам его деятельности. Анализ данных Президенту России во исполнение его функций прав и возложенных на него обязанностей, однако, явно показывает дисбаланс в сторону прав, тем более что сами обязанности Президента, как правило, именно в виде меры должного поведения обязанного лица в Конституции не сформулированы.

¹ <http://worldconstitutions.ru/?p=296>

Библиография

1. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. — М.: Изд. "Сашко", 2020. — 290 с.
 2. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России / Л.Д. Воеводин. М., 2017. — 320 с.
 3. Куриленко, А.В. Понятие и содержание деятельности Президента Российской Федерации в качестве гаранта Конституции России / А.В. Куриленко // Юридический мир. — 2011. — № 8. — С. 24—26.
 4. Лучин, В.О. Указное право в России / В.О. Лучин. — М., 2016. — 310 с.
 5. Окуньков, Л.А. Президент Российской Федерации / Л.А. Окуньков. — М., 2018. — 388 с.
 6. Правовой статус Президента Российской Федерации / Под ред. Д.А. Дмитриева. — М., 2017. — 402 с.
 7. Президент Российской Федерации в системе разделения властей / под ред. В.И. Радченко. — Саратов, 2018. — 180 с.
 8. Снежко, О.А. Президент Российской Федерации — гарант прав и свобод граждан // Право и политика. — 2005. — № 2. — С. 21—26.
-

Делимитация, демаркация, редемаркация государственной границы как легитимные действия при отчуждении части территории Российской Федерации

© Щербак Сергей Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, полковник
юстиции в отставке

Аннотация. В статье разъясняются природа государственных границ, и новые положения Конституции Российской Федерации, связанные с недопущением отчуждения части территории Российской Федерации. В частности, объясняются значения терминов, устанавливающих исключения из конституционного запрещения: делимитация, демаркация и редемаркация государственной границы.

Ключевые слова: делимитации; демаркации; редемаркации; государственная граница; отчуждение части территории Российской Федерации.

Delimitation, demarcation, redemarkation of the State border as legitimate actions in the alienation of part of the Territory of the Russian Federation

© Shcherbak S.I.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. The article explains the nature of state borders and the new provisions of the Constitution of the Russian Federation related to the prevention of alienation of part of the territory of the Russian Federation, in particular, explains the meanings of terms that establish exceptions to the constitutional prohibition: delimitation, demarcation and redemarkation of the state border.

Key words: delimitation; demarcation; redemarkation; state border; alienation of part of the territory of the Russian Federation.

Современный мир и человеческие общества, проживающие в разных государствах, нуждаются в защите от внешнего нежелательного влияния и внешних опасных угроз, посягательств на их территорию. Для этого сложилась практика, предусматривающая установление и обозначение, на основе взаимных официальных договоренностей двух сопредельных государств, государственных границ. Эти действия называются делимитация, демаркация и редемаркация.

В 2020 г. в политический и научный обиход, прежде всего юристов, вошло понятие «недопущение отчуждения части территории Российской Федерации», а также уточнение, что «недопущение» не касается делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными гос-

ударствами. Смысл данного понятия вполне очевиден и не требует пояснения. Представляет интерес исключение из правила, устанавливающего «допущение». Каково значение слов «делимитация», «демаркация» и «редемаркации»? Почему при установлении запрета, одновременно допускается его ослабление?

Одно очевидно, что эти слова употребляются применительно к государственной границе Российской Федерации. В данной статье автор предпринимает попытку объяснить их правовую сущность, значение и практику применения.

В разное время появлялись различные суждения, претендующие на теорию, определяющие основания и порядок проведения границ между государствами. Первой такой теорией стала теория «естественных границ государства», которую

выдвинул французский философ Бональд¹. В последующем своем развитии она получила два направления: «теория географических границ» и «теория естественных языковых границ»².

Теория так называемых «естественных» границ имеет значение только при формировании политических трактатов, решающих, в каком направлении должна идти граница. Установление естественных границ имели место в прошлом, пока не было эффективных средств преодоления «природных заграждений», используемых для защиты своей территории. В настоящее время государственные границы имеют преимущественно договорный, искусственный характер. В практике межгосударственных отношений признаются только условные, договорные границы, являющиеся продуктом исторического процесса, волеизъявления двух государств по итогам переговоров, купли-продажи, даже сложившиеся по итогам войны, признаваемые международным сообществом. Об этих границах принято говорить, что они более естественны, поскольку соответствуют естественному порядку международных отношений, которому подчиняются все современные государства. Фридрих Энгельс оценивал теорию «естественных границ» как обоснование захвата соседних территорий, без учета их национальной принадлежности, под предлогом достижения выгодных позиций для обороны страны, что служило, в свою очередь, поводом для территориальных притязаний³.

Разительно радикальная и представляющая интерес для нашего современника, является точка зрения В.И. Ленина — основателя советского государства, на подход к государственным границам, который исходит из классовых позиций, с учетом интересов пролетариата: «Пусть буржуазия затевает презренную жалкую грызню и

торг из-за границ, рабочие же всех стран и всех наций не разойдутся на этой гнусной почве»⁴. Первое советское государство — РСФСР продекларировала право народов, входивших в бывшую Российскую Империю, на самоопределение, чем воспользовались Польша и Финляндия. Союз Советских Социалистических Республик, образованный в 1922 г., состоял из входящих в него союзных республик, договоры о государственных границах, между которыми не заключались. Они имели статус административных границ, и советские власти легко относились к их перекраиванию. Пример 1954 г. с передачей территории Крыма Украине свидетельствует об этом. Последствия этих решений до сих пор ставят проблемы и порождают напряженность в отношениях между государствами. Причем, руководствуясь идеологическими соображениями, перекраивали границы между союзными республиками без учета национальных, экономических, социальных особенностей. Решение сложных, запутанных проблем потребует значительно времени и сил, а в отдельных случаях — крови.

Договорные границы находят отражение в демаркационных актах и состоят в описании прохождения условной линии — точек и прямых их соединяющих, нанесенных на карту. Дошедшие до нас сведения указывают, что первым договорным закреплением и обозначением границы между государствами стало установление колонны между древнегреческими Пелопоннесом и Аттикой во II в. до н.э. Российская история сохранила сведения о заключении Ореховецкого договора между Новгородской феодальной республикой и Швецией в 1323 г.⁵ Первым документом в новой истории российского государства, который устанавливал линию государственной границы и впервые для ее обозначения предусматривал установку пограничных знаков, стал мирный договор между Русским царством и Шведским королевством (Ништадтский мир), заклю-

¹ Бональд, Луи-Габриэль-Амбруаз // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : т. 18. СПб., 1890—1907.

² Паламарь Н.Г. К вопросу о «естественных границах» // Информационный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 6.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. т. 4. С. 472.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. С. 21.

⁵ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 67—68.

ченный по итогам завершения Северной войны 1700—1721 гг., подписанный 30 августа (10 сентября) 1721 г. в городе Ништадте. В договоре перечислены, с указанием места их нахождения, пограничные знаки — камни, столбы, обложенные камнями, скалы, большие сосны и ели, пни: «... так и по всей старинной границе до окончания осьми миль на нижеозначенных горах, камнях, деревьях и на столбах имеются старинные признаки, и при оных и нынешние обеих стран признаки, наземнованы и насечены ...»¹.

Внешне видимыми символами, обозначающими место прохождения государственной границы в современных условиях, служат пограничные знаки в виде столбов, створных знаков, плавучих буйев, бочек и пр. Точное и бесспорное их описание с указанием положения на местности, порядок поддержания знаков в исправном состоянии, по которым она может быть распознана, важно для уменьшения территориальных споров и пограничных инцидентов. Значимость пограничных знаков подтверждается тем, что статьей 323 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за «изъятие, перемещение или уничтожение пограничных знаков в целях противоправного изменения Государственной границы Российской Федерации».

Любая граница может стать основанием для возникновения споров, поскольку она искусственно ограничивает свободу передвижения, пользования ресурсами и другие свободы, которые при ее отсутствии не имели бы ограничений, обусловленных ее наличием.

Ученые обращают внимание на проблему так называемых «социальных» границ, искусственно разделяющих государства, народы, культуры. При установлении границ между государствами необходимо учитывать экономические и социальные условия, в которых проживают жители разделяемой территории. Представляется

недопустимым отделять от государства его часть, представляющую единое целое с основной территорией, с населением, образующую одну социально-экономическую единицу — «по живому резать» территорию государства. Такой искусственный разрыв причиняет вред человеку, обществу и государству, и снижает уровень благосостояния, культурных и родственных связей. Насильственно разделенные части будут всегда стремиться к своему соединению, и могут дать повод к пограничным конфликтам и даже столкновениям, весьма нежелательным и опасным для международного мира. Сохранение такой ситуации и невнимание к ее причинам чревато социальными протестами, намерениями и призывами к самоопределению, фактически — отчуждению территории государства.

В большинстве случаев государственные границы возникают по воле политиков, в ходе сложного и трудного политического компромисса. В силу случая или сложившегося в определенное время соотношения политических сил, без должной прогностической оценки, если они с течением времени не подвергаются переоценке, то на долгие годы создают политическое напряжение, являются источником международной напряженности. Своевременным для обеспечения интересов Российского государства и общества представляется решение, принятое органами государственной власти и народом Российской Федерации на голосовании 1 июля 2020 г. по обеспечению целостности государства.

Статьей 1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и одобренных в ходе общероссийского голосования предусмотрены изменения Конституции Российской Федерации. Указанным Законом ст. 67 Конституция Российской Федерации дополнена пунктом 2.1 следующего содержания: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия

¹ Ореховский мир / Отоми — Пластырь. — М.: Советская энциклопедия, 1975. (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969–1978, т. 19).

(за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются». Отталкиваясь от обратного, приходим к следующему выводу: допускаются только действия по отчуждению территории Российской Федерации посредством делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы.

Изменениями, внесенными в Конституцию Российской Федерации (п. 2.1 ст. 67), не допускается отчуждение части ее территории, а в УК РФ (ст. 280.2), используя присущий ему инструментарий, под страхом уголовного наказания, запрещается данное деяние. Вместе с тем, в том же пункте Конституции Российской Федерации сделано исключение: посредством делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами, отчуждение части территории Российской Федерации, возможно.

Научные положения о делимитации, демаркации, редемаркации излагаются в «Научно-практическом комментарии к Закону «О Государственной границе Российской Федерации», Кратком словаре основных терминов, применяемых в системе Федеральной пограничной службы Российской Федерации¹, Сборнике основных понятий, используемых пограничными войсками государств-участников Содружества Независимых Государств в международной практике.

Сущность делимитации², демаркации³, редемаркации⁴ государственной границы

¹ Краткий словарь основных терминов, применяемых в системе Федеральной пограничной службы Российской Федерации». М.: Граница, 1996. Вып. 1. С. 23—24.

² *Делимитация границы* (от лат. *delimitatio* — определение, установление границ) представляет собой определение общего положения и направления государственной границы между сопредельными государствами в ходе переговоров, путем нанесения ее обозначения на топографическую карту от одной поворотной точки до следующей красным цветом. Обычно

Российской Федерации стали предметом научного анализа различных наук: политологии, географии, экономики. Они упоминаются в международном праве, законодательстве и подзаконных актах Российской Федерации. В частности, к ним относятся: Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» (далее — Закон РФ о Границе); Федеральный закон «О геодезии и картографии»; Основные положения по топографо-геодезическому и картографическому обеспечению демаркации государственной границы Российской Федерации, утвержденные приказом Федеральной службы геодезии и картографии от 22 августа 2003 г. № 123-пр (далее — Приказ о Демаркации).

Прежде всего, несколько слов о сущности делимитации, как исходном действии, с которого начинается установление государственной границы между соседними государствами. Делимитация границы (от лат. *delimitatio* — определение, установление границ) представляет собой определение общего положения и направ-

оформляется в виде постановления о делимитации, которое является составной частью договоров об установлении или изменении государственных границ.

³ *Демаркация* (от лат. *demarcatio* — разграничение) — это точное определение линии государственной границы и обозначение ее на местности путем сооружения на ней пограничных знаков (столбов, пирамид, створных знаков, вех, бுவ) с соответствующей государственной геральдической атрибутикой, осуществляемые на основании документов делимитации (договоров, соглашений). См.: Першин А.А., Шерстнев А.Д., Ярлыченко В.В. Теория государственных границ / под общ. ред. К.В. Тоцкого. М.: Граница. 2001. С. 44. Демаркация, как правило, проводится непосредственно после законодательного утверждения материалов делимитации.

⁴ *Редемаркация* — это проверка и уточнение в соответствии с соглашениями между государствами прохождения ранее демаркированной границы, а также восстановление разрушенных или утраченных пограничных знаков, замена знаков одного типа знаками другого типа и постановка дополнительных знаков. Редемаркация (технический осмотр) границы обычно производится по всей протяженности границы, а также в районах с активной хозяйственной деятельностью или подвергшихся природным катаклизмам.

ления прохождения государственной границы между сопредельными государствами в ходе переговоров, путем нанесения ее обозначения на топографическую карту от одной поворотной точки до следующей красным цветом.

В современной Российской Федерации сложилась практика, в соответствии с которой ее прохождение устанавливается и изменяется международными договорами Российской Федерации, а также федеральными законами. Принятые международные договоры об установлении, изменении и уточнении прохождения государственной границы оформляются письменно, с отражением описания ее линии, опираясь на уже имеющиеся ориентиры и устойчивые предметы местности. В тех случаях, когда с сопредельным государством нет взаимопонимания относительно прохождения линии государственной границы, она устанавливается в одностороннем порядке федеральным законом.

Закон РФ о Границе дает рекомендации, которых должны придерживаться члены делимитационной комиссии. Прохождение государственной границы, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации, устанавливается:

а) на суше — по характерным точкам, линиям рельефа или ясно видимым ориентирам;

б) на море — по внешней границе территориального моря Российской Федерации;

в) на судоходных реках — по середине главного фарватера или тальвегу реки; на несудоходных реках, ручьях — по их середине или по середине главного рукава реки; на озерах и иных водных объектах — по равноотстоящей, срединной, прямой или другой линии, соединяющей выходы государственной границы к берегам озера или иного водного объекта. Государственная граница, проходящая по реке, ручью, озеру или иному водному объекту, не перемещается как при изменении очертания их берегов или уровня воды, так и при отклонении русла реки, ручья в ту или иную сторону;

г) на водохранилищах гидроузлов и иных искусственных водных объектах — в соответствии с линией государственной границы, проходившей на местности до ее затопления;

д) на мостах, плотинах и других сооружениях, проходящих через реки, ручьи, озера и иные водные объекты, — по середине этих сооружений или по их технологической оси независимо от прохождения государственной границы на воде.

В Приказе о Демаркации приведены основные понятия, имеющие отношение к международно-правовому оформлению государственной границы, а именно, демаркация и редемаркация. В частности:

— демаркация государственной границы в международном праве — это установление линии государственной границы на местности путем обозначения ее пограничными знаками;

— редемаркация (технический осмотр) государственной границы — это проверка и уточнение в соответствии с соглашениями между государствами прохождения ранее демаркированной границы, а также восстановление разрушенных или утраченных пограничных знаков, замена знаков одного типа знаками другого типа и постановка дополнительных знаков. Редемаркация (технический осмотр) границы обычно производится по всей протяженности границы, а также в районах с активной хозяйственной деятельностью или подвергшихся природным катаклизмам.

Работы по демаркации — это перенос на местность результатов делимитации государственной границы. Демаркация, как правило, проводится непосредственно после законодательного утверждения материалов делимитации¹.

При демаркации и редемаркации проводятся определенные виды работ, среди которых значительное место занимают те, которые обеспечивают надежность, точность, ясность и наглядность прохождения линии границы в любое время года. Прохождение линии государственной границы должно быть обозначено пограничными

¹ Фрагмент текста документа приводится по изданию Роскартографии (Москва, 2003 г.)

знаками, обеспечивающими удобное и быстрое их распознавание в качестве таковых. Дополнительно вводимые средства для обозначения линии границы, для большей наглядности должны находить закрепление в совместно принятых документах демаркации, т.е. топографо-геодезическое и картографическое ее обеспечение. Цель этих работ — внесение ясности и определенности относительно прохождения линии государственной границы, как предела территории двух сопредельных государств, недопущения пограничных инцидентов.

Для проведения работ по демаркации государственной границы на основе договора с сопредельным государством на паритетной основе создается смешанная комиссия, включающая представителей обоих государств. Практика Российской Федерации по демаркации государственной границы показывает, что в состав комиссии включаются председатель, члены комиссии и секретарь — преимущественно это представители МИДа России, Минобороны России, ФСБ России, Росреестра, органов власти субъектов Российской Федерации, на территории которого выполняются демаркационные работы. Для обеспечения работы комиссии приглашаются эксперты и переводчики.

На участках государственной границы, где возникли и сохраняются неразрешенные споры, имеются технические или экономические сложности с проведением демаркационных работ, применяются временные и менее затратные меры, направленные на обеспечение порядка на государственной границе, посредством заключения соглашения о режиме государственной границы.

Для придания делимитации значимых последствий необходимо в ходе демаркации придать проводимому разграничению наглядный характер. Это происходит посредством установки ясно видимых пограничных знаков на линии государственной границы.

Помимо раскраски пограничных знаков, их индивидуализация, а вместе с ними индивидуализация государства происходит с помощью герба государства. В соответ-

ствии со ст. 6 Федерального конституционного закона от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» на пограничных знаках (основных пограничных столбах) помещается Государственный герб Российской Федерации.

Правилами режима государственной границы в качестве одного из элементов предусмотрено обеспечение ее содержания. Оно включает в себя соблюдение порядка установки, сохранения и поддержания в исправном состоянии пограничных знаков, проведения их контрольных осмотров, оборудования и содержания пограничных просек, проведения совместных с сопредельным государством проверок прохождения линии государственной границы. Значимость данных мероприятий заключается в том, что документы совместных проверок прохождения государственной границы утверждаются Правительством Российской Федерации.

Для обеспечения сохранности и устойчивости пограничных знаков предусматриваются работы по их периодической проверке, как в одностороннем порядке, так и в двухстороннем¹. Положения о их проведении могут содержаться в международных договорах о демаркации, редемаркации и в национальном законодательстве или подзаконных актах. Выполнение мероприятий по проверке линии границы и ее обозначении является важным средством по недопущению пограничных споров. В случае утраты пограничных знаков и невозможности установить место его нахождения, изменения русла реки, проводится редемаркация государственной границы. Для этого договором между государствами назначается двухсторонняя редемаркационная комиссия.

Выявляя смысл и содержание действий, обозначенных в поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г., не

¹ Практика знает пример трехстороннего договора. Декларацией, заключенной тремя государствами — Россией, Норвегией и Швецией от 20 мая 1847 г., устанавливалась обязательная проверка линии государственной границы и ее обозначения, каждые 25 лет // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 18. С. 559.

относящихся к отчуждению части территории государства: делимитации, демаркации, редемаркации, важно обратить внимание еще на одно действие — ректификацию границы. Ректификация государственной границы (лат. *rectificatio* — выпрямление, исправление) — это незначительное уточнение, изменение линии государственной границы, связанное выпрямлением, либо изменением ее линии, вызванное необходимостью уменьшения затрат на демаркацию и обозначение границы, либо в связи со строительством объектов на границе и новой установкой пограничных знаков¹. Ректификация схожа по действиям с отчуждением части территории, но ее отличие и правомерность заключается в том, что она проводится с согласия двух заинтересованных сопредельных государств, и оформляется договором с внесением изменений в делимитационные и демаркационные документы.

В дипломатической практике встречались случаи, когда под дипломатическим понятием «ректификация границы» проводилось преднамеренное изменение территории государств в интересах третьих стран. Так было названо изменение границы российского государства в Бессарабии по Парижскому трактату 1856 г.² Сама Бессарабия полностью не была отторгнута от России.

Исключение делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами из числа преступных деяний, наказуемых в соответствии со ст. 280.2 УК РФ, акцентирует внимание правоприменителей на законность указанных действий в силу того, что они выражают волю народов двух сопредельных государств, как носителей власти, опосредованную его представителями, в лице органов законодательной власти, в форме ра-

тификации договоров о государственной границе.

Делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации может проводиться на основе договора, решения международной организации о новом варианте прохождения государственной границы, в результате изменения пределов территории государств.

Содержание делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации — это комплекс сложных, многоэтапных действий, включающих в себя:

- обращения отдельных граждан, групп и значительной части населения к местным и органам власти субъекта по вопросу о необходимости изменения прохождения линии государственной границы, с обоснованием необходимости;

- передача органами власти субъекта Российской Федерации обращения населения в компетентные федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации (как правило, МИД России);

- консультации, проводимые МИДом России с другими заинтересованными органами по существу обращения о возможности решения данного вопроса;

- поручение Президента Российской Федерации МИДу России войти в сношения с сопредельным государством для обсуждения территориального вопроса;

- при положительном решении и согласии сопредельного государства подготовка документов делимитации и заключение договора о новой государственной границе;

- ратификация договора о новой государственной границе законодательными органами власти двух государств;

- уведомление ООН о соглашении двух государств;

- назначение демаркационной комиссии для начала работ по демаркации участка линии государственной границы на новом месте;

- установка пограничных знаков, обозначающих новый участок государственной границы.

¹ См.: Сборник основных понятий, терминов и определений, используемых пограничными войсками государств — участников Содружества Независимых Государств в международной практике. М.: Граница, 1996. С. 38.

² Парижские мирные договоры / Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. 82. СПб., 1890—1907. С. 157.

Столь сложная процедура установлена для того, чтобы не было возможности решать данный вопрос поспешно, а также чтобы воля при его решении исходила от носителя власти — народа. Очевидно, что в этом случае ответственности, тем более уголовной быть не может. В том случае, если народ, приняв решение об изменении линии прохождения государственной границы, совершит ошибку, отвечать он будет сам, своими налогами, которые пойдут на возмещение понесенного ущерба, либо своей кровью — в случае перерастания конфликта пограничного в вооруженный.

В завершение необходимо отметить, что легитимность новых конституционных положений, внесенных в 2020 г., и уголовно-правовых запретов, подтверждает Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». В п. 3 Заключения отмечается, что «предлагаемое установление в статье 67 (часть 2.1) Конституции Российской Федерации запрета не только действий (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленных на отчуждение части территории Российской Федерации, но и призывов к таким действиям, являясь ограничением свободы слова, тем не менее согласуется с конституционно значимыми целями такого рода ограничений, в качестве критерия конституционной приемлемости, которых необходимо рассматривать не только положения статьи 29 (часть 2) Конституции Российской Федерации, но и положения ее статьи 13 (часть 5), запрещающей создание и деятельность общественных объединений, чьи цели и действия направ-

лены, в частности, на нарушение целостности Российской Федерации. При этом даже безотносительно к данным положениям в силу статьи 4 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории, закрепление такого рода ограничений является допустимым».

Эмоциональные оценки¹, заявляемые вопреки здравому смыслу, о возможном нарушении ст. 67 Конституции Российской Федерации отражают незнание сути обсуждаемой проблемы. Озвучиваемые подозрения в том, что одним нельзя отчуждать территории, а другим можно, возникают по причине незнания оснований и процедуры принятия решения о сути и правовой природе изменения государственной границы, ее делимитации и демаркации. «Отдать острова, озеро, шельф, устье реки с селами» невозможно без согласия народа, как основного источника власти, выражаемого его законно избранными представителями — депутатами путем издания федерального закона о ратификации договора, заключенного уполномоченными представителями Российской Федерации (п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации). В последующем на основании договора, получившего силу закона, производятся процедуры демаркации и делимитации.

Таким образом, делимитация, демаркация, редемаркация государственной границы представляют собой легитимные действия компетентных органов государственной власти по отчуждению части территории Российской Федерации, проводимые в интересах населения и государства. В то же время они обеспечивают точное и легитимное установление и обозначение на местности при необходимости изменить направление прохождения государственной границы и призваны пресекать любые попытки причинения ущерба

¹ И тут обманули. По внесенной поправке к Конституции о запрете отчуждения территории РФ // <https://nashenasledie.livejournal.com/2020/03/13/> (Дата обращения: 25 января 2022 г.).

территориальным интересам Российской Федерации.

Библиография

1. Паламарь, Н.Г. К вопросу о «естественных границах» / Н.Г. Паламарь // Информационный

портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 6.

2. Першин, А.А. Теория государственных границ. — Под общ. ред. К.В. Тоцкого / А.А. Першин, А.Д. Шерстнев, В.В. Ярлыченко. — М.: Граница. 2001.

Теория и история военного права

Значение воинского знамени: правовые и сакральные аспекты

© **Верхова Наталья Борисовна,**

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Нижегородский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

© **Минеева Татьяна Германовна,**

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

© **Щелокова Наталия Вячеславовна,**

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

© **Метелицкий Виктор Владимирович,**

кандидат педагогических наук, полковник, начальник адъюнктуры факультета подготовки кадров высшей квалификации, ФГКВУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»

Аннотация. Цель исследования — определить специфику священного смысла воинского знамени. Уделяется внимание особому отношению к воинским символам с глубокой древности. Наиболее интенсивно сакрализация воинских стягов и штандартов происходила во времена Римской империи, их связывали с доблестью во времена ведения войн, честью и славой во времена мира, а также с правовыми установлениями, которые действовали на всем протяжении существования римского государства. Понятие священности знамени было заимствовано другими народами: салическими франками, бургундами, лангобардами, а также государствами, тесно связанными с Римской империей либо договорами союзничества, либо родственными связями, либо верой. Особое значение воинских знамен прослеживается также в российских исторических и литературных памятниках. Новизна исследования состоит в восполнении пробелов историко-правовой науки в отношении атрибутики армии и силовых структур. В результате доказана связь особого ритуала воинской присяги со значением воинских символов.

Ключевые слова: правовое значение; ценности; знамя; штандарт; сакральный символ; присяга; воинское преступление.

The meaning of the military banner: legal and sacred aspects

© **Verkhova N.B.**,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

© **Mineeva T.G.**,

Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, «National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky»

© **Shchelokova N.V.**,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Social Science and Law, Arzamas Branch of the «National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky»

© **Metelitsky V.V.**,

Candidate of Pedagogical Sciences, Colonel, Head of Postgraduate Studies at the Faculty of Highly Qualified Personnel Training, «St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation»

Annotation. The purpose of the study is to determine the specifics of the sacred meaning of the military banner. Attention is paid to the special attitude to military symbols from ancient times. The most intense sacralization of military banners and standards occurred during the Roman Empire, they were associated with valor during wars, honor and glory in times of peace, as well as with legal institutions that were in effect throughout the existence of the Roman state. The concept of the sacredness of the banner was borrowed by other peoples: the Salian Franks, Burgundians, Lombards, as well as states closely connected with the Roman Empire either by treaties of alliance, or by family ties, or by faith. The special significance of military banners can also be traced in Russian historical and literary monuments. The novelty of the study lies in filling in the gaps in historical and legal science in relation to the paraphernalia of the army and law enforcement agencies. As a result, the connection of a special ritual of a military oath with the meaning of military symbols is proved.

Key words: legal meaning; values; banner; standard; sacred symbol; oath; military crime.

Введение.

История многих государств на всем протяжении истории вершилась только благодаря войне, она «пропахла солдатским потом»¹, ведь война была естественной частью жизни в древнее время, в средневековье и в новое время. Государство строилось в тесной

взаимосвязи с военной организацией. История Рима хорошо показывает, что практически все этапы становления государства представляли собой регулярные и даже запланированные войны. Тит Ливий подробно описывал, как каждый год после сбора урожая сенат и народное собрание Рима решали, с кем из соседей стоит начать войну, чтобы занять

¹ Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: «Смысл», 1997. С. 270.

мужчин в зимние месяцы¹. Позднее именно римская армия станет сначала орудием создания мощной Римской империи, а затем и силой, приводившей императоров к власти и свергавшей их. Война и мир были тесно переплетены между собой в древние времена. Поэтому армия всегда была окружена заботой власти и занимала особое место в государственной системе.

Воинов поощряли, использовали различные привилегии и награды. Чаще всего такой наградой было наделение землей в гораздо большем размере, чем у других членов общин. Например, в Древнем Вавилоне, согласно законам царя Хаммурапи, воины (байрум и редум) пользовались земельными привилегиями (ст. 28,31)², причем захват земельного надела воина наказывался согласно статье 34 законов Хаммурапи смертью. Воинам давали денежные поощрения, и даже заботились о семье погибшего в бою или умершего от ран ратника. Земля считалась лучшей наградой, поэтому в случае гибели ратника его семье оставляли земельный надел, которым владел воин при жизни, либо его часть³, т.е. вдовью долю. Именно землей, по закону Гая Мария, Римская республика начнет наделять ветеранов⁴, и такие воинские поселения станут надежной опорой римской власти во вновь завоеванных колониях.

Основная часть.

Воинские знамена как часть военной атрибутики.

Армии всегда уделялось пристальное внимание, причем эталоном, которому нужно было подражать, считалось римское войско. Когда в XVI в. Никколо Макиавелли писал трактат-беседу «О военном искусстве», он подчеркивал, что «не найдется ничего более

единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина»⁵. Говоря о регулярной армии, Макиавелли приводил в качестве образца именно римскую армию. Рассматривая различные аспекты ее формирования, развития и даже уловки и военные хитрости, он уделяет внимание символам боевого и воинского искусства — знаменам. По мнению Макиавелли, воинские знамена в средневековой Европе уже утратили свое значение и служат лишь для красоты смотров, тогда как в римских легионах им отводилась особая роль и, по его мнению, возвращение священного значения знаменам сможет вернуть дух воинственности, силы и чести армии.

Знамена указывали путь, служили ориентиром и сакральным символом.

Собственно, знамена появились еще в армии Древнего Египта. Исследователи отмечают, что знамена имеют такую же древность, как и сами армии⁶. Кроме культового значения знамени принадлежал и правовой статус, например, утверждение знамени на завоеванной земле подтверждало победу в сражении, в имперский период на многих знаменах указывалось имя и стилизованное изображение императора. Водружение подобного знамени говорило о том, что территория принадлежит завоевателю, и, поскольку по естественному праву ему принадлежало все то, что захватывалось у врагов, впоследствии это влекло за собой и перенос норм права на завоеванную страну. Поэтому в Дигестах утверждается, что «собственность на некоторые вещи мы приобретаем по праву народов, которое соблюдается в силу естественной целесообразности одинаково среди всех людей, а на некоторые — по гражданскому праву, то есть собственному праву нашего государства»⁷. Если страна становилась собственностью завоевателей, то она могла также рассматриваться как имущество. Интересно, что на завоеванную или

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. М.: Наука, 1989. Т. 1 / Перевод В.М. Смирин. Комментарий Н.Е. Боданской. Ред. переводов М.Л. Гаспаров и Г.С. Кнабе. Ред. комментариев В.М. Смирин. Отв. ред. Е.С. Голубцова.

² Законы Хаммурапи. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Древность и средние века / сост. Томсинов В.А. М.: «Зерцало», 1999. С. 12, 13.

³ Там же. С. 12.

⁴ Evans R. Gaius Marius. A Political Biography. Pretoria: University of South Africa, 1994.

⁵ Макиавелли Н. О военном искусстве. М.: Воениздат, 1939. С. 3.

⁶ Faulkner R.O. Egyptian military standarts // The Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 27. (Dec., 1941). P. 12.

⁷ Дигесты Законодательство Юстиниана. Книга 6. Титул I. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 591.

спорную вещь согласно Таблицы I Закона XII Таблиц накладывали специальное укороченное копье — виндикта¹. Этот же термин содержится в Дигестах: «*videtur mihi et Pomponius consentire recte eum egisse: ait enim adiecta causa ex lege Quiritium vindicare posse.* (следует согласиться с Помпонием, который говорит, что посредством дополнительного основания можно виндигировать на основании квиритского права. *Пер. авт.*)², а поскольку очень часто именно древко копья служило основой для штандарта, то и само копье было символом власти.

Вместе с тем Рим придерживался юридической фикции. Часто в присоединенной стране сохранялся прежний правитель, что утверждалось решением римского Сената в соответствии с римским законодательством. Следовательно, и государственная, и воинская символика также должны были сохраняться.

Достаточно много примеров мы можем увидеть в истории завоевания римлянами Италии. Первоначально тотемный знак италийского племени пиценов, дрозд или дятел, помещенный на вершину древка копья, был символом отряда, который в соответствии с Италийским союзническим договором пицены отправляли на помощь Риму. То же самое можно сказать о Великом змее племени марсов или кабане самнитов. Тотемный знак изображал животное, которое одновременно было и хранителем воинов, и символом определенного рода, как правило, военных. Так постепенно возникал культ военного знамени (*signa militaria*).

Сакральное значение знамени.

Уже в республиканскую эпоху знамена (*signa*) обладали сакральным статусом. По мнению И.В. Меркулова, знамена были «не только средством манипуляции легионом, но и особой святыней»³.

Тацит рассказывал о важности и священности знамен следующий эпизод, связанный с бегством главы сенатской делегации Минуция Планка в лагерь первого легиона: «... *Illic signa et aquilam amplexus religione sese tutabatur ac ni aquilifer Calpurnius vim extremam arcuisset, legatus populi Romani Romanus in castris altaria deum commaculavisset*» (после того, как глава сенатской делегации Минуций Планк бежал в лагерь первого легиона, [он обратился к штандартам легиона — *авт.*], утверждая, что не аквилефор (т.н. носитель штандарта с орлом — *авт.*) Кальпурний обладает чрезвычайной силой, а то, что легат римского народа имеет в воинском лагере алтари богов»⁴.

Римские алтари соединяли в себе знамена и богов⁵. Наиболее частым на знамени было изображение орла в качестве символа воинской доблести; это вполне закономерно, поскольку именно эта птица считалась царем птиц, которая, согласно мифологии, стала вестником победы над титанами, а также орел был священной птицей бога Юпитера. Собственно, само название знаменосца в римском легионе, аквилефор, означает того, кто несет изображение орла. Орел легиона представлял собой святыню, которую необходимо было сохранить. Трагический поход Марка Лициния Красса в Парфию был трагичен еще и потому, что с гибелью римского войска семь орлов оказались у парфян⁶.

Воинская знаменная атрибутика постепенно совершенствовалась, но религиозные и правовые представления о военных знаменах были неизменными, по словам Флавия Вегетия Рената, у воинов именно знамена были окружены наибольшим почитанием и приравниваются к святыням⁷.

теоретический журнал. Волгоград: Изд. ВолГУ. 2006. Вып.5. С. 22.

⁴ P. Cornelii Taciti Annalium Liber Primus (Oxford Classical Texts). Oxford, University Press, ed. Fisher C.D. 1946. 39 p

⁵ Domaszewski A., von. Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. 10 s.

⁶ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: «Наука», 1994. Изд. второе, испр. и доп. Т. I. Гл. 23—27.

⁷ Вегетий Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела / перевод Кондратьева С. // Вестник

¹ Законы XII таблиц. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Древность и средние века / сост. В.А. Томсинов. М., 1999. С. 112—113.

² Дигесты Юстиниана. Книга 41. Титул I / пер. с лат. И.С. Перетерский. М.: Наука, 1984. С. 27.

³ Меркулов И.В. К вопросу о военной реформе Гая Мария (II в. до н.э.) // Вестник ВолГУ. Сер. 9. Исследования молодых ученых: научно-

Правовой статус знамени.

Правовой вопрос ценности знамени логически вписался в сакральную составляющую почитания воинского стяга. Потеря знамени приравнивалась к тяжкому воинскому преступлению, к измене своему государству¹. За данное преступление была предусмотрена децимация (от *decimus* — десятый) — смертная казнь каждого десятого по жребию воина². Кроме того, на центурию ложился ни с чем не сравнимый позор, ведь бросить в бою знамя считалось признаком колоссального ужаса перед врагом или панического бегства с поля сражения, поэтому вырвать знамя бросались все воины³.

Потеря знамени означала поражение не только отдельного отряда, а всего войска, в некоторых случаях это означало даже поражение в войне в целом. Большое внимание в описании истории военных действий, в случае победы, уделяется перечислению числа захваченных знаков, штандартов, а также в случае поражения, перечислялись их потери. В «Тактике» византийского императора Льва Мудрого согласно Уложению VIII говорилось, что если произойдет захват врагами знамени войска или отряда, то всех, кому была дана привилегия по охране знамени, следует наказать, расстреляв из луков, а начальников разжаловать и предать бесчестию (ст. 23)⁴, что полностью повторяло закон Гая Гракха, принятый еще в 123 г. до н.э.⁵

В тяжелых битвах, в которых многое зависело от выигранного текущего сражения, неоднократно применялся прием, когда военачальник бросал знамя в строй врагов, вынуждая легионеров спасти свою реликвию и жертвовать ради ее спасения своими жизнями. Впервые такой прием был использован в 499 г. до н.э. диктатором Авлом Постумием Альбином Регил-

леном в битве при Регилльском озере. Прием был действенным психологически, поскольку без знамени и штандарта легион переставал существовать, его попросту расформировывали⁶.

Напрямую связана со знаменами и традиция, переросшая в норму военного права — воинская присяга. В Римской империи знаменем клялись, как святыней, отношения к нему можно сравнить с почитанием изображений божества. Иосиф Флавий упоминает о том, что римские войска, захватив Иерусалим, внесли в храм знамени и совершили в их честь жертвоприношения⁷. Клятва перед знаменем была обязывающей и признавалась всеми, даже противники считали, что клятва на знамени свята и нерушима. Знамена были священными, они даже хранились в святилищах римских храмов, например, храме Юпитера Всеблагого Величайшего «*Aedes Iovis Optimi Maximi*» или богинь Весты «*Aedes Vestae*» и Виктории «*Aedes Victoriae*». Знамена из храмов выносились в случае объявления войны, поэтому само появление знаменосцев на улице уже означало начало военных действий наряду с открытыми дверями храма Януса.

В моменты солдатского мятежа военачальники обращались именно к знаменам. Солдаты, видя полководца, обнявшего знамя и орла, который также являлся символом легиона, или прекращали мятеж, или оставляли военачальнику жизнь. Как правило, в специально отведенных для знамен святилищах хранилась и казна войска. Таким образом, считалось, что деньги будут обязательно сохранены, поскольку они находятся в священном для воина месте⁸. Следует отметить, что и сами орлы легионов представляли собой ценность, поскольку отливались из серебра.

Знамена в истории европейских армий.

Впоследствии франки восприняли от римской империи и сакральное значение

древней истории. 1940. № 1. С. 231—293 (приложение).

¹ Макиавелли Н. О военном искусстве. М.: Воениздат, 1939. С. 165.

² Словарь иностранных слов. М., 2008. С. 156.

³ Памятники римского права. М., 1997. С. 597—598.

⁴ Лев Мудрый. Тактика Льва. СПб., 2012. С. 165.

⁵ Гай Саллустий Крисп. Югуртинская война : Сочинения. М., 1981. С. 40.

⁶ Дигесты Законодательство Юстиниана. Книга 6. Титул I. М.: Наука, 2008. С. 591.

⁷ Махлаюк А.В. Армия римской империи. Н. Новгород, 2000. С. 196.

⁸ Там же. С. 203.

воинского знамени, и его правовой смысл, распространив его на всю Западную Европу. Ярким примером этого может служить «Военный устав» Яна Жижки, созданный в 1423 г. в Чехии. В уставе таборитов был обобщен весь военный опыт. Устав требовал от воинов высокой нравственной чистоты и признания священности воинского знамени и хоругвий¹.

Знаменитая французская орифламма так же, как и знамена римских легионов, водружалась на копье с началом сражения. Орифламма представляла собой полотнище красной тафты с двумя хвостами из золотой мишуры и галунов и зелеными кисточками, усеянное геральдическими лилиями. В отличие от римских знамен и штандартов, первоначально утрата орифламмы в бою не была тяжким проступком, известно по меньшей степени пять случаев потери или гибели орифламмы². Вместо утерянной орифламмы появлялась новая, причем и внешний вид главного воинского знамени Франции менялся. Так, вместо красной тафты в XV в. появляется лазурный шелк, который в правление Людовика XIV сменится белым полотнищем.

Во французских хрониках неоднократно можно встретить упоминание о том, что тот или иной король поднял (на копье) орифламму в аббатстве Сен-Дени, что означало начало военных действий. Таким образом, ритуальный характер действий был довольно ясен и однозначно показывал начало войны, как и появление аквилефоров на улицах Древнего Рима. Постепенно королевская орифламма потеряла значение воинского знамени, оказалась на постоянном хранении и с начала XVIII в. не выносилась из аббатства Сен-Дени.

Именно с сакральным статусом орифламмы связаны правовые акты, устанавливающие наказание за преступление перед знаменем. Ордонанс французского

короля Генриха III 1584 г. касается военно-уголовных преступлений, но ст. 76 говорит о наказании нижних чинов за недостойное отношение к знамени³.

В законодательстве Людовика XIV также упоминается о священности стяга. Нарушение клятвы знамени стало воинским преступлением, и рассматривалось не как нарушение личной верности суверену, а как измена Родине. Это стало важным не только для строения воинской дисциплины, но и для понимания воинского долга.

В «Саксонском зеркале» знамена упоминаются в разделе, посвященном ленному праву (ст. 60, 62). Право иметь собственное знамя для рыцаря означало право быть начальником небольшой воинской группы и владеть в качестве лена землей. Знамя упоминается и при описании наделения феодальным леном. Передача знамени императором в руки рыцаря означала возникновение между ними вассальной связи⁴. Эти нормы подтверждались в «Золотой Булле» Священной Римской империи. К числу крупных ленных земельных владений, имеющих свое знамя, относились пфальцграфство Саксония, маркграфство Бранденбург, Тюрингия, маркграфство — Мейсен, Лаузиц, графство — Ашерслебен.

Английское феодальное право знало рыцарей бэчелоров и рыцарей баннеретов, причем статус баннеретов был намного выше. Так обозначались рыцари, имевшие право распускать собственное знамя и собирать под него вооруженных йоменов.

Воинские знамена в российской истории.

На Руси знамена были самым устойчивым военным атрибутом, который, как и в римском государстве, обожествлялся. Аналогично римским штандартам на знаках воинских подразделений русских были изображения птиц и зверей. Начиная с IX в., к древку прикрепляют полотнище и начинают

¹ Pramenyk dejinam statu a prava v Ceskoslovensku, II, Praha, 1959. 16—19 s.

² Pinoteau H. La symbolique royale française, V—XVIII siècles. P.S.R. edictions. 2004. S. 662

³ Фалев Н.И. Воинская дисциплина как основа военно-уголовного права // Вестник права. 1902. № 4-5. С. 92—123.

⁴ Корецкий В.М. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования. М., 1985. С. 104.

называть «стягом». Флаг обычно располагался в середине войска и его охраняли стяговики. Одновременно в войске могло быть несколько знамен, у каждого князя свое, а в некоторых случаях у каждого отряда был свой стяг. В «Слове о полку Игореве» знамя упоминается в контексте символа государственной власти: «червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу»¹. Любая победа подтверждается водружением хоругви на стену неприятеля, как символ захвата власти.

Уже в Московском княжестве знамени стали придавать сакральное значение. О знаменах и хоругвях образно говорится в «Сказании о Мамаевом побоище» как о «светильниках солнечных», которые расстилались как облака². Перед знаменами молились, в «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается, что прежде чем идти на битву, князь Дмитрий Иванович Донской стоял на коленях перед знаменем, как перед иконой. Автор «Сказания» писал «князь пал на колени свои, прямо перед большого полка черным знаменем, на котором вышит образ владыки господа нашего»³. Иван IV Грозный после взятия Казани распорядился, чтобы в том месте, где стояло знамя русской рати, построили церковь.

Заключение.

Во всей отечественной военной истории нет такого отрезка, чтобы знамена не имели бы значение сакрального символа. Петр I своим «Артикулом воинским», который отменил «Учение о хитрости ратного строю», повелел под знаменем, причем не только на земле, но и на кораблях, принимать присягу на верность отечеству. В походе идти за знаменем или штандартом, признавая его первым во всем. Утрата знамени согласно ст. 94 «Артикула» стала бесчестьем и

величайшим воинским преступлением⁴. Причем так же, как и в римской армии, при взятии противника, все знамена, отличительные знаки отрядов и штандарты неприятеля следовало незамедлительно представить командующему⁵. Такое почитание знамен продолжалось на всех этапах истории российского государства. Октябрьская революция не стала тем моментом, когда воинские знамена утратили бы свою важность. Великая Отечественная война показала всю значимость боевого знамени, которое имело не только сакральное значение, но и стало правовым символом освобождения.

Эволюция сакрального и правового значения воинского знамени как особого института военного права, таким образом, прослеживается на протяжении более четырех тысяч лет, представляя собой устойчивый историко-правовой феномен. Его отличительными чертами являлись культовое поклонение, сакрализация, связь знамени с государственной идеологией, использование знамени в качестве символа военной власти и атрибута феодальных правовых процедур. В то же время знамя олицетворяло и олицетворяет силу, доблесть и гордость государства своей армией. Наряду с государственным флагом и гербом воинские знамена могут считаться государственными символами, охраняемыми законом.

Библиография

1. Domaszewski A., von. Die Religion des römischen Heeres. — Trier, 1895. — 121 s.
2. Evans R. Gaius Marius. A Political Biography. — Pretoria: University of South Africa, 1994. — 261 p.
3. Faulkner R.O. Egyptian military standarts // The Journal of Egyptian Archaeology. — Vol. 27. (Dec., 1941). — P. 12—32.
4. P. Cornelii Taciti Annalium Liber Primus (Oxford Classical Texts). Oxford, University Press, ed. Fisher C.D. — 1946. — 375 p.
5. Pinoteau H. La symbolique royale française, V—XVIII siècles. P.S.R. edictions. 2004. — 916 p.
6. Pramenyk dejinam statu a prava v Ceskoslovensku, II, Praha, 1959. — 362 s.

¹ Слово о полку Игореве / пер. Д.С. Лихачева. М.: Советская Россия, 1986. С. 4.

² Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6.

³ Там же.

⁴ Законодательство Петра I / Колобов Б.В., Кутыгина Г.А., и др.; Отв. ред. Новицкая Т.Е., Преображенский А.А. М.: Юрид. лит., 1997. С. 761.

⁵ Там же. С. 762.

7. Вегеций Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела / пер. Кондратьева С. // Вестник древней истории. — 1940. — № 1. — С. 231—293.
 8. Гай Саллюстий Крисп. Югуртинская война : Сочинения. — М., 1981. — 225 с.
 9. Дигесты Законодательство Юстиниана. Кн. 6. Титул I. — М.: Наука, 1984. — 456
 10. Дигесты Юстиниана. Кн. 41. Титул I / пер. с лат. И.С. Перетерский. — М.: Наука, 1984. — 552 с.
 11. Законодательство Петра I / Колобов Б.В., Кутына Г.А., и др.; Отв. ред. Новицкая Т.Е., Преображенский А.А. — М.: Юрид. лит., 1997. — 880 с.
 12. Корецкий, В.М. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / В.М. Корецкий. — М., 1985. — 270 с.
 13. Лев Мудрый. Тактика Льва. — СПб., 2012. — 367 с.
 14. Макиавелли, Н. О военном искусстве / Н. Макиавелли. — М.: Воениздат, 1939. — 223 с.
 15. Махлаюк, А.В. Армия римской империи / А.А. Махлаюк. — Н. Новгород, 2000. — 235 с.
 16. Меркулов, И.В. К вопросу о военной реформе Гая Мария (II в. до н.э.) / И.В. Меркулов // Вестник ВолГУ. Сер. 9. Исследования молодых ученых: научно-теоретический журнал. — Волгоград: Изд. ВолГУ, 2006. — Вып. 5. — С. 16—23.
 17. Памятники римского права. — М., 1997. — 608 с.
 18. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / Плутарх. — М.: Наука, 1994. — Т. I.
 19. Слово о полку Игореве / пер. Д.С. Лихачева. — М.: Советская Россия, 1986. — 117 с.
 20. Фалев, Н.И. Воинская дисциплина как основа военно-уголовного права / Н.И. Фалев. — Вестник права. — 1902. — № 4-5. — 208 с.
 21. Шкуратов, В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. — М., 1997. — 270 с.
-

Сравнительно-правовой анализ отдельных положений нормативных документов, содержащих описание воинских захоронений в период Великой Отечественной войны (лето 1941 года)

© Давыдова Елена Юрьевна,
заместитель начальника Службы земельно-
имущественных отношений ГБУ «Ритуал»

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных положений нормативно-правовой базы советского и германского законодательств в начальный период Великой Отечественной войны. Летом 1941 года существовало четкое понимание процесса захоронения солдат при различных обстоятельствах. Однако существовали различия, которые существенно влияли на качество произведенных захоронений.

Ключевые слова: воинское захоронение, ритуал захоронения, память о погибших защитниках Отечества

Comparative legal analysis of certain provisions of normative documents containing a description of military graves during the Great Patriotic War (summer 1941)

© Davydova E.Yu.,
Deputy Head of the Land and Property Relations
Service of GBU "Ritual"

Annotation. The article is devoted to the analysis of certain provisions of the legal framework of the Soviet and German legislations in the initial period of the Great Patriotic War. In the summer of 1941, there was a clear understanding of the process of burying soldiers under various circumstances. However, there were differences that significantly affected the quality of the burials produced.

Keywords: military burial, burial ritual, memory of the fallen defenders of the Fatherland

Несмотря на ряд имеющихся публикаций¹, вопрос захоронения павших в условиях войны продолжает оставаться одним из самых малоизученных в правовой науке, поэтому каждый правовой документ по данной теме, который был разработан в период Великой Отечественной войны, представляет особую ценность для исследова-

ования².

В данный исторический период со стороны советского командования был разработан приказ от 15 марта 1941 г. № 138 «О порядке погребения погибших военнослужащих офицерского, сержантского и рядового состава»³, подписанный народным комиссаром обороны СССР С.К. Тимошенко. Данный документ на восьми страницах подробно описывает процедуру захоронения советских солдат и офицеров. Вот некоторые выдержки из этого документа:

«... 108. Вынос убитых с поля боя и

¹ См. подробнее: Холиков И.В., Заневская Н.А. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта // Военное право. 2020. № 4(62). С. 220—228; Холиков И.В., Заневская Н.А. Достойное обращение с телами покойных в условиях вооруженного конфликта в свете требований международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5(298). С. 7—15.

² См., например, Минер В.Л. Воинские ритуалы Российской Армии в XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. истор. наук. М., 1997.

³ https://pikabu.ru/story/prikaz_138_ot_150341_g_poloz

погребение их является обязательным при всех условиях боя.

109. Погребение убитых и умерших от ран на поле боя производится специально выделенными командиром полка командами погребения...

110. Погребение убитых и умерших от ран производится в индивидуальных или братских могилах по указанию командира полка. Для могил выбираются лучшие места как в населённых пунктах, так и прилегающей к ним местности: кладбища, площади, парки, скверы, сады, а вне населённых пунктов — курганы, рощи, перекрёстки дорог и т.д.

111. Местность должна быть сухая, с низким уровнем стояния почвенных вод. Могилы для погребения должны иметь глубину с расчётом не менее 1,5 метра от поверхности почвы. На могилы насыпается холм до 0,5 метра высоты, который покрывается дёрном или камнями. На могиле устанавливается памятник (временный или постоянный). На памятнике делается надпись — звание, фамилия, имя, отчество погибших и дата гибели...

112. Погребение офицерского состава производится только в индивидуальных могилах.

113. Погребение военнослужащих производится:

На поле боя:

а) лиц офицерского состава — в состоящих на них: гимнастёрке, брюках, нательном белье и обуви;

б) лиц сержантского и рядового состава — в состоящих на них: гимнастёрке, брюках и нательном белье.

Лечебными учреждениями:

а) лиц офицерского состава — в поступивших с ними гимнастёрке, брюках, нательном белье, а также в госпитальных носках, туфлях и простыне, которая находилась в пользовании умершего. В том случае, если всех перечисленных предметов при умершем не окажется, недостающие предметы выдаются из фонда госпиталя;

б) лиц сержантского и рядового состава — в поступивших с ними гимнастёрке, брюках, нательном белье, а

также в носках и госпитальных туфлях.

114. Порядок отдания воинских почестей при погребении в полосе военных действий офицерского, сержантского и рядового состава устанавливается командиром полка и начальниками санитарных учреждений ...».

Инструкция о порядке воинских захоронений советских солдат была разработана, исходя из приобретенного опыта финской войны. Но, к сожалению, летом 1941 г. вышеназванный приказ № 138 применить не мог, так как он был рассчитан на условия позиционной войны, а не манёвренного блицкрига.

Приказ № 138 не в полной мере соблюдался и в ходе освободительных сражений¹, так как немецкая армия оказывала серьезное сопротивление. Дивизионные похоронные команды зачастую не успевали за движением войск. Захоронение павших воинов осуществлялось в братских могилах, где были и солдаты, и офицеры. Отвлекаться на индивидуальные погребения в таких условиях позволялось только для старшего офицерского состава Красной Армии.

Во время Великой Отечественной войны со стороны немецкого командования была разработана инструкция для захоронения солдат². Данная инструкция состояла из 2 разделов: раздел первый был посвящен погребению павших с оказанием всех воинских почестей, во втором разделе рассматривался вопрос о захоронении в случае нахождения на территории пленных солдат противника, которые являются согражданами погибшего солдата.

Согласно Инструкции, погребение павших \ погибших немецких солдат в случае, если позволяет боевая обстановка,

¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил Г85 СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

² См. Инструкция о погребении солдат противника / Источник: <https://telegra.ph/Instrukciya-o-pogrebenii-soldat-protivnika-Verhovnoe-komandovanie-Vermahta-11-27>.

осуществляется с такими же воинскими почестями, какие «оказываются немецким солдатам после их смерти:

1. обеспечивается наличие:

а) музыкального корпуса и музыкантов или духового оркестра (в случае наличия такового на месте погребения);

б) людей для несения гроба, венков и подушек с наградами;

в) немецкой почетной процессии во главе с офицером или лицом в звании, соответствующим званию погибшего;

2. по возможности организовывается шествие;

3. группа из числа почетной процессии дает трехкратный салют над открытым гробом;

4. обеспечивается наличие венка с атрибутикой соответствующего рода войск.

Стоит отметить, что в вышеназванной инструкции, разработанной немецким командованием, подробно описывался процесс погребения и советских военнослужащих. Для военнослужащих СССР в связи с их поведением по отношению к немецким военнослужащим устанавливались следующие специальные правила:

«1) погребение проводится в полной тишине;

2) в процедуре не принимают участия ни немецкие процессии, ни процессии противника;

3) венки не возлагаются;

4.) салют не производится;

5) участие священнослужителей ввиду позиции СССР по отношению к церкви не допускается».

Таким образом, стоит отметить довольно подробные инструкции, разработанные со стороны как немецкого, и советского командования¹. Вместе с тем, советская инструкция в отличие от немецкой не была применима в условиях войны, которая была навязана стороной противника, однако не содержала

положений, которые явно свидетельствовали о неуважении к воинам, павшим на боях сражений. При этом в отличие от немецкой инструкции не была регламентирована процедура погребения военнослужащих противоборствующей стороны.

Немецкая инструкция была более практична в боевых условиях, но носила явно политический характер применительно к захоронениям советских воинов.

В связи с проведением специальной военной операции вопросы захоронения павших воинов вновь приобрели актуальность. При уточнении действующих в данной сфере правил непременно должен быть учтен опыт Великой Отечественной войны.

Библиография

1. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. — 415 с.

2. Минер, В.Л. Воинские ритуалы Российской Армии в XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02. / В.Л. Минер. — М., 1997. — 266 с.

3. Урланис, Б.Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруж. сил европ. стран в войнах XVII—XX вв. : (Ист.-стат. исслед.) / Б.Ц. Урланис. — СПб.: АОЗТ "Полигон", 1994. — 558 с.

4. Холиков, И.В. Достойное обращение с телами покойных в условиях вооруженного конфликта в свете требований международного гуманитарного права / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5(298). — С. 7—15.

5. Холиков, И.В. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. — 2020. — № 4(62). — С. 220—228.

¹ Урланис Б.Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруж. сил европ. стран в войнах XVII-XX вв. : (Ист.-стат. исслед.). СПб. : АОЗТ "Полигон", 1994.

Генезис офицерских собраний Вооруженных сил Российского государства: краткий историко-правовой обзор

© Зорин Олег Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент
© Ставицкий Сергей Николаевич,
слушатель академии

Аннотация. Авторами статьи проведено краткое сравнительное историческое исследование отдельных вопросов правового регулирования организации и деятельности офицерских собраний в войсках. Исследование опирается на данные дореволюционного периода и заканчивая современной Россией. Делаются соответствующие необходимые выводы.

Ключевые слова: офицер; офицерское собрание; приказ; нравственность

Genesis of officer meetings of the Armed Forces of the Russian State: brief historical and legal overview

© Zorin O.L.,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor
© Stavickij S.N.,
academy student

Annotation. The authors of the scientific article conducted a brief comparative historical study of certain issues of legal regulation of the organization and activities of officer meetings in the military, starting from the pre-revolutionary period and ending with modern Russia. Appropriate necessary conclusions are drawn.

Keywords: officer; officers' assembly; order; morality.

В любом социуме для регуляции поведения людей вырабатываются различные социальные нормы (т.е. регуляторы человеческого общежития). Важнейшими являются правовые нормы, выполнение которых носит обязательный характер. В отличие от них соблюдение моральных требований в основном зависит от самой личности (ее внутренних убеждений), но в то же время обеспечивается средствами общественного мнения через одобрение или осуждение поступков человека, нарушившего определенные правила, установленные в той или иной социальной группе, а в некоторых случаях и мерами государственного принуждения.

Ученые-правоведы обоснованно констатируют, что общественность остается наиболее важным элементом системы профилактики (предупреждения) правонарушений и разнообразных форм и видов

антиобщественного поведения¹. Это касается любых областей жизни общества, в том числе сферы воинской деятельности, и в частности, офицерской среды.

Следует отметить, что в процессе прохождения военной службы на различных воинских должностях офицеру приходится решать большое количество всевозможных задач. При этом недостаточно быть квалифицированным специалистом с организационными навыками и способностями. Необходимо также быть личностью с высоким нравственным потенциалом, образцом в поведении для подчиненных и окружающих. К сожалению, в современных сложных условиях деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации сохраняются негативные тенденции в офи-

¹ Мацкевич И.М. Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений // Пенитенциарная наука. 2021. № 3 (том 15).

церском сообществе, наносящие вред его авторитету¹.

В Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) закреплено, что комплекс задач строительства и развития Вооруженных Сил решается, в том числе, посредством укрепления организованности, правопорядка и воинской дисциплины, а также профилактики и пресечения коррупционных проявлений. Особая роль в этом процессе отводится офицерскому собранию² как уникальной организации армейской общественности с богатым историческим наследием.

Офицерские собрания (клубы) стали появляться в России еще в 70-е годы XIX в. в полках провинциальных городов и являлись почти единственным местом, где могли собираться офицеры и их семьи для совместного времяпровождения. В зависимости от имевшихся средств, в частях оборудовалось помещение, в котором размещались столовая, библиотека, фехтовальные и гимнастические залы, бильярд, тир и др.³

Первым нормативным актом в деле организации и проведения офицерских собраний в Российской армии следует считать Устав военных собраний, учрежденный в целях «доставлять офицерскому обществу возможность взаимного сближения и развлечения в свободное от службы время; содействия развитию их военного образования; удешевления жизни офицеров» (ст. 1)⁴.

В данном документе закреплялась норма, согласно которой каждый офицер, состоящий членом одного из собраний,

имел право посещать и собрания других полков, что показывало взаимную солидарность, корпоративность всех офицерских собраний армии того периода времени.

Устав собрания предписывал строго соблюдать воинскую дисциплину и правила приличия при его посещении. В случае их ненадлежащего выполнения кем-либо из присутствующих дежурный офицер (т.е. дежурный старшина) способом убеждения разъяснял им о необходимости восстановления порядка.

При серьезных же нарушениях установленных правил собрания посетители по приговору собрания офицеров подлежали исключению из его списков на некоторое время или навсегда, а гостям запрещался вход в собрание. Несмотря на то, что офицерское собрание являлось для офицеров местом культурного отдыха и каждый чувствовал себя в нем совершенно непринужденно, это не означало, что он мог не соблюдать на них воинскую дисциплину, а также правила поведения офицера⁵. Иными словами, участие в офицерском собрании предоставляло его членам как определенные права, так и предписывало соответствующие обязанности.

В дальнейшем были продолжены мероприятия по совершенствованию деятельности офицерских собраний, результатом которых стало введение в действие Положения об офицерских собраниях в отдельных частях войск⁶. Цели остались практически неизменными. Однако теперь поддерживать правильные товарищеские отношения между офицерами необходимо было на уровне, соответствующем духу и требованиям военной службы⁷.

¹ Дамаскин О.В., Холиков О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4(65). С. 121—128.

² Ст. 53 ДУ ВС РФ; п. 9 Положения об офицерском собрании в Вооруженных Силах Российской Федерации, утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 20.

³ Традиции офицеров русской армии. Жуковский; М.: Кучково поле, 2004 С. 198.

⁴ Устав военных собраний (утв. приказом по Военному ведомству от 4 ноября 1874 г. № 289).

⁵ Коровин В.М., Подлужный В.И., Свиридов В.А. Подготовка офицерских кадров в России: Традиции и современность. Воронеж, 2004. С. 236.

⁶ Утверждено приказом по Военному ведомству от 15 сентября 1884 г. № 279.

⁷ По верному замечанию А.В. Тихомирова, Положение 1884 г. предназначалось для организации офицерских собраний именно в полках и других частях — то есть для низового, первичного и наиболее массового армейского звена. Относительно же гарнизонных и других офицерских собраний для войск, квартировавших в одном месте, Положение указывало, что им

В обновленном Положении акцент был сделан на то, что офицерское собрание «находится в прямом ведении начальника части, который вместе с тем состоит и председателем офицерского собрания».

В офицерском собрании кроме обычных правил приличия, присущих каждому благоустроенному обществу, предписывалось соблюдение всех требований дисциплины. Старший по званию наблюдал за исполнением всеми присутствовавшими правил собрания.

В ст. 10 Положения определялось, что при несоблюдении кем-либо правил собрания, любой его член, если напоминание игнорировалось нарушителем дисциплины, обязан был доложить об этом старшему по званию, находящемуся в собрании, распоряжения которого имели силу приказаний.

В особых случаях (за грубое нарушение офицерской чести и этики) старший в чине докладывал уже напрямую командиру части, руководствуясь главой 14 «О суде общества офицеров» Устава дисциплинарного 1869 г. В указанной главе говорилось: «Для охранения достоинства военной службы, офицеры, замеченные в неодобрительном поведении или поступках, хотя не подлежащих действию уголовных законов, но несовместимых с понятиями о воинской чести и доблести офицерского звания, или изобличающих в офицере отсутствие правил нравственности и благородства, подвергаются суду общества офицеров. Суду этому предоставляется также разбор случающихся между офицерами ссор».

Суд мог принять следующие решения: 1) об оправдании привлеченного к ответственности офицера; 2) о том, чтобы сделать ему внушение; 3) об удалении со службы.

Если проступок на собрании был совершен офицером другой воинской части,

следовало продолжать руководствоваться правилами Устава 1874 г. — «впредь до выработки для них новых положений или уставов» (См.: подробнее: Тихомиров А.В. Нормативно-правовые основы создания и деятельности офицерских собраний в Российской армии // Военно-исторический журнал. 2009. № 4. С. 57).

то перспектива дальнейшего прохождения военной службы «была в руках» его командования.

Существовало в тот период еще одно суровое наказание, имеющее сильное моральное и психологическое воздействие. Суть его в том, что товарищи переставали подавать провинившемуся офицеру руку. И если все-таки такое случалось, виновный должен был либо, подать в отставку, либо перевестись в другой полк, но только в мирное время¹.

Очевидно, офицерские собрания способствовали осуществлению контроля за поведением офицеров как на службе, так и в штатской жизни, а также формированию корпоративных нравственных ценностей, становившихся в итоге воинскими традициями. В свою очередь, суды общества (суды чести) офицеров стали действенным инструментом «для охранения достоинства военной службы»², что показывало значимость и актуальность данных общественных институтов.

Следует отметить, что на сплочение офицерских коллективов позитивное влияние оказывали общие собрания офицеров части, как высшего органа, проводившиеся с разрешения командира части, с объявлением в приказе и указанием дня, времени, вопросов, выносимых на обсуждение (например, службы, быта, иные ситуации и самое главное, в исследуемом аспекте, — вопросы поддержания воинской дисциплины среди офицеров)³. Рассматриваемые

¹ Технологии укрепления воинской дисциплины: учебник / под ред. С.А. Сакуна. М.: ВУ, 2019. С. 33.

² Анисимов А. Новый дисциплинарный устав. Варшава, 1879. С. 52.

³ Историки-исследователи подчеркивают, что еще в Петровскую эпоху, в условиях ужесточения контроля за всеми областями государственной жизни, вопросы назначений, нравственной атмосферы и дисциплинированности были отданы в распоряжение офицерских коллективов, где офицеры имели право высказывать свою точку зрения о поведении своих коллег, голосовать по вопросам назначения их на вышестоящие должности, обсуждать насущные проблемы воинской нравственности, что стало прообразом возникших в русской армии в XIX в. офицерских собраний и судов офицерской чести. Такого не знала ни одна европейская армия. (См. подробнее: Никитин О.А. Морально-психологическое

вопросы на собраниях решались открытой баллотировкой (голосованием), за исключением выборов на различные должности (распорядительный комитет, суд общества (чести) офицеров и др.), которые проводились закрытым голосованием. Результаты объявлялись приказом по части, причем ее командир не имел права изменить решения собрания по выборам¹.

После учреждения офицерских собраний в отдельных воинских частях было принято решение о создании в столице, Санкт-Петербурге, общего офицерского собрания армии и флота, окончательное Положение о котором вводилось в действие приказом по Военному ведомству в декабре 1903 г.² (первоначально в своей деятельности оно опиралось на Устав офицерского собрания армии и флота, принятый на переходный период 12 декабря 1897 г.³).

В нем подчеркивалось, что целями собрания считаются: содействие сближению между собой офицеров; способствование поддержанию между ними товарищеских отношений в духе военных требований и развитие в их среде военного и общего образования; удешевление их жизни в столице; доставление развлечений в свободное от службы время; предоставление удобного, приличного и дешевого помещения временно пребывающим в С.-Петербурге офицерам.

К членам собрания, нарушившим Положение, обязательные правила или замеченные в неодобрительном поведении и поступках применялись следующие меры воздействия: а) к обер-офицерам и штаб-офицерам (не командующим отдельными частями) в соответствии со ст. 51—53 Устава дисциплинарного (утв. 28 мая 1888 г.): от напоминания до дисциплинарного ареста; б) по генералам и командирам (от-

дельных частей), помимо остальных категорий офицеров осуществлялся доклад Попечителю⁴, а в особых случаях, кроме этого, производилось удаление из членов собрания.

В дальнейшем Положение об Офицерском собрании армии и флота дополнилось некоторыми частными изменениями⁵. Так, устанавливалось, что при несоблюдении кем-либо правил собрания, дежурный по собранию офицер обращался к нарушителю с напоминанием, а в случае его игнорирования производился доклад Хозяину собрания (генерал-майору действительной службы, заведовавшему хозяйственной и распорядительной частями в собрании), а в его отсутствие — старшему в чине из присутствующих, распоряжения которых имели силу приказания.

В исторической литературе справедливо делается вывод, что основная масса офицеров была уверена в необходимости и большой пользе данного института в войсках, посредством которого прививались такие качества, как честность, порядочность, ревностное отношение к выполнению своего воинского долга⁶.

После Октябрьской революции в связи с принятием Декрета СНК РСФСР 16 (29) декабря 1917 г. «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», все чины и звания в армии (от ефрейторского до генеральского) были упразднены, а военнослужащие получили почетное звание «солдат революционной армии»⁷. Соответственно, проведение офицерских собраний потеряло свою актуальность и считалось пережит-

обеспечение деятельности русской армии в XVIII в.: исторический опыт, уроки : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 151).

¹ Традиции офицеров русской армии. С. 200.

² Положение об Офицерском собрании Армии и Флота (утв. приказом по Военному ведомству от 16 декабря 1903 г. № 480).

³ Тихомиров А.В. Офицерские собрания в России. СПб.: ВАС, 2009. С. 103.

⁴ Он назначался самим Императором и направлял деятельность собрания, а также обладал высочайшим надзором. Все его распоряжения исполнялись беспрекословно и только ему принадлежало исключительное право разрешения вопросов по делам собрания, не предусмотренных Уставом дисциплинарным.

⁵ Положение об офицерском собрании армии и флота (утв. приказом по Военному ведомству от 30 марта 1914 г. № 209).

⁶ Назаров А. От клуба офицеров к офицерскому собранию // Ориентир. 2000. № 11. С. 75.

⁷ Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). М: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 142.

ком прошлого ввиду расформирования царской армии.

В период Великой Отечественной войны, в начале 1943 г., после введения новых знаков отличия офицеров — погон и званий, соответствующим Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. была предпринята попытка возвращения офицерских собраний в Советской армии. Примечательно, что новые знаки различия изготавливались по образцам, относящимся к старой русской армии¹. Было закономерным, что офицерский корпус испытывал потребность в активном использовании воспитательных функций офицерских общественных организаций. Так, в 31-й армии Западного фронта при штабах дивизий и полков были организованы офицерские собрания, которые являлись серьезной школой идейно-политического, нравственного воспитания офицеров, сплочения офицерских коллективов, поднятия морального духа офицеров. Директивой командующего Закавказским фронтом от 6 октября 1943 г. № 00913, учреждались офицерские собрания «во всех отдельных батальонах, полках, учебных заведениях и военных учреждениях».

В директиве отмечалось: «Каждый советский офицер должен неустанно учиться на опыте войны, работать над собой, расширять военный, политический и культурный кругозор, чтобы в совершенстве овладеть военным делом и воспитывать подчиненных. Забота о подготовке и воспитании в войсках нашего фронта таких высокоподготовленных офицеров должна стать первой обязанностью, делом чести и гордости вышестоящего начальника», что как никогда актуально и сегодня, в свете происходящих военных событий на Украине и в других государствах с участием российских войск.

Согласно этому документу временное исключение из членов офицерского собрания производилось общим собранием его членов после предварительного рассмот-

рения мотивов исключения советом. Основаниями для рассмотрения вопроса о временном исключении из офицерского собрания могли быть: неблагопристойное поведение офицера или кого-либо из членов его семьи в собрании и проступки офицера, противоречащие правилам офицерской этики.

Аналогичные офицерские собрания были организованы в апреле-июне 1944 г. в соединениях и частях 60-й армии 1-го Украинского фронта и других объединениях и соединениях². К сожалению, данные инициативы не получили своего должного правотворческого развития.

В последующем офицерские собрания были возрождены только в 80—90 гг. XX в., на закате периода активных преобразований в оборонном строительстве. В эти годы Вооруженные Силы СССР имели четкую организационную структуру с богатым арсеналом как военно-правовых, так и других средств укрепления воинской дисциплины. Важное место среди них отводилось мерам общественного воздействия, применяемых офицерскими собраниями к нарушителям за совершенные проступки.

Знаковым событием в это время стало издание приказа Министра обороны СССР от 20 мая 1989 г., введившего в действие Временное положение об Офицерском собрании в Вооруженных Силах СССР³. По нему офицерское собрание являлось постоянно действующей общественной организацией офицерского состава в Вооруженных Силах СССР.

Если говорить о мерах воспитательно-го воздействия на офицеров-нарушителей, то среди них были следующие: товарищеская критика; товарищеское предупреждение; вынесение решения об обязательном

¹ Технологии укрепления воинской дисциплины : учебник / под ред. С.А. Сакуна. М.: ВУ, 2019. С. 75—76.

² См. подробнее: Коровин В.М., Подлужный В.И., Свиридов В.А. Указ. соч. С. 283—284; Бородин Н. Офицерское собрание в Российской Армии: история, традиции и пути повышения его роли в современных условиях // Ориентир. 2004. № 5. С. 46; Вдовюк В.И. Об офицерском собрании // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 6—7.

³ Временное Положение об Офицерском собрании в Вооруженных Силах СССР (утв. приказом Министра обороны СССР от 20 мая 1989 г. № 186).

принесении публичного извинения офицером, совершившим тот или иной проступок, перед офицерским собранием или лицом, которому нанесено оскорбление; возбуждение ходатайств перед командованием о предании младших офицеров товарищескому суду чести офицеров за нарушение морально-этических норм и проступки, не связанные с выполнением служебных обязанностей¹.

Определенный интерес представляют обсуждаемые на собрании ситуации, а именно: конфликты между офицерами; случаи нанесения оскорбления и бестактного поведения; случаи подрыва авторитета и личного достоинства офицера; негативные поступки офицеров (зазнайство, чванство, высокомерие, грубость, подхалимство, угодничество и др.); злоупотребления служебным положением; нарушение воинской дисциплины и офицерской этики; случаи проявления социальной несправедливости в отношении офицеров; недостойное поведение несовершеннолетних детей офицеров; случаи недостойного поведения офицеров на службе, в семье, в общественных местах, а также другие вопросы.

После непродолжительной апробации Временного положения в советской армии приказом Министра обороны СССР от 14 декабря 1990 г. № 480 было утверждено обновленное Положение об офицерском собрании в Вооруженных Силах СССР², действовавшее сравнительно недолго.

В нем акцент был сделан на то, что в каждой воинской части разрабатывается целый ритуал приема офицеров в состав офицерского собрания на основе принципа добровольности, который осуществляется на общем собрании членов офицерского собрания.

В повседневной жизни члены офицерского собрания должны были возрождать такие понятия, как «слово офицера» и «честь имею». Нарушение обязательств, взятых офицером и скрепленных фразой «слово офицера», подлежало рассмотрению в офицерском собрании как нарушение офицерской этики и подрыв чести офицера. Допускалось практиковать такую традицию: при прощании офицеров друг с другом вместо «до свидания» следовало говорить «честь имею».

За совершенные проступки офицерским собранием к офицерам могли быть применены следующие меры общественного порицания: товарищеская критика; товарищеское предупреждение; офицерское порицание; вынесение решения о принесении публичного извинения офицером, совершившим тот или иной проступок, перед офицерским собранием и лицом, которому нанесено оскорбление; исключение из членов офицерского собрания на срок, определяемый общим собранием офицерского состава, но не более 6 месяцев; ходатайство перед командованием о предании товарищескому суду чести офицеров членов офицерского собрания за проступки в личном поведении и упущения по службе.

Кроме того, за нарушение офицерской этики и чести собрание вправе было выразить недоверие офицеру, ходатайствовать перед командованием о его перемещении по службе или увольнении с действительной военной службы. Это мнение офицерского собрания отражалось в аттестации офицера, что в будущем имело для него неблагоприятные карьерные последствия.

Особенностью данного Положения было еще и то, что после внесенных в него изменений (приказом Министра обороны СССР 1991 г. № 473) исключению подверглись такие термины как «военно-политический», «партийный», «комсомольский» в связи с проведенной отменой конституционного положения о руководящей роли КПСС и упразднением политических органов в армии и на флоте. Несмотря на это, собрания офицеров в Вооруженных Силах СССР уже не играли

¹ Как видно, предание товарищескому суду чести распространялась только на младших офицеров, что позволяет говорить о более строгой ответственности данной категории военнослужащих за соответствующие деяния.

² Положение об офицерском собрании в Вооруженных Силах СССР (утв. приказом Министра обороны СССР от 14 декабря 1990 г. № 480).

столь значимой роли в армейской жизни в преддверии краха советской государственности.

В отличие от послереволюционного периода, после развала Союза ССР, перерыв в работе офицерских собраний был непродолжительным. С образованием Вооруженных Сил Российской Федерации (7 мая 1992 г.) начала осуществляться программа структурных преобразований армии, происходило формирование новой нормативно-правовой базы в обществе и военном деле. Вследствие этих событий был издан приказ Минобороны России от 12 сентября 1992 г. № 147, регламентирующий деятельность офицерских собраний в Вооруженных Силах Российской Федерации, формируемых для повышения их роли и ответственности в решении стоящих перед Вооруженными Силами задач, обеспечения социальной защищенности офицерских кадров, воспитания безупречной офицерской чести и достоинства, общецей и военной культуры.

Здесь уточним, что с принятием данного нормативного правового акта приказом Министерства обороны СССР 1990 г. № 480 утрачивал силу.

На общем собрании членов офицерского собрания или заседании совета выносились на обсуждение вопросы о чести и достоинстве офицеров, воспитании у них чувства дружбы, товарищества, любви к профессии офицера, скромности, а также взаимной строгости и требовательности, близости к подчиненным; случаи недостойного поведения офицера; конфликтные ситуации между офицерами, случаи нанесения оскорблений; факты подрыва авторитета и унижения личного достоинства офицера; об оказании помощи офицерам в подготовке к поступлению в военно-учебные заведения; о представлении к присвоению почетных званий; об оказании материальной помощи офицерам и членам их семей; о расходовании финансовых средств из денежного фонда офицерского собрания; заслушивание информации председателя собрания (совета) о реализации предложений, критических замечаний, высказанных на собрании (совете), а также

о поведении офицеров, в отношении которых офицерским собранием были приняты меры воздействия.

При этом, перечень мер общественного воздействия, который мог применяться к военнослужащим, существенно сузился и устанавливался следующий: товарищеское предупреждение; вынесение решения о принесении публичного извинения офицером, совершившим тот или иной проступок, перед офицерским собранием или лицом, которому нанесено оскорбление; предупреждение о неуважении Военной присяги.

Спустя десятилетие с небольшим на смену вышеуказанному Положению в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 23 декабря 2004 г. № 435 пришло новое Положение об офицерских собраниях в Вооруженных Силах Российской Федерации. В тот сложный для страны период, в условиях затяжного реформирования Вооруженных Сил и устойчивого падения престижа военной службы, офицеры принимали пассивное участие в работе офицерских собраний, и собрания зачастую проводились формально. По этому приказу деятельность офицерских собраний направлялась на сплочение коллектива офицеров воинских частей, воспитание его в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу и боевым традициям, укрепление войскового товарищества, выработку предложений и рекомендаций командованию по вопросам прохождения военной службы, решения социальных и иных проблем, возникающих у офицеров и членов их семей.

За совершенные проступки офицерским собранием определялись такие общественные санкции к офицерам, как: предупреждение; объявление офицерского осуждения; вынесение решения о принесении публичного извинения.

Повышение роли и значимости офицерских собраний призван обеспечить новый приказ Министра обороны Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 20, утвердивший Положение об офицерском собрании в Вооруженных Силах Российской Федерации, согласно которому ос-

новное его предназначение заключается в содействии органам военного управления в решении вопросов по формированию нравственных основ, правовой культуры¹ ценностных ориентиров и мировоззрения офицерского состава. К основным направлениям деятельности указанного общественного института, помимо обозначенных в начале нашего исследования, отнесены: содействие укреплению единоначалия в Вооруженных Силах, повышению авторитета приказа командира воинской части; утверждение среди офицеров понятий офицерской чести, высокого звания офицера, реагирование на факты нарушений установленных правил поведения; привитие офицерам заинтересованности к изучению военного искусства (военного дела); пропаганда здорового образа жизни среди офицеров и членов их семей, содействие в организации спортивных соревнований в воинских частях, работы спортивных секций и клубов, взаимодействие с военно-охотничьим обществом и др.

Однако одним из проблемных вопросов в рассматриваемом Положении следует считать, на наш взгляд, отсутствие четко обозначенных мер общественного воспитательного воздействия на офицеров за совершённые ими проступки. Нами было установлено лишь два вида порицания и то оказавшиеся размещенными по разным пунктам в тексте данного документа, это: общественное осуждение (п. 10) и исключение офицера из членов офицерского собрания за проступки, дискредитирующие звание офицера (п. 11).

Считаем, что расширение перечня мер общественных наказаний положительно повлияет на эффективность данной общественной структуры в системе военно-политической работы как основной ее коллективной формы.

¹ Землин А.И., Холиков И.В. Аксиологические подходы к формированию правовой культуры специалиста-транспортника в современных условиях // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов, Москва, 02 декабря 2019 года. М.: Издательский Дом "Инфра-М", 2020. С. 403—411.

Таким образом, офицерские собрания, несмотря на коренные внутрисполитические изменения в истории российского государства, были и остаются ключевым инструментом по формированию и совершенствованию у офицеров поведенческой культуры, основанной на морально-нравственных принципах и профилактике (предупреждению) правонарушений и социальных отклонений в их коллективах.

Библиография

1. Анисимов, А. Новый дисциплинарный устав / А. Анисимов. — Варшава, 1879. — 62 с.
2. Бородин, Н. Офицерское собрание в Российской Армии: история, традиции и пути повышения его роли в современных условиях / Н. Бородин // Ориентир. — 2004. — № 5. — С. 43—47.
3. Вдовюк, В.И. Об офицерском собрании / В.И. Вдовюк // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 3. — С. 6—8.
4. Военное право : монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1 : История и теория военного права (с предисловием). — М: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.
5. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4(65). — С. 121—128.
6. Землин, А. И. Аксиологические подходы к формированию правовой культуры специалиста-транспортника в современных условиях / А.И. Землин, И. В. Холиков // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов, Москва, 02 декабря 2019 года. — М.: Издательский Дом "Инфра-М", 2020. — С. 403—411.
7. Коровин, В.М. Подготовка офицерских кадров в России: Традиции и современность / В.М. Коровин, В.И. Подлужный, В.А. Свиридов. — Воронеж, 2004. — 368 с.
8. Мацкевич, И.М. Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений / И.М. Мицкевич // Пенитенциарная наука. — 2021. — № 3 (том 15).
9. Назаров, А. От клуба офицеров к офицерскому собранию / А. Назаров. // Ориентир. — 2000. — № 11. — С. 73—75.
10. Никитин, О.А. Морально-психологическое обеспечение деятельности русской армии в XVIII в.: исторический опыт, уроки : дис. ... канд. ист. наук / О.А. Никитин. — М., 2016. — 238 с.
11. Технологии укрепления воинской дисциплины : учебник / под ред. С.А. Сакуна. — М.: ВУ, 2019. — 326 с.
12. Тихомиров, А.В. Нормативно-правовые основы создания и деятельности офицерских со-

браний в Российской армии / А.В. Тихомиров // Военно-исторический журнал. — 2009. — № 4. — С. 56—60.

13. Тихомиров, А.В. Офицерские собрания в России / А.В. Тихомиров. — СПб.: Воен. Ак. связи, 2009. — 176 с.

14. Традиции офицеров русской армии / Ин-т воен. истории М-ва обороны Рос. Федерации [Н.И. Дорохов и др.]. — Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. — 319 с.

Применение термина «голова» в законах Древней Руси

© Зюбанов Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируются термины «голова», «головник» и «головничество» широко употребляемые в законах Древней Руси.

Ключевые слова: голова, головник, головничество, законы Древней Руси.

The use of the term "head" in the laws of Ancient Russia

© Zyubanov Yu. A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Resume. The article analyzes the terms "head", "golovnik" and "golovnichestvo" widely used in the laws of Ancient Russia.

Keywords: head, golovnik, golovnichestvo, the laws of Ancient Russia.

*А иже оубьютъ огнищанина вразбои, или оубища не
ищють: то вирное платити, внеиже вири голова
начеть лежати.*

Русская Правда

Христианское учение о преступлении и наказании оказывает непосредственное влияние на формирование терминов и правовых норм во всех странах, принявших эту религию. Древнерусское государство в этом списке не является исключением, напротив «христианство как нормативно-этическая система образует основу и неисчерпаемый резерв развития российского права, в том числе уголовного»¹. В законодательстве происходит своеобразная имплементация религиозных постулатов в светские, церковные и международные правила. Это в полной мере касается механизма формирования определений, их взаимодействия для нужд законодательной деятельности. Разработка Правды Русской, удельных нормативных актов, церковных уставов и межгосударственных соглашений осуществляется княжескими властными органами под идеологическим патронажем церкви. Заложенная в нормах религи-

озная духовность обеспечивает стабильность и усвоение его понятий всем населением. Некоторые из давних законодательных актов принимают и широко используют в своем профессиональном лексиконе слово *голова* и другие производные от него определения. Обратимся к тем документам, в коих они встречаются.

Отечественный памятник права — Правда Русская (1016 г.) в большинстве своем содержит юридические запреты, потому как «древнейшие законы всех народов были уголовные», в том числе и «Ярославовы»². В текстах ее различных списков встречаются такие законоведческие определения как «голова», «головник» и «головничество»³.

По смыслу изначальных норм Правды Русской Краткой редакции по Академическому списку (ст. 1) и Пространной редакции (ст. 1) если убьет муж мужа, то «за го-

¹ Тер-Акопов А.А. Христианство. Государство. Право. К 2000-летию христианства: Монография. М.: МНЭПУ, 2000. С. 30; Христианское учение о преступлении и наказании / [науч. ред. К.В. Харabet, А.А. Толкаченко]. М.: Норма, 2009. С. 40.

² Карамзин Н.М. История Государства Российского. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. Илл. Б. Чорикова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 71.

³ Правда Русская. Тексты. Т. I. Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1940. С. 104—117.

лову» следует уплатить штраф¹. Совершенно определенно «за голову — убитого, за душегубство» надлежит «взыскать судье» 80 гривен. Исполняя решение суда, община либо *головник* должны «положить» их, т.е. выплатить сумму штрафа. Термин «голова» здесь обозначает труп убитого человека и его загубленную душу. В юридическом значении это потерпевший, лично ему в результате преступления причинена смерть. Другое положение Правды Русской Пространной редакции о депенализации убийства «за голову» (ст. 2) также подтверждает это понимание разбираемого слова: «ежели убийцы внесут, за учиненное ими душегубство законную денежную пеню»². В иной конкретной статье, определяющей сумму *вир* норма этой же редакции «устанавливает размер платы за голову, как можно думать, родственникам убитого»³. Эта плата «за голову (мертвое тело)» составляет 3 гривны (ст. 10)⁴.

Обнаруженный в пределах верви труп человека опять же именуется *головой* (ст.ст. 20 Краткой и 3 Пространной редакции). Убийство, сопряженное с разбойным нападением, относится к категории особо тяжких преступлений, а потому жители верви, исполняя полицейские функции, обязаны розыскать преступника. Если таковой не отыщется и не будет выдан власти, то община выплачивает дикую виру.

Ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества общественным способом — путем поджога закрепляется в статье «О гумне». В соответствии с ней поджигателю назначается высшая мера наказания — поток и разграбление: «на потокъ и на грабежь домъ

его» (ст. 83 Правды Русской Пространной редакции). Н.М. Карамзин воспроизводит данное положение так: «зажигатель гумна и дома выдается головою Князю со всем именем, из коего надобно прежде вознаграждать убыток, понесенный хозяином гумна или дома»⁵.

Приведенное объяснение слова *голова* в древнем памятнике соответствует специальной юридической терминологии законов различных государств той эпохи. М.О. Косвен пишет, что «основанием уголовного тарифа для всей системы частных оценок служит принятое оборотом вознаграждение за убийство взрослого здорового мужчины, создающее общую идею и норму цены человека. Это представление, воспринимаясь языком, дает терминологию многих древних письменных памятников. Так как древнейшим обозначением понятия «человека» оказывается в ряде индоевропейских языков выражение, дающее славянское *глава*, как и римское *caput*, то эти же термины в различных своих формах составляют обозначение «цены человека». Отсюда, констатирует автор, термины: за голову и головничество Русской Правды, *glowa* польских памятников, *globa* южных славян и проч., — оказываются как обозначением «убийства человека», так и «платы» за такое убийство или «стоимости человека», а вместе с тем становятся общими терминами для всей системы уголовных платежей. Таково же происхождение черкесского термина *сха*, в основном значении «голова», производном — цены за убийство, а затем и определенной денежной единицы, составлявшей в старину около 60 быков. Таков же и соответствующий латинский термин германских кодексов — *capitale*. Столь же выразительны германский общий термин *wergeld* (от *wer* — человек, мужчина и *geld* — стоимость, плата) и кентский термин *leodgeld* (от *leod* — человек). Не менее характерны выражения средневековой латыни: *pretium* (цена) германских правд, *pretium hominis* (цена человека) древнеирландских законов *carpi-*

¹ Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. I. М.: Юрид. лит. 1984. С. 47, 64.

² Дубенский Д.Н. Памятники древнего русского права по Харатейному списку Императорского московского общества истории и древностей российских. М., 1843. С. 19.

³ Российское законодательство X—XX веков. Т. I. С. 89.

⁴ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Науч. консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. I. Начала формирования судебной власти / Отв. ред. Н.М. Золотухина. М.: Мысль, 2003. С. 87.

⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 70.

tis estimation (стоимость человека) англо-саксонских кодексов и проч.»¹

Древнерусские хроники той поры подтверждают подлинность обозначения термином «голова» убиенного человека. В русской средневековой литературе (XVI в.) в ходу было слово «уголовие» со значением «лишение жизни», «лишение головы»:

«Ох ты гой еси, воевода царев.
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок без бою,
Без бою и без драки великия,
Без того уголовного смертного!
Я на первом часу возьму Опсков-град...
А тебя, воеводу, казнить буду!»

На данное требование отвечает воевода С.М. Карамышев:

«Блудён сын, король с королевичем,
С паном гетманом Хоткевичем.
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе города без бою,
Без бою и без драки великия,
И без того уголовного смертного!»².

Во многих международных соглашениях с Русью и законах других стран слово *голова* обозначает мертвого человека, ставшего жертвой преступления. Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами (1189—1199 гг.) разумеет под ним убиенного и предусматривает ответственность за убитую «голову» посла, купца, священника и других лиц (ст. 2—3, 15)³. Другой дипломатический акт «Договор (“Правда”) Смоленска с Ригою и Готским берегом» 1229 г. (экземпляр D) определяет: «Оже бьют волного человека, платити за голову 10 гривен серебра» (ст. 1). В данном случае норма соглашения накладывает штраф за убийство свободного человека в случае, если «убийца не был найден». Как правило, если таковой «обнаруживался, то выдавался головою». Последующее «Соглашение Смоленска с Ригою и Готским берегом» 1230—1270 гг. также криминализирует преступность и

наказуемость умышленного причинения смерти. Две статьи более подробно излагают содержание преступления: «Аже убьют мужа вольного, ть выдати розбойники, колико то их будеть было; не будеть розбойников, то дати за голову 10 грив[ен] серебра. Аже убьют посла или попа, то двое того дати за голову; аже не будеть розбойников, будуть розбойници, выдати е» (ст.ст. 2, 3). В дополнение к предшествующему договору 1229 г. вводится выдача лиц, принимавших участие в убийстве свободной личности, посла или священника. Однако если убийца не обнаружен, то «за голову», т.е. за совершенное убийство надлежит уплатить штраф⁴.

Специальное понятие закона «головник» (ст. 3—5 Правды Русской Пространной редакции) обозначает лицо, совершившее убийство. Данное юридическое определение «головник» это «убийца»⁵ или душегуб, т.е. субъект самого тяжкого преступления против жизни. Слова в кодексе Ярослава «будет ли головник» следует понимать как «будет ли убийца отыскан», а фраза «а то самому головнику» означает, что остальную сумму штрафа надлежит «внести убийце»⁶.

Исследователи данного определения солидарны в его смысловом одновариантном понимании. В научно-исторических и правовых произведениях «головник» имеет только одно значение «убийца»⁷. Вероятно, он являлся в то время самым близким синонимом религиозному понятию «душегубец», которое более соотнобразится с всеобщим христианским пониманием содеянного преступления.

В Правде Русской делается попытка установить единообразное поименование лица, совершившего убийство. Эта попытка унифицировать подобного злостного преступника словом *головник* оказывается

¹ Косвен М.О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л.: Гос. изд-во. 1925.

² Оборона Пскова от Стефана Батория // Библиотека Всемирной Литературы. Былины. М.: Эксмо, 2008.

³ Памятники русского права. Вып. второй. М.: Госиздат, 1953. С. 125—126.

⁴ Памятники русского права. Вып. второй. С. 58, 72, 77.

⁵ Российское законодательство X-XX веков. Т. I. С. 83—84.

⁶ Дубенский Д.Н. Указ. раб. С. 22—23.

⁷ Дьяконов М.А. Очерки истории русского права. Юрьев. 1905. С. 24; Фроянов И.Я. Древняя Русь IX—XIII веков / 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский издательский центр, 2014. С. 671.

безуспешной. Данный термин, претендующий на обобщенное обозначение фигуранта, преступившего букву закона, не приживается. Возможно, и оттого что молодое государство находится у истоков становления юридических понятий, и в оборот даже не введено общее понятие преступления. Три существующих вида *уголовных* актов – светские, церковные и международные по-разному именуют такие деяния и лиц их совершивших. Длительное время в законодательстве не существует единообразия в этом вопросе. Взамен одного употребляются многочисленные понятия, непосредственно связанные с учиненным противоправным деянием.

Следующий близкий в семантическом отношении к слову *голова* термин *головничество* имеет два смысловых значения — «убийство, и за убийство положенная законом пеня»¹. Применяемое в тексте Правды Русской определение «головничество» (ст. 5 Пространной Правды) сходно по своему значению с термином «*hlawa* в богемском и моравском праве, *kravina* у сербов, *glowszczyzna* в законодательствах польском и литовско-русском». Стало быть, «головничество или головщина в древнем русском законодательстве суть одно и то же понятие», что и у славянских народов².

Итак, первое его содержание обозначает самое тяжкое преступление, причиняющее человеку смерть. Наряду с Правдой Русской анализируемый термин *головщина* как убийство встречается и в локальных нормативных актах. После учинения смертоносного деяния «о головщине» Новгородская Судная грамота обязывает, чтобы тот «душегубец» был поставлен «у суда» в той волости, где им совершено убийство (ст. 36). Под *головщиной* здесь понимается только убийство³.

Второе смысловое значение термина *головничество* — это за убийство предусмотренный законом штраф. Правда Русская Пространной редакции под «головничеством» (ст. 5) понимает один из видов юридической ответственности. Он установлен княжеской властью и его основным содержанием является мера воздействия к лицу, совершившему убийство. Конкретная денежная сумма выплачивается в пользу потерпевшего преступником, уличенным в убийстве или сообществом, его скрывающим. Позднее в период действия закона о душегубстве «поголовщина» представляет собой денежный штраф за убийство в размере «четыре рубли». Его надлежало выплатить московскому наместнику⁴.

Московская губная запись 1486 г. в административном отношении разделяет Москву на два отдела. В каждом из них находится «большой наместник московский» осуществлявший правосудие по всем делам о преступлениях. Эти округа имели пять подразделений «для платежа головщины» в случае если убийца не обнаружен. При неотыскании убийцы «каждый, принадлежавший к тому отделу, в котором совершено душегубство, должен был участвовать в платеже головщины и головщина платилась здесь за каждого». Как раз в это время *головщина* становится «штрафом общественным»⁵.

Наиболее полно данный вид ответственности как обязанности лица понести материальное наказание за совершенное преступление описывает Н.Д. Иванищев в своем комплексном изыскании «О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирую» (1840 г.)⁶. Исследовав главные вопросы о плате за убийство, он

¹ Правда Руская или законы Великих Князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Тип. Синода. 1792. С. III.

² Правда Руская. Т. II. Комментарии. Под ред. Б.Д. Грекова. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 19.

³ Российское законодательство X—XX веков. Т. I. С. 304—308.

⁴ Запись о душегубстве. Памятники русского права. Вып. третий. М.: Госюриздат, 1955. С. 168.

⁵ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А.Д. Каплина. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 468—469.

⁶ Иванищев Н., Иванищев Н. О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирую. Киев, 1840.

пишет, что «головничество, или головщина» определяет «количество платы за голову» в древнем русском законодательстве, «кто получал плату за голову и кто платил ее?» Первоначально «в Русской Правде при Ярославе» существовала беспредельная власть кровной мести. Однако «дети Ярослава ограничивают власть родственников убитого над жизнью убийцы и заменяют кровавую месть кунами». Вот «эти куны составляют головщину в Русском законодательстве, и имеют следующие существенные признаки». Во-первых, «головщина в Русском законодательстве, не заключая в себе уголовного элемента, вся принадлежит истцу, как следствие выигранного гражданского иска, и никогда не принадлежит государству никакую свою частью». Во-вторых, ее количество и сумма «не определяется законом, сообразно с полом, возрастом и состоянием убитого, но всякий раз назначается истцом и представляется на рассуждение судей». В-третьих, *головщина* приходит на смену мести и ее получают «только ближайšie родственники убитого, по правилам наследства». В-четвертых, этот платеж вносит только один «убийца, без всякого участия других родственников». В случае возникновения ответственности верви, округ «вносит плату за голову, если допустит убийце скрыться». В-пятых, *головщина* просуществовала «несколько веков, не изменяя своего первоначального значения даже в то время, когда новые понятия, преимущественно утвержденные Христианскою религиею о преступлении и правосудии, уже пустили глубокие корни в жизнь народную». Данную мысль автор подтверждает примерами из Судебника 1497 г. В-шестых, в последующем законодательстве «частное начинает уступать общему» и «элемент уголовный в наказании за убийство увеличивается». За убийство устанавливается смертная казнь и к ней «прибавляется конфискация имущества». В этот период «уголовные начала являются в полной силе», а «слово: головщина исчезает пред смертною казнью»¹.

Исчезновение этого понятия из законодательства происходит не одномоментно. В законе о душегубстве (1456—1462 гг.) оно упоминается и как было уже отмечено штраф за «поголовщину» составляет четыре рубля. Белозерская уставная грамота (1488 г.) вводит аналогичную сумму денежного взыскания, однако ее именуется «виной». По сути это дикая вира, которая уплачивается той общиной, где «учинится душегубство». Если преступник обнаружен и выдан власти, то сообщество никаких выплат не производит (ст. 14)².

В договорных отношениях участниками коих являются древнерусские княжества термин *голова* наряду со словом «человек», «люди» употребляется в значении как живого, так и убитого человека. Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире (1316 г.) повествует о *головах*, т.е. живых беглых людях, которых «поймано по всей волости Новгородской». В договорной грамоте московского великого князя Юрия Даниловича и Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем о мире (1318—1319 гг.) в одном предложении присутствует слово «людеи» и «голова», а также в тексте документа имеется слово «человек». Договорная грамота тверского великого князя Михаила Александровича с Новгородом о мире (1375 г.) обязывает обе стороны отпускать плененных «головъ» без выкупа. Данное мировое соглашение распространяется и на тех лиц чьи «голова побиты». Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде (1189—1199 гг.) устанавливает ответственность за убийство человека. Если «убьють новгородца посла за моремъ» или наоборот немецкого посла в Новгороде, «то за ту голову 20 гривнь серебра». Такой же размер платы «серебра за голову» взыскивается «оже убьють таль или попь». За «голову» купцов надлежит уплатить 10 гривен серебра. Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде (1269 г.) под-

¹ Там же. С. 96, 106-110.

² Памятники русского права. Вып. третий. С. 168, 172.

тверждает «упомянутое возмещение» в марках серебра «за всякую голову»¹. По договору Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом (1229 г.) «плата за голову (головщина) свободного человека 10 гривен серебра или 40 гривен кун». В таком же размере «плату, равную головщине, т.е. 10 гривен серебра» уплачивает прелюбодей².

Таким образом, краткий историко-юридический анализ показывает, что термины *голова*, *головник*, *головничество* широко употребляются в древнерусском законодательстве, а также приобретают два вида ориентаций — позитивную и негативную. Ее правовое понятие в позитивном отношении символизирует жизнь и обозначает живую личность. Его негативно-противоправное содержание связано с упоминанием в качестве трупа человека, в том числе убитого и ставшего жертвой насильственного преступления. К этой же категории следует отнести словосочетание «уголовие смертное» выражающее массовое убийство людей во время воинского сражения. Определение *головник* как в тот период, так и сейчас с усилительной приставкой «у» — *уголовник* принадлежит к числу понятий с негативным смыслом. Оно заключает в себе переносное смысловое значение слова *голова/человек* в отрицательной коннотации с оскорбительным оттенком и передает презрение к лицу, виновному в тяжком душегубстве. Термин *головничество* имеет два смысловых значения — убийство, и за убийство установленный штраф. Безусловно, что эти два события вряд ли у кого вызывают особую радость, а потому и он впитал в себя нега-

тивный оттенок. В общественно-культурной и правовой сфере государства использование понятий с негативной ориентацией нежелательно, а потому они постепенно прекращают свое официальное существование. О *головнике* законы больше не упоминают, затем исчезает из употребления термин *голова* в значении убитого человека и *головничество* в смысле убийства, и наконец, *головничество* как штраф, определенный за совершение убийства человека.

Библиография

1. Богдановский, А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого / А. Богдановский. — М., 1857. — 146 с.
2. Карамзин, Н.М. История Государства Российского. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. Илл. Б. Чорикова / Н.М. Карамзин. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 879 с.
3. Косвен М.О. Преступление и наказание в догосударственном обществе / М. Косвен. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 140 с. URL: search.rsl.ru
4. Кутафин, О.Е. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Науч. консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. I. Начала формирования судебной власти Отв. ред. Н.М. Золотухина / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2003. — 701 с.
5. Правда Руская или законы Великих Князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. — Тип. Синода. 1792. — 138 с.
6. Шлецер, А.Л. Правда Русская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. — СПб., 1767. — 33 с.

¹ Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире (1316 г.), Договорная грамота московского великого князя Юрия Даниловича и Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем о мире (1318—1319 гг.), Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде (1189—1199 гг.), Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде (1269 г.). URL: vostlit.info

² Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 46.

Военное законодательство как комплексное нормативное правовое образование

© Тарадонов Сергей Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Военного университета, доцент кафедры гражданского права, международного частного права и гражданского процесса Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ))

Аннотация. В статье исследуется категория «военное законодательство». На основе теоретико-правового подхода предпринимается попытка определить место военного законодательства в системе российского правового регулирования. Предлагается авторская концепция в отношении понятия, структуры и сущности системы военного законодательства как комплексного нормативного массива.

Ключевые слова: военное право; источники военного права; военное законодательство; система военного законодательства; комплексная отрасль законодательства; комплексный нормативный законодательный массив.

Military legislation as a comprehensive regulatory legal structure

© Taradonov S. V.,

Sc. Law, docent, the professor of the Theory and History of State and Law Department of the Military University; the docent of civil law, international private law and civil procedure, Russian University of transport

Annotation. The article examines the category of «military legislation». On the basis of a theoretical and legal approach, an attempt is made to determine the place of military legislation in the system of Russian legal regulation. The author's concept is proposed in relation to the concept, structure and essence of the system of military legislation as a complex regulatory array.

Keywords: military law; sources of military law; military legislation; system of military legislation; complex branch of legislation; complex regulatory legislative array.

Военное право и военное законодательство являются важнейшими системами регулирования воинских отношений, следовательно, имеют единое социальное назначение, обладают функциональной общностью. Действующее военное законодательство служит тем фундаментом, с позиций которого законодатель принимает то или иное конкретное решение, обеспечивая эффективность реализации норм военного права.

Как указано в п. 17 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия), «рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных проти-

воречий сопровождаются повышением угрозы использования военной силы. ... Ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником. Увеличивается опасность перерастания вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав»¹.

Для подготовки к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории организуется оборона стра-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

ны (п. 38 Стратегии). Достижение целей обороны страны осуществляется в т.ч. путем: совершенствования системы военного планирования, мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации; своевременного учета тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов; создание условий для наиболее полной реализации боевых возможностей войск (сил); выработка требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы; поддержания на высоком уровне морально-политического и психологического состояния личного состава; правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах; повышения уровня социальной защищенности военнослужащих, членов их семей, граждан, уволенных с военной службы, а также улучшение условий военной службы и т.д. (п. 40 Стратегии).

Решение обозначенных выше задач во многом возможно только на основе детально проработанной системы военного законодательства, т.к. именно законодательство является господствующим источником права в России¹.

Отечественная правовая наука традиционно проявляет меньший интерес к исследованиям понятий «система законодательства» и «отрасль законодательства», в сравнении с категориями «система права» и «отрасль права». Так сложилось, что и сама проблематика системы законодательства и отрасли законодательства эксплицируются отечественными учеными, преимущественно, именно в контексте соотношения с системой права и отраслью права соответственно².

¹ Научные концепции развития российского законодательства : монография / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 7-е изд., доп. и перераб. М., 2015.

² Мицкевич А.В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ, 1967. Вып. 11. С. 3—24; Поленина С.В. Теоретические проблемы системы права и системы советского законодательства // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 138—144;

Между тем, система военного законодательства, его структура — основной несущий каркас той системы, которая обеспечивает практическую жизнь военного права. И даже если брать шире — понимание системы законодательства в целом в юридической науке также не является однозначным.

Анализ разных точек зрения по вопросу определения понятия законодательства дает возможность выделить следующие подходы:

— это вся совокупность издаваемых в государстве законов и подзаконных нормативных правовых актов³;

— это совокупность нормативных правовых актов высшего законодательного органа, Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации (либо совокупность законов, указов Президента и постановлений

Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 62—71; Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5. С. 29—37; Бобылев А.И. Современное толкование права и системы законодательства // Государство и право. 1998. № 2. С. 22—27; Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5—12; Бобылев А.И. Основания построения системы права и системы законодательства // Право и политика. 2003. № 3. С. 142—145; Черенкова Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Байтин М.И., Петров Д.Е. Взаимосвязь системы права и системы законодательства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 4. С. 8—15; Азми Д.М. Об объемном соотношении системы права и законодательства // Современное право. 2010. № 4. С. 15—18; Шминке А.Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012; Свиринов А.Ю. О соотношении системы права и системы законодательства // Современное право. 2013. № 5. С. 8—10; Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017.

³ Алексеев С.С. Государство и право. М.: Юрид. лит., 1994. С. 108.

Правительства)¹;

— это совокупность всех нормативных актов высшего органа законодательной власти²;

— это совокупность только законов³.

Такая разница в подходах обусловлена тем, что не до конца определенным остается вопрос о понятии «законодательство». Между тем логично, что для того чтобы дать определение части, для начала необходимо иметь сложившееся и внутренне имманентное представление о целом.

Например, С.В. Ермоленко обращает внимание на отсутствие единого нормативного закрепления понятия «законодательство», что создает определенные трудности для уяснения состава законодательства, процедуры его применения. Он рассматривает два основных подхода к пониманию законодательства — в широком и в узком смысле, показывает приоритетную роль каждого из них применительно к конкретным условиям общественного развития.

Под широкой трактовкой законодательства понимают систему не только законов, но и весь массив подзаконных нормативных актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, министерств, ведомств, других органов государственной власти и управления. Эти акты в своей совокупности образуют систему законодательства в широком

смысле.

Используя буквальное толкование, С.В. Ермоленко под законодательством в узком смысле подразумевает совокупность исключительно законодательных актов⁴.

Другие авторы, например, Д.В. Гусев, оппонировав, обосновывают необходимость включения в состав законодательства не только законов, но и иных нормативных правовых актов, изданных органами государственной власти, поскольку они издаются в соответствии с законами и на их основании, раскрывают их содержание, также выражают нормы права, регулируют отношения, не урегулированные законами, неразрывно связаны с ними. Многие общественные отношения, по мнению автора, могут быть вполне эффективно регламентированы подзаконными нормативными правовыми актами, изданными как на основе закона, так и в его отсутствие, что соответствует и современному этапу развития российской государственности, когда хотя и постепенно, со многими изъятиями, но все же достаточно отчетливо складывается принцип разграничения правотворческой компетенции⁵.

Т.В. Кашанина на основе исследования трудов отечественных ученых по данному вопросу усматривает в отечественной доктрине три основных подхода по вопросу о понимании понятия законодательства. Как отмечает автор, в соответствии с первой точкой зрения законодательство — это совокупность законов⁶. Сторонники такого понимания законодательства идут от трактовки термина и считают целесообразным

¹ Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М. Наука, 1979. С. 4—5; Теория государства и права : учебник для вузов/ В. К. Бабаев (и др.); под редакцией В. К. Бабаева. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 313; Теория права и государства / под ред. Г.М. Манова. М.: Бек, 1996. С. 195.

² Лившиц Р.З. Теория права. М. Бек, 1994. С. 112; Саликов М.С. Источники конституционного права // Конституционное право России : учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. Екатеринбург: Изд. УрГЮА, 2001. С. 41.

³ Концепция стабильности закона / под ред. В.П. Казимирчука. М.: Проспект, 2000. С. 9; Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М.: Независимое издательство «Манускрипт», 1994. С. 33.

⁴ Ермоленко С.В. Система законодательства Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 6—7.

⁵ Гусев Д.В. Законодательство Российской Федерации: понятие и система в условиях постсоветского развития российской государственности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 7.

⁶ См., например: Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 112; Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. М., 1999. С. 39; Шмакова Н.С. Ведомственное правотворчество: понятие и формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 28.

отказаться от широкого понимания законодательства, так как высшей юридической силой должен обладать только закон, на основе и во исполнение которого принимаются все иные нормативные акты.

Согласно второй точке зрения, выделяемой Т.В. Кашиной, законодательство — это совокупность нормативных актов, издаваемых федеральными органами власти¹. С.С. Алексеев, придерживаясь этой позиции, считал, что в систему законодательства входят все основные нормативные правовые акты (законы, указы, акты правительства и др.), а также вспомогательные (в том числе акты ведомств) и производные акты правотворчества (например, акты об утверждении перечня актов, утративших силу, и др.)².

Сторонники третьей точки зрения считают, что законодательство — это совокупность всех действующих нормативных актов в стране (как федеральных, так и региональных)³.

Затрудняют поиск единого подхода к пониманию законодательства и те перманентные разночтения на этот счет, которые существуют в действующих законодательных актах.

Например, узкий подход к трактовке законодательства закреплен в п. 2 ст. 3 ГК РФ, согласно которому «гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов (далее — законы), регулирующих отношения, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса. Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу».

Такой же, по сути, узкий подход продемонстрирован также в ст. 3

Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»: «законодательство Российской Федерации в области обороны ... включает в себя федеральные конституционные законы, федеральные законы, настоящий Федеральный закон и законы Российской Федерации в области обороны».

Между тем, есть целый ряд законов, в которых законодатель придерживается более широкого подхода к пониманию законодательства. Например, встречаются формулировки, согласно которым, «жилищное законодательство состоит из настоящего Кодекса, принятых в соответствии с настоящим Кодексом других федеральных законов, а также изданных в соответствии с ними указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления»⁴ И уж совсем широкий подход предлагается в УПК РФ, включающем в состав законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, даже «общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации»⁵.

В сфере военной деятельности государства также есть ряд законов, в которых законодатель придерживается широкого подхода к пониманию законодательства, используя близкий к нему термин «правовые основы». Например, в ст. 4 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе

⁴ Ч. 2 ст. 5 ЖК РФ.

⁵ Ч. 3 ст. 1 УПК РФ. Нужно отметить, что эта формулировка прямо противоречит нормам ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая рассматривает общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации лишь как часть «правовой системы» нашей страны, но не часть «законодательства», что есть принципиально разные понятия.

¹ Бабаев В.К. Правотворчество в современном Российском государстве // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 329.

² Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009. С. 444.

³ Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2012. С. 362—363.

военнослужащих» и ст. 3 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» помимо указания на регулирование законами содержится дополнение «и иные нормативные правовые акты Российской Федерации ...».

Такой излишне широкий подход представляется неоправданным с точки зрения обеспечения четкости и логической связности юридической терминологии, непротиворечивости понятийно-категориального аппарата военного законодательства.

В связи с этим представляется справедливой точка зрения А.Г. Головина, который пишет: «в рамках широкого подхода происходит смешение понятий «законодательство» и «система нормативных актов», при котором эти, разные по своему объему и содержанию понятия становятся синонимичными»¹.

Таким образом, по нашему мнению, более правильным с теоретической точки зрения, так и более удобным в практике применения является узкий подход к пониманию термина «законодательство», согласно которому к законодательству следует отнести только законы, а иные виды нормативных правовых актов целесообразно рассматривать в рамках категории «система нормативных правовых актов».

Однако, как только мы переходим на более низкий уровень нормативного рассмотрения вопроса понимания законодательства, данная трактовка вступает в противоречие со сложившимися в науке подходами к пониманию отрасли законодательства. Поскольку отрасль права, как принято считать, логически охватывает все нормы права, относящиеся к соответствующему предмету регулирования, логично предположить, что и отрасль законодательства не может игнорировать те или иные нормы в рамках определенного предмета правового

регулирования только потому, что они закреплены, скажем, в указе Президента Российской Федерации или постановлении Правительства Российской Федерации, а не только в федеральном законе.

Кроме того, сегодня имеет место тенденция «размягчения» закона через механизмы правоприменения, судебной, административной и в целом широкой социальной практики, которая фактически стала, наряду с законом, важнейшим фактором правового регулирования.

Стоит согласиться с мнением В.Н. Синюкова, что «теперь, говоря о соблюдении и исполнении закона, мы имеем в виду гораздо большую систему правовых и пограничных регуляторов, чем это имело место еще в конце XX века. Следовательно, законодательство как таковое далеко не неизменный архетип правового регулирования. В нем идут структурные и технологические процессы, которые меняют соотношение закона и подзаконного акта, закона и судебной практики, закона и обычая, традиции, этики и в целом закона и массового поведения субъектов»².

Представляется, для того чтобы преодолеть эти контраверзы, целесообразно рассматривать термин «законодательство» — в широком, обобщающем смысле — как все законы и нормативные правовые акты, принятые на основании закона. Именно на таком широком подходе, поддерживаемом большинством современных ученых, мы будем в дальнейшем основываться в ходе настоящего исследования.

Система законодательства в общепринятом смысле есть его функциональная структура, выражающаяся в устойчивой группировке нормативных актов и предписаний в институты, подотрасли и отрасли законодательства, нормативные массивы (комплексы), охватывающие в своей совокупности, взаимосвязи и взаимодействии всех норм права как регулятора общественных отношений.

¹ Головин А.Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. М.: Московское бюро по правам человека; «Академия», 2008. С. 11.

² Синюков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. 2018. № 10. С.3.

Структуру имеют и право, и законодательство¹. Но структура законодательства по отношению к структуре права выступает как производная. Структура права есть структура содержания, структура законодательства представляет собой структуру формы².

Интересно в этой связи отметить точку зрения Л.А. Морозовой, которая предлагает рассматривать в качестве идеального, но, по-видимому, недостижимого варианта совпадение системы права и системы законодательства³. На наш взгляд, такая точка зрения подчеркивает взаимообусловленность и единство правовой системы общества в двух ее ипостасях — системе права и системе законодательства.

В основе всех функциональных структур законодательства, как уже отмечалось, лежит социальное назначение определенных групп правовых норм, интерес государства в регулировании общественных отношений в определенном направлении, применяющего определенные принципы и методы.

Из этого положения следует, что ни о какой системе законодательства не может идти речь, если не выявлена система права или если она без серьезных оснований не учитывается при построении законодательства. Именно поэтому нельзя согласиться с мнением, что право и законодательство — это самостоятельные системы и потому нельзя требовать их сближения⁴. Напротив, и теоретические соображения (соотношение структуры содержания и формы), и практические потребности повышения качества законодательства и сокращения его объема требуют сближения системы законодательства с системой права.

Система права есть главная, но не

единственная внутренняя системообразующая связь законодательства. Даже самое элементарное сравнение «комплекта» отраслей права с «комплексом» крупных кодифицированных актов законодательства (а они обычно являются формирующим ядром) какой-то группы нормативных правовых актов, образующих отрасль или иной элемент системы законодательства) показывает, что эти «комплекты» не совпадают.

Другими словами, если считать первичным в развитии правовой области динамику самого законодательства, то система права является основным, главным, но не единственным внутренним мерилем построения законодательства, основанием его дифференциации на институты и отрасли. Законодательство в отличие от права имеет и комплексные институты, и комплексные отрасли, и межотраслевые нормативные массивы.

Многие нормативные акты военного законодательства, издаваемые в нашей стране, носят не отраслевой, а именно комплексный характер. И это объяснимо, так как установление новых юридических норм часто вызывается не обособленными видами общественных отношений, а потребностями, которые возникают на тех или иных участках организационной, управленческой, политической работы. Как правильно отметил проф. С.Н. Братусь, «нормативные акты, изданные в этих целях, сохраняют свою целостность только при комплексной систематизации, содействующей тем самым их должному пониманию и правильному практическому применению»⁵.

Однако комплексных актов много, и ряд из них имеет не разрозненный характер, а напротив, объединяют в себе группы норм, притом в зависимости от той сферы отношений, который они регулируют. Было бы неправильно, если такие комплексные акты и концентрирующиеся вокруг них группы актов были бы разделены по отраслевой принадлежности имеющихся в

¹ См.: Апт Л.Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 5—6.

² Система советского законодательства / Отв. ред. И.С. Самощенко. М.: Юрид.лит., 1980. С. 14.

³ Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. М., 2002. С. 235.

⁴ См.: Васильев Ю.С., Евтеев М.П. Кодификация и систематизация законодательства // Сов. государство и право, 1971. № 9. С. 18.

⁵ Систематизация хозяйственного законодательства / отв. ред. проф. С.Н. Братусь М.: Юридическая литература, 1971. С. 63.

них норм между базовыми (системообразующими, основными) с точки зрения системы права отраслями законодательства. Это было бы сугубо лакунарное, формальное разделение нормативного материала, не соответствующее его реальной сущностной группировке.

Архитектоника системы законодательства лабильна; группирование нормативных актов идет не по одному основанию, а, следовательно, является пересекающейся. На практике отрасль законодательства, даже если она называется так же, как одноименная отрасль права, с одной стороны, шире последней (во входящих в нее по своему основному содержанию нормативных правовых актах всегда есть нормы, относящиеся к другим отраслям права), а с другой — уже (не охватывает всех относящихся к данной отрасли права норм, ибо часть из них содержится в актах, принадлежащих по своему основному содержанию к другим отраслям законодательства). В этом смысле «чистых» отраслей законодательства нет, все отрасли законодательства в той или иной мере являются комплексными.

Комплексные отрасли законодательства образуются, прежде всего, из комплексных актов, т.е. из актов, включающих в себя нормы, относящиеся к нескольким отраслям права.

Военное законодательство в этом плане занимает промежуточное место. Оно комплексно как потому, что в его актах теснейшим образом увязаны нормы самых различных отраслей права (в основном все же административного, уголовного, гражданского, процессуального), так и потому, что в нем как в группировке актов имеются крупные группировки актов одноотраслевого или комплексного характера, регулирующие те или иные стороны деятельности всего механизма военной организации государства.

В связи с этим уместно вспомнить, что в дискуссии о системе советского права, развернувшейся в послевоенный период, вопрос о системе советского законодательства затрагивался мимоходом. В основном участники этой дискуссии склонялись к тому, что система законодательства долж-

на сближаться с системой права, отталкиваться от нее.

Но с начала 60-х годов XX в., советская правовая наука стала все больше уделять внимания не только вопросам системы права, но и проблемам системы законодательства¹. Наметилась тенденция трактовать систему законодательства как объективно-субъективное явление. При этом было отмечено, что субъективный фактор в образовании системы законодательства преобладает в отличие от системы права, где решающим является фактор объективный.

Основная трудность при объединении военного законодательства в единую отрасль заключена в рассредоточенности его норм между большим количеством разноотраслевых (в смысле отраслей права) нормативных правовых актов.

Между тем, военное право является действующей комплексной отраслью российского права. Относящиеся к этой отрасли властные предписания, включенные в многочисленные отрасли государственного управления, относящиеся к военной деятельности, позволяют комплексно обеспечить функционирование военной организации и военное строительство. Поэтому, на наш взгляд, сегодня основные усилия, прежде всего, необходимо сосредоточить на создании крупных кодифицированных и консолидированных актов путем объединения норм, регламентирующих одинаковые функции для всех подобных отраслей государственного управления в военной сфере.

Таким образом, система военного законодательства — это совокупность взаимосвязанных между собой элементов: правовые предписания, нормативные правовые акты, институты и подотрасли военного законодательства в их неразрывно взаимосвязи.

Ограниченные объемом настоящей работы, мы не имеем возможности детально рассмотреть обозначенные структурные элементы системы военного законодатель-

¹ См. например: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М. 1962.

ства. Однако отметим, что упомянутый в приведенной выше дефиниции системы военного законодательства перечень таких элементов является не полным. Так, в теории права в структуре системы законодательства также выделяют и так называемые комплексные образования законодательства разного уровня.

С другой стороны, очень часто группа отраслей (либо подотраслей) законодательства образует более широкую подсистему законодательства — отраслевой законодательный массив. Массив охватывает совокупность нормативных актов, регулирующих столь широкий и разнородный круг общественных отношений, что для управления им необходимо наличие ряда находящихся на одном уровне и не связанных иерархической зависимостью актов.

Законодательные массивы имманентно базируются преимущественно на предметных связях между входящими в них законами и подзаконными актами в тех случаях, когда в один комплекс сводятся отрасли (подотрасли) законодательства, адекватные ряду смежных однородных отраслей права.

Примером такого массива, по нашему мнению, как раз и является военное законодательство. Однако, следует согласиться с мнением А.Д. Шмидке, что на сегодняшний день незавершенность формирования многих законодательных массивов — один из существенных дефектов организации системы законодательства¹.

Таким образом, все элементы горизонтальной структуры системы законодательства, начиная с нормативного предписания и кончая межотраслевыми комплексными нормативными массивами, находятся во взаимосвязи и взаимодействии, дополняя и обслуживая друг друга.

Рассмотрим теперь структуру системы военного законодательства в «вертикальной» плоскости. Законодательный материал формируется по другому признаку — так сказать по «силовым», по вертикальным связям между его элементами, по отношениям субординации. В отличие от го-

ризонтальных отношений, эти связи чаще всего производны не от предмета регулирования, а от иерархии правотворческих органов.

Иерархия представляет собой подчинение источников права нижестоящего уровня источникам вышестоящего уровня и проявляется во взаимных связях, существующих между источниками, расположенными на различных уровнях. Иерархия обусловлена определенной совокупностью факторов, посредством которых теоретически обосновывается необходимость придания одним актам (их видам) более высокой юридической силы, чем другим².

Иерархическая структура законодательства может быть охарактеризована как совокупность взаимосвязанных законов, подзаконных нормативных актов и устойчивых связей подчинения между нормативными правовыми актами, расположенными на различных уровнях.

Возвращаясь к характеристике военного законодательства как комплексного нормативного образования, отметим, что такие массивы составляют немалую по объему, но необходимую с точки зрения нормативного регулирования систему законодательства.

Комплексные образования возникают в современном законодательстве вследствие развития инфраструктуры, промышленности, транспортных артерий, связи, энергетики и других отраслей массового производства, оказания услуг, охраны окружающей среды, требующих применения разнообразных технических, организационных и иных средств в тесной их взаимосвязи; это в полной мере относится и к причинам формирования комплексности военного законодательства.

Необходимость эффективного управления в различных сферах влечет за собой применение специфических правовых средств для организации деятельности людей (в т.ч. и военнослужащих), их труда (службы), профессиональной подготовки, управления соответствующими органами, личным составом и т.д. Поэтому в юриди-

¹ Шмидке А.Д. Указ. соч. С.18; Ермоленко С.В. Указ соч. С. 52.

² Толстик В.А. Иерархия источников российского права. Н. Новгород, 2002. С. 37.

ческой науке и практике прочно сложились такие массивы разноотраслевых правовых норм, как военное право, природо-ресурсное право, транспортное право, законодательство об информатизации и т.п. В таких комплексных объединениях, отмечает А.В. Мицкевич, главным является не выделение особых, юридически дифференцированных отраслей права, а наоборот, интеграция специальных для той или иной сферы деятельности общества (обороны страны, отрасли хозяйства, управления, культуры, образования, здравоохранения и т.п.) разнородных норм права, т.е. норм, различных по юридической первоначальной дифференциации права и законодательства¹.

Наиболее удачной представляется попытка положить во главу угла (в виде основного критерия) построение системы комплексных отраслей законодательства в зависимости от отрасли государственного управления². Обосновывая этот вывод, А.Ф. Шебанов указывает, что поскольку главенствующее значение для построения системы отраслей законодательства имеет воля государства, то структура законодательства определяется, главным образом, целями деятельности государства, имеющимися в его распоряжении способами и формами осуществления данных целей³. Наиболее успешному решению этих задач способствует в одних случаях сосредоточение в одном (или нескольких) акте норм, регулирующих однородные отношения в определенной области общественной жизни (например, воинские отношения), а в другой — норм, регулирующих разнородные отношения в сфере деятельности

определенной целостной системы государственных органов (например, в сфере деятельности органов военного управления).

Издание государством актов, содержащих нормы разных отраслей права и решающих в комплексе ту или иную задачу государственного управления, на наш взгляд, объективная необходимость. Строительство вооруженных сил есть область *государственной* деятельности. Поэтому преобладающее место в нем занимают отношения *государственно- и административно-правового* характера⁴, но регулирование также осуществляется и предписаниями уголовного, процессуального, гражданско-правового и иного характера. Следовательно, только комплексное регулирование в области государственного военного управления даст наибольший регулятивный эффект.

По мнению С.В. Полениной, важно установить, возглавляется ли (или должна возглавляться) данная группа актов, охватывающих всю совокупность соответствующих отношений, кодификационным нормативным правовым актом (законом либо правительственным постановлением), выступающим в качестве активного центра, аккумулирующего и формирующего связи управления данной системой⁵. Однако сказанное релевантно лишь в отношении комплексных отраслей законодательства, к которым, например, возможно отнести жилищное, семейное, земельное законодательство, «вершиной» которых является соответствующий единый кодифицированный акт.

Что же касается других комплексных нормативных образований, в частности, комплексных массивов законодательства (в т.ч. и военного законодательства), то здесь имеется или должно иметься несколько формирующих ядер, определяю-

¹ Мицкевич А.В. Система права и система законодательства // В кн.: Проблемы общей теории права и государства / под ред. Нерсесянца В.С. М., 1999. С. 330.

² В данном контексте под отраслями государственного управления нами понимается формально обозначенные и разграниченные государством сферы государственного вмешательства в регулирование общественных отношений соответствующие сферам обеспечения жизнедеятельности общества.

³ Шебанов А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации // Сов. государство и право. 1971. № 12.

⁴ Романов П.И. Военное право как отрасль советского законодательства, учебная и научная дисциплина // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения : сборник научных статей. М., 1974. С. 38.

⁵ Поленина С.В. Теоретические проблемы системы права и системы советского законодательства // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 59.

щих связи управления в подсистемах, образующих массив законодательства, о чем будет сказано далее.

О существовании комплексных массивов законодательства говорил в своей работе О.А. Красавчиков¹. В данное понятие автор включает широкий спектр любых мало-мальски очерченных в теории и на практике нормативных объединений, основывающихся исключительно на функциональных взаимосвязях правовых норм. Нормативный массив, по мнению О.А. Красавчикова, может быть выражен как в одном нормативном акте, так и в ряде нормативно-правовых актов.

По нашему мнению, выделение комплексных образований в структуре законодательства связано с существованием больших совокупностей комплексных нормативных актов, среди которых не представляется возможным выделить один нормативный акт, выступающий в качестве единого центра. Таким комплексным массивом и является военное законодательство, которое как комплексное образование значительно превышает по размерам комплексную отрасль законодательства. Причем в силу большого количества нормативных актов, управление с помощью единого формирующего ядра становится просто нереальным, так как по мере повышения неизбежной в таких случаях абстрактности основополагающего акта снижается его способность к эффективно управлению системой, что делает принятие такого единого для всего военного законодательного массива акта фактически излишним. Однако данный комплекс связан в системе законодательства прочными предметно-функциональными связями и представляет собой единое по задачам и объекту регулирования (оборона страны, государственное управление военной организацией, сфера воинских отношений) нормативное образование.

Внутренняя структура комплексных законодательных массивов членится на комплексные институты, подотрасли, отрасли законодательства.

Причем не все эти элементы должны обязательно вычленяться в комплексном законодательном массиве, а также обладать комплексным характером. Например, в составе комплексного массива военного законодательства выделяется подотрасть военно-уголовного законодательства, которая является элементом законодательного массива о борьбе с преступлениями против военной службы, в структуре которого выделяют уголовные, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные институты законодательства, адекватные отраслям права. Взаимодействуя и дополняя друг друга, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательства вооружают правоохранительные органы всем необходимым законодательным материалом для того, чтобы практически реализовать уголовную ответственность за воинские преступления. Системность комплекса законодательства о борьбе с преступлениями против военной службы, выражается в том, что его составные части — законодательные акты, предписания законодательства, находясь между собой в строго определенном, закономерном соотношении и соподчинении, последовательно регулируют все вопросы уголовной ответственности, начиная с ее законодательного установления и вплоть до устранения ее последствий для лиц, понесших уголовное наказание за конкретное преступление².

В отдельных случаях крупные массивы законодательного регулирования могут включать не только отрасли, подотрасли и институты, но и меньшие по масштабу массивы законодательства³.

Таким образом, *комплексный массив законодательства* можно охарактеризовать как совокупность нормативно-правовых актов и предписаний законодательства, сгруппированных в институты, подотрасли, отрасли законодательства, управляемая из нескольких формирующих

¹ Красавчиков О.А. Система права и система законодательства // Правоведение. 1975. № 2. С. 70.

² Кирин В.А. Законодательство о борьбе с преступностью. М., 1978. С. 100.

³ Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства в правовой системе России : учебное пособие. Н. Новгоро, 2002. С. 53.

ядер (единых нормативных актов), объединяемая предметно-функциональными связями, исходя из тех или иных задач, применительно к отдельным сферам общественной жизни.

Военное законодательство имманентно имеет свою только ей присущую структуру, состоящую из взаимодействующих между собой структурных элементов, в совокупности образующих самостоятельный комплексный нормативный массив.

Вопросы структуры военного законодательства всегда были в поле зрения как дореволюционных и советских юристов, так и сегодня являются объектом пристального внимания научных и практических работников.

В.М. Чхиквадзе отмечал, что составными частями военного права и законодательства являются: военно-административное, военно-уголовное и военно-судебное. Каждая из этих подотраслей военного законодательства занимает подчиненное положение, каждая из них тесно связана с одноименными отраслями советского социалистического права, но в целом, в комплексе они составляют военное законодательство¹.

Такой же точки зрения придерживался А.А. Максимов², который наглядно показал связи отдельных частей военного законодательства.

В.И. Шанин определяет военное законодательство как совокупность законов и других государственных актов, которые содержат нормы различных отраслей законодательства и регулируют общественные отношения в сфере строительства, жизни и деятельности Вооруженных Сил, охраны установленного в них порядка³. Автор отмечает, что в состав военного законода-

тельства входят соответствующие нормы финансового, земельного, гражданского законодательства, регулирующие отношения, связанные с обеспечением деятельности и снабжением Вооруженных Сил, а также нормы уголовного, уголовно-процессуального законодательства, законодательства о судостроительстве и прокурорском надзоре. Весь этот арсенал правовых средств, имеющих различную отраслевую принадлежность, обладающий системным единством и комплексным характером, обеспечивает организацию, функционирование и развитие государственных и иных социальных институтов защиты Отечества.

Интересное мнение высказано советским военным юристом Г.В. Орловым, который считает, что массив военного законодательства является составной частью еще более крупного комплексного нормативного массива — законодательства о защите Отечества, в составе которого также входят законодательство об охране государственной безопасности, законодательство о гражданской обороне⁴.

Военное законодательство носит комплексный характер, поскольку, оно основывается на нормах не только военного права, но и иных отраслей права (конституционного, административного, гражданского, финансового, земельного и др.). Оно представляет собой выстроенную систему военно-законодательных норм, регулирующих весь спектр воинских отношений, в которых участвуют все органы государственной власти, местного самоуправления, организации и их должностные лица (от Президента Российской Федерации, являющегося Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации, до рядового), а также граждане.

Примечательно, что военные юристы, анализирувавшие советское военное законодательство, одни из первых обратили внимание на комплексный характер этой правовой общности. На сессии совета Во-

¹ Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1946 (Цит. по: Корякин В.М. Военное право: антология диссертаций : в 2 ч. / Ч. 1. М.: За права военнослужащих, 20011. С. 334—335).

² Максимов А.А. Советские военно-правовые нормы и их особенности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950. (Цит. по: Корякин В.М. Военное право: антология диссертаций. Ч. 1. С. 77—78.

³ Военное законодательство и правовое воспитание воинов / Х.М. Ахметшин, Ю.М. Бирюков, А.С. Кобликов и др. М.: Воениздат, 1983. С. 12.

⁴ Орлов Г.В. Предмет регулирования комплексной отрасли советского законодательства // Сборник статей № 21. М.: ВКИ, 1985. С. 198.

енно-юридической академии, состоявшейся в 1940 г., констатировался комплексный характер военного законодательства, включающего нормы разноотраслевой принадлежности¹.

В последующем при обсуждении теоретических вопросов военного законодательства на сессиях совета Военно-юридической академии в 1954 и 1956 гг. подавляющее большинство военных юристов также признали, что советское военное законодательство — комплексная область законодательства².

Именно этот разноотраслевой характер составляющих норм военного законодательства и образует комплекс правовых предписаний, обладающих определенным единством, поскольку все они связаны со строительством Вооруженных Сил, их организацией и деятельностью, с поддержанием и укреплению их боеспособности, дисциплины и установленного порядка несения военной службы.

Однако, как было обосновано выше, в современной теории права разграничивают комплексные отрасли законодательства и комплексные нормативные массивы, в зависимости от наличия у них одного или нескольких формирующих ядер (кодифицированных, комплексных актов), формирующих связи внутри данного комплексного образования законодательства. В структуре военного законодательства к таким актам (формирующим ядрам) можно отнести законы «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе» и др., что и позволяет классифицировать военное законодательство как комплексный нормативный массив.

В структуре комплексного массива военного законодательства, возможно, выделить следующие комплексные подотрасли:

- законодательство регулирующее право вооруженных конфликтов (оперативное законодательство);
- военно-административное законо-

дательство;

— военно-уголовное законодательство;

— военно-социальное законодательство;

— военно-финансовое законодательство.

Отдельно в структуру военного законодательства входит ряд самостоятельных правовых законодательных институтов, носящих комплексный характер, таких, например, как законодательство о воинской обязанности и военной службе; законодательство, определяющее правовой статус военнослужащего; нормативные акты регулирующие международно-правовые институты военного права (военно-техническое сотрудничество, миротворческие операции, военное мореплавание и т.д.) и др.

Солидаризируясь с мнением А.В. Кудашкина³, отметим, что в систему военного законодательства также входят нормативные предписания, которые не достигли уровня сформированности правовых институтов, но имеют явно выраженную военную (оборонную) специфику. Это, например, институты, опосредующие военно-гражданские отношения («военные» закупки, удостоверение доверенностей и др.).

Подводя итог, резюмируем, что военное законодательство является сложным, комплексным, многоуровневым нормативным массивом, имеющим системный характер, объединяющим все действующие в государстве военно-правовые акты, объединяемые в комплексные подотрасли военного законодательства, комплексные законодательные институты и нормативные предписания.

Предлагаем следующую дефиницию *военного законодательства*: это комплексный нормативный массив, под которым следует понимать совокупность нор-

¹ См.: Труды Военно-юридической академии. Вып. 2. М., 1940.

² См.: Материалы сессии Совета академии // Труды Военно-юридической академии. Вып. 23. М., 1956.

³ Военное право : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1 : История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 445—446; Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 33.

мативных правовых актов и предписаний военного законодательства, сгруппированных в институты и подотрасли законодательства, управляемый из нескольких формирующих ядер (единых нормативных актов), объединяемый предметно-функциональными связями в целях определения правил подготовки и урегулирования войны (вооруженных конфликтов), правил ведения боевых действий, правового положения (статуса) участников военной деятельности, а также правовых основ военной деятельности государства по обеспечению его военной безопасности.

Библиография

1. Азми, Д.М. Об объемном соотношении системы права и законодательства / Д.М. Азми // Современное право. — 2010. — № 4. — С. 15—18.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. — М., 2009.
3. Апт, Л.Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1973.
4. Байтин, М.И. Взаимосвязь системы права и системы законодательства / М.И. Байтин, Д.Е. Петров // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2006. — № 4. — С. 8—15.
5. Бобылев, А.И. Основания построения системы права и системы законодательства / А.И. Бобылев // Право и политика. — 2003. — № 3. — С. 142—145.
6. Бобылев, А.И. Современное толкование права и системы законодательства / А.И. Бобылев // Государство и право. — 1998. — № 2. — С. 22—27.
7. Васильев, Ю.С. Кодификация и систематизация законодательства / Ю.С. Васильев, М.П. Евтеев // Сов. государство и право. — 1971. — № 9.
8. Военное право : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1 : История и теория военного права (с предисловием). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.
9. Военное законодательство и правовое воспитание воинов / Х.М. Ахметшин, Ю.М. Бирюков, А.С. Кобликов и др. — М.: Воениздат, 1983.
10. Головин, А.Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы / А.Г. Головин. — М.: Московское бюро по правам человека; «Академия», 2008.
11. Гусев, Д.В. Законодательство Российской Федерации: понятие и система в условиях постсоветского развития российской государственности : дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Гусев. — Омск, 2003.
12. Ермоленко, С.В. Система законодательства Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Ермоленко. — Волгоград, 2006.
13. Кашанина, Т.В. Структура права / Т.В. Кашанина. — М.: Проспект, 2012.
14. Кишин, В.А. Законодательство о борьбе с преступностью / В.А. Кишин. — М., 1978.
15. Концепция стабильности закона / под ред. В.П. Казимирчука. — М.: Проспект, 2000.
16. Красавчиков, О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) / О.А. Красавчиков // Правоведение. — 1975. — № 2. — С. 62—71.
17. Лившиц, Р.З. Теория права / Р.З. Лившиц. — М.: Бек, 1994.
18. Максимов, А.А. Советские военно-правовые нормы и их особенности : дис... канд. юрид. наук / А.А. Максимов. — М., 1950.
19. Мицкевич, А.В. Система права и система законодательства / А.И. Мицкевич // Проблемы общей теории права и государства; под ред. В.С. Нерсесянца. — М., 1999.
20. Мицкевич, А.В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства / А.И. Мицкевич // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1967. — Вып. 11. — С. 3—24.
21. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозов. — М., 2002.
22. Научные концепции развития российского законодательства : монография / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. — 7-е изд., доп. и перераб. — М., 2015.
23. Орлов, Г.В. Предмет регулирования комплексной отрасли советского законодательства / Г.В. Орлов // Сборник статей № 21. — М.: ВКИ, 1985.
24. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. - М.: Юрлитинформ, 2017. — 584 с.
25. Поленина, С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России / С.В. Поленина // Государство и право. — 1999. — № 9. — С. 5—12.
26. Поленина, С.В. Система права и система законодательства в современных условиях / С.В. Поленина // Правоведение. — 1987. — № 5. — С. 29—37.
27. Поленина, С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С.В. Поленина. — М. Наука, 1979.
28. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы права и системы советского законодательства / С.В. Поленина // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. — М., 1974. — С. 138—144.
29. Романов, П.И. Военное право как отрасль советского законодательства, учебная и научная дисциплина / П.И. Романов // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения : Сборник научных статей. — М., 1974.

30. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4.
31. Саликов, М.С. Источники конституционного права / М.С. Саликов // Конституционное право России : учебник; отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. — Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001.
32. Свирин, А.Ю. О соотношении системы права и системы законодательства / А.Ю. Свирин // Современное право. — 2013. — № 5. — С. 8—10.
33. Синюков, В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции / В.Н. Синюков // Lex russica. — 2018. — № 10.
34. Система советского законодательства / Отв. ред. И.С. Самощенко. — М.: Юрид. лит., 1980.
35. Систематизация хозяйственного законодательства / отв. ред. проф. С.Н. Братусь — М.: Юридическая литература, 1971.
36. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. — М.: Госюриздат, 1962.
37. Теория государства и права : учебник для вузов/ В. К. Бабаев (и др.); под ред. В. К. Бабаева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2022.
38. Теория права и государства / под ред. Г.М. Манова. — М.: Бек, 1996.
39. Тихомиров, Ю.А. Юридическая коллизия / Ю.А. Тихомиров. — М.: Манускрипт, 1994.
40. Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. М. 1999.
41. Толстик, В.А. Иерархия источников российского права / В.А. Толстик. — Н. Новгород, 2002.
42. Черенкова, Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Э. Черенкова. — М., 2003.
43. Шебанов, А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации / А.Ф. Шебанов // Сов. государство и право. — 1971. — № 12.
44. Шмакова, Н.С. Ведомственное правотворчество: понятие и формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.С. Шмакова. — М., 2006.
45. Шминке, А.Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии : дис. ... канд. юрид. наук / А.Д. Шминке. — Саратов, 2012.
46. Чхиквадзе, В.М. Военно-уголовное право : дис. ... д-ра юрид. наук / В.М. Чхиквадзе. — М. 1946.
-

Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход

© Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАН, главный научный сотрудник
Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета
правосудия; профессор Российской таможенной
академии

© Аулов Владимир Константинович,
судья в отставке, кандидат юридических наук,
доцент, заслуженный юрист Забайкальского края

Аннотация. В статье рассматривается вопрос трансформации военного права. Анализ осуществляется в контексте современных тенденций развития военного права. С учетом кризиса международного права, авторы предлагают активно внедрять современные юридические технологии права вооруженных конфликтов в практику информационного противоборства, а также развивать и совершенствовать новые направления военного права.

Ключевые слова: вооруженные силы, военное право, право вооруженных конфликтов, информационное противоборство.

Objectification of the national interests of the Russian Federation in the norms of military law: a modern approach

© Tuganov Yu.N.,
Chief Researcher of the Center for the Study of
Problems of Justice of the Russian State University
of Justice; Professor of the Russian Customs Academy,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of
the Russian Federation, Academician Russian Academy
of Natural Sciences

© Aulov V.K.,
retired judge, Candidate of Law, associate Professor,
Honored Lawyer of the Trans-Baikal Territory

Abstract. The article deals with the issue of transformation of military law. The analysis is carried out in the context of modern trends in the development of military law. Taking into account the crisis of international law, the authors propose to actively introduce modern legal technologies of the law of armed conflict into the practice of information warfare, as well as to develop and improve new areas of military law.

Keywords: armed forces, military law, law of armed conflicts, information confrontation.

*Не ничего более практичного,
чем хорошая теория*

В своем обращении к российскому народу 24 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин указал на

то, что «Расширение блока НАТО на восток, приближение его военной инфраструктуры к российским границам, это те

фундаментальные угрозы, которые из года в год шаг за шагом грубо и бесцеремонно создаются в отношении нашей страны безответственными политиками на Западе»¹. С учетом этих угроз, а также с целью защиты людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима, решения задач по демилитаризации и денацификации Украины осуществляется специальная военная операция².

Сдвиг в глобальной среде безопасности во многом обусловлен внешней стратегией США к военному превосходству, желанием стать единственной «великой сверхдержавой», реализация которой ведется в худших традициях «холодной войны» — гонка вооружений на новом технологическом уровне. США объявили Россию самой большой современной угрозой³. Проявлением этого, помимо военных приготовлений, стали санкции, применяемые США без разбора к 2/3 стран мира, строительство разных стен и другие действия изоляционистского и протекционистского характера.

Еще в 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание на ослабление международных институтов, появление новых региональных конфликтов, деградацию системы глобальной безопасности. Он также отметил: «можно ожидать, что более агрессивным станет и характер практических действий, включая давление на те страны, которые не согласны с ролью послушных управляемых сателлитов, использование торговых барьеров, нелегитимные санкции, ограничение финансовой, технологической, информационной сфер. Подобная игра без правил

критически повышает риски одностороннего применения военной силы ...»⁴.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров в своем интервью указал на размывание грани между несилowymi и силовыми методами достижения внешнеполитических целей; милитаризацию международных отношений и киберпространства; повышение роли ядерного оружия в доктринальных документах США, снижение порога его возможного применения; появление новых очагов вооруженных конфликтов⁵.

О том, что мир уже сегодня находится в состоянии новой (второй) «холодной войны», так же как мир очень близок состоянию глобальной военной дестабилизации, высказывался акад. РАН А.А. Дынкин⁶.

Как отмечают А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин, «Военная деятельность есть неотъемлемый атрибут каждого современного государства. Формы и объемы такой деятельности дифференцированы в зависимости от приоритетов внешней и внутренней политики»⁷.

Все перечисленное свидетельствует о том, что сложившаяся в настоящее время военно-политическая обстановка вокруг Российской Федерации и Союзного с Белоруссией государства требует новых подходов к современным направлениям развития военного права, поскольку правовая наука не может существовать вне рамок общественной жизни, не замечая геополитическую ситуацию в мире.

Военное право как специализированная комплексная отрасль юридической науки исследует теорию и практику правового обеспечения военной деятельности государства и его институтов в сфере обо-

¹ Из обращения Президента Российской Федерации В.В. Путина к российскому народу 24 февраля 2022 года // <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-24-02-2022.html> (дата обращения: 15.05.2022)

² Там же.

³ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 224—229.

⁴ Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938>.

⁵ Лавров С.В. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сент. Цит. по: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 9.

⁶ Дынкин А. А. Стратегическая стабильность и архитектура безопасности // Вестник РФФИ. 2018. № 2. С. 43.

⁷ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 8.

роны и безопасности. Научные исследования, адекватные потребностям теории и практики, являются необходимой основой военно-юридического образования. Военное профессиональное образование и наука должны органично взаимно дополнять и развивать друг друга и тем самым активно способствовать сохранению и дальнейшему прогрессу военных научных школ¹.

Новое качество современных военных угроз и кардинальное усложнение задач, решаемых личным составом, ставят на повестку дня давно назревший вопрос дальнейшего развития военной организации Российского государства, реализации комплекса мер в области военного строительства, в т.ч. и мер правового характера. Актуальность правовых исследований в военной сфере обусловлена потребностями государства в совершенствовании правовых основ военной деятельности государства, военных отношений, которые, будучи урегулированные правом, приобретают качество правоотношений, объединяемых понятием «военное право».

Решение Президента Российской Федерации о проведении специальной военной операции, о демилитаризации и денацификации Украины, а также о предании суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, является еще одним самостоятельным основанием для осмысления проблематики эффективности военно-правовых технологий в новой системе измерения права вооруженных конфликтов как подотрасли военного права². Следует также учитывать, что международное право в настоящее время практически не работает, как и остальные виды права сейчас в европейских странах. Возможностей для

отстаивания интересов русских за границей мало³.

Например, принятие базовых документов, устанавливающих нормативно-правовые рамки противодействия нацизму в международном праве, не порождает существенных правовых последствий для практики межгосударственных отношений тех стран, которые были против их одобрения.

Речь идет о:

— Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «О борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 1 ноября 2019 г.⁴;

— Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принятой резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г.)⁵;

— Резолюции Европейского парламента: «О росте неонацистского насилия в Европе» от 25 октября 2018 г.⁶;

— Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г.)⁷.

Данные обстоятельства свидетельствуют о кризисе международного права и требуют более активного внедрения современных юридических технологий права

³ Песков заявил о небольших возможностях для отстаивания интересов русских за границей // Политика — ТАСС [Сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/14144571> (дата обращения: 25.05.2022).

⁴ В Генеральной Ассамблее ООН принята резолюция о борьбе с героизацией нацизма // Новости ООН [Сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/12/1369371> (дата обращения: 30.03.2022).

⁵ United Nations, Treaty Series, vol. 660, p. 240—266.

⁶ О резолюции Европарламента «О росте неонацистского насилия в Европе» // Russian Mission: [Сайт]. URL: <https://russiaeu.ru/ru/novosti/orezolyucii-evroparlamenta-o-roste-neofashistskogo-nasilija-v-evrope> (дата обращения: 07.04.2022).

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 2, ст. 18. В сборнике: «Действующее международное право». Т. 3.

¹ Дамаскин О.В., Корякин В.М., Холопова Е.Н. Современные проблемы военного права как учебной дисциплины, науки и научной специальности // Современное право. 2016. № 7. С. 16—23.

² Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. № 4. С. 21

вооруженных конфликтов в практику информационного противоборства.

Отставание в этом виде борьбы непосредственно угрожает военной безопасности Российской Федерации, поскольку чревато установлением контроля иностранных акторов над сознанием российских граждан¹.

При таких обстоятельствах включение права вооруженных конфликтов и юридических технологий информационного противоборства в приоритетное направление развития военного права и его специфический автономный предмет, представляется закономерным и объективно обусловленным²: события на Украине обуславливают необходимость расширения, а не сужения понятия «военное право»³.

Априорным допущением при этом является доктринальное понимание военного права как системы установленных государством военно-правовых норм, в том числе и экстерриториального характера.

В совокупности своих качественно-количественных характеристик данные нормы:

— *утверждают* понятие войны, конкретизируют поводы для ее объявления, устанавливают правовые основы отношения государства к войне и направления политики по обеспечению его военной безопасности;

— *регулируют* порядок поддержания мобилизационной готовности Вооруженных Сил, других государственных военных организаций, органов и воинских формирований, экономики и граждан к отражению нападения, правила ведения вооруженной борьбы и достижения победы в войне (вооруженных конфликтах);

— *закрепляют* правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств

достижения целей войны, а также отношение к военнопленным и гражданскому населению на оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения⁴.

Ситуация с развитием военного права по современному состоянию свидетельствует о том, что:

— темпы развития теории военного права отстают от потребностей военной организации Российской Федерации, запросов государственно-правового и военного строительства;

— предмет и метод правового регулирования военного права окончательно не дифференцированы от смежных правовых категорий;

— специфика принципов и функций военного права в системе российского права раскрыта не в полном объеме,

— место и роль военного права в правовой системе России надлежащим образом не определены;

— развитие военного законодательства, а также складывающаяся на его основе правоприменительная практика значительно опережают теоретические военно-правовые исследования.

Вследствие этого, требование к корректировке модели изучения военного права, интенсификации правовых исследований в этой области⁵, развитию права вооруженных конфликтов и информационного противоборства в качестве самостоятельных подотраслей военного права, обусловлены двумя обстоятельствами. Первое — появлением новых категорий вооруженных конфликтов и новых видов «войны» (асимметричных⁶, сетевых)

⁴ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 9.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Назаров С.П. Обзор развития концепции асимметричной войны: философия, теория, практика // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. Матер. I Всерос. междисц. науч. конф. Отв. ред. И.П. Герасченко. 2019. С. 12—15; Спиридонова В.И. Информационная война как разновидность «абсолютной войны» — нового типа войн XXI века // Религия и политика в постсекулярном обществе. Материалы XXXI Харакского форума и XIII международного семинара. Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. 2017. С. 259—271.

¹ Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020—2025 гг. / В.Н. Богданов и др. М., 2016. С. 241, 350. Цит. по: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 21.

² Там же.

³ Кудашкин А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 12. С. 87.

ских¹, сетевых², информационных³, сетевых⁴, когнитивных⁵, гибридных⁶, психологических⁷, многодоменных⁸, мно-

¹ Присяжнюк С.П., Аванесов М.Ю. Влияние концепции сетевых войн на выбор принципов управления в инфокоммуникационных сетях // *Информация и космос*. 2010. № 4. С. 6—15; Раскин А.В., Пеляк В.С. Концепция сетевых войн — за и против // *Военная мысль*. 2012. № 7. С. 14—21; Харланов А.С., Белый Р.В. Концепция сетевых войн. состояние, перспектива развития и опыт применения космических средств наблюдения США // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2020. № 2. С. 118—121.

² Савин Л.В. Сетевая и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 130; Шеремет И.А. Концепция «сетевых войн» и особенности ее практической реализации // *Независимое военное обозрение*. 2005. № 43.

³ Виноградова Е.А. Международные подходы к концепции информационной войны // *Вестник Российской Федерации*. 2015. № 4 (42). С. 247—258; Гриняев С.Н. Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира // *Зарубежное военное обозрение*. 2002. № 2. С. 11—15. Концепция информационной войны будущего // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 3. С. 3—15.

⁴ Дугин А.Г. Сетевые войны [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dynacon.ru/contant/articles/2319/> (дата обращения 08.05.2022).

⁵ Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны // *Философия и общество*. 2021. № 4 (101). С. 39—51; Бартош А.А. Когнитивная война как третье операционное измерение современных военных конфликтов // *Науч. тр. ученых 1 отд. — Отд. общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук*. М.: Акад. военнаук, науч.-исслед. центр пробл. нацбез., 2022. С. 102—113.

⁶ Серебряков Ю.И., Ганиев А.Н., Тамп Н.В., Баскаев С.Р. Особенности диффузно-гибридных войн и конфликтов современности // *Научная мысль*. 2021. Т. 17. № 3-1 (41). С. 72—76.

⁷ Гуторович О.В., Гуторович В.Н. Психологическая война и морально-психологическая подготовка военнослужащих: онтологический аспект // *Тр. Воен.-космич. акад. им. А.Ф. Можайского*. 2017. № 656. С. 208—217; Кушкарев М.С. Психологическая война: концептуальный обзор // *Роль и место информационных технологий в современной науке*. Матер. ст. Всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 263—267.

⁸ Половинкин В.Н. Перспективы многодоменных боевых действий в современной войне // *Защита и безопасность*. 2021. № 3 (98). С. 16—19; Стучинский В.И., Корольков М.В. Пути

госферных⁹, кибер¹⁰ и прочих прокси-войн¹¹. Второе — эволюционным совершенствованием военной организации государства (трансформируется ее структура, уточняются задачи, полномочия и т. д.). Пример тому — выделение внутренних войск из структуры МВД России в самостоятельную государственную военную организацию с прямым подчинением Президенту Российской Федерации.

Таким образом, происходящие события обуславливают необходимость переосмысления (пересмотра) понятия «военное право», его не сужения, а расширения¹².

Актуальными задачами, имеющими как теоретическое, так и современное прикладное значение, являются:

— исследование военного права как междисциплинарного явления российского права;

— изучение элементов структуры военного права (предмет, методы, принципы, функции) и его отдельных институтов (военная организация государства, право вооруженных конфликтов, правовое обеспечение боевых действий, военная служба, статус военнослужащих и др.);

— юридическое обоснование новых направлений развития правового регулирования военной деятельности государства

противодействия реализации концепции США и НАТО «многодоменная битва» // *Военная мысль*. 2021. № 7. С. 41—49.

⁹ Голубенко Н.Ю., Вавринюк С.А. Многосферные войны США // *E-Scio*. 2020. № 10 (49). С. 340—342; Хомутов А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «многосферных операций» // *Военная мысль*. 2021. № 5. С. 27—41.

¹⁰ Крисна В.И. Роль методов кибервойны как средства противоборства в современной прокси-войне // *Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения*: сбор. матер. XV Всерос. (с междун. участ.) научн. конф. студ., магист., аспирант. и молодых ученых. 2019. С. 214—218.

¹¹ Капицын В.М., Корчмарек Т.В., Столетов О.В., Щерба К.Д., Зверева В.С., Джанаева А.Э., Деев И.А., Кочетков Д.А., Калфаоглу Р., Черпакова А.И. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 4. С. 117—139.

¹² Кудашкин А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2020. № 12. С. 87.

(в космическом пространстве, киберсфере, системах вооружения с искусственным интеллектом и др.)¹.

— уточнение понятия «военная организация государства» и структурных элементов, составляющих объем этой категории;

— конкретизация правовых признаков военной деятельности государства и основ применения военных методов вооруженной борьбы («оперативное право»). Нужно понимать, что применение огнестрельного оружия военизированными организациями (МВД России, ФСИН России и др.) не означает применение ими военных методов;

— углубление изучения всех форм реализации конституционной обязанности по защите Отечества с учетом не только внешних, но и внутренних угроз.

Остается злободневной и необходимость углубления правовых исследований в сфере деятельности оборонно-промышленного комплекса².

В то же время текущая ситуация выдвигает требование к интенсификации правовых исследований по следующим направлениям³:

— правовое обеспечение военной политики Российской Федерации;

— правовое обеспечение военного строительства;

— правовое обеспечение информационного противоборства в сфере обороны страны и военной безопасности государства;

— Министерство обороны Российской Федерации в системе федеральных органов исполнительной власти;

— правовые основы привлечения Вооруженных Сил Российской Федерации к участию в борьбе с международным терроризмом;

— теоретико-правовые основы формирования в структуре военного права

подотрасли права вооруженных конфликтов;

— правовое регулирование государственного оборонного заказа;

— правовое регулирование проведения конкурсов и торгов для нужд обороны;

— правовое обеспечение гражданского контроля над военной организацией государства;

— правовые основы взаимодействия Вооруженных Сил Российской Федерации с институтами гражданского общества;

— правовое регулирование деятельности общественных объединений в Вооруженных Силах Российской Федерации;

— правовые основы деятельности военных средств массовой информации;

— правовое обеспечение военно-кадровой политики в Вооруженных Силах Российской Федерации;

— правовое регулирование комплектования Вооруженных Сил;

— ограничения, связанные с военной службой и льготы в военном праве;

— правовые основы пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, и их семей;

— статус ветерана в Российской Федерации (военно-правовой аспект);

— правовое регулирование социальной защиты семей погибших (умерших) военнослужащих;

— правовое регулирование воспитательной работы и морально-психологического обеспечения повседневной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации;

— правовые средства укрепления правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации;

— организационно-правовые основы борьбы с оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Вооруженных Силах Российской Федерации;

— правовая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации;

— правовые средства предупреждения коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации;

— теоретико-правовые основы проверки военного законодательства на коррупционность;

¹ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С.17.

² Кудашкин А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? С. 87.

³ Корякин В.М. Введение в теорию военного права (монография): Военное право в XXI веке // Рос. воен.-правов. сб. № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007. С. 12.

— правовое обеспечение безопасности военной службы;

— экологическая безопасность и военная деятельность государства;

— судебная практика как источник военного права, исполнение судебных решений как стадия восстановления нарушенных прав военнослужащих;

— правовой статус воинских формирований Российской Федерации, дислоцированных на ее пределах;

— правовое регулирование участия Вооруженных Сил Российской Федерации в миротворческой деятельности.

Приведенный перечень задач по реформированию отрасли военного права является далеко не исчерпывающим.

Вместе с тем он наглядно свидетельствует, что военное право находится сейчас на новом этапе и имеет объективно обусловленные перспективы развития. Новые возможности детерминированы, прежде всего, возвратом к русской военноправовой традиции, а также отказом от конвертации в категории военного права скомпрометировавших себя юридических заимствований из парадигмы общечеловеческих ценностей.

Принципиально новым правовым феноменом военного права может стать отказ от казуальной правовой технологии при защите соответствующих общественных отношений специфическими уголовно-правовыми и административными методами¹.

Так, исходя из фундаментальной особенности российской правовой системы, которая «специфицируется не формой, а смыслом юридических институтов и явлений»², а также из предлагаемого понимания единого родового объекта составов

перечисленных ниже правонарушений, ряд существующих противоправных деяний представляется целесообразным объединить в один состав правонарушения — в соответствии с отраслевой принадлежностью военного права³.

Например, для квалификации в одной статье можно объединить нормы, оцениваемые в настоящее время по следующим статьям УК РФ: 280 — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; 282 — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; 282.1 — организация экстремистского сообщества; 282.2 — организация деятельности экстремистской организации; 354.1 — реабилитация нацизма.

Было бы логичным тот же подход распространить и на статьи КоАП РФ: 20.3 — пропаганда и публичное демонстрационное нацистской атрибутики или символики; 20.29 — производство и распространение экстремистских материалов и 20.3.1 — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

При этом родовым объектом защиты от вышеназванных угроз стали бы общественные отношения, обеспечивающие реализацию гражданами России их конституционных прав и свобод, достойные качество и уровень их жизни, а также гражданский мир и согласие в стране, суверенитет Российской Федерации, ее независимость и государственную целостность (подп. 1

¹ О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости: Доклад МИД России. 2019 // Посольство Российской Федерации в КНДР [Сайт]. URL: <http://rusembdprk.ru/ru/press-relizy/1094-mid-2019-05-10> (дата обращения: 24.05.2022).

² Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. С. 72.

³ Статьи УК РФ: ст. 280 — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; ст. 282 — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; ст. 282.1 — организация экстремистского сообщества; ст. 282.2 — организация деятельности экстремистской организации. Статьи КоАП РФ: 20.3 — пропаганда и публичное демонстрационное нацистской атрибутики или символики, 20.29 — производство и распространение экстремистских материалов и 20.3.1 — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации)¹.

Предложенная модернизация механизма юридической ответственности за деяния, которые, безусловно, посягают на основы конституционного строя и безопасность России, подразумевает локализацию такой «объединенной» нормы в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и аналогичном разделе особенной части КоАП РФ.

Отказ от казуального построения правовых запретов в военном праве было бы правильно осуществлять путем объективации находящихся под охраной видовых общественных отношений через отсылки диспозиций статей соответствующих кодексов к определенному положению раздела Стратегии, где сформулированы конкретные виды национальных интересов Российской Федерации.

Сочетание максимально обобщающей абстракции объективной стороны нормы запрета «действие (бездействие) вопреки национальным интересам Российской Федерации» с понятийной конкретностью соответствующего положения Стратегии обеспечит надлежащую определенность и точность юридической формы предлагаемых изменений.

Изложенный способ уголовно-правового и административно-правового нормотворчества в рамках военного права поможет:

— осознать реальность угрозы нацизма и его повышенной общественной опасности непосредственно для основ конституционного строя и безопасности России;

— консолидировать усилия государства, институтов гражданского общества и граждан на борьбу с самим феноменом нацизма, а не с отдельными малозначительными его проявлениями;

— использовать потенциал русской правовой традиции военного права и проверенные временем отечественные юридические технологии, конструктивно зареко-

мендовавшие себя еще в СССР в борьбе с нацизмом, для уточнения подходов Российской Федерации к толкованию права вооруженных конфликтов;

— применять силы и средства информационного противоборства для парирования угроз общественным отношениям, обеспечивающим реализацию гражданами России их конституционных прав и свобод, достойные качество и уровень их жизни, а также гражданский мир и согласие в стране, суверенитет Российской Федерации, ее независимость и государственную целостность.

Все перечисленное также свидетельствует о том, что сложившаяся в настоящее время военно-политическая обстановка вокруг Российской Федерации и Союзного с Белоруссией государства требует новых подходов к развитию военного права, поскольку правовая наука не может существовать вне рамок общественной жизни, игнорируя международные военно-политические реалии и антироссийские действия отдельных акторов геополитической конкуренции.

Новое качество современных угроз военной безопасности Российской Федерации и кардинальное усложнение задач, решаемых личным составом при их отражении, ставят на повестку дня необходимость скорейшей реализации правовых мер в области военного строительства, как одного из актуальных направлений дальнейшего совершенствования военной организации российского государства.

С учетом приоритетов государственных интересов Российской Федерации первоочередные меры данной категории могут включать в себя формализацию в качестве самостоятельных субинститутов военного права правовое обеспечения информационного противоборства и право вооруженных конфликтов.

Библиография

1. Алексеев, А.П. Цифровизация и когнитивные войны / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // Философия и общество. — 2021. — № 4 (101). — С. 39—51.

2. Бартош, А.А. Когнитивная война как третье операционное измерение современных военных конфликтов / А.А. Бартош // Науч. тр.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

акад. воен. наук. — М.: Акад. воен. наук, 2022. — С. 102—113.

3. Виноградова, Е.А. Международные подходы к концепции информационной войны / Е.А. Виноградова // Вестник Российской нации. — 2015. — № 4 (42). — С. 247—258.

4. Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020—2025 гг. / В.Н. Богданов и др. — М., 2016.

5. Голубенко, Н.Ю. Многосферные войны США / Н.Ю. Голубенко, С.А. Вавринюк // E-Scio. — 2020. — № 10 (49). — С. 340—342.

6. Дамаскин, О.В. Современные проблемы военного права как учебной дисциплины, науки и научной специальности / О.В. Дамаскин, В.М. Корякин, Е.Н. Холопова // Современное право. — 2016. — № 7. — С. 16—23.

7. Капицын, В.М. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире / В.М. Капицын, Т.В. Корчмарек, О.В. Столетов, К.Д. Щерба, В.С. Зверева, А.Э. Джанаева, И.А. Деев, Д.А. Кочетков, Р. Калфаоглу, А.И. Черпакова // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 4. — С. 117—139.

8. Корякин, В.М. Введение в теорию военного права (монография) / В.М. Корякин // Российский военно-правовой сборник № 9 : Военное право в XXI веке. — М.: За права военнослужащих, 2007. — С. 11—119.

9. Кудашкин, А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 12.

10. Назаров, С.П. Обзор развития концепции асимметричной войны: философия, теория, практика / С.П. Назаров // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : Матер. I Всерос. междисциплинар. научн. конф. Отв. ред. И.П. Герашенко. — 2019. — С. 12—15.

11. Пичугин, В.Г. Концепция информационной войны будущего / В.Г. Пичугин, Л.А. Годунова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 3. — С. 3—15.

12. Половинкин, В.Н. Перспективы многодоменных боевых действий в современной войне / В.Н. Половинкин // Защита и безопасность. — 2021. — № 3 (98). — С. 16—19;

13. Присяжнюк, С.П. Влияние концепции сетевых войн на выбор принципов управления в инфокоммуникационных сетях / С.П. Присяжнюк, М.Ю. Аванесов // Информация и космос. — 2010. — № 4. — С. 6—15.

14. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7—34.

15. Савенков, А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации / А.Н. Савенков. — М., 2020.

16. Серебряков, Ю.И. Особенности диффузно-гибридных войн и конфликтов современности // Ю.И. Серебряков, А.Н. Ганиев, Н.В. Тамп, С.Р. Баскаев // Научная мысль. — 2021. — Т. 17. — № 3-1 (41). — С. 72—76.

17. Стучинский, В.И. Пути противодействия реализации концепции США и НАТО «многодоменная битва» / В.И. Стучинский, М.В. Корольков // Военная мысль. — 2021. — № 7. — С. 41—49.

18. Спиридонова, В.И. Информационная война как разновидность «абсолютной войны» — нового типа войн XXI века / В.И. Спиридонова // Религия и политика в постсекулярном обществе. Материалы XXXI Харакского форума и XIII международного семинара. Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. — 2017. — С. 259—271.

19. Харланов, А.С. Концепция сетевых войн: состояние, перспектива развития и опыт применения космических средств наблюдения США / А.С. Харланов, Р.В. Белый // Образование. Наука. Научные кадры. — 2020. — № 2. — С. 118—121.

20. Хомутов, А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «многосферных операций» / А.В. Хомутов // Военная мысль. — 2021. — № 5. — С. 27—41.

Военно-административное право

Правовые средства объективной оценки управляющей деятельности военных руководителей

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, докторант
Военного университета

Аннотация. В статье анализируется состояние и объективность работы по оценке деятельности воинских командиров и начальников по управлению подчиненными воинскими коллективами или порученным направлением деятельности. Автор выявляет пробелы правового регулирования в сфере указанной деятельности, описывает типовые примеры субъективизма при оценке воинских руководителей. Особый акцент уделяется взаимосвязи деятельности военного руководителя и допущенными в возглавляемом им подразделении правонарушениями. На основе анализа указанных недостатков делаются предложения по совершенствованию деятельности по объективной оценке военнослужащих.

Ключевые слова: военное управление, оценка деятельности, аттестация, должностные обязанности, причинность правонарушений, объективность оценки, командирская подготовка, очковтирательство.

Legal means of an objective assessment of the management activities of military leaders

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, doctoral
student of the Military University

Abstract. The article analyzes the state and objectivity of work on the assessment of the activities of military commanders and superiors in the management of subordinate military collectives or assigned activities. The author identifies gaps in legal regulation in the sphere of this activity, describes typical examples of subjectivism in the assessment of military leaders. Special emphasis is placed on the relationship between the activities of the military leader and the offenses committed in the division headed by him. Based on the analysis of these shortcomings, proposals are made to improve the objective assessment of military personnel.

Keywords: military administration, assessment of activities, certification, job responsibilities, causality of offenses, objectivity of assessment, commander training, fraud.

Вся воинская деятельность имеет целью подготовить каждого военнослужащего, подразделение и воинскую часть к ведению реальных боевых действий. Чем меньше искажено знание о состоянии боевой готовности армии, тем более адекватна политика государства в отношении ее¹.

Военные структуры напрямую не взаимодействуют с населением, соответственно, не получают от него оценку своей

деятельности. Военная организация ориентирована, в первую очередь, на реализацию функции государства, а не на оказание государственных услуг взаимодействующим с военным ведомством гражданам. Даже процесс реализации личным составом Вооруженных Сил своих социальных и гражданских прав (в т.ч. и имеющих заявительный характер) не переведен в ракурс оказания государственных услуг, поэтому даже методики оценки эффективности такого рода деятельности на воинских должностных лиц не распространяются.

Воинские должностные лица оцени-

¹ Глухов Е.А., Корякин В.М. Главное и второстепенное при оценке деятельности военнослужащего: постановка проблемы // Военное право. 2018. № 2. С. 17—24.

вают друг друга сами в закрытом от посторонних режиме — эффективность (качество) их работы проверяют вышестоящие в иерархической лестнице властных структур лица и органы.

Иные же надзорные и контролирующие органы (Прокуратура Российской Федерации, ФАС России, инспекторы-ревизоры финансовых органов и т.п.) оценивают лишь законность/незаконность деятельности проверяемых военных структур и не вправе вторгаться в вопросы целесообразности и эффективности их деятельности. Гражданский контроль со стороны общественных организаций, как предлагали в свое время авторы соответствующего законопроекта, в целях превращения силовых структур «в открытые обществу и понятные для него институты, которые при любых обстоятельствах действуют строго по своему предназначению, в порядке, установленном Конституцией и законами»¹ в настоящее время не установлен.

Однако объективная оценка эффективности деятельности персонала нужна самому же военному ведомству для анализа состояния управленческой системы, оптимального распределения полномочий и задач, выявления реального состояния дел, повышения мотивации сотрудников, определения дальнейших перспектив использования должностных лиц.

В самом общем виде эффективность определяется как соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами². Иными словами, эффективность управления — это соотношение результата, эффекта к затратам (финансовым, временным, людским), обеспечившим получение данного результата. Однако в социальном плане приведённое опре-

деление не учитывает публичные интересы, общественные ценности и те результаты, которые невозможно измерить в денежной форме или ресурсным затратам.

В юридической теории эффективность обычно связывают с результативностью действия права, т.е. со способностью правоприменителя достичь в процессе реализации правовых норм заложенных в них целей³.

В теории организации и административного управления эффективность деятельности определяется как «отношение чистых положительных результатов (превышение желательных последствий над нежелательными) и допустимых затрат»⁴. То есть управление, которое обеспечивает достижение поставленных целей с наименьшей затратой ресурсов, может считаться эффективным. В этом плане следует согласиться с О.А. Ежуковой в том, что в основании понятия "эффективность" находятся два элемента: затраты (ресурсы, средства, издержки и т.п.) и результат (цель, задача и т.п.). При этом эффективность определяется как соотношение указанных элементов при наличии положительного результата⁵.

В трудах военных ученых обосновывается, что в среднем около 40 процентов реализуемого боевого потенциала войск (сил) достигается за счет вклада системы управления воинским формированием. А для таких информационноёмких систем, как системы ПВО, вклад системы управления в достижение конечных целей боевых действий может достигать даже 70 процентов⁶.

Эффективность государственного (в т.ч. и военного) управления тесно связана

¹ См. паспорт проекта федерального закона № 97801758-2 "О гражданском контроле и управлении военной организацией и деятельностью в Российской Федерации". Снят с рассмотрения 06.02.2001.

² ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (утвержден приказом Росстандарта от 28.09.2015 № 1390-ст). М.: Стандартинформ, 2015.

³ Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 56.

⁴ Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В.А. Менеджмент в организациях. М., 1995. С. 253.

⁵ Ежукова О.А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 61—67.

⁶ Управление подразделениями в мирное время: учебник / Копылов В.А. и др.; под общ. ред. Торгованова Ю.Б. Красноярск. 2015. С. 38.

со способностью субъектов управления определять приоритетные направления развития и надлежащим образом распределять ресурсы, а также со стратегическим потенциалом органов власти определять индикаторы деятельности и вероятные последствия¹. Таким образом, правильное определение цели деятельности — важнейшее условие обеспечения эффективности руководства. И наоборот, смещение внимания с главной цели на побочные, второстепенные неминуемо приведёт и к снижению эффективности управления.

1. Дефекты, влияющие на объективность оценки воинских руководителей.

В отличие от коммерческих структур, где превалирует мотив получения организацией прибыли от своей деятельности и где эффективность работы персонала можно измерить в денежном выражении, в военной среде в мирное время достижение заложенных целей не поддается такого рода исчислению, поэтому огрехи и ошибки персонала методами бухгалтерского учёта трудно выявить. Нет критерия, чтобы определить, не были ли излишними издержки, выделенные, к примеру, на передислокацию воинской части либо на организацию ремонта полигона силами ее военнослужащих вместо плановых занятий с ними по боевой подготовке.

Поэтому среднестатистический руководитель органа военного управления зачастую заинтересован в получении и трате как можно больших сумм на свои нужды. Расходуя больше денег, он может, зачастую, таким легким способом улучшить результаты своей деятельности без приложения серьезных усилий. Быть экономным его можно заставить только строгими предписаниями, контролем извне и угрозой наказания².

Ещё один весьма тревожный тренд в сегодняшней действительности — ориентация на количественные показатели

в качестве инструмента для оценки деятельности командования воинской части (подразделения). Однако погоня за выполнением разноплановых количественных показателей работы нередко ведёт к ухудшению качества выполнения всей организацией *главных задач*, негативно влияет на состояние правопорядка, стимулирует должностных лиц к манипулированию данными отчетности³.

Здесь необходимо напомнить, что признаки преступлений, происшествий и грубых дисциплинарных проступков содержатся и в тех деяниях военнослужащих, которые не осуждаются в солдатских коллективах. Например, самовольные отлучки из расположения воинских частей, нецензурная брань в общении, нарушения правил несения службе в наряде или пользование смартфонами. Поэтому искоренить подобные деяния крайне трудно.

Однако по устоявшейся еще с советских времен практике считается, что чуть ли не любое правонарушение в воинском коллективе является следствием ненадлежащей работы командования по его предупреждению. Так, в материалах анализа состояния правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, представленных на заседании Коллегии Минобороны России 28 февраля 2020 г., отмечается, что недостаточный уровень дисциплины в частях и подразделениях свидетельствует об упущениях должностных лиц в работе с военнослужащими. Сложившееся положение является следствием нарушений и игнорирования требований руководящих документов и слабой предупредительной работы⁴. Более того, при подведении итогов, например, учений первое место среди мотострелковых батальонов займет не тот, который продемонстрировал лучшую боевую слаженность и высокую результативность огневого поражения противника, а

¹ Барциц И.Н. Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 64—71.

² Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос, антикапиталистическая ментальность. М., 1993. С. 22.

³ Глухов Е.А. Эффективность бюрократического управления // Военное право. 2019. № 2. С. 72—77.

⁴ Цит. по: Фоменко П.П., Шиханов В.В. Деятельность военно-политических органов по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах России // Военный академический журнал. 2020. № 3. С. 61—67.

тот, в котором не произошло каких-либо происшествий¹.

Для оценки состояния правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах используется коэффициент, отражающий среднее количество преступлений, происшествий и грубых дисциплинарных проступков на одну тысячу человек, что позволяет осуществлять сравнительный анализ состояния правопорядка и воинской дисциплины в подразделениях (частях), а также оценивать работу органов военного управления и командиров различных степеней².

Поэтому обычный командир знает о негативной реакции вышестоящего начальства на любые происшествия, преступления и нарушения воинской дисциплины в возглавляемом воинском формировании, особенно если его показатели превышают подобные показатели нарушений воинской дисциплины в соседних воинских формированиях. Знает этот командир и о возможных негативных последствиях для себя в случае получения старшим начальником подобной информации, данных о росте правонарушений. Поэтому он заинтересован одновременно как в их недопущении, так и сокрытии подобных фактов от вышестоящего командования и учета (если это возможно). Причем негативная реакция вышестоящего командования по отношению к представившему правдивый, но «негативный» доклад о состоянии дел возможна не только в виде привлечения последнего к дисциплинарной ответственности, но и нереализации мер поощрения, замедления его карьерного роста, в ненаправления его на обучение для повышения квалификации, в организации дополнительных проверок деятельности в возглавляемом коллективе и т.п.

В свою очередь, реальный страх негативных последствий за совершение любых правонарушений в подчиненных воинских формированиях вызывает вполне есте-

ственную реакцию представить отчетность о состоянии дел в как можно более положительном и даже приукрашенном виде, скрыть факты преступлений, происшествий и грубых дисциплинарных проступков.

Но недостоверная отчетность и приукрашенная информация обратной связи означает укрывательство правонарушений и негативных факторов военной службы, нарушение прав подчиненных. Тем самым страх негативной реакции свыше порождает обман со стороны руководителей более нижнего звена, а также провоцирует их на совершение должностных правонарушений³.

Проблема видится еще и в том, что полностью искоренить правонарушения в воинских коллективах просто невозможно, они будут всегда ввиду специфики военной службы и ее специфических психологических трудностей, высоких требований к уровню воинской дисциплины, других не зависящих от воли командира факторов. Проблемой же и «дамокловым мечом» для командиров на местах является не само наличие правонарушений в возглавляемых подразделениях, а карающая реакция на них со стороны старшего начальника без учета какой-либо причинно-следственной связи между правонарушениями и деятельностью данных командиров.

В каждом военном ведомстве имеется свой нормативный акт, где указаны направления деятельности, подлежащие проверке, и критерии, учитываемые при оценке проверяемого направления деятельности. Сконцентрируемся в данном вопросе на оценке управляющего воздействия со стороны командира. Тем более, что качество деятельности организации во многом зависит от эффективности управления ею, от адекватности и своевременности принимаемых руководством решений.

Качество управленческой деятельности командира за отчетный период оценивается, в том числе, по тем параметрам,

¹ Троценко К.А. Как оценивать состояние правопорядка и воинской дисциплины в подразделении (воинской части) // Военная мысль. 2008. № 8. С. 67—74.

² Там же.

³ Глухов Е.А. Причины очковирательства в докладах военных руководителей и меры по их устранению // Военное право. 2016. № 4. С. 48—57.

которые напрямую не влияют на достижение поставленных целей. Так, в обязательном порядке проверяются имеющиеся планы работы, планы подготовки, протоколы совещаний, доклады и отчеты, приказы о результатах проведения мероприятий и т.п., тогда как реальное выполнение данных мероприятий может не оцениваться. Деятельность командира по сохранению жизни и здоровья военнослужащих, например, признается неудовлетворительной, если в подразделении или воинской части зафиксировано количество травм большее, чем в аналогичном периоде прошлого года (или большее, чем в нормативе, определенном старшим начальником). Причинно-следственная связь между деятельностью командира и наступившими травмами не учитывается. Между тем, травмы военнослужащими могут быть получены случайно, без какой-либо вины с их стороны, во внеслужебное время, по вине третьих лиц. Но от этого травмы не снимаются с учета, общая оценка деятельности командира по сохранению жизни и здоровья подчиненного подразделения оценивается негативно.

Профессор О.С. Иоффе отмечал, что причинная связь между поведением человека и наступившим результатом приобретает правовое значение лишь при том условии, что это поведение вызвало действительность результата или, по крайней мере, создало конкретную возможность его наступления¹. Если же причинная связь между действиями командира и наступившим результатом отсутствует, то полученный результат никоим образом не может быть критерием оценки эффективности управления.

Поэтому в отчетных документах положение дел в возглавляемом воинском формировании или в курируемом направлении деятельности зачастую приукрашается. В юридической литературе совершенно справедливо указывается, что «многие из существующих систем показателей служебной деятельности построены таким образом, что побуждают руководителей

государственных органов не раскрывать истинное состояние дисциплины и порядка в своих подразделениях, чтобы избежать отрицательной оценки своей работы»².

2. Предложения по совершенствованию правового регулирования оценки воинских руководителей.

Задача оценки сотрудника состоит в выявлении его уровня квалификации, навыков, умений, степени их использования в служебной деятельности, соответствия сотрудника занимаемой должности или возможности его перемещения на иную должность. В самом общем виде, оценка сотрудника должна производиться в целях объективной характеристики эффективности его служебной деятельности, а, следовательно, и ценность сотрудника для организации. Важная задача оценки — обеспечить обратную связь: сотрудник должен знать, как оцениваются результаты его деятельности, его стремление к качественному выполнению своей работы со стороны руководства.

Основным методом оценки деятельности работника на предприятии, в организации является аттестация³.

Порядок аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, установлен ст. 26, 27 Положения о порядке прохождения военной службы⁴ и приказами руководителей органов государственной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы. Согласно п. 2 ст. 26 вышеупомянутого Положения основными задачами аттестации военнослужащих являются:

а) определение соответствия военнослужащих занимаемым воинским должностям

² Буравлев Ю.М. Юридическая ответственность государственных служащих, обусловленная оценкой эффективности служебной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 32—35.

³ Хайрулина Л.Р., Домашенко Г.А., Князева О.О. Управление профессиональным развитием персонала : учебное пособие. Омск: «Издательский центр КАН», 2021.

⁴ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы».

¹ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л, 1955. С. 233.

стям и перспектив их дальнейшего служебного использования;

б) подбор военнослужащих для назначения на воинские должности, определение целесообразности заключения новых контрактов с военнослужащими, достигшими предельного возраста пребывания на военной службе, а также отбор кандидатов для направления на учебу;

в) создание резерва кандидатов для выдвижения и направления на учебу;

г) определение служебного предназначения выпускников военно-учебных заведений;

д) представление военнослужащих к награждению государственными наградами Российской Федерации и присвоению очередных воинских званий досрочно и на одну ступень выше воинских званий, предусмотренных штатом для занимаемых воинских должностей;

е) оценка причин, которые могут служить основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы.

Не являются исключением и командиры воинских частей и подразделений, начальники служб и отделов — они также должны оцениваться аттестационной комиссией на предмет соответствия занимаемой должности.

Вместе с тем, в порядке аттестации критерии такой оценки не определены. На представляемого для аттестования военнослужащего его непосредственным начальником составляется отзыв. Приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444¹ установлено, что в отзыве, как правило, должны быть отражены следующие вопросы, характеризующие аттестуемого военнослужащего:

— уровень профессиональной подготовки, знание руководящих документов, общевоинских уставов, наставлений, своих обязанностей по занимаемой воинской должности и соответствие квалификационным требованиям, предъявляемым к

данной воинской должности, готовность к выполнению обязанностей при переводе в высшие степени боевой готовности и в военное время, совершенствование профессиональных знаний в системе командирской (профессионально-должностной) подготовки и самостоятельно, ученая степень и ученое звание, умение применять полученные знания на практике, область деятельности, в которой аттестуемый проявил наибольшие способности и достиг высоких результатов, наличие боевого опыта;

— качество выполнения должностных и специальных обязанностей по занимаемой воинской должности за период после предыдущей аттестации, устранение отмеченных в последнем аттестационном выводе недостатков (если таковые имелись);

— личная дисциплинированность и исполнительность, требовательность к себе и подчиненным;

— организованность в работе, умение определить главное направление в обеспечении высокого уровня боевой и мобилизационной готовности, способность качественно выполнять поставленные задачи, проявлять инициативу, быстро ориентироваться и умело действовать в сложной обстановке;

— умение руководить, обучать и воспитывать подчиненный личный состав и сочетать высокую требовательность с заботой о нем;

— оценка состояния подразделения (воинской части), которым командует, или участка работы, за который отвечает аттестуемый (дисциплина, уровень укомплектованности, боевая и мобилизационная готовность, боевая подготовка, освоение военной техники и оружия, состояние вооружения, военной техники и материально-технических средств, наличие (отсутствие) утрат, недостач, порчи и хищения военного имущества, состояние командирской (профессионально-должностной) подготовки, наличие кадрового резерва и работа с ним, качество работы с подчиненным личным составом);

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444 «О порядке организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации».

— способность критически оценивать свою деятельность, творчески подходить к делу, настойчивость в выполнении должностных обязанностей, авторитет в воинском коллективе, умение организовать обеспечение защиты государственной тайны, моральные и психологические качества;

— соблюдение запретов и ограничений, требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов при прохождении военной службы;

— состояние здоровья в соответствии с медицинскими заключениями, работоспособность и уровень физической подготовленности;

— оценки по предметам боевой, командирской (профессионально-должностной) подготовки по результатам контрольных (итоговых) занятий и проверок;

— динамика (положительная или отрицательная) профессионально-должностных качеств, навыков в аттестационный период, мотивация к дальнейшему прохождению военной службы.

Бесспорно, что все вышеобозначенные критерии важны для оценки деятельности военнослужащего и определения его перспективного использования. Однако едва ли не самое сложное при проведении аттестации — это выработать надлежащие и объективные критерии оценки военнослужащего по вышеобозначенным параметрам. И если по некоторым параметрам, таким как «оценки по предметам боевой или командирской подготовки» указанные параметры нормативно установлены, то для большинства наиболее важных из них (таких как «качество выполнения должностных и специальных обязанностей» или «умение применять полученные знания на практике») критерии оценки не установлены. Вышестоящие командиры (начальники) и члены аттестационных комиссий могут по своему довольно субъективному усмотрению выносить решения по таким важным параметрам служебной деятельности военнослужащего.

Например, если аттестуемый военнослужащий длительное время исполняет

свои должностные обязанности без нареканий, не имеет дисциплинарных взысканий за данную сферу деятельности, но на заседании аттестационной комиссии не смог доложить наизусть свои должностные обязанности либо требования какого-либо руководящего документа, то заключение аттестационной комиссии относительно уровня профессиональной подготовки рассматриваемого военнослужащего может быть негативным. Подобным образом можно получить негативную оценку при длительном безупречном выполнении обязанностей, но наличии преступления (присшествия) в возглавляемом воинском коллективе, причем даже без прямой причинно-следственной связи между преступлением и воспитательной работой данного командира.

Также субъективно члены аттестационной комиссии могут и положительно оценить аттестуемого военнослужащего и при наличии указанных недочетов.

Выводы и предложения.

Учитывая изложенное, можно прийти к выводу, что оценка деятельности воинских должностных лиц подвержена субъективизму¹ и далеко не всегда концентрируется на ключевых показателях эффективности их деятельности, не ранжирована в зависимости от важности полученных результатов и не всегда учитывает связь (либо отсутствие связи) между действиями воинского руководителя и наступившим результатом.

Поэтому полагаю целесообразным постепенно вводить для оценки деятельности воинских должностных лиц, в первую очередь, руководящего состава ключевые показатели эффективности. К слову, в Вооруженных Силах уже введены ключевые показатели эффективности, но лишь в сфере антимонопольного комплаенса², необ-

¹ Шеншин В.М. Об оценке эффективности деятельности должностных лиц Росгвардии при осуществлении административно-юрисдикционной деятельности // Современное общество и право. 2022. № 2. С. 101—106.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 19 февраля 2020 г. № 195 "Об утверждении Перечня ключевых показателей эффективности

ходимо расширять подобные показатели оценки и на иные сферы деятельности, в первую очередь, на управленческую деятельность командиров (начальников) в мирное время.

Полагаю неправильным, что оценка исполнения военнослужащим своих должностных обязанностей самостоятельно не выделена в документах воинского учета. Так, в системе командирской подготовке каждый военнослужащий раз в полгода сдает около десятка различных зачетов и нормативов (физическая, строевая и огневая подготовка, РХБЗ, тактическая подготовка, знание общевоинских уставов, наставления по защите государственной тайны и т.п.). Но лишь один из сдаваемых предметов — специальная подготовка отражает уровень знаний сдающего в рамках именно должностного предназначения. Но и эта оценка «растворяется» в общей массе других оценок командирской подготовки. В результате, военнослужащий на «отлично» знающий свою специальность, но допустивших промахов при стрельбе из ручного стрелкового оружия, может получить общую оценку «неудовлетворительно», что в последующем может послужить причиной для его увольнения.

Совсем не оценивается в системе командирской подготовки уровень подготовки военнослужащего, исходя из его перемещения на иную воинскую должность по штатам военного времени (при приведении воинских формирований в высшие степени боевой готовности)¹. Меж тем, именно на указанных воинских должностях может принести наибольшую пользу (или вред) военнослужащий, т.к. вся его деятельность обусловлена подготовлением к войне.

Деятельность руководителей воинских формирований и их структурных подразделений должна оцениваться не только исходя из фактического состояния дел, но и

учитывая прилагаемые данными командирами (начальниками) усилия по достижению поставленных целей, эффективности принимаемых ими решений.

В заключение следует отметить, что эффективность военного управления может быть повышена, только если управленческие решения должностных лиц будут объективно и адекватно оцениваться. Учитывая наличие множества параметров деятельности воинских руководителей, создание алгоритмов оценки и технических средств автоматизации для них — задача весьма трудоемкая, но, это единственный путь к повышению качества военного управления². Кроме того, функциональные обязанности воинских должностных лиц должны устанавливаться исходя из реальных возможностей их исполнения, наказание же воинских руководителей должно происходить лишь при наличии причинно-следственной связи между их деянием и наступившими вредными последствиями.

Библиография

1. Барциц, И.Н. Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки / И.Н.Барциц // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 11. — С. 64—71.
2. Буравлев, Ю.М. Юридическая ответственность государственных служащих, обусловленная оценкой эффективности служебной деятельности / Ю.М. Буравлев // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 4. — С. 32—35.
3. Глухов, Е.А. Главное и второстепенное при оценке деятельности военнослужащего : постановка проблемы / Е.А. Глухов, В.М. Корякин // Военное право. — 2018. — № 2. — С. 17—24.
4. Глухов, Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 4. — С. 101—111.
5. Глухов, Е.А. Об эффективности управления командиром подчиненным воинским формированием и необходимости оценки его управляющего воздействия / Е.А. Глухов // Военное право. — 2018. — № 5. — С. 33—40.

функционирования антимонопольного комплаенса в Министерстве обороны Российской Федерации".

¹ Глухов Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 4. С. 101—111.

² Глухов Е.А. Об эффективности управления командиром подчиненным воинским формированием и необходимости оценки его управляющего воздействия // Военное право. 2018. № 5. С. 33—40.

6. Глухов, Е.А. Эффективность бюрократического управления / Е.А. Глухов // Военное право. — 2019. — № 2. — С. 72—77.
7. Глухов, Е.А. Причины очковирательства в докладах военных руководителей и меры по их устранению / Е.А. Глухов // Военное право. — 2016. — № 4. — С. 48—57.
8. Ежукова, О.А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы и перспективы / О.А. Ежукова // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 1. — С. 61—67.
9. Иоффе, О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. — Л, 1955. — 310 с.
10. Кудрявцев, В.Н. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. — М., 1980. — 280 с.
11. Мизес, Л. Бюрократия. Запланированный хаос, антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес. — М.: Дело, 1993. — 238 с.
12. Саймон, Г. Менеджмент в организациях / Г. Саймон, Д. Смитбург, В.А. Томпсон. — М., 1995. — 337 с.
13. Троценко, К.А. Как оценивать состояние правопорядка и воинской дисциплины в подразделении (воинской части) / К.А. Троценко // Военная мысль. — 2008. — № 8. — С. 67—74.
14. Управление подразделениями в мирное время: учебник / Копылов В.А. и др.; под общ. ред. Торгованова Ю.Б. — Красноярск, 2015. — 348 с.
15. Фоменко, П.П. Деятельность военно-политических органов по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах России / П.П. Фоменко, В.В. Шиханов // Военный академический журнал. — 2020. — № 3. — С. 61—67.
16. Хайрулина, Л.Р. Управление профессиональным развитием персонала : учебное пособие / Л.Р. Хайрулина, Г.А. Домашенко, О.О. Князева. — Омск: «Издательский центр КАН», 2021. — 284 с.
17. Шеншин, В.М. Об оценке эффективности деятельности должностных лиц Росгвардии при осуществлении административно-юрисдикционной деятельности / В.М. Шеншин // Современное общество и право. — 2022. — № 2. — С. 101—106.
-

Содержание стадий производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных пограничным органам, осуществляемого в отношении юридических лиц¹

© **Редкоус Владимир Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН

© **Дуванов Николай Юрьевич**,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Плеханова

Аннотация. В статье продолжено рассмотрение содержания стадий производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в пределах своей подведомственности в отношении юридических лиц, с учетом изменений, внесенных в КоАП РФ Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ. Материал излагается исходя из представлений о четырехстадийности производства по делам об административных правонарушениях, что нашло свое закрепление в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. В статье рассмотрены следующие стадии рассмотрения дела об административном правонарушении; пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях; исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Выработан ряд предложений по совершенствованию административно-юрисдикционной деятельности пограничных органов, осуществляемой в отношении юридических лиц. Обоснована необходимость продолжения начатых исследований, расширения ее методологических рамок.

Ключевые слова: административный процесс; административно-юрисдикционная деятельность; административно-процессуальное действие; производство по делам об административных правонарушениях; пограничные органы; юридические лица; подведомственность; стадия производства по делам об административных правонарушениях; рассмотрение дела об административном правонарушении; пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях; исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях.

The content of the stages of proceedings in cases of administrative offenses under the jurisdiction of the border authorities, carried out in relation to legal entities

© **Redkous V.M.**,
D.Sc. in law, Professor, Leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of the State and Law, Russian Academy of Science

© **Duvanov N.Ju.**,
Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Civil Law disciplines of the PRUE Plekhanov

¹ Статья является продолжением публикации: Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Содержание стадий производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных пограничным органам, осуществляемого в отношении юридических лиц // Военное право. 2022. № 3. С. 80—90.

Resume: this article continues the consideration of the content of the stages of proceedings in cases of administrative offenses carried out by border authorities within their jurisdiction in relation to legal entities, taking into account the changes made to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation by the Federal Law of March 26, 2022 No. 70-FZ. The material is presented on the basis of the concept of four-stage proceedings in cases of administrative offenses, which is enshrined in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The article considers the following stages of consideration of a case on an administrative offense; revision of resolutions and decisions on cases of administrative offenses; execution of decisions on cases of administrative offenses. A number of proposals have been developed to improve the administrative and jurisdictional activities of the border authorities, carried out in relation to legal entities. The necessity of continuation of the started researches, expansion of its methodological framework is substantiated.

Key words: administrative process; administrative and jurisdictional activities; administrative procedural action; proceedings on cases of administrative offenses; border authorities; legal entities; jurisdiction; stage of proceedings in cases of administrative offenses; consideration of a case on an administrative offense; revision of resolutions and decisions on cases of administrative offenses; execution of decisions on cases of administrative offenses.

Продолжая рассматривать содержание основных стадий производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц, отметим, что до последнего времени в административном праве действовал принцип, согласно которому назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо¹. Это было закреплено в ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ. Однако Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ была изменена, в нее были добавлены слова «... за исключением случаев, предусмотренных частями 4 и 5 настоящей статьи». Этим же Федеральным законом ст. 2.1 КоАП РФ дополнена частями 4 и 5. Так, юридическое лицо не подлежит административной ответственности за совершение административного правонарушения, за которое должностное

лицо или иной работник данного юридического лица привлечены к административной ответственности либо его единоличный исполнительный орган, имеющий статус юридического лица, привлечен к административной ответственности, если таким юридическим лицом были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 2.1 КоАП РФ (ч. 4 ст. 2.1 КоАП РФ). Если за совершение административного правонарушения юридическому лицу назначено административное наказание в виде административного штрафа, который устанавливается в соответствии с п. 3 или п. 5 ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ, должностное лицо или иной работник данного юридического лица либо его единоличный исполнительный орган, имеющий статус юридического лица, не подлежат административной ответственности. Эти нововведения позволят упорядочить привлечение как юридических лиц, так и физических лиц и должностных лиц к административной ответственности, что будет способствовать совершенствованию административно-юрисдикционной практики пограничных органов, а также осуществляемой ими пограничной деятельности².

¹ Аулов В.К. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 21—25; Туганов, Ю.Н., Петров В.И. Очерки по административному праву Российской Федерации. Общая часть : учеб. пос. М.: Граница, 2014.

² Туганов Ю.Н. Пограничная деятельность: юридический инструментарий Кодекса Российской

Вопросы привлечения юридических лиц уже рассматривались авторами в целом ряде статей¹, однако потребности развития теории и практики применения административно-юрисдикционных мер в отношении юридических лиц требуют продолжения начатых исследований.

Важной стадией производства по делу об административном правонарушении, регламентированной гл. 29 КоАП РФ, является рассмотрение дела об административном правонарушении. А.С. Дугенец и М.Я. Масленников, подчеркивая важность данной стадии, предлагают точнее называть ее стадией рассмотрения дела об административном правонарушении и вынесения постановления по делу². По мнению Д.Н. Бахраха и Э.Н. Ренова, эта стадия включает следующие этапы: подготовку дела к рассмотрению; анализ собранных материалов, обстоятельств дела; принятие постановления; доведение постановления до сведения³.

Судья, орган, должностное лицо при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении выясняют

следующие вопросы, перечисленные в ст. 29.1 КоАП РФ: 1) относится ли к их компетенции рассмотрение данного дела; 2) имеются ли обстоятельства, исключающие возможность рассмотрения данного дела судьей, членом коллегиального органа, должностным лицом; 3) правильно ли составлены протокол об административном правонарушении и другие протоколы, предусмотренные КоАП РФ, а также правильно ли оформлены иные материалы дела; 4) имеются ли обстоятельства, исключающие производство по делу; 5) достаточно ли имеющихся по делу материалов для его рассмотрения по существу; б) имеются ли ходатайства и отводы. Тщательное выяснение всех названных вопросов является залогом успешного рассмотрения дела об административном правонарушении как в отношении физического лица, так и юридического, а также гарантией соблюдения законности в деятельности пограничных органов.

На стадии рассмотрения дела у пограничных органов возникает ряд проблем, связанных с недостаточной правовой урегулированностью процессуальных действий.

В соответствии с ч. 3 ст. 25.4 КоАП РФ дело об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом, рассматривается с участием его законного представителя или защитника. В отсутствие указанных лиц дело может быть рассмотрено лишь в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, или если имеются данные о надлежащем извещении лиц о месте и времени рассмотрения дела и если от них не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела либо если такое ходатайство оставлено без удовлетворения.

До настоящего времени вопрос о надлежащем извещении лиц является дискуссионным и вызывает трудности в правоприменении. КоАП РФ не раскрывает понятие «надлежащее извещение» и не предъявляет никаких требований к форме, срокам и содержанию документа о рассмотрении дела, направляемого лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Федерации об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании // Военно-юридический журнал. 2019. № 8. С. 21—24.

¹ Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю., Зарицкий С.В. К вопросу о правовом статусе и правовом положении юридических лиц — участников производства по делам об административных правонарушениях // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 1(25). С. 88—95; Редкоус, В.М., Дуванов Н.Ю. Понятие и характерные черты производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 117—130, и др.

² Дугенец А.С., Масленников М.Я. Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации : монография. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2011. С. 134.

³ Подробнее см.: Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Административная ответственность по российскому законодательству. М.: Норма, 2004. С. 121. Однако заметим, что на стр. 221 цитируемой работы названные авторы несколько по-иному называют отдельные этапы: так, второй этап ими назван «слушание дела и его правовая оценка». Смысл, вроде бы, не изменён, но терминологического единства нет даже в рамках одной работы.

шении. Данный вопрос можно было бы урегулировать по аналогии с порядком извещения соответствующих лиц о времени и месте рассмотрения дела об административном правонарушении, например, путем направления копии определения о времени и месте рассмотрения дела, либо путем вручения ее под расписку. Это повысило бы и эффективность деятельности пограничных органов по привлечению юридических лиц к административной ответственности.

Пограничными органами по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении может быть вынесено постановление, предусмотренное ст. 29.9 КоАП РФ. Обязательные требования к содержанию постановления по делу об административном правонарушении устанавливает ст. 29.10 КоАП РФ. При этом должностным лицам пограничных органов, вынесшим постановление по делу, следует обязательно исполнить следующие правоустановления:

— в случае наложения административного штрафа в постановлении по делу об административном правонарушении, помимо указанных в ч. 1 ст. 29.10 КоАП сведений, должна быть указана информация о получателе штрафа, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы административного штрафа:

— если при решении вопроса о назначении судьей административного наказания за административное правонарушение одновременно решается вопрос о возмещении имущественного ущерба, то в постановлении по делу об административном правонарушении указываются размер ущерба, подлежащего возмещению, сроки и порядок его возмещения;

— в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть решены вопросы об изъятых вещах и документах, а также о вещах, на которые наложен арест, если в отношении их не применено или не может быть применено административное наказание в виде конфискации или возмездного изъятия.

Постановление по делу об административном правонарушении объявляется

немедленно по окончании рассмотрения дела. Копия постановления по делу вручается под расписку законному представителю юридического лица, в отношении которого оно вынесено, либо высылается ему в течение трех дней со дня вынесения указанного постановления.

Важной для деятельности пограничных органов является ст. 29.13. КоАП РФ, устанавливающая, что должностное лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, при установлении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению, вносят в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий. Организации и должностные лица обязаны рассмотреть представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в течение месяца со дня его получения и сообщить о принятых мерах судье, в орган, должностному лицу, внесшим представление.

Использование пограничными органами данного права является важным фактором, способствующим предупреждению совершения новых административных правонарушений, их профилактике.

При наложении административного наказания должностные лица пограничных органов в целях защиты прав и законных интересов правонарушителя учитывают наличие в его действиях обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность (ст. 4.2. и 4.3 КоАП РФ). Следует учитывать, что данные обстоятельства: не относятся к числу признаков состава правонарушения; не способны оказать какое-либо влияние на определение формализованных рамок наказания за совершенное административное правонарушение; не влекут применения нового наказания или новой санкции, способствуют правильному выбору меры административного наказания в пределах санкции конкретной статьи.

КоАП РФ предусматривает возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности

административного правонарушения (ст. 2.9). Понятия малозначительного административного правонарушения приводятся в постановлениях высших судов Российской Федерации. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. Согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям.

По мнению авторов, прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с малозначительностью административного правонарушения не устанавливает отсутствие состава административного правонарушения, но ограничивает применение в отношении правонарушителя предусмотренных КоАП РФ административных наказаний в пользу объявления замечания, которое никаких юридических последствий для правонарушителя не несет. При квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного судам надлежит учитывать, что ст. 2.9 КоАП РФ не содержит оговорки о ее неприменении к каким-либо составам правонарушений, предусмотренным КоАП РФ.

Возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя из сформулированной в КоАП РФ конструкции состава административного правонарушения, за совершение которого установлена ответственность. Так, не может быть отказано в квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного только на том

основании, что в соответствующей статье Особенной части КоАП РФ ответственность определена за неисполнение какой-либо обязанности и не ставится в зависимость от наступления каких-либо последствий. Квалификация правонарушения как малозначительного может иметь место только в исключительных случаях. Такие обстоятельства, как личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, по мнению высших судов, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о малозначительности правонарушения. Данные обстоятельства в силу ч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания.

Рассмотрим проблемы назначения административных наказаний юридическим лицам. По общим правилам, перечисленным в ч. ч. 1, 3 ст. 4.1 КоАП РФ, юридическому лицу за совершение административного правонарушения назначается административное наказание в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с КоАП РФ. При назначении административного наказания юридическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, имущественное и финансовое положение, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность.

С 2015 г. в связи с изменениями¹, внесенными в КоАП РФ, появилась возможность при назначении наказания учитывать и другие обстоятельства совершенного правонарушения юридическим лицом административного правонарушения. Так, при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением

¹ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 515-ФЗ «О внесении изменений в статью 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

ем привлекаемого к административной ответственности юридического лица, судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II КоАП РФ, в случае если минимальный размер административного штрафа для юридических лиц составляет не менее ста тысяч рублей. Кроме того, с июля 2016 г. в КоАП РФ были внесены изменения¹, предусматривающие возможность замены административного штрафа предупреждением.

В соответствии со ст. 4.1.1 КоАП РФ являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридическим лицам, а также их работникам за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в случаях, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 4.1.1. КоАП РФ.

Исходя из содержания вышеназванной статьи можно выделить следующие условия, позволяющие заменить административный штраф предупреждением:

1) юридическое лицо является субъектом малого и среднего предпринимательства;

2) административное правонарушение выявлено в ходе осуществления государственного контроля (надзора);

3) административное правонарушение совершено впервые;

4) отсутствует причинение вреда или возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

5) отсутствует имущественный ущерб;

6) назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено санкцией соответствующей статьи особенной части КоАП РФ.

Таким образом, в ходе производства по делу об административном правонарушении в отношении юридического лица, выяснению подлежат, помимо прочего, перечисленные выше обстоятельства.

Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ КоАП РФ был дополнен ст. 4.1.2 КоАП РФ, которая установила особенности назначения административного наказания в виде административного штрафа социально ориентированным некоммерческим организациям и являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, что также может касаться административно-юрисдикционной деятельности пограничных органов.

Так, при назначении административного наказания в виде административного штрафа социально ориентированным некоммерческим организациям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в реестр социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки, а также являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 316-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, административный штраф назначается в размере, предусмотренном санкцией соответствующей статьи (части статьи) раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

В случае, если санкцией статьи (части статьи) раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях не предусмотрено назначение административного наказания в виде административного штрафа лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, административный штраф социально ориентированным некоммерческим организациям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в реестр социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки, а также являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, назначается в размере от половины минимального размера (минимальной величины) до половины максимального размера (максимальной величины) административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, либо в размере половины размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, если такая санкция предусматривает назначение административного штрафа в фиксированном размере.

Размер административного штрафа, назначаемого в соответствии с ч. 2 ст. 4.1.2 КоАП РФ, не может составлять менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях для должностного лица.

Также установлено, что правила ст. 4.1.2 КоАП РФ не применяются при назначении административного наказания в виде административного штрафа за административные правонарушения, за совершение которых в соответствии со статьями раздела II КоАП РФ лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица.

Также следует согласиться с продолжающими оставаться актуальными выводами Г.В. Лукьяновой, предложившей ряд мер, направленных на совершенствование рассмотрения дела об административном правонарушении, в частности: в целях повышения ответственности должностных лиц за качество административных материалов целесообразно дополнить гл. 25 КоАП РФ и включить в нее круг лиц, участвующих в рассмотрении дела; законодательно закрепить обязанность вести протокол при рассмотрении дела единоличным органом; увеличить срок давности привлечения к административной ответственности до шести месяцев¹.

Исполнение постановлений — заключительная стадия производства по делам об административных правонарушениях. Окончание исполнения постановления о назначении наказания означает и окончание производства по делу об административном правонарушении. Особенностью данной стадии является фактическая реализация административной ответственности как меры административного принуждения, связанной с применением админи-

¹ Лукьянова Г.В. О совершенствовании процедуры рассмотрения дела об административном правонарушении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 9. № 29. С. 80—83.

стративного наказания. Исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях посвящен раздел V КоАП РФ. Авторы поддерживают мнение ученых, считающих, что стадия исполнения постановлений (решений) состоит из трех этапов: 1 этап — обращение к исполнению (в ст. 31.4 КоАП РФ говорится о приведении в исполнение постановления по делу об административном правонарушении); 2 этап — реальное исполнение наказания, назначенного постановлением (решением); 3 этап — окончание исполнения постановления (решения)¹.

Постановление по делу об административном правонарушении обязательно для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями, юридическими лицами. Оно вступает в законную силу: после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано; после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление; немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

Непосредственно должностными лицами пограничных органов налагаются административные наказания в виде предупреждения или штрафа. КоАП РФ в ч. 1 ст. 31.3 закрепляет, что обращение постановления по делу об административном правонарушении к исполнению возлагается на судью, орган, должностное лицо, вынесших постановление. Поэтому для пограничных органов наиболее актуальными

являются вопросы исполнения постановлений о вынесении предупреждения (ст. 32.1 КоАП РФ) и о наложении штрафа (ст. 32.2 КоАП РФ).

Анализ практики исполнения пограничными органами постановлений о наложении административного штрафа показывает, что существуют законодательно установленные возможности для повышения эффективности этой деятельности путем более активного использования институтов применения отсрочки или рассрочки исполнения постановления о назначении административного штрафа. В соответствии с пунктами 1, 2 ст. 31.5 КоАП РФ при наличии обстоятельств, вследствие которых исполнение постановления о назначении административного наказания в виде административного штрафа невозможно в установленные сроки, судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление, могут отсрочить исполнение постановления на срок до одного месяца. С учетом материального положения лица, привлеченного к административной ответственности, уплата административного штрафа может быть рассрочена судьей, органом, должностным лицом, вынесшими постановление, на срок до трех месяцев.

Также заслуживает одобрения широкая практика использования пограничными органами ст. 20.25 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за уклонение от исполнения административного наказания. В частности, это побуждает лиц, привлеченных к административной ответственности, уплачивать административный штраф в срок, предусмотренный КоАП РФ.

Пересмотру постановлений и решений по делам об административных правонарушениях посвящена гл. 30 КоАП РФ. Вопросы данной стадии производства по делам об административных правонарушениях разъяснены в пунктах 30—34 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5. В юридической литературе отмечается, что стадия пересмотра дела об административном правонарушении имеет факультативный характер, однако круг решаемых на этой стадии вопросов не дает ос-

¹ Софронова Т.С. Проблемы, возникающие на стадии исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Пути их решений // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2 (7). С. 67—69.

нование относиться к ней как к чему-то второстепенному¹. Н.Г. Салищева и А.Ю. Якимов справедливо считают, что важнейшим вопросом является определение предметной и территориальной компетенции субъектов административной юрисдикции во второй инстанции². В соответствии с ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ постановление по делу, вынесенное должностным лицом, может быть обжаловано лицами, указанными в статьях 25.1—25.5.1 КоАП РФ в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в районный суд по месту рассмотрения дела. Таким образом, постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом пограничного органа в отношении юридического лица, может быть обжаловано законными представителями физического лица, защитником в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в районный суд по месту рассмотрения дела. При этом важно учитывать разъяснения, содержащиеся в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5, что при определении территориальной подсудности дел по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные должностными лицами, необходимо исходить из территории, на которую распространяется юрисдикция должностных лиц, а не из места расположения органа, от имени которого должностным лицом составлен протокол или вынесено постановление по делу об административном правонарушении в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 28.6 и ст. 29.10 КоАП РФ. То есть в таких ситуациях территориальная подсудность рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях должна

определяться местом совершения правонарушения, а не местом нахождения соответствующего органа.

Для раскрытия темы исследования важно то, что ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ устанавливает, что постановление по делу об административном правонарушении, связанном с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством. Эта бланкетная норма определяет предметную компетенцию арбитражного суда как субъекта административной юрисдикции во второй инстанции.

В п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 содержится важное разъяснение, что постановление по делу об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, вынесенное органом (должностным лицом), уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, или арбитражным судом, согласно ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ может быть обжаловано в арбитражный суд в соответствии с АПК РФ и законодательством об арбитражных судах Российской Федерации. Постановление по делу об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, вынесенное судьей суда общей юрисдикции, может быть обжаловано в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ в вышестоящий суд общей юрисдикции. При этом необходимо учитывать, что жалобы указанных лиц на постановление о привлечении к административной ответственности, исходя из положений, закрепленных в ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ и п. 3 ч. 1 ст. 29 АПК РФ, подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции, если юридическое лицо или индивидуальный предприниматель привлечены к административной ответственности не в связи с

¹ См., например: Бондаренко В.В. Обжалование (пересмотр) постановлений и решений как факультативная стадия административно-деликтного производства // Научный альманах. 2016. № 6-1 (19). С. 432.

² Салищева Н.Г., Якимов А.Ю. Структура производства по делам об административных правонарушениях (стадии пересмотра дела и исполнения решения по делу) // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 44—53.

осуществлением указанными лицами предпринимательской и иной экономической деятельности.

В практике административно-юрисдикционной деятельности одного из пограничных управлений имел место случай необоснованной отмены городским судом решения мирового судьи о признании виновным и привлечении к административной ответственности юридического лица за совершение административного правонарушения, а также нежелания органов прокуратуры использовать имеющиеся полномочия (ч. 2 ст. 30.12 КоАП РФ) для принесения протеста на решение городского суда по жалобе юридического лица. По мнению авторов, недостатки законодательства об административных правонарушениях, позволяющие выносить неправомерные решения, исправить которые по истечении срока давности привлечения к административной ответственности не представляется возможным, позволяют выработать предложения для повышения эффективности правоприменительной деятельности пограничных органов: необходимо учитывать, что необоснованное (неправомерное) решение об отмене постановления по делу об административном правонарушении, срок давности привлечения к ответственности за совершение которого не превышает двух месяцев (7.11, 18.1—18.4, 18.7 и т.д.), как правило, будет являться бесповоротным; в рамках производства по делу об административном правонарушении, срок давности привлечения к ответственности за совершение которого составляет один год (ч. 2 ст. 8.37, ст. 8.35 и т.д.), необходимо максимально быстро принимать процессуальные решения в целях сохранения срока, необходимого для обжалования недобросовестного судебного решения и нового рассмотрения дела об административном правонарушении.

Таким образом, рассмотрение содержания стадий производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных пограничным органам, осуществляемого в отношении юридических лиц, показало, что проблема административной ответственности и административно-процессуальной деятельности

теснейшим образом связана с общими проблемами юридической ответственности и юридического процесса и является особенно актуальной в современный период развития нашего общества и государства¹. Современное развитие административного законодательства и в Российской Федерации связано с активным развитием законодательства об административной ответственности, административно-процессуального законодательства, механизмов привлечения к административной ответственности, усилением четкости в установлении и реализации правового положения субъектов административно-процессуальных отношений, в том числе и юрисдикционного характера. Посредством установления административной ответственности осуществляется борьба с административной противоправностью, что становится, по мнению А.А. Гришкова, одним из приоритетных направлений современной административной политики². Совершенствование законодательства об административной ответственности и административном процессе является одним из краеугольных камней нового этапа административной реформы, обусловленной также конституционным развитием нашей страны³.

¹ Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Проблемы и направления совершенствования правового регулирования привлечения юридических лиц к административной ответственности пограничными органами // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1(57). С. 73—81.

² Гришковец А.А. К вопросу об административной политике в Российской Федерации // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2020. № 3 (38). С. 71.

³ См., например: Глазунова И.В. Соотношение целей и методов административного реформирования // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 9. С. 312—317; Гришковец А.А. Административная реформа: истоки, современное состояние, перспективы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 2. С. 135—157; Кобзарь-Фролова М.Н., Лебедева Е.А. К дискуссии о цели и назначении административной ответственности в контексте административной реформы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 117; и др.

В Российской Федерации давно обсуждается идея о необходимости кардинального обновления законодательства в области административной ответственности, ее материальных и процессуальных основ. Российские ученые-административисты активно включились в научную разработку данной проблемы, подвергнув обстоятельному анализу весь пласт накопившихся проблем¹. Одним из итогов проделанной работы явилась разработка и опубликование 10 июня 2019 г. Концепции нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, проект которой был внесен Минюстом России². Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ подготов-

лена межведомственной рабочей группой, образованной во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации и в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 г. № 631-р. В Концепции КоАП сказано, что «по прошествии 17 лет со дня вступления в силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях назрела объективная необходимость научного осмысления и анализа сложившейся за эти годы практики его применения, а также критической оценки эффективности его норм с учетом внесенных многочисленных изменений, конституционных требований», с чем трудно не согласиться.

Концепция КоАП РФ родилась не на пустом месте, ей предшествовала разработка и обсуждение ряда законопроектов Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴, на содержание которых оказало заметное влияние развитие административно-правовой мысли в области административной ответственности и административно-процессуальной деятельности юрисдикционного характера. В настоящее время проходят доработку проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ и Процессуального ко-

¹ См., например: Кобзарь-Фролова М.Н. Административный деликт: самозванец или сформировавшийся правовой феномен? // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 262—272; Кононов П.И. О некоторых актуальных направлениях модернизации законодательства Российской Федерации об административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 4. С. 27—32; Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 2. С. 56—63; Стариков Ю.Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 14—41; Россинский Б.В. Тенденции развития норм КоАП РФ, устанавливающих административную ответственность юридических лиц // Проблемы современного российского законодательства. Иркутск-Москва, 2012. С. 97—102; Шергин А.П. О необходимости раздельной кодификации материально-правовых и процессуальных норм об административной ответственности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 2. С. 64—67, и др.

² Опубликована концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/opublikovana-koncepciya-novogo-koдекса-rossiyskoy-federacii-ob-administrativnyh> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2019 г.) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=>

[doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.4225894883812715#042499538133558157](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=326534&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.4225894883812715#042499538133558157) (дата обращения: 14.04.2022).

⁴ См., например: Проект федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.01.2015) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=127476#0> (дата обращения: 12.04.2022); Проект № 957581-6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.04.2022) (вносится депутатами Государственной Думы В.А. Васильевым, В.Н. Плигиным, С.А. Поповым, Д.Ф. Вяткиным, В.А. Поневежским). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139890#0> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (проект) // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447> (дата обращения: 21.04.2022).

декса Российской Федерации об административных правонарушениях¹. Поэтому предложения по совершенствованию привлечения юридических лиц к административной ответственности могут оказаться полезными при выработке законодательных инициатив, направленных на совершенствование КоАП РФ. Также для совершенствования российского законодательства в области административной ответственности, производства по делам об административных правонарушениях большое значение может иметь продуманное использование результатов сравнительно-правового анализа законодательств государств, составивших ранее бывший СССР².

Библиография

1. Аулов, В.К. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 21—25.

2. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность по российскому законодательству / Д.Н. Бахрах, Э.Н. Ренов. — М.: Норма, 2004. — 304 с.

3. Бондаренко, В.В. Обжалование (пересмотр) постановлений и решений как факультативная стадия административно-деликтного производства / В.В. Бондаренко // *Научный альманах*. — 2016. — № 6-1 (19).

4. Глазунова, И.В. Соотношение целей и методов административного реформирования / И.В. Глазунова // *Актуальные вопросы современной экономики*. — 2020. — № 9. — С. 312—317.

5. Гришкoveц, А.А. Административная реформа: истоки, современное состояние, перспективы / А.А. Гришкoveц // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. — 2020. — Т. 15. — № 2. — С. 135—157.

¹ Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (проект) // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=99061> (дата обращения: 21.04.2022).

² См.: Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Зарубежный опыт правового регулирования привлечения пограничными органами юридических лиц к административной ответственности за совершение административных правонарушений (на примере государств СНГ) // *Военное право*. 2021. № 1(65). С. 105—120; Шевцов А.В., Султанов К.А. Эволюция законодательства об административной ответственности на постсоветском пространстве // *Труды Академии управления МВД России*. 2019. № 4 (52). С. 130—137, и др.

6. Гришкoveц, А.А. К вопросу об административной политике в Российской Федерации / А.А. Гришкoveц // *Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний*. — 2020. — № 3 (38).

7. Дугенец, А.С. Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации : монография / А.С. Дугенец, М.Я. Масленников. — М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2011.

8. Кобзарь-Фролова, М.Н. Административный деликт: самозванец или сформировавшийся правовой феномен? / М.Н. Кобзарь-Фролова // *Сибирское юридическое обозрение*. — 2020. — Т. 17. — № 2. — С. 262—272.

9. Кобзарь-Фролова, М.Н. К дискуссии о цели и назначении административной ответственности в контексте административной реформы / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.А. Лебедева // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2018. — № 1 (41). — С. 117—120. Кононов, П.И. О некоторых актуальных направлениях модернизации законодательства Российской Федерации об административной ответственности / П.И. Кононов // *Сибирское юридическое обозрение*. — 2017. — № 4. — С. 27—32.

10. Лукьянова, Г.В. О совершенствовании процедуры рассмотрения дела об административном правонарушении / Г.В. Лукьянова // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. — 2007. — Т. 9. — № 29. — С. 80—83.

11. Редкоус, В.М. Зарубежный опыт правового регулирования привлечения пограничными органами юридических лиц к административной ответственности за совершение административных правонарушений (на примере государств СНГ) / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов // *Военное право*. — 2021. — № 1(65). — С. 105—120.

12. Редкоус, В.М. К вопросу о правовом статусе и правовом положении юридических лиц-участников производства по делам об административных правонарушениях / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов, С.В. Зарицкий // *Экономика. Право. Общество*. — 2021. — Т. 6. — № 1(25). — С. 88—95.

13. Редкоус, В.М. Понятие и характерные черты производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов // *Военное право*. — 2021. — № 4 (68). — С. 117—130.

14. Редкоус, В.М. Проблемы и направления совершенствования правового регулирования привлечения юридических лиц к административной ответственности пограничными органами / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов // *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. — 2021. — № 1(57). — С. 73—81.

15. Россинский, Б.В. Тенденции развития норм КоАП РФ, устанавливающих административную ответственность юридических лиц / Б.В. Россин-

ский // Проблемы современного российского законодательства. — Иркутск-Москва, 2012. — С. 97—102.

16. Салищева, Н.Г. Структура производства по делам об административных правонарушениях (стадии пересмотра дела и исполнения решения по делу) / Н.Г. Салищева, А.Ю. Якимов // Административное право и процесс. — 2016. — № 6. — С. 44—53.

17. Соловей, Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании / Ю.П. Соловей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2014. — № 2. — С. 56—63.

18. Софронова, Т.С. Проблемы, возникающие на стадии исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Пути их решений / Т.С. Софронова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2016. — № 2 (7). — С. 67—69.

19. Стариков, Ю.Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории / Ю.Н. Стариков // Вест-

ник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — № 2 (41). — С. 14—41.

20. Туганов, Ю.Н. Пограничная деятельность: юридический инструментарий Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании / Ю.Н. Туганов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 8. — С. 21—24.

21. Туганов, Ю.Н. Очерки по административному праву Российской Федерации. Общая часть : учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Петров, Ю.Н. Туганов, В.И. Петров. — М.: Граница, 2014. — 200 с.

22. Шевцов, А.В., Султанов К.А. Эволюция законодательства об административной ответственности на постсоветском пространстве / А.В. Шевцов, К.А. Султанов // Труды Академии управления МВД России. — 2019. — № 4 (52). — С. 130—137.

23. Шергин, А.П. О необходимости раздельной кодификации материально-правовых и процессуальных норм об административной ответственности / А.П. Шергин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2014. — № 2. — С. 64—67.

Административно-правовое регулирование предоставления Росгвардией государственной услуги по выдаче гражданам лицензии на коллекционирование и (или) экспонирование оружия, основных частей огнестрельного оружия, патронов к оружию

© Семёнова Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры конституционного и
административного права, Санкт-Петербургский
военный ордена Жукова институт войск
национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализирована деятельность сотрудников Росгвардии, реализующих полномочия по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданам лицензии на коллекционирование и (или) экспонирование оружия, основных частей огнестрельного оружия, патронов к оружию. Рассмотрены требования, предъявляемые в сфере осуществления экспонирования оружия и особенности оказания государственной услуги, порядок ее предоставления, основания, по которым можно отказать в приеме документов, приостановить осуществление государственной услуги.

Ключевые слова: лицензионно-разрешительная работа, экспонирование оружия, полномочия Росгвардии, контроль (надзор), лицензирование, лицензия, основания предоставления, приостановление рассмотрение заявления.

Administrative and legal regulation of the provision by Rosgvardiya of state services for issuing licenses to citizens for collecting and (or) exhibiting weapons, main parts of firearms, ammunition for weapons

© Semenova I.V.,
PhD in Law (Candidate of Juridical sciences)
Lecturer of the Department of Constitutional and
Administrative Law Saint-Petersburg Military Order
of Zhukov Institute of National Guard Troops Saint-
Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the activities of the employees of the Russian Guard, exercising their powers to provide public services for issuing licenses to citizens for collecting and (or) exhibiting weapons, the main parts of firearms, ammunition for weapons. The requirements imposed in the field of the exhibition of weapons and the specifics of the provision of public services, the procedure for its provision, the grounds for which it is possible to refuse to accept documents, suspend the implementation of public services are considered.

Keywords: licensing and permitting work, the display of weapons, the powers of the Russian Guard, control (supervision), licensing, license, grounds for granting, suspension of consideration of the application.

Полномочия по осуществлению контроля и (или) надзора за соблюдением требований и предписаний законодательства Российской Федерации в сфере экспонирования оружия, его основных частей, боеприпасов переданы Росгвардии и ее терри-

ториальным органам. Реализация соответствующих полномочий в практической деятельности центров, отделов и отделений лицензионно-разрешительной работы осуществляется на основе выполнения установленных Федеральным законом «О

войсках национальной гвардии» задач по осуществлению контроля и (или) надзора в сфере оборота оружия. Данный вид деятельности регулируется положениями соответствующих административных регламентов, регулирующих возникающие общественные правоотношения в данной области¹.

Законодательство Российской Федерации допускает к деятельности, связанной с экспонированием оружия, как юридических, так и физических лиц. Однако, для последних устанавливается возрастной ценз на допуск к этой деятельности — 21 год, без ограничений по наличию гражданства и подданства иностранного государства. Еще до недавнего времени возраст был ниже. Однако на фоне резонансных преступлений, совершенных лицами, не достигшими 21 года, возрастной ценз на реализацию права был повышен.

Лицам, являющимся участниками таких мероприятий, имеющих гражданство или подданство другого государства, необходимо заручиться разрешением Росгвардии на ввоз принадлежащего им оружия.

Экспонирование могут осуществлять экспертные учреждения, учреждения, входящие в состав государственных военизированных организаций, созданные специально для этих целей, музеев².

Так, например, музеям закон позволяет приобретать оружие без лицензии, а также для них отменена обязанность регистрации его в федеральном органе. При экспонировании его и коллекционировании лицензия музеям не требуется. Следует отметить,

что к холодному оружию, относящемуся к старинному, не применяется лицензионный порядок при его приобретении³. При передаче оружия для экспонирования в музей, оно освобождается от холощения и перевода его в учебную категорию оружия. Объекты для экспонирования могут быть переданы для экспонирования военизированными организациями при соблюдении определенных требований: информация о данном виде оружия не должна обладать грифом секретности. Музеи могут также получить его в дар или пожертвование, оно может быть передано на безвозмездной основе либо приобретено по договору купли-продажи.

Передача оружия для экспонирования юридическим лицам (исключением являются музеи) и гражданам осуществляется только в охлажденном виде либо переведенным в учебную категорию.

Экспонирование может проходить в нескольких формах, требующих лицензию: в форме выставки-продажи; выставки, носящей коммерческий или не коммерческий характер, аукциона.

Не все действия, связанные с выставлением оружия на общественное обозрение, являются экспонированием. Следует отличать деятельность или события, направленные на демонстрацию товара. Это мероприятие не может быть признано экспонированием. Оно подлежит другим правилам организации и документальному сопровождению. К субъектам, наделенным правами на проведение демонстрации, относятся:

- продавцы и поставщики оружия;
- федеральные органы исполнительной власти;
- органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В качестве экспонируемого объекта может выступать оружие, его составные части и боеприпасы, их коллекции, которые принадлежат организаторам экспозиции, а также иным лицам, владеющими этими объектами на законных основаниях.

³ Авдейко А.Г., Барутенко Р.О., Булавин С.П. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об оружии» (постатейный) / под ред. А.Г. Авдейко, В.В. Черникова. М.: Проспект, 2017. С. 118.

¹ Приказ Росгвардии от 24 апреля 2018 г. № 148 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче юридическому или физическому лицу лицензий на коллекционирование и (или) экспонирование оружия, основных частей огнестрельного оружия, патронов к оружию».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 октября 1997 г. № 1314 «Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях».

Организовывать выставки, показы возможно только при наличии лицензии, выданной Росгвардией.

Таким образом, следует обратить внимание, что деятельность отдельных субъектов в этой сфере носит не разрешительный характер.

Как следует из закона, экспонирование может осуществляться как на возмездной, так и безвозмездной основе при составлении в письменной форме договоров.

Договоры должны быть заключены на оказание следующих возмездных услуг:

— договор о предоставлении помещения для проведения мероприятия за арендную плату;

— договор на участие в выставке;

— договор на предоставления охранных услуг лицензируемыми организациями.

Обязанностью музея при организации экспонирования является обеспечение сохранности имущества.

Целостность и сохранность экспонируемых объектов должна обеспечиваться путем помещения в специально оборудованные шкафы с установленной толщиной стекла в 5 мм, проклеенным от рассыпания защитной пленкой. При этом каждый объект должен иметь специальные крепления, исключающие свободный доступ к нему. Экспозиционное оборудование должно отвечать требованиям безопасности и исключать возможности бесконтрольного доступа к объекту путем пломбирования, опечатывания, установления сигнализации.

Еще одной особенностью процедуры организации экспонирования оружия и боеприпасов к нему является то, что лицензия не требуется для музеев, находящихся в государственной и муниципальной собственности, для оружия, которое имеет культурную ценность¹.

Следует обратить внимание, что экспонирование имеет ряд особенностей, которые зависят от места его проведения и субъекта его организующего. Законодатель предъявляет требования к проведе-

нию экспонирования объектов, ограниченных в гражданском обороте одинаковые, не зависимо от основания проведения мероприятия (на лицензионной основе или нет). Порядок проведения мероприятия является единым для всех.

Поскольку лицом, изъявившим желание заниматься таким лицензируемым видом деятельности, как экспонирование оружия, может стать юридическое или физическое лицо, соответственно каждая категория обязана предоставить соответствующий пакет документов. Порядок предоставления государственных услуг по выдаче лицензии определен Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также нормативными правовыми актами Росгвардии.

Одной из важнейших задач Росгвардии является осуществление контроля (надзора) в сфере оборота оружия². Для реализации поставленных перед федеральной службой задач и функций надлежущим образом должностные лица наделяются полномочиями по выдаче лицензий (на экспонирование и (или) коллекционирование оружия), при наличии соответствующих оснований. Наравне с этим, они наделяются полномочиями по осуществлению контрольных (надзорных) функций по соблюдению законодательства, регулирующего рассматриваемую сферу деятельности. При этом применение норм административного законодательства, регулирующего деятельность в сфере экспонирования, носит властный, публичный характер, осуществляемый органами государственной власти, представителями которой они являются, направленный на недопущение нецелевого использования оружия лицами, которым запрещено являться субъектами правоотношений, возникающих в сфере оборота оружия³.

² Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации», п. 9 ст. 2.

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № АКПИ19-742 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим подпункта 9.1.1 пункта 9

¹ Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии».

Административно-процедурная деятельность состоит, прежде всего, в том, что должностные лица, уполномоченные осуществлять государственную услугу по выдаче лицензии, могут при наличии законных оснований не только выдать или переоформить лицензию, а также отказать в выдаче или ее переоформлении.

Такого рода деятельность можно рассматривать как систему, состоящую из деятельности должностного лица, представителя органа исполнительной власти, направленную на исполнение и соблюдение предписаний норм, закрепленных в законах, путем предоставления (к нему относятся: выдача лицензии на право заниматься лицензированным видом деятельности; разрешение на право хранения и ношения, перевозку, использование, транспортирование оружия), обязывания (например, обязательная регистрация оружия), санкционирования (при нарушении лицензионных требований, лицо привлекается к административной ответственности)¹.

Деятельность инспектора лицензионно-разрешительной работы направлена на выдачу лицензиату лицензии на основании установленного законодательством перечня документов (обязательных для представления в органы государственной власти), изучения и рассмотрения представленных документов, личности лицензиата, в результате чего принимается решение о дальнейших действиях в отношении лицензии: выдача или отказ.

Предусмотрено несколько законных обстоятельств, при наличии которых государственные органы имеют право отказать в выдаче лицензии. К ним относится отсутствие сведений или их недостоверность, которые должны быть представлены лицензиатом. К ним относится также от-

сутствие возможности обеспечить условия сохранности оружия и учета оружия². В любом случае общей причиной отказа является нерадивость лицензиата. Правовое регулирование деятельности, связанной с экспонированием оружия, необходимо для недопущения в эту сферу недобросовестных, незаконопослушных субъектов, действия которых могут быть направлены на незаконное обогащение или нанесение ущерба культурному наследию страны.

Законом предусмотрен срок, в течение которого должно быть принято решение о результате осуществления государственной услуги. Данный срок начинает протекать с момента, когда было зарегистрировано заявление в книге регистрации и составляет 30 дней в календарном исчислении. Данный срок распространяется на вновь поданные документы. В случае переоформления срок составляет 14 дней. В случае принятия положительного решения лицензия выдается лицензиату на руки в день его обращения. Если же решение принято об отказе, то информацию об этом в виде уведомления направляется или выдается после оформления заключения в течение двух дней (рабочих).

При получении лицензии субъекты должны пройти определенную административную процедуру.

Юридические лица (лицензиаты), изъявившие желание получить лицензию, должны обратиться в Росгвардию за лицензией на организацию экспонирования оружия с заявлением по установленной форме. К заявлению им необходимо приложить пакет соответствующих документов. Прежде всего, это должны быть учредительные документы, характеризующие их организационно-правовую форму; подтверждающие документы о наличии специально оборудованного помещения для хранения оружия. Данное помещение может находиться в собственности юридического лица либо на ином праве, которое нужно подтвердить соответствующими документами. Руководитель юридического лица обязан закрепить какое-либо долж-

Административного регламента по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение охотничьего или спортивного огнестрельного оружия с нарезным стволом и патронов к нему, утв. приказом Росгвардии от 26 июня 2018 г. № 222>.

¹ Трофимова И.А. Проблемы административно-правового регулирования регистрационной деятельности // Административное право и процесс. 2020. № 11. С. 26—31.

² Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 11.09.2012 по делу № А43-9941/2011.

ностное лицо в качестве ответственного за учет и обеспечение хранения оружия путем издания приказа, а также должен быть приложен список лиц, которые допущены к работе с этими объектами. Вместе с этими документами руководителю, лично представляющему документы в государственные органы, необходимо предоставить список учетных номеров, закрепленных за каждой единицей оружия, частей к нему и патронов.

Для физических лиц определен несколько иной порядок. Так, граждане, имеющие гражданство Российской Федерации, обязаны предоставить копию своего паспорта, а для подтверждения копии при получении лицензии (разрешения) предоставить оригинал документа, подтверждающего личность гражданина. Прилагаются также фотографии, медицинский документ, подтверждающий удовлетворительное состояние здоровья и отсутствие противопоказаний. Помимо документов, касающихся личности, необходимо предоставить сведения о номерах оружия и патронов, которые собираются выставлять, в виде списка.

Следует отметить, что законодателем предусмотрены основания, по которым можно отказать в приеме документов, но не указаны основания, по которым можно приостановить процедуру осуществления государственной услуги. В данном случае получается, что в случаях возникновения форс-мажорных обстоятельств (смерть гражданина, тяжелое заболевание, приведшее к ухудшению здоровья, смена места жительства и др.), когда процедура оказания государственной услуги запущена, но не окончена, возникшие правоотношения не урегулированы законом. Особенно явно данная проблема просматривается при подаче субъектом заявления в электронной форме (при помощи Единого портала). Должностное лицо обязано оказать государственную услугу в полном объеме, однако в указанных выше случаях это не представляется возможным, и отметить ее как завершенную (в электронной форме) также невозможно, несмотря на

требования закона¹. Основываясь на выше приведенном анализе, предлагаем внести изменения в Административный регламент, утвержденный приказом Росгвардии от 24 апреля 2018 г. № 148. В п. 13 указанного регламента предусмотреть перечень оснований, при которых рассмотрение обращений приостанавливается, изложив норму в следующей редакции:

«Рассмотрение обращения приостанавливается в случае:

- смерти заявителя;
- форс-мажорных обстоятельств, при которых рассмотрение обращения осуществляется в другом субъекте Российской Федерации (смена места регистрации, места жительства);
- заболевание, повлекшее ухудшение здоровья, которое может привести к возникновению противопоказаний к владению оружием».

При этом предполагается, что данный перечень не является закрытым и исчерпывающим.

Следует отметить, что проведенный анализ действующего законодательства, регулирующего экспонирование оружия, показывает, что деятельность должностных лиц федеральных органов исполнительной власти отстает от действительности и постоянно развивающихся общественных отношений в этой сфере.

Таким образом, на основе проведенного анализа приходим к выводу, что правоотношения, возникающие в сфере осуществления экспонирования оружия, наукой оставлены без внимания. Сформированный понятийный аппарат, регулирующий данную сферу деятельности, требует переработки и корректировки. Действующее законодательство, выделяет два вида деятельности по экспонированию оружия: это лицензируемый и не лицензируемый виды деятельности.

При этом административно-правовые отношения, возникающие при осуществлении экспонирования оружия, как лицензируемого вида деятельности, не отрегу-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Ст. 7.4.

лированы на законодательном уровне в полном объеме.

Библиография

1. Комментарий к Федеральному закону «Об оружии» (постатейный); под ред. А.Г. Авдейко, В.В. Черникова / А.Г. Авдейко, Р.О. Барутенко,

С.П. Булавин и др. — М.: Проспект, 2017. — 320 с.

2. Трофимова, И.А. Проблемы административно-правового регулирования регистрационной деятельности / И.А. Трофимова // Административное право и процесс. — 2020. — № 11. — С. 26—31.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Совершенствование норм права о социальных гарантиях военнослужащим по контракту, совмещающим прохождение военной службы с получением высшего образования — подготовкой кадров высшей квалификации

© **Большакова Валентина Михайловна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского института управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

© **Наумов Петр Юрьевич**, кандидат педагогических наук, помощник по правовой работе начальника ФГКУЗ «Центр военно-врачебной экспертизы войск национальной гвардии Российской Федерации»

© **Утюганов Алексей Анатольевич**, доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника института по научной работе — начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела ФГКВООУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты по совершенствованию нормативных правовых актов о социальных гарантиях военнослужащих, совмещающим прохождение военной службы с получением высшего образования — подготовкой кадров высшей квалификации (допущенных к соисканию ученых степеней). Отмечается, несоответствие законодательства о статусе военнослужащих и о порядке прохождения военной службы, законодательству Российской Федерации о науке, государственной научно-технической политике, государственной научной аттестации и об образовании. На основании изучения литературы приводится авторский взгляд на совершенствование нормативных правовых актов о социальных гарантиях военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, допущенных к соисканию ученых степеней.

Ключевые слова: научно-техническая политика; высшее образование; присуждение ученых степеней; военнослужащие; соискание ученой степени; подготовка кадров высшей квалификации.

Improvement of the law on social guarantees for military personnel under contract, combining military service with higher education — training of highly qualified personnel

© Bolshakova V.M.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Naumov P.Yu.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Legal Assistant to the Head of the Federal State Institution "Center for Military Medical Examination of the National Guard Troops of the Russian Federation"

© Utyganov A.A.,

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Institute for Scientific Work — Head of the Research and Editorial and Publishing Department of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

Annotation. The article deals with certain aspects of improving the normative legal acts on social guarantees of military personnel, combining military service with higher education — training of highly qualified personnel (admitted to apply for academic degrees). It is noted that the legislation on the status of military personnel and on the procedure for military service, the legislation of the Russian Federation on science, state scientific and technical policy, state scientific certification and education is inconsistent. Based on the study of the literature, the author's view is given on the improvement of regulatory legal acts on social guarantees of military personnel undergoing military service under contract, admitted to applying for academic degrees.

Keywords: scientific and technical policy; higher education; awarding of academic degrees; military personnel; seeking an academic degree; training of personnel of the highest qualification.

Введение.

Конституция провозглашает Российскую Федерацию как правовое и социальное государство, где права и свободы являются высшей ценностью. Россия как правовое государство преследует в каждом необходимом случае торжество права, реализацию принципа законности¹. Право создается для того, чтобы оно практически претворялось в жизнь, чтобы достигались те цели, на которые рассчитывал законода-

тель. В противном случае сам этот институт не имел бы смысла. С древнейших времен известно изречение: «Напрасно законы писать, коли их не исполнять». Римские юристы также считали, что бездействующий закон хуже отсутствующего².

Сущность же социальности состоит в интеграции частных усилий для достижения общей для всех участников цели и че-

¹ Большакова В.М., Пафнунтьев А.И., Осипов Д.А. Очерки по конституционному праву России. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016.

² Большакова В.М. Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Лаптев А.А. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 5 (286). С. 83—91.

рез это — более полного удовлетворения индивидуальных потребностей. Сбалансированность общих и индивидуальных интересов — важнейший показатель «общественного здоровья», включающий в себя, в том числе и согласие по стандарту и критериям справедливости. Костяк любой социальной общности — его структура, минимальный состав которой включает в себя большие и малые социальные общности, а также институты и практики, систематизирующие и организующие совместную деятельность. Одним из условий устойчивости социальной структуры является справедливость, понимаемая в самом общем виде как соразмерность между вкладом в общее дело и получаемой от этого выгодой. Справедливость социальной структуры определяющим способом влияет и на справедливость производных от нее социальных феноменов¹.

Ранее указывалось на необходимость во внесении изменений в законодательство Российской Федерации о статусе военнослужащих и о порядке прохождения военной службы. Это касалось п. 8 ст. 11 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и п. 6 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, а связано это было с тем, что в указанных пунктах использовались положения отмененных ранее нормативных правовых актов².

Внесение указанных изменений позволило бы привести в соответствие с законодательством Российской Федерации о науке и государственной научно-технической политике, государственной научной аттестации, об образовании в Российской Федерации нормативных право-

вых актов о социальных гарантиях военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, допущенных к соисканию ученых степеней.

При этом открытым оставался вопрос, является ли внесение предложенных нами изменений достаточным, или в отдельные положения нормативных правовых актов о статусе военнослужащих и порядке прохождения военной службы также требуется внести другие изменения в этих же целях?

Изучению данного вопроса и посвящено настоящее исследование.

Основная часть.

В соответствии с п. 1 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализующих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения, а также на подготовку и защиту в установленном законодательством Российской Федерации порядке диссертаций на соискание ученой степени.

Помимо ранее упомянутого п. 8 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и п. 6 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы социальные гарантии военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и совмещающим исполнение обязанностей военной службы с получением высшего образования в форме подготовки кадров высшей квалификации, установлены п. 3, 4, 5 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Так, в силу п. 3 ст. 31 указанного Положения для подготовки к вступительным экзаменам и сдачи вступительных экзаменов в адъюнктуру, военную докторантуру предоставляется учебный отпуск продолжительностью: а) военнослужащим, допу-

¹ Чукин С.Г., Наумов П.Ю. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья вторая // Идеи и идеалы (Ideas and Ideals). 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 81—92.

² Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Додонов К.В. Кто такие соискатели? К проблеме предоставления творческих отпусков военнослужащим, проходящим военную службу по контракту // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 9 (278). С. 69—77.

щенным к сдаче вступительных экзаменов, — 30 суток; б) военнослужащим, поступающим с частично сданными кандидатскими экзаменами, — 10 суток на каждый оставшийся экзамен. Военнослужащим, зачисляемым в адъюнктуру, военную докторантуру без сдачи вступительных экзаменов, учебный отпуск не предоставляется. Основанием для предоставления учебного отпуска является извещение, подписанное начальником военно-учебного заведения или руководителем научной организации, о допуске военнослужащего к сдаче вступительных экзаменов.

Продолжительность указанного учебного отпуска увеличивается на время проезда к месту нахождения военно-учебного заведения (научной организации) и обратно (п. 4 ст. 31 Положения).

Согласно п. 5 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы в период обучения военнослужащего в адъюнктуре, военной докторантуре по заочной форме обучения ему предоставляется: а) для подготовки — один свободный день в неделю, кроме выходных и праздничных дней, а также на четвертом году обучения, по желанию адъюнкта или докторанта могут предоставляться два свободных дня в неделю. Предоставляемые свободные дни оформляются приказом командира воинской части, выписка из которого высылается по месту обучения; б) для сдачи кандидатских экзаменов и подготовки диссертации — 30 суток ежегодно без учета времени проезда от места службы до места нахождения образовательной или научной организации и обратно.

Приказом Минобрнауки России от 28 марта 2014 г. № 247 «Об утверждении Порядка прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня» утвержден порядок прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечень. Согласно п. 2 указанного Порядка кандидатские экзамены являются формой промежуточной аттестации при освоении программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре).

В Российской Федерации гарантируются общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования, если образование данного уровня гражданин получает впервые (ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Согласно ч. 6 ст. 69 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» прием на обучение по программам магистратуры, программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программам ординатуры, а также по программам ассистентуры-стажировки осуществляется по результатам вступительных испытаний, проводимых образовательной организацией самостоятельно.

Анализ норм законодательства об образовании и государственной научно-технической политике свидетельствует о том, что указанные нормы не содержат в себе критериев, согласно которым, лицо, сдавшее кандидатские экзамены, освобождается от прохождения вступительных испытаний в аспирантуру (адъюнктуру) полностью или частично.

Не содержат таких требований и приказ Минобрнауки России от 19 ноября 2013 г. № 1259 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)», а также приказ Министерства обороны Российской Федерации от 18 января 2016 г. № 6 «Об организации деятельности адъюнктуры военных образовательных организаций высшего образования, организаций дополнительного профессионального образования и научных организаций Министерства обороны Российской Федерации» и приказы других федеральных органов исполнительной власти, где законом предусмотрена воен-

ная служба. Так, пунктом 2 Порядка и условий приема в адъюнктуру военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом Росгвардии от 10 июля 2017 г. № 207, установлено, что прием на обучение в военные образовательные организации высшего образования по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре проводится в соответствии с планом подготовки кадров для войск национальной гвардии Российской Федерации на принципах равных условий для всех поступающих и осуществляется по результатам вступительных испытаний, проводимых образовательной организацией самостоятельно¹.

Таким образом, нормами права установлено, что военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, поступает в адъюнктуру по итогам сдачи вступительных испытаний. Преимуществ по сдаче вступительных испытаний наличие сданных кандидатских экзаменов ему не дает.

Подобные требования (о закреплении преимуществ) имелись ранее в п. 40 Положения о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования в Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 27 марта 1998 г. № 814, где было указано, что лица, сдавшие полностью или частично кандидатские экзамены, при поступлении в адъюнктуру освобождаются от соответствующих вступительных экзаменов. Однако приказом Минобрнауки России от 18 декабря 2017 г. № 1226 указанное Положение было отменено.

Примером подобного же пробела служит и указание в п. 8 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих, пункте 6 ст. 31 Положения о порядке прохож-

дения военной службы на гарантии военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и являющимся соискателями ученых степеней, что не соответствует положениям Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» в части применения устаревшей формулировки «соискатель ученой степени», поскольку данные нормы основаны на положениях утратившего силу Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»².

Не урегулированным на законодательном уровне остается вопрос предоставления/не предоставления социальных гарантий лицам, повторно допущенным к соисканию ученой степени кандидата или доктора наук, которым ранее присуждены указанные ученые степени по другим отраслям наук. Также требует детализации пункт статьи 31 Положения в части формулировки «военная докторантура», поскольку Положением о докторантуре, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 267 «Об утверждении Положения о докторантуре» такого термина не вводится и не используется, как не используется его в иных нормативных правовых актах.

Таким образом, в целях приведения их в соответствие законодательству Российской Федерации о науке и государственной научно-технической политике, об образовании в Российской Федерации и аналогичным нормам трудового права, полагаем в нормативные правовые акты необходи-

¹ Землин А.И., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Рассмотрение несовершенства норм о социальных гарантиях военнослужащих через призму их правовой экспертизы // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 432—434.

² Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Основные направления совершенствования нормативных правовых актов о социальных гарантиях военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, допущенных к соисканию ученых степеней. // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 11-1. С. 34—41.

мым внести следующие изменения: в п. 4 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы подп. «б» признать утратившим силу, поскольку содержащиеся в нем положения о предоставлении военнослужащим, поступающим с частично сданными кандидатскими экзаменами, по 10 суток отпуска на каждый оставшийся экзамен в настоящее время на законе не основан. Наличие сданных кандидатских экзаменов не освобождает военнослужащего от прохождения вступительных испытаний при поступлении в адъюнктуру в полном объеме. Следовательно, и учебный отпуск для подготовки к вступительным экзаменам и сдачи вступительных экзаменов в адъюнктуру, военную докторантуру военнослужащим, допущенным к сдаче вступительных экзаменов, продолжительностью 30 суток должен предоставляться в полном объеме.

Заключение.

Внесение указанных изменений также позволит привести в соответствие с законодательством Российской Федерации о науке и государственной научно-технической политике, государственной научной аттестации, об образовании в Российской Федерации нормативных правовых актов о социальных гарантиях военнослужащих, совмещающим прохождение военной службы по контракту с получением высшего образования – подготовки кадров высшей квалификации или допущенных к соисканию ученых степеней¹.

Перспективным направлением дальнейшего исследования нам видится изучение того, на основании требований каких нормативных правовых актов работники и сотрудники, проходящие службу² (в органах внутренних дел, органах принудительного исполнения, войсках национальной гвардии, таможенных органах, органах уголовно-исполнительной системы), сов-

мещающие работу с получением высшего образования путем подготовки кадров высшей квалификации, а также работники, допущенным к соисканию ученой степени кандидата наук или доктора наук, пользуются социальными гарантиями по предоставлению отпуска при поступлении как в аспирантуру, так и в адъюнктуру, а военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, — только при поступлении в адъюнктуру (аспирантура в ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы не упомянута).

Библиография

1. Большакова, В.М. Кто такие соискатели? К проблеме предоставления творческих отпусков военнослужащим, проходящим военную службу по контракту / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян, К.В. Додонов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9 (278). — С. 69—77.

5. Большакова, В.М. Основные направления совершенствования нормативных правовых актов о социальных гарантиях военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, допущенных к соисканию ученых степеней. Статья первая / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // *Вопросы российского и международного права*. — 2020. — Т. 10. — № 11-1. — С. 34—41.

6. Большакова, В.М. Очерки по конституционному праву России / В.М. Большакова, А.И. Пафнутьев, Д.А. Осипов. — Нижний Новгород: Нижегородский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016. — 102 с.

2. Большакова, В.М. Проблемные аспекты правовой экспертизы проектов законодательных актов о судостроительстве и судопроизводстве / В.М. Большакова // *Юридическая техника*. — 2022. — № 16. — С. 538—540.

7. Большакова, В.М. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян, А.А. Лаптев // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 5 (286). — С. 83—91.

4. Большакова, В.М. Характеристика современного законодательства об органах принудительного исполнения Российской Федерации и службы в них / В.М. Большакова // *Право и государство: теория и практика*. — 2021. — № 6 (198). — С. 6—10.

8. Землин, А.И. Рассмотрение несовершенства норм о социальных гарантиях военнослужащих через призму их правовой экспертизы / А.И. Зем-

¹ Землин А.И., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Указ. соч.

² Большакова В.М. Характеристика современного законодательства об органах принудительного исполнения Российской Федерации и службы в них // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 6 (198). С. 6—10.

лин, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов // Юридическая техника. — 2022. — № 16. — С. 432—434.

9. Чукин, С.Г. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием.

Статья вторая / С.Г. Чукин, П.Ю. Наумов // Идеи и идеалы (Ideas and Ideals). — 2016. — Т. 1. — № 3 (29). — С. 81—92.

Военные учебные центры: проблемы и перспективы правового регулирования деятельности

© Дзейранов Савва Станиславович,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, Россия

Аннотация. Предметом настоящей статьи является исследование законодательных и теоретических проблем функционирования военных учебных центров, указывается мотивационный аспект подготовки и поступления граждан в качестве фундаментального для подготовки военных кадров, приводится зарубежный опыт подготовки на базе гражданского образования, указывается неправильность рассмотрения военной-учетной специальности как дополнительной, а также вносятся предложения по совершенствованию их работы для повышения качества личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: военный учебный центр, военное обучение, перспективы развития, международный опыт подготовки студентов на базе гражданского образования, мотивационная девиация, военная-учетная специальность.

Military training centers: problems and prospects of legal regulation

© Dzheyranov S.S.,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education "Russian State University of Per-
secution", Moscow, Russia

Annotation. The subject of this article is the study of legislative and theoretical problems of the functioning of military training centers, the motivational aspect of training and admission of citizens as fundamental for the training of military personnel is indicated, foreign experience of training on the basis of civilian education is given, the necessity of considering a military accounting specialty as an additional one is indicated, and proposals are also made to improve their work to improve the quality of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: military training center, military training, development prospects, international experience of training students on the basis of civil education, motivational deviation, military accounting specialization.

Военные учебные центры (ВУЦ) в настоящем времени и в перспективе их развития представляют из себя актуальную тему для исследования, что обусловлено двусторонней выгодой государства и обучающихся лиц, а также наличием пробелов и законодательно не урегулированных моментов в данной области. Государство получает квалифицированных военных специалистов, проводит военно-патриотическую работу, формирует готовый мобилизационный ресурс. Также наличие системы ВУЦ выстраивает аспект доверительного взаимодействия государства с личностью и формирует специфический способ исполнения конституционной обязанности, не прибегая к военной служ-

бе. Обучающиеся имеют возможность получить не только гражданскую специальность, но и воинское звание, связать свою жизнь с военной службой. На данный момент мы имеем 96 гражданских вузов, на базе которых функционируют ВУЦ¹.

Сущность образования, получаемого в ВУЦ, заключается в обучении студентов общим и специальным дисциплинам на базе получаемого образования в федеральной государственной образовательной организации высшего образования, а также в качестве воспитательной работы и работы

¹ Развитие системы военной подготовки студентов (2013—2021 гг.) под общ. ред. В.П. Горемыкина. М.: Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации, 2021. С. 28.

по военно-профессиональной ориентации молодёжи¹. Федеральным законом выделяется две формы подготовки студентов в ВУЦ: 1) военная подготовка для последующей военной контрактной службы на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами, по окончании ВУЦ и учреждения, на базе которого он создан; 2) подготовка военных кадров запаса². По сути своей, образовательная деятельность в ВУЦ носит характер «профессиональной переподготовки», сущность которой заключается в получении компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности — военной³. Данный подход к обучению граждан в ВУЦ значительно уменьшает степень мотивации студентов, потому что изначально их учебный труд сосредоточен на получении «основного» образования. Специализированность и объём военной сферы нетипичен для «переподготовки», поэтому обучение в ВУЦ должно быть приравнено к получению гражданской специальности.

Отсюда возникает вопрос о статусе студента ВУЦ. Дело в том, что законодателем не указывается статус студента ВУЦ ни в Федеральном законе от 28 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁴, ни в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в котором, однако указан статус обычного студента (курсанта), характерной чертой которого является обучение по программам: среднего профессионального образования, бакалавриата, специалитета, магистратуры. Закрепляя возможность функционирования ВУЦ, за-

конодатель не указывает студентов в качестве военнослужащих, в это же время они не являются обычными студентами из-за положений закона, а, исходя из последующего присвоения воинского звания, выходит, что студенты имеют протостатус военнослужащего в запасе. Это не является верным подходом по нескольким основаниям. Прежде всего студенты ВУЦ вовлечены в воинскую сферу больше, чем, например, обычные студенты, а также цель образовательного процесса направлена на формирование военных кадров; во время обучения на них возлагаются требования и обязанности в соответствии с Общевоинскими уставами Вооруженных Сил, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495; также с морально-психологической точки зрения, студенты, надевающие военную форму, являются носителями воинской культуры, отчего должны соответствовать определённым социальным и, как следствие, правовым качествам. В частности, вопрос ношения военной формы не урегулирован не только у обучающихся, но и у преподавательского состава, что представляется серьёзным упущением законодателя, учитывая воспитательный характер её использования.

Установление правового статуса позволит не только доформить институт ВУЦ, обеспечить устойчивость студенческого сообщества, но и определить характер ответственности студентов ВУЦ за дисциплинарные, административные и уголовные правонарушения, поскольку в настоящее время не сложилось понимания о возможности признания субъектом военных правонарушений студентов ВУЦ во время учебных сборов (стажировок), потому что студенты ВУЦ не указаны в качестве субъекта преступления, например, в ч. 1 ст. 331 УК РФ. При этом законодатель указывает, что учебные сборы (стажировки) студентов ВУЦ приравниваются к военным сборам: такой неопределённый статус студента становится подобен статусу лица, призванного на военные сборы, пре-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 июля 2019 г. № 848 «Об утверждении Положения о военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

² Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

³ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

бывающего в запасе¹. Поэтому следовало бы внести соответствующие изменения в УК РФ, дополнив его положением о студентах ВУЦ, что возможно сделать только при наличии у них правового статуса.

Свой специфический статус студент ВУЦ приобретает на основании договора об обучении между ним и Минобороны России по соответствующей программе военной подготовки: этот договор может быть двух видов, в зависимости от форм подготовки студентов, обозначенных выше. Изменение правового статуса далее связано с окончанием образовательного учреждения и обучения в ВУЦ с последующим получением военно-учетной специальности и присвоением воинского звания, в зависимости от программы обучения. При этом сам процесс обучения и окончание ВУЦ не связаны с обязательной аттестацией и выдачей документа, свидетельствующего именно о качестве подготовки выпущенного студента, что является острой проблемой из-за мотивации как при поступлении, так и в процессе обучения². Решение этой проблемы возможно посредством внесения дисциплин в диплом с гражданскими специальностями по окончании государственного образовательного учреждения.

В 2020 году был принят новый документ о порядке приёма граждан в ВУЦ³.

¹ Гульгоров В.И. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих и лиц, приравненных к ним, за преступления против военной службы // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 4(18). С. 27.

² Калашников В.В., Шумов М.Ю. Мотивация к военной службе как один из главных факторов эффективного использования потенциала федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, в интересах обеспечения обороны и безопасности страны // Деятельность органов военной юстиции на современном этапе развития российского государства : сборник статей. М.: РГУП, 2020. С. 18.

³ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 августа 2020 г. № 400 «Об определении Порядка приема и обучения граждан Российской Федерации в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования».

Этот документ обостряет проблему приёма граждан, связанную с их желанием обучаться, поскольку новый приказ не содержит положения о «мотивации» студентов для поступления, а лишь ограничивается характеристикой, содержащей сведения о так называемой направленности личности на военную службу. Старая «мотивационная» формулировка редко использовалась, и отход от неё был осуществлён из-за неясности критериев и невозможности определения «мотивации» студентов, однако новая является понятием более широким, поскольку включает в себя не только мотивацию, но и потребности, задачи, тенденции личности⁴. По мнению автора, данное решение уводит в сторону от ключевого фактора, который должен быть фундаментальным при осуществлении военной деятельности: реальная заинтересованность гражданина в защите Отечества и нации. В том числе без заострения внимания на мотивации поступающего можно столкнуться с мотивационной девиацией, которая может проявляться в поступлении в ВУЦ для: уклонения от воинской обязанности; стремления прикоснуться к «военной эстетике» — своего рода уход от реальности, эскапизм; удовлетворения требования «старших» и прочее. Эта проблема обостряется в течение всего обучения, поскольку студент, изначально не заинтересованный в получении военно-учетной специальности, относится к получаемым знаниям посредственно, а далее он не обладает тем уровнем знаний, каким должен по окончании Центра. Повышение качества отбора (в том числе среди мотивированных студентов) также должно быть обеспечено и на основе предоставления возможности обучения ВУЦ всем студентам, вне зависимости от наличия или отсутствия такого учреждения при их образовательном учреждении.

Среди способов выявления положительной мотивации студентов к поступлению в ВУЦ хотелось бы выделить следующее. Во-первых, необходимо учитывать

⁴ Калашников В.В. О новом порядке приема и обучения граждан в военных учебных центрах // Военное право. 2020. № 6(64). С. 148.

личную заинтересованность поступающего продолжить по окончании обучения свою деятельность в рамках военной службы. Во-вторых, необходимо проводить тестирование для выявления мотивации и предрасположенности студента как к военно-учетной специальности, так и к военной службе в целом, а также организовывать собеседование с поступающими для идентификации заинтересованных лиц. В-третьих, чтобы реализовать первостепенную задумку по созданию высококвалифицированной армии необходимо изменить формат выпуска: студенты должны зачисляться не в запас, а в резерв с обязательством службы в несколько лет после окончания обучения.

Перспектив развития данного военного института множество, хотелось бы обратиться к системе ROTC (Reserve Officers Training Corps), представляющей из себя систему обучения офицеров для ВС США на базе колледжей и университетов. Так, например, в 2020 г. выпускники данной системы составили 70 % офицеров армии США, 83 % офицеров морской пехоты США, 61 % офицеров ВМС США, 63 % для ВВС США¹. В качестве отличительных аспектов американской системы подготовки студентов можно отметить: 1) в соответствии с ROTC студент может получить хорошую стипендию, покрывающую все или часть обучения в образовательном учреждении, в обмен на обязательство по прохождению военной службы после окончания учебы (или получения степени магистра в соответствии с утвержденной отсрочкой обучения); 2) студенты участвуют в регулярных тренировках в течение учебного года; 3) студенты считаются курсантами; 4) выпускники таких заведений обязаны заключить контракт с Минобороны, пройти военную службу; 5) рейтинговая система, на основе которой производится последующее распределение

по родам войск; 6) выпускники зачисляются не в запас, а в резерв².

Для совершенствования отечественной системы подготовки офицеров на базе ВУЦ предлагается следующее. Во-первых, при конкурсном отборе акцент должен делаться не на физическую подготовленность (которая в течение обучения должна оцениваться, а также должны проводиться занятия в данном направлении), а на успеваемость и личную заинтересованность поступающих, и стремление к профессиональному развитию в военной сфере, что в свою очередь позволит сформировать достойную воинскую культуру и обеспечить нужды милитаризованных структур. Во-вторых, необходимо прекратить готовить офицеров запаса, а начать подготавливать студентов для последующего их зачисления в резерв, поскольку проблема нехватки такового остро выявилась во время проведения специальной военной операции³. Также это позволит избежать проблемы, связанной с уменьшением призывного потенциала⁴. В-третьих, для повышения мотивации студентов требуется обеспечить материальную заинтересованность (стипендии, единоразовые выплаты, покрытие стоимости обучения в университете и т.д.). В-четвертых, для повышения качества знаний необходимо увеличить продолжительность обучения до полного срока получения гражданской специальности, также увеличить интенсивность занятий (прежде всего практико-ориентированных) в течение недели. Кроме того, предлагается увеличить количество учебных сборов (стажировок), чтобы не было отрыва обучаемых от воинской культуры и войск. Это необходимо, поскольку отсутствие прак-

² Сокол Л.Н. Передовой мировой опыт военной подготовки в гражданских вузах: ROTC // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 268.

³ Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. О проведении специальной военной операции // Текст обращения размещен на сайте Президента России (<http://www.kremlin.ru>) 24 февраля 2022 г.

⁴ Калашников В.В. Создание военных учебных центров: вопросы совершенствования правового регулирования // Военное право. 2021. № 5(69). С. 61.

¹ Table B-30. Active Component Commissioned Officer Gains, FY17: by Source of Commission, Service, and Gender. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cna.org/poprep/2017/appendixb/b_30.html (дата обращения: 24.05.2022)

тических навыков, короткий срок обучения негативно сказывается на качестве подготовки. В-пятых, как было указано выше, представляя, что образование в ВУЦ не является дополнительным, дисциплины ВУЦ должны быть включены в диплом студента образовательного учреждения. В-шестых, определить законодательно статус студента, в частности, закрепив студента ВУЦ как субъекта воинских правонарушений. В-седьмых, установить единый для всех ВУЦ стандарт военной формы как для обучающихся, так и для профессорско-преподавательского состава, что необходимо для должного выполнения воспитательной функции и формирования соответствующего уровня психологической подготовки. В-восьмых, предлагается расширить использование ВУЦ не только для студентов образовательного учреждения, на базе которого создаётся Центр, но и для студентов других образовательных учреждений, что в свою очередь увеличит конкурс, мотивацию и увеличит потенциал подготавливаемого коллектива.

Создание и расширение системы ВУЦ должно ориентироваться прежде всего на реальные угрозы и национальные интересы государства, выпуская специалистов не только в качестве мобилизационного резерва, но и способных по окончании образовательного учреждения успешно выполнять возлагаемые на них обязанности по военной службе¹. Именно такие шаги могут наиболее быстро привести к формированию профессиональной армии и отходу от контрактной, что, по мнению В.В. Путина, отражает реальный запрос времени. Устранение законодательных пробелов позволит не только улучшить функциони-

рование ВУЦ, но и обеспечить нужды Вооруженных Сил.

Библиография

1. Гульгоров, В.И. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих и лиц, приравненных к ним, за преступления против военной службы / В.И. Гульгоров // *ГлаголЪ правосудия*. — 2018. — № 4(18). — С. 25—27.
2. Калашников, В.В. Мотивация к военной службе как один из главных факторов эффективного использования потенциала федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, в интересах обеспечения обороны и безопасности страны / В.В. Калашников, М.Ю. Шумов // *Деятельность органов военной юстиции на современном этапе развития российского государства : сборник статей*. — М.: РГУП, 2020. — С. 15—20.
3. Калашников, В.В. О новом порядке приема и обучения граждан в военных учебных центрах / В. В. Калашников // *Военное право*. — 2020. — № 6(64). — С. 146—150.
4. Калашников, В. В. Создание военных учебных центров: вопросы совершенствования правового регулирования / В. В. Калашников // *Военное право*. — 2021. — № 5(69). — С. 57—63.
5. Корякин, В.М. О правовых основах учебных сборов при подготовке граждан к военной службе / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2019. — № 10 (267). — С. 82—85.
6. Развитие системы военной подготовки студентов (2013—2021 гг.) / под общ. ред. В.П. Горемыкина. — М.: Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации, 2021. — 32 с.
7. Сокол, Л.Н. Передовой мировой опыт военной подготовки в гражданских вузах: ROTC / Л.Н. Сокол // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. — 2018. — № 2. — С. 265—271.
8. Харитонов, В.С. Профессиональный психологический отбор по военно-учетным специальностям: вопросы правового регулирования / В.С. Харитонов // *Военное право*. — 2018. — № 5(51). — С. 104—107.
8. Харитонов, С.С. О статусе военнослужащих — работников военных учебных центров в контексте обеспечения законности решений об их материальном обеспечении / С. С. Харитонов // *Военно-юридический журнал*. — 2019. — № 6. — С. 8—11.

¹ См. подробнее: Корякин В.М., Харитонов В.С. О правовых основах учебных сборов при подготовке граждан к военной службе // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2019. № 10 (267). С. 82—85; Харитонов В.С. Профессиональный психологический отбор по военно-учетным специальностям: вопросы правового регулирования // *Военное право*. 2018. № 5(51). С. 104—107; Харитонов С. С. О статусе военнослужащих — работников военных учебных центров в контексте обеспечения законности решений об их материальном обеспечении // *Военно-юридический журнал*. 2019. № 6. С. 8—11.

Актуальные проблемы правового регулирования альтернативной гражданской службы и некоторые меры по его совершенствованию

© Лагашкина Юлия Валерьевна,
соискатель ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье проведен анализ правовой регламентации некоторых аспектов альтернативной гражданской службы в Российской Федерации. Выявлены имеющиеся здесь проблемы, предложены пути их решения путем внесения соответствующих изменений в законодательство об альтернативной гражданской службе. Высказана идея об использовании лиц, проходящих альтернативную службу, исключительно в интересах обороны страны, а также в интересах оказания гуманитарной помощи пострадавшим в ходе военных действий, в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: воинская обязанность; обязанность защищать Отечество; альтернативная гражданская служба; ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций; волонтерская деятельность; гуманитарная помощь жертвам войны.

Actual problems of legal regulation of alternative civil service and some measures to improve it

© Lagashkina Yu.V.,
applicant of the Prince Alexander Nevsky Military
University of the Ministry of Defense of the Russian
Federation

Annotation. The article analyzes the legal regulation of some aspects of alternative civil service in the Russian Federation. The problems that exist here are identified, ways to solve them are proposed by making appropriate changes to the legislation on alternative civil service. The idea of using persons undergoing alternative service solely in the interests of the country's defense, as well as in the interests of providing humanitarian assistance to victims, in eliminating the consequences of emergency situations was expressed

Keywords: military duty; duty to defend the Fatherland; alternative civil service; liquidation of consequences of emergency situations; volunteer activity; humanitarian assistance to victims of war.

Специальная военная операция, которую проводят с февраля 2022 г. Вооруженные Силы Российской Федерации, ставит новые задачи перед всеми сферами деятельности военной организации государства, заставляет по-новому взглянуть на многие стороны ее современного развития. Не является исключением и реализация гражданами России конституционного права на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой (АГС).

Возрастание интереса к проблематике АГС обусловлено двумя обстоятельствами:

— во-первых, вполне естественными опасениями родителей граждан призывного возраста, что их дети могут оказаться в условиях военных действий. АГС рассматривается как вариант уменьшить эту угрозу;

— во-вторых, для обеспечения специальной военной операции требуются дополнительные людские ресурсы для использования их в качестве медицинского и обслуживающего персонала, доставки гуманитарной помощи, оказания помощи беженцам и вынужденным переселенцам, раненым и больным и т.п. Эту работу вполне можно было бы поручить гражда-

нам, проходящим АГС.

В условиях нарастающего противостояния России и США вероятность вооруженного конфликта с применением ядерного оружия становится объективной реальностью, особенно на фоне проводимой специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, целью которой является сокращение доминирования США на мировой арене.

При таких обстоятельствах от Вооруженных Сил Российской Федерации требуется поддержание максимально высокого уровня боевой готовности в целях отражения возможной агрессии. В связи с этим повышенную актуальность приобретает задача освобождения военнослужащих от исполнения функций, не связанных напрямую с обороной страны. К ним относятся, в частности, участие граждан России в оказании гуманитарной и волонтерской помощи войскам, задействованным в Украине, а также в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, которые в массе своей происходят на просторах нашей Родины — пожары, наводнения и т.п. события. Стоит также упомянуть и недавнюю пандемию COVID-19. По состоянию на 27 ноября 2021 г. с начала пандемии в Российской Федерации выявлено 9 536 825 случаев заражения, из них 271 531 человек умер¹.

Несмотря на то, что участие в борьбе с указанными чрезвычайными ситуациями не относится напрямую к сфере обороны страны, тем не менее по решениям высших органов государственного руководства Вооруженные Силы на регулярной основе привлекаются к решению этих задач². При

таких обстоятельствах от Вооруженных Сил Российской Федерации для этих целей требуются дополнительные людские ресурсы. Возникает вопрос: а нельзя ли для этих целей использовать лиц, не желающих брать в руки оружие, но готовых прохолодить АГС?

В настоящее время Вооруженные Силы Российской Федерации комплектуются смешанным способом, сочетающим военную службу в добровольном порядке (по контракту) с военной службой на основе призыва.

Конституция Российской Федерации предусматривает замену военной службы альтернативной гражданской службой в том случае, если ее несение противоречит религиозным и иным убеждениям гражданина.

По нашему мнению, в комплектование Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск лицами гражданского персонала должна быть органически включена альтернативная гражданская служба, в том числе для обеспечения решения задач по участию в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, по участию в волонтерской и гуманитарной деятельности. Серьезным резервом является привлечение альтернативнослужащих к работе в организациях, оказывающих войскам услуги по договорам аутсорсинга³.

Следует отметить, что национальный и международный опыт комплектования вооруженных сил личным составом пока еще далеко не полно изучен представителями военно-правовой науки

¹ Коронавирус: статистика // URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 27.11.2021).

² См. например: Холиков И.В., Шафалинов В.А., Волгин А.Р., Яковлев С.В. Деятельность сил и средств медицинской службы в условиях ликвидации последствий чрезвычайной ситуации (Опыт работы российского военно-медицинского контингента в Республике Индонезия) // Военно-медицинский журнал. 2007. Т. 328. № 3. С. 10—13; Холиков, И.В., Жданов К.В. Оказание помощи Гвинейской Республике в борьбе с эпидемией геморрагической лихорадки Эбола // Военно-

медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 2. С. 93—95; Жданов К.В., Холиков К.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике // Журнал инфектологии. 2015. Т. 7. № 1. С. 5—17; Sazonova, K. L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K. L. Sazonova, I. Kholikov // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. — New York: Routledge, 2018. P. 38—51.

³ Корякин В.М., Сандырева Е.В. Некоторые выводы из арбитражно-судебной практики по делам, связанным с участием военных организаций в аутсорсинговых отношениях // Военное право. 2022. № 1. С. 173—184.

несмотря на наличие отдельных работ¹. Применение этого опыта должно реализовываться в условиях российской специфики развития страны и ее Вооруженных Сил с учетом ее современной правовой системы, военно-политических факторов, социально-экономических условий и т.д.

В 20-х годах XX в. те граждане, которые по религиозным причинам не могли нести военную службу, направлялись на работы по борьбе с эпидемиями или на другие общепользные работы (земляные работы, борьба с лесными пожарами и т.п.)². Ретроспективный анализ показал, что вышеуказанные виды работ получили значительное распространение и создали позитивные тенденции в развитии института альтернативной гражданской службы в нашей стране.

В зависимости от конкретных обстоятельств привлечение лиц, находящихся на альтернативной службе, к работам по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, к борьбе с эпидемиями, эпизоотиями, пожарами и т.п. может стать одним из направлений совершенствования организационных основ участия Вооруженных Сил в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также оказания помощи войскам вне зоны боевых действий, в военно-медицинских учреждениях, в частности.

В то же время, по нашему мнению, дальнейшего уточнения и решения требуют вопросы обеспечения реализации права граждан на альтернативную службу, поскольку анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что недоказанность наличия у граждан убеждений, не позволяющих нести военную службу, является

распространенной причиной для отказа в замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой.

Институт альтернативной службы применяется и в зарубежных странах. В этой связи необходимо рассмотреть зарубежный опыт и определить возможность его использования в Российской Федерации.

Вместе с тем, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (далее — Закон об АГС) не в полной мере приведен в соответствие с Конституцией Российской Федерации, с ее духом о том, что АГС — это форма конституционной обязанности гражданина защищать Отечество. Не в полном объеме урегулированы особенности реализации права на альтернативную службу в период мобилизации, в период военного положения и в военное время.

Дело в том, что, когда в начале 2000-х годов либеральная общественность активно билась за введение в нашей стране альтернативной службы, чтоб все было «как у них — как у демократической Европы», многие видели в этом институте легальный способ уклоняться от исполнения воинской обязанности. Но если внимательно вчитаться в текст соответствующих норм Конституции Российской Федерации, то без труда можно увидеть: что альтернативная служба — это есть одна из форм конституционной обязанности каждого гражданина защищать Отечество. Да она освобождает гражданина от обязанности проходить военную службу по призыву, но никак не освобождает его защищать свое Отечество в других формах, установленных законом, в том числе посредством прохождения АГС.

В связи с этим, по нашему мнению, законодательство об альтернативной службе нуждается во внесении в него ряда существенных изменений и дополнений:

1) в Законе об АГС должно быть закреплено следующее определение: *альтернативная гражданская служба* — это форма исполнения гражданами Российской Федерации конституционной обязан-

¹ Холиков И.В., Лапина О.А. Зарубежный опыт организации и проведения призыва на военную службу и возможные перспективы его применения в Российской Федерации // Вестник Академии военных наук. 2020. № 3(72). С. 136—145.

² Об обязательной военной службе: закон, утв. ЦИК Союза ССР, СНК Союза ССР 18 сентября 1925 г. // Собр. законодательства СССР, 1925, № 40, ст. 424.

ности защищать Отечество посредством осуществления особого вида трудовой деятельности в интересах обороны страны и безопасности государства взамен военной службы по призыву (нам ранее уже приходилось писать об этом)¹;

2) имеется необходимость законодательного закрепления положения о том, что альтернативная служба должна осуществляться в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и сводиться к различного рода вспомогательным работам, связанным с оказанием помощи раненым и больным, а также к участию в ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф и т.п. В этих целях предлагается п. 4 ст. 16 Закона об АГС изложить в следующей редакции:

«По решению Министерства обороны Российской Федерации, граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов привлекаются к ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф, а также к предупреждению чрезвычайных ситуаций (строительные, земляные, дорожные работы). Они могут направляться для выполнения гуманитарных миссий и оказания волонтерской помощи раненым, больным, беженцам, вынужденным переселенцам, эвакуированным из зон военных действий»;

3) в ходе проведенного нами исследования доказано, что важнейшую роль в реализации права граждан на альтернативную службу играют гарантии. К ним относятся меры экономического, правового, организационного, социального характера, направленные на реализацию прав и обязанностей альтернативнослужащих. Среди правовых гарантий одно из главных мест в правовом регулировании занимают конституционно-правовые гарантии. По результатам изучения конституционно-правовых гарантий в реализации права

граждан на замену военной службы альтернативной службой выделены следующие законодательно закрепленные гарантии: 1) организация альтернативной службы; 2) направление граждан на альтернативную службу; 3) прохождение альтернативной службы; 4) социальное обеспечение лиц, проходящих альтернативную службу².

4) по результатам изучения практики реализации права граждан на замену военной службы альтернативной службой в зарубежных странах обоснованы выводы о возможности использования зарубежного опыта в рассматриваемой сфере. В частности, заслуживает внимания опыт Республики Беларусь, где законодательно закреплено право призывной комиссии в инициативном порядке пригласить на заседание представителей религиозных и иных организаций, других граждан, которые могут дать пояснения по существу заявления гражданина на альтернативную службу³;

5) на основании изучения действующих нормативных правовых актов, регулирующих альтернативную службу, обоснован вывод о необходимости внесения изменений в законодательство:

— в *Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе»:*

1) в ст. 1 закрепить приведенное выше новое определение понятия «АГС»;

2) в ст. 2 отразить понятие «убежденное»: это внутренняя ориентация, установка, подтверждающая наличие оснований к замене военной службы альтернативной гражданской службой;

3) п. 2, 4 ст. 6 изложить в следующей редакции:

«2. Организация альтернативной гражданской службы осуществляется Мини-

¹ Корякин В.М. Лагашкина Ю.В. Альтернативная гражданская служба как форма реализации конституционной обязанности защищать Отечество // *Военное право*. 2020. № 2. С. 106—113.

² Лагашкина Ю.В. К вопросу обжалования решений призывных комиссий об отказе в замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой // *Военное право*. 2019. № 5. С. 103—106; Лагашкина Ю.В. Роль альтернативной гражданской службы в Вооружённых Силах Российской Федерации // *Военно-юридический журнал*. 2019. № 10. С. 3—5.

³ Лагашкина, Ю.В. Альтернативная гражданская служба как особый вид трудовой деятельности // *Военное право*. 2019. № 4. С. 85—89.

стерством обороны Российской Федерации в соответствии со своими полномочиями.

Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации в соответствии со своими полномочиями и настоящим Федеральным законом возлагают на Министерство обороны Российской Федерации осуществление нормативного регулирования, а также организационных, контрольных и иных функций в области организации альтернативной гражданской службы».

«4. В организации альтернативной гражданской службы участвуют организации Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Функции указанных организаций в области организации альтернативной гражданской службы определяются Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации в соответствии со своими полномочиями и настоящим Федеральным законом.

Организации Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов:

представляют в Министерство обороны Российской Федерации предложения по перечням видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу;

ведут учет граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, организуют их размещение и бытовое обслуживание;

направляют в Министерство обороны Российской Федерации необходимую информацию о гражданах, прибывших для прохождения альтернативной гражданской службы;

заключают срочные трудовые договоры с гражданами, направленными для прохождения альтернативной гражданской службы, и прекращают с ними срочные трудовые договоры;

организуют при необходимости профессиональное обучение граждан, направленных для прохождения альтернативной гражданской службы;

контролируют исполнение граждана-

ми, проходящими альтернативную гражданскую службу, трудовых обязанностей; в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения указанными гражданами по их вине возложенных на них трудовых обязанностей привлекают их к дисциплинарной ответственности в порядке, установленном федеральными законами; в случаях и в порядке, которые установлены положением о порядке прохождения альтернативной гражданской службы, в целях привлечения в соответствии с законодательством Российской Федерации указанных граждан к ответственности за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы направляют соответствующие материалы руководителю следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по месту прохождения указанными гражданами альтернативной гражданской службы;

обеспечивают в пределах своей компетенции соблюдение положений настоящего Федерального закона, осуществляют меры по реализации прав граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, и их социальную защиту».

4) в ч. 1 ст. 4 признать утратившими силу положения, предусматривающие прохождение альтернативной гражданской службы в организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти и в организациях, подведомственных органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

5) в ст. 11 предусмотреть норму о возможности рассмотрения заявления о направлении на альтернативную гражданскую службу, поданного позже установленного срока при наличии на то уважительных причин;

— в Федеральном законе «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» п. 3 ст. 17 изложить в следующей редакции:

«3. Граждане, пребывающие в запасе и не призванные на военную службу по мобилизации, направляются для работы (для прохождения альтернативной гражданской службы) на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских форми-

рований, органов и специальных формирований для обслуживания тыла и фронта»;

— в *Положении о призыве граждан Российской Федерации по мобилизации*, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2006 г. № 852, в абз. 2 п. 27 после слов «и направлении их для работы» добавить слова «(для прохождения альтернативной гражданской службы)», а после слов «органов и специальных формирований» «для обслуживания тыла и фронта»;

— в *постановлении Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2003 г. № 750 «Об организации альтернативной гражданской службы»*:

1) пункты 1, 2, 5 изложить в следующей редакции:

«1. Министерство обороны Российской Федерации разрабатывает Перечень видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, и организаций, где предлагается предусмотреть прохождение альтернативной гражданской службы, на основании предложений организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

2. Организации, указанные в пункте 1 настоящего постановления, участвующие в организации альтернативной гражданской службы:

а) ведут учет граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, организуют их размещение и бытовое обслуживание;

б) контролируют соблюдение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, которые распространяются на граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу;

в) обеспечивают в пределах своей компетенции соблюдение положений законодательства Российской Федерации в области альтернативной гражданской службы, а также осуществляют меры по реализации прав граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, и по их социальной защите».

«5. Министерству обороны Россий-

ской Федерации давать разъяснения по вопросам применения настоящего постановления».

2) Наименование Правил, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2003 г. № 750, изложить в следующей редакции:

«Правила представления организациями Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов предложений, связанных с организацией альтернативной гражданской службы (далее — Правила)»;

в п. 1 Правил слова «федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов (далее — органы исполнительной власти)» заменить на «организациями Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов»;

в п. 2 Правил слова «органы исполнительной власти» заменить на «организациями Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов»;

в п. 3 Правил слова «Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации» заменить на «Министерство обороны Российской Федерации»;

п. 4 Правил изложить в следующей редакции:

«4. На основании представленных предложений Министерство обороны Российской Федерации разрабатывает перечни видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, и организаций, где предусматривается прохождение альтернативной гражданской службы (далее — перечни), и утверждает их ежегодно, до 1 марта.

Критерии и приоритеты разработки перечней определяются Министерством обороны Российской Федерации исходя из интересов обороны и безопасности государства»;

Абзац первый пункта 5 Правил изложить в следующей редакции:

«5. В Планах направления граждан на альтернативную гражданскую службу Министерство обороны Российской Федера-

ции указывает сведения:»

В пункте 6 Правил до слов «в соответствии с утвержденными перечнями» добавить слова «Министерство обороны Российской Федерации».

Пункты 7, 8 Правил признать утрачившими силу.

Реализация предложенных изменений в законодательство позволит передать альтернативную гражданскую службу в полное ведение Минобороны России и других государственных органов, в которых законом предусмотрена военная служба, а сама АГС в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации будет служить делу защиты Отечества и иным общественно-полезным целям, связанным с обеспечением обороны страны и безопасности государства.

Библиография

1. Жданов, К.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике / К.В. Жданов, И.В. Холиков // Журнал инфектологии. — 2015. — Т. 7. — № 1. — С. 5—17.
2. Корякин, В.М. Альтернативная гражданская служба как форма реализации конституционной обязанности защищать Отечество / В.М. Корякин, Ю.В. Лагашкина // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 106—113.
3. Корякин, В.М. Некоторые выводы из арбитражно-судебной практики по делам, связанным с участием военных организаций в аутсорсинговых отношениях / В.М. Корякин, Е.В. Сандырева // Военное право. — 2022. — № 1. — С. 173—184.
4. Лагашкина, Ю.В. Альтернативная

гражданская служба как особый вид трудовой деятельности / Ю.В. Лагашкина // Военное право. — 2019. — № 4. — С. 85—89.

5. Лагашкина, Ю.В. К вопросу обжалования решений призывных комиссий об отказе в замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой / Ю.В. Лагашкина // Военное право. — 2019. — № 5. — С. 103—106.

6. Лагашкина, Ю.В. Роль альтернативной гражданской службы в Вооружённых Силах Российской Федерации / Ю.В. Лагашкина // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 10. — С. 3—5.

7. Холиков, И.В. Деятельность сил и средств медицинской службы в условиях ликвидации последствий чрезвычайной ситуации (Опыт работы российского военно-медицинского контингента в Республике Индонезия) / И.В. Холиков, В.А. Шафалинов, А.Р. Волгин, С.В. Яковлев // Военно-медицинский журнал. — 2007. — Т. 328. — № 3. — С. 10—13.

8. Холиков, И.В. Оказание помощи Гвинейской Республике в борьбе с эпидемией геморрагической лихорадки Эбола / И.В. Холиков, К.В. Жданов // Военно-медицинский журнал. — 2015. — Т. 336. — № 2. — С. 93—95.

9. Холиков, И.В. Зарубежный опыт организации и проведения призыва на военную службу и возможные перспективы его применения в Российской Федерации / И.В. Холиков, О.А. Лапина // Вестник Академии военных наук. — 2020. — № 3(72). — С. 136—145.

10. Sazonova, K.L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K.L. Sazonova, I. Kholikov // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. — New York: Routledge, 2018. — P. 38—51.

Возможные направления гармонизации законодательства о накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих

© Лутохин Александр Игоревич,
генеральный директор ООО «Молодострой»

Аннотация. В статье предложены возможные направления совершенствования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, которая вскоре станет единственной формой жилищного обеспечения и, возможно, распространится на всех сотрудников министерств и ведомств силового блока.

Ключевые слова: накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих; военная ипотека; целевой жилищный займ; совершенствование законодательства.

Possible directions of harmonization of legislation on the mortgage system of housing provision for military personnel

© Lutokhin A.I.,
general Director Molodostroy LLC

Annotation. The article suggests possible directions for improving the mortgage system of housing provision for military personnel, which will soon become the only form of housing provision and, possibly, will extend to all employees of ministries and departments of the power unit.

Keywords: the mortgage system of housing provision for military personnel; military mortgage; targeted housing loan; improvement of legislation.

Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» скоро исполнится 18 лет. За это время в него более 20 раз вносились изменения, несомненно, улучшившие параметры системы и порядок ее реализации.

Автор отмечает, что в настоящее время появился запрос на переориентацию регулируемой данным законом области общественных отношений в сторону соблюдения интересов военнослужащих, требуется его ребалансировка¹, а также исключение из него ряда норм сугубо бюро-

кратического характера, сдерживающих эффективную реализацию накопительно-ипотечной системы (НИС).

Первая проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, состоит в том, что накопления участника НИС, являясь именными, фактически ему не принадлежат до достижения 20 лет выслуги или до момента досрочного увольнения с военной службы по льготным основаниям².

Указанный принцип, заложенный в законе еще в 2004 г., по всей видимости, призван удерживать кадры на военной службе и связать исполнение государством своих обязательств по обеспечению жильем с обязанностью граждан посвятить интересам службы определенный период времени, как это предусмотрено «старшим братом» закона о НИС — Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

¹ Термин «ребалансировка» применяется в основном для фондовых индексов и означает изменение их структуры: корректировку весов ценных бумаг, добавление в список новых и удаление ранее включенных. Проводят ребалансировку с целью получить более точное соответствие текущей ситуации в отрасли или экономике государства. Автор считает, что подобным образом под текущую ситуацию стоит подстроить и законодательство о НИС.

² Ст. 10 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ.

На практике заемный и возвратный характер накоплений привел к следующим негативным последствиям:

1. По информации ФГКУ «Росвоенипотека» по состоянию на конец 2021 г. задолженность бывших военнослужащих, уволенных без права на накопления, по возврату средств в федеральный бюджет достигла 10 млрд. руб.¹, более 50 % данной задолженности принимает характер безнадежной к взысканию.

2. Жилое помещение находится в залоге и у банка, и у государства, что существенно затрудняет продажу неудачно приобретенного или обременительного жилья, а также затрудняет процедуру улучшения жилищных условий при увеличении состава семьи.

3. В случае развода и раздела имущества крайне затруднительно соблюсти баланс интересов бывших супругов, поскольку перечисляемые в счет погашения ипотечного кредита накопления военнослужащему не принадлежат.

Закрепление в законе нормы о том, что любая сумма накоплений за любой период военной службы принадлежит военнослужащему, независимо от факта прохождения военной службы или увольнения по любому из оснований, позволит решить обозначенные проблемы.

Автор считает, что задачу удержания кадров в таком случае будет решать стремление военнослужащего и далее получать накопительные взносы от государства. И, напротив, перспектива потерять накопления, как показывает практика, останавливает далеко не всех военнослужащих от принятия решения об увольнении, зато определенно добавляет негатива в отношении государства².

Следующей «головной болью» военнослужащих и членов их семей является свидетельство участника НИС, которое в обязательном порядке заказывается для покупки жилья. В процессе выдачи данно-

го документа задействуются десятки должностных лиц (работников), а сама процедура занимает от 1 до 6 месяцев³. В условиях решения государством задач по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере⁴, а также в условиях динамично развивающегося рынка недвижимости столь длительные сроки и трудоемкие процедуры ощущаются анахронизмом. Значительное число продавцов недовольно сроками подготовки и рассмотрения документов при оформлении целевого жилищного займа и относится в связи с этим к программе «военная ипотека» негативно⁵.

Оформление свидетельства участника НИС, как следует из положений нормативных документов⁶ и стенограмм заседаний по их принятию, требуется для следующих целей:

— получения согласия военнослужащего на истребование накоплений из доверительного управления;

— получения Росвоенипотекой актуальных паспортных данных военнослужащего для сверки со сведениями из реестра и оформления договорных обязательств;

— получения Росвоенипотекой подтверждения факта прохождения военной службы;

— получения Росвоенипотекой и кредитной организацией информации о предельном сроке выдачи займа (о дате достижения предельного возраста нахождения на военной службе);

³ Сроки выведены из практики взаимодействия с участниками НИС и сопровождения сделок по приобретению жилья.

⁴ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

⁵ Данное мнение озвучено участниками рынка в том числе и на встрече с представителями ФГКУ «Росвоенипотека» в ходе Санкт-Петербургского Международного жилищного конгресса, проходившего в период с 8 по 12 ноября 2021 г.

⁶ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ, постановления Правительства Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 370, от 16 декабря 2010 г. № 1028.

¹ Росвоенипотека. Информация об итогах функционирования НИС в 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosvoenipoteka.ru/temp/1647513326d_file.pdf

² Здесь автор исходит из личного опыта и практики общения с сотнями участников НИС.

— соблюдения норм действующего законодательства по защите государственной тайны.

Автор полагает, что с учетом уровня развития современных технологий все эти цели могут быть относительно легко достигнуты и реализованы на практике¹, в том числе в рамках межведомственного электронного взаимодействия².

От свидетельства участника НИС вполне можно отказаться. Военнослужащему должно быть достаточно подписать поручение на распоряжение накоплениями НИС.

Бурный рост цен на жилье в 2020—2022 гг.³, а также рост инфляции⁴ практически свел на нет многолетние усилия по становлению объективно лучшей системы жилищного обеспечения в стране⁵. Свидетельствуют об этом, в частности, следующие цифры:

— в настоящее время участнику НИС для покупки жилья доступно 4—5 млн руб.⁶, т.е. порядка 40 кв. м жилья⁷ в среднем по стране; если же говорить о крупных

городах, то это лишь студии площадью не более 30 кв. м;

— для сравнения, с учетом последних нововведений, по льготной ипотеке с господдержкой гражданам доступно до 15 (30) млн. руб.⁸;

— накопительные взносы участников НИС относительно прошлого года проиндексированы на 4 %⁹, доход от инвестирования составил чуть более 4 %¹⁰, вместе с тем, инфляция во второй половине 2021 — первой половине 2022 г. превысила 20 %.

Иными словами, в текущих условиях к 20—25 годам выслуги, когда будет погашена ипотека, военнослужащий может рассчитывать лишь на скромную студию или однушку. Те же военнослужащие, кто копил средства и не покупал жилье, с содроганием наблюдают, как их накопления «съедает» инфляция.

Автору видятся следующие возможные пути решения проблемы:

1. Субсидирование ставки по военной ипотеке вплоть до 0—2 % годовых. Данная мера поможет увеличить возможную сумму кредита до 7,5 млн. руб., а общий бюджет покупки — до 9—10 млн руб.

Автор отмечает, что принятое в начале мая с.г. Правительством Российской Федерации решение об увеличении субсидирования ипотечных кредитов до 3,6 трлн руб.¹¹ рассчитано на улучшение жилищных условий до 960 тыс. граждан. Вместе с тем, в лучшие годы военную ипотеку реализовывало не более 30 тыс. участников НИС в год (сейчас эта цифра колеблется в районе 20 тыс., и то не все из них оформляют ипотечный кредит)¹². По мнению ав-

¹ За исключением случаев, когда сведения об участниках НИС составляют государственную тайну.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2009 г. № 754 «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота»; постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия».

³ По данным Росстата (VI-система) в среднем по стране стоимость жилья выросла на 50—70 %: 50 % — на вторичном рынке и до 70 % — на рынке новостроек.

⁴ За период с января 2020 по апрель 2022 г. по данным Росстата инфляция составила порядка 33 %.

⁵ Преимущества накопительно-ипотечной системы неоднократно отмечались в том числе на заседаниях профильных комитетов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

⁶ Здесь имеются в виду именные накопления участника НИС и ипотечный кредит. Расчет приведен для военнослужащего в возрасте 25—35 лет.

⁷ По данным Росстата в I квартале 2022 г. средняя стоимость квадратного метра в новостройке составляет 109 198 руб., а на вторичном рынке — 89 868 руб.

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 806 и последующее заявление Премьер-министра России Михаила Мишустина на заседании президиума правительственной комиссии по повышению устойчивости экономики в условиях санкций 19 мая 2022 г.

⁹ Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов».

¹⁰ Итоги функционирования НИС в 2021 г.

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 мая 2022 г. № 1138-р.

¹² Росвоенипотека. Инфографика «Основные показатели ипотечного кредитования участников

тора, приведенное соотношение свидетельствует о том, что подобная мера не приведет к перегреву рынка и существенному росту бюджетных расходов.

2. Индексация накопительных взносов в 2023 г. с учетом резко выросшей инфляции, т.е. на уровне не менее 20 %.

3. Пересмотр подхода к инвестированию накоплений для жилищного обеспечения, решение вопроса с недофинансированием НИС.

В настоящее время накопления участников НИС инвестируются в рублевые депозиты (порядка 40—45 % портфеля), высоконадежные облигации (в пределах 50 % портфеля, 30 % — облигации хозяйственных обществ, 20 % — государственные облигации) и в меньшей степени — в акции надежных эмитентов (не более 5—6 % совокупного инвестиционного портфеля)¹. Автор полагает, что в рамках такой консервативной стратегии по итогам 2022 г. можно рассчитывать не более, чем на 10—12 % годовых, что почти в 2 раза ниже инфляции.

Негативно сказывается на сумме накоплений и недофинансирование НИС, превышающее 100 млрд. руб. Порядка 20 % положенных средств фактически отсутствуют и в доверительном управлении не участвуют, что уменьшает и без того «скромные» результаты инвестирования.

Отдельно стоит отметить еще один негативный эффект текущей экономической ситуации для участников НИС. Согласно Правилам предоставления целевого жилищного займа², в случае увольнения без права на накопления и по негативным основаниям на остаток задолженности перед государством начисляются проценты в размере ключевой ставки ЦБ РФ, рассчитанной на день исключения бывшего участника НИС из списков личного состава воинской части. В текущем году ключе-

вая ставка достигала 20 %³. По действующим нормам ставка процента на возврат долга фиксируется на весь срок. Очевидно, что возврат такого долга для многих уволенных в 2022 г. может стать неподъемным.

Представляется целесообразным закладывать в условиях договора целевого жилищного займа плавающую ставку, соответствующую ключевой ставке ЦБ РФ на последний день каждого процентного периода (месяца). Кроме того, автор полагает необходимым заключить дополнительные соглашения к договорам целевого жилищного займа участников НИС, исключенных из реестра в текущем году.

Предполагаемый практический результат:

1) при увольнении с военной службы, независимо от выслуги и основания для увольнения, у военнослужащего будет возникать право на накопленные средства (принцип «Сколько прослужил — столько получил»). Стимул в продолжении службы останется, появится уверенность в завтрашнем дне и повысится доверие к государству.

2. Не будет проблемных невозвратных долгов и непосильных выплат у уволенных с военной службы. Решится серьезная социальная проблема.

3. Решится проблема с разделом долговых обязательств при разводе.

4. Процедура приобретения жилья станет существенно проще, такой же, как и для других категорий граждан Российской Федерации.

5. Вырастет покупательская способность участника НИС, а имеющиеся именные накопления будут надежно сохранены.

Автор является бывшим участником НИС, дважды реализовал военную ипотеку на цели приобретения жилья, а потому не понаслышке знает о нюансах и сложностях этой системы жилищного обеспечения. Вместе с тем, автор согласен с мнением экспертов, считающих НИС наиболее эффективной из всех государственных программ в жилищной сфере.

НИС». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosvoenipoteka.ru/rp/lichnaya_informaciya/info_grafika

¹ Информация об итогах функционирования НИС в 2021 г.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 370, от 16 декабря 2010 г. № 1028.

³ Данные Банка России. Значение ключевой ставки установлено в период с 28.02.2022 по 08.04.2022 г.

Безопасность военной службы как гарантия защищенности военнослужащих от опасностей и профессиональных рисков

© Цуциев Сергей Александрович,
доктор медицинских наук, полковник
медицинской службы в отставке, старший
научный сотрудник ФГБУ «Государственный
научно-исследовательский испытательный
институт военной медицины» Министерства
обороны Российской Федерации (ФГБУ
«ГНИИИ ВМ» МО РФ), г. Санкт-Петербург

Аннотация. Безопасность военной службы, основанная на выявлении и учете вредных и (или) опасных факторов, не позволяет в полной мере учитывать все опасности и соответствующие им профессиональные риски, возникающие на рабочих местах военнослужащих при исполнении им должностных обязанностей. Как следствие, военнослужащие оказываются в состоянии неполной защищенности от воздействия многообразных опасностей военной службы, что проявляется реализацией случаев их увечья и даже гибели. Предложено дополнить систему безопасности военной службы новой процедурой — управление профессиональными рисками, позволяющей в значительно большей степени раскрыть ее профилактические возможности, превратить в практический инструмент выявления всех опасностей.

Ключевые слова: безопасность военной службы, опасности, профессиональные риски, вредный и (или) опасный фактор военной службы.

Military service security as servicemen's protection insurance against occupational safety hazards

© Tsutsiev S.A.,
Doctor of Medicine, Retired Medical service
Colonel, senior research officer of FSBI “State
Scientific Research and Test Institute of Military
Medicine”, Ministry for Defence of Russian
Federation, Saint Petersburg

Abstract. The military service security, which is based on the identification and recognition of harmful and/or hazardous factors, doesn't allow for considering all the dangers and the corresponding occupational risks arising at servicemen's workplaces during the conduct of their official duties in full measure. Thus, servicemen are not fully protected from exposure to the diverse dangers of military service, and it shows itself in cases of their death and dismemberment. It is suggested that the military service security system be supplemented with a new procedure of occupational risk management allowing to reveal its preventive potential to a far greater degree, and to transform it into a practical tool for identifying hazards.

Key words: military service security, hazards, occupational risks, harmful and/or hazardous factors of military service.

Создание в системе органов управления Вооруженных Сил Российской Федерации Управления службы войск и безопасности военной службы — событие чрезвычайно важное, так как оно принципиальным образом изменило в нашем об-

ществе представления об условиях и характере ратного труда, которые, как оказалось, имеют определённые разумные ограничения. Однако, вскоре стало понятно, что предлагаемая к реализации организационная модель системы безопасности во-

енной службы не в полной мере соответствует потребностям современных Вооруженных Сил. Убедительным доказательством этого тезиса служат нередкие случаи пожаров, взрывов, иных чрезвычайных ситуаций в армии и на флоте, уносящие ежегодно жизни сотен военнослужащих, чему было посвящено изрядное количество научных работ¹.

Безопасность военной службы, как известно, заключается в поддержании в части (учреждении) таких условий и порядка несения военной службы, которые обеспечивали бы защищенность, в частности, военнослужащих от воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы, возникающих на рабочих местах в ходе повседневной текущей деятельности личного состава². Следовательно, безопасность военной службы определяется условиями, в которых она протекает. Соответственно, условия военной службы определены как совокупность факторов военной

службы и окружающей среды, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье военнослужащего при осуществлении им профессиональной служебной деятельности. Не случайно на органы военного управления возлагаются, в частности, обязанности по выявлению (актуализации), анализу и прогнозу вредных и (или) опасных факторов военной службы и, соответственно, по разработке (уточнению) мероприятий по их ограничению (нейтрализации).

Успех в реализации поставленных задач определяется ясным пониманием командирами, начальниками и иными должностными лицами воинской части (учреждения) следующих базовых положений:

— во-первых, это касается понятийного аппарата. Хорошо известно, что «вредный фактор военной службы» — это фактор, воздействие которого на военнослужащего может привести к его заболеванию, а «опасный фактор военной службы» — к травме, либо иному причинению вреда здоровью военнослужащего, в том числе к его гибели;

— во-вторых, должна быть единая и понятная классификация факторов военной службы. Однако в руководящих документах по вопросам безопасности таковой мы не найдем. Можно воспользоваться Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» и все факторы военной службы условно разделить на физические (в частности, аэрозоли, шум, инфразвук, ультразвук воздушный, вибрация и др.), химические (например, химические вещества и смеси), биологические факторы (в том числе, микроорганизмы-продуценты, живые клетки и споры и др.), а также тяжесть (физическая динамическая нагрузка, масса поднимаемого и перемещаемого груза вручную и др.) и напряженность трудового процесса (длительность сосредоточенного наблюдения, плотность сигналов в единицу времени и др.);

— в-третьих, необходимо иметь четкое представление о способах выявления вредных и (или) опасных факторов военной службы. Как оказалось, не все представители органов военного руководства

¹ Артамонов В.А., Григорьев С.М. Научно-правовые проблемы понятийного аппарата в сфере безопасности военной службы: предложения по разрешению // Человеческий капитал. 2017. № 5 (101). С. 73—77; Доценко С.А. Вопросы развития системы управления безопасностью военной службы // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 16—17; Марков А.В. Показатели методики оценки безопасности военной службы // Научный резерв. 2018. № 3. С. 103—107; Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права", Оренбург, 22—24 марта 2017 года. — Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14.

² Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации»; Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в соединениях и воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации. Служба войск и обеспечение безопасности военной службы / Для изучения и применения в соответствии с указанием первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 20 декабря 2018 г.; приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2015 г. № 444 «Об утверждении Руководства по обеспечению безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации».

знают, что визуальными методами диагностики (а именно только такими они располагают) ни вредных, ни опасных факторов не определить. Нужны процедуры, основанные на инструментальных (лабораторных) методах исследований. Можно опять же воспользоваться процедурой «специальная оценка условий труда рабочих мест» (далее — СОУТ), так как она представляет собой комплекс последовательно осуществляемых мероприятий по идентификации вредных и (или) опасных факторов и оценке уровня их воздействия на человека¹. Однако, есть нюансы: при применении СОУТ перечень вредных и (или) опасных факторов военной службы будет иметь «усеченный» вид, что не позволит в полной мере описать весь спектр вредных и (или) опасных факторов, фактически присутствующих на рабочем месте военнослужащего. Это вызвано тем, что СОУТ предполагает проведение предварительной идентификации потенциально вредных и (или) опасных факторов, под которой понимается сопоставление и установление совпадения имеющихся на рабочих местах факторов производственной среды и трудового процесса с факторами производственной среды и трудового процесса, предусмотренными Классификатором вредных и (или) опасных производственных факторов»³. В соответствии с этой процедурой, например, «микроклимат» идентифицируется как вредный и (или) опасный фактор только на рабочих местах, расположенных в закрытых производственных помещениях, на которых имеется технологическое оборудование, являющееся искусственным источником тепла и (или) холода (за исключением климатического оборудования, не используемого в технологическом процессе и предназначенного для создания комфортных условий труда). Аналогичные ограничения имеют место и в отношении других факторов производственной среды и трудового процесса.

Кроме того, следует заметить, что, так называемый, «факторный» подход дает

представление, главным образом, об условиях военного труда и лишь отчасти о последствиях воздействия вредных и (или) опасных факторов на организм военнослужащего. Если провести аналогию с лицами гражданского персонала, то обязанностью работодателя (командира) является информирование работников об условиях и охране труда на рабочих местах, о риске повреждения здоровья, предоставляемых им гарантиях, полагающихся им компенсациях и средствах индивидуальной защиты².

Таким образом, процедура выявления (актуализации) вредных и (или) опасных факторов военной службы, изложенная в руководящих документах Минобороны России, позволяет разработать лишь «сокращенный» вариант опасностей, состоящий из факторов:

- 1) трудового процесса;
- 2) прошедших процедуру предварительной идентификации;
- 3) выявляемых визуальными методами диагностики.

Полагаем, такой подход вряд ли может в полной мере удовлетворять потребности в безопасности современных армии и флота. Это очевидно, так как угрозу безопасности могут представлять не только вредные и (или) опасные факторы трудового процесса, но и события, предметы, действия, явления и пр. Кроме того, на наш взгляд, было бы весьма опрометчиво рассматривать исключительно только рабочие места в качестве источника формирования опасностей. Принимая во внимание специфику военной службы, очевидно, что с определенного рода опасностями военнослужащие сталкиваются и во время приема пищи (солдатская / офицерская столовые, чайная), и на маршрутах перемещения по территории воинской части (техническая позиция, автопарк, складская зона и др.) и пр. Например, пребывание военнослужащего на территории дислокации воинской части в течение служебного дня, помимо всего прочего, связано с приемом пищи в столовой (солдатской, офицерской), и, следовательно, сопряжено с опасностью

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда».

² ТК РФ.

воздействия биологического фактора, а именно с опасностью контакта с патогенными (или условно патогенными) микроорганизмами, их токсинами со всеми вытекающими из этого последствиями (риск заболевания острыми (хроническими) кишечными инфекциями, например, острая (хроническая) бактериальная дизентерия и пр.). Другой наглядный пример: опасность поражения электрическим током вследствие неисправности токоведущих элементов реальна как на рабочем месте военнослужащего, так и в местах его отдыха (казарма, комната отдыха водителей и пр.), и приема пищи (столовая) и т.д.

На наш взгляд, для этих целей наиболее оптимальным вариантом было бы воспользоваться процедурой «Управление профессиональными рисками» в основе которой лежит, так называемый, «риск-ориентированный подход» — это такая форма мировосприятия, при которой любое проявление человеческой деятельности рассматривается исключительно с точки зрения наличия (отсутствия) опасностей и соответствующих им рисков. Кроме того, по нашему мнению, было бы огромным заблуждением позиционировать «безопасные условия военной службы» как полное отсутствие опасностей и рисков. К сожалению, невозможно в повседневной жизнедеятельности войск исключить травмы, отравления (в том числе и гибель) личного состава, так как это недостижимо даже в мирное время, а в военное — выглядит наивным. Поэтому, на наш взгляд, декларировать полностью безопасные условия военной службы по меньшей мере опрометчиво. Этим невольно вводятся в заблуждение и командиры, и личный состав воинской части.

Логично предположить, что предлагаемые к реализации опасности, должны иметь свою классификацию, которой в Вооруженных Силах также пока нет. Полагаем, что за основу можно взять классификацию опасностей, разработанную Минтрудом России¹. Все опасности условно объ-

единены в группы: механические; электрические; термические и др. Всего насчитывается 28 групп, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя разное количество подгрупп.

Анализируя этот перечень опасностей, обращаем внимание на следующие его особенности, имеющие важное значение в прикладном аспекте: во-первых, предложенные опасности являются универсальными, то есть охватывают все виды деятельности специалиста (не только производственную); во-вторых, эти опасности выявляются исключительно визуальными методами диагностики (нет необходимости использовать инструментальные); в-третьих, они позволяют для каждой воинской должности гибко, в зависимости от поставленной задачи, как расширить, так и сузить перечень выявляемых опасностей, не искажая при этом общего представления о рисках нанесения вреда жизни и здоровью военнослужащего. Например, первоначально можно определить возможные опасности военной службы при выполнении личным составом должностных обязанностей применительно к штатным условиям. Позже перечень выявленных опасностей можно расширить: изучению подлежат второстепенные виды деятельности, нештатные ситуации (чрезвычайные, аварийные) и пр. Под «определением опасности» имеется в виду выявление (идентификация), описание и официальное признание потенциального источника ущерба². При таком подходе имеет место формирование новой культуры безопасности военной службы: опасности не скрываются, а публично признаются для того, чтобы их устранить, снижая тем самым вероятность риска повреждения здоровья военнослужащих³.

² ГОСТ Р 12.0.010-2009. «ССБТ. СУОТ. Определение опасностей и оценка рисков».

³ Цуциев С.А. Перспективы управления профессиональными рисками // Охрана труда и социальное страхование. 2019. № 5. С. 25—38.

⁵ Цуциев С.А. Профессиональные риски: пути решения проблемы : практическое пособие. СПб.: Изд. ООО «Райт Принт Юг», 2020.

⁶ Цуциев С.А. «Риск-ориентированный подход» как способ идентификации опасностей и профессио-

¹ Типовое положение о системе управления охраной труда, утвержденное приказом Минтруда России от 19 августа 2016 г. № 438н

Для наглядности и большей убедительности сказанного выше можно провести идентификацию опасностей на рабочем месте военнослужащего-водителя автомобиля, выполненную разными способами. Используя методику СОУТ, основанную на так называемом «факторном» подходе, мы выявим опасности, связанные с: воздействием производственных факторов акустической природы (шум, инфразвук); воздействием вибрации (локальная, общая); вдыханием отработавших газов (оксид углерода, оксиды азота, углеводороды и др.); рабочей позой; подъемом тяжестей, превышающих допустимый вес; перенапряжением.

Казалось бы, применительно к рассматриваемой должности мы имеем полный перечень опасностей. Тем не менее, используя так называемый «риск-ориентированный» подход, нам удалось выявить дополнительное количество опасностей, которые остались за рамками СОУТ, но которые реально существуют и с которыми необходимо считаться: механические опасности (наезда другого транспортного средства; падения с высоты человеческого роста из-за потери равновесия и др.); опасности собственного транспортного средства (травмирования; наезда на пешехода; падения с транспортного средства и др.); опасности, связанные с воздействием нефтепродуктов (бензин и др.); опасности, связанные с воздействием гликолей; опасности, связанные с воздействием едких кислот и едких щелочей; опасности взрыва; электрические опасности¹.

Оставить без внимания выявленные опасности не представляется возможным. Тем самым мы игнорируем соответствующие им профессиональные риски, оставляя их за форматом области изучения, оценки и, соответственно, разработки и реализации предупреждающих (корректирующих)

мероприятий. А последствия могут быть весьма серьезные. Например, опасность, связанная с воздействием нефтепродуктов (бензин и др.), возникает в нестандартных ситуациях (мытьё рук и др. частей тела бензином, перекачка топлива при помощи подручных средств оральным способом, обработка спецодежды бензином и пр.) и может реализоваться в виде, в частности, острого отравления (токсическая энцефалопатия, острый дерматит) или хронической интоксикации (токсическая энцефалопатия, токсический гепатит, хронический дерматит). Следовательно, на следующем этапе каждой выявленной опасности устанавливаются соответствующие им профессиональные риски. Вопрос также непростой, но, в любом случае, ведущая роль в этом вопросе принадлежит представителям медицинской службы, обладающим соответствующими знаниями.

Выявленные профессиональные риски необходимо оценить на предмет вероятности их наступления и тяжести проявления². Следует заметить, что профессиональные риски, в отличие от других рисков, характеризуются большим многообразием и высокой степенью изменчивости: любые изменения в технологическом процессе, используемых сырье, материалах и пр. неизбежно ведут к появлению новых опасностей и профессиональных рисков. Считается общепризнанным тезис о невозможности установления единого метода оценки профессиональных рисков. Поэтому командир воинской части (учреждения) самостоятельно определяет методы оценки профессиональных рисков. Далее принимается решение о их допустимости для условий прохождения военной службы: при этом исключаются любые недопустимые (неприемлемые) профессиональные риски. При таком подходе взгляд на безопасные условия и безопасность военной службы принципиальным образом меняется.

Таким образом, подводя итоги сказан-

нальных рисков на объектах тыла в воинской части // Научные проблемы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации : сборник научных трудов. СПб: НИИ (ВСИ МТО ВС РФ) ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева, 2020. С. 37—50.

¹ Цуциев С.А. Профессиональные риски: пути решения проблемы

² ГОСТ Р 12.0.010-2009. «ССБТ. СУОТ. Определение опасностей и оценка рисков»; ГОСТ 12.0.230.5-2018 «ССБТ. СУОТ. Методы оценки риска для обеспечения безопасности выполнения работ».

ному выше, можно заключить, что действующая в настоящее время модель системы обеспечения безопасности военной службы фактически является устаревшей и не может соответствовать потребностям современных армии и флота нашей страны. Эта модель обладает ограниченными возможностями по выявлению опасностей и профессиональных рисков, так как она основана исключительно на учете вредных и (или) опасных факторов военной службы применительно в рабочих местах военнослужащих. Опасности иной природы остаются за рамками ее возможностей. Как закономерное следствие — командование Вооруженных Сил не в состоянии гарантировать военнослужащим сохранение их жизни и здоровья и, следовательно, есть все основания утверждать, что у военнослужащих имеет место ущемление прав и социальных гарантий по вопросам безопасности.

Применение «риск-ориентированного» подхода в дополнение к «факторному» позволяет во всей полноте использовать профилактические возможности системы обеспечения безопасности военной службы. Принципиальное отличие заключается в том, что безопасность военной службы достигается не за счет исключения вредных и (или) опасных факторов военной службы, а за счет уменьшения опасностей до уровня допустимого (приемлемого) риска. При таком подходе есть все основания рассматривать безопасность военной

службы как отсутствие недопустимого риска.

Библиография

1. Артамонов, В.А. Научно-правовые проблемы понятийного аппарата в сфере безопасности военной службы: предложения по разрешению / В.А. Артамонов, С.М. Григорьев // Человеческий капитал. — 2017. — № 5 (101). — С. 73—77.
2. Доценко, С.А. Вопросы развития системы управления безопасностью военной службы / С.А. Доценко // Человеческий капитал. — 2016. — № 11 (95). С. 16—17.
3. Марков, А.В. Показатели методики оценки безопасности военной службы / А.В. Марков // Научный резерв. — 2018. — № 3. — С. 103—107.
4. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права", Оренбург, 22—24 марта 2017 года. — Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. — С. 5—14.
5. Цуциев, С.А. Перспективы управления профессиональными рисками / С.А. Цуциев // Охрана труда и социальное страхование. — 2019. — № 5. — С. 25—38.
6. Цуциев С.А. Профессиональные риски: пути решения проблемы : практическое пособие. — СПб.: Изд ООО «Райт Принт Юг», 2020. — 204 с.
6. Цуциев, С.А. «Риск-ориентированный подход» как способ идентификации опасностей и профессиональных рисков на объектах тыла в воинской части / С.А. Цуциев // Научные проблемы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации : сборник научных трудов. — СПб: НИИ (ВСИ МТО ВС РФ) ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева, 2020. — С. 37—50.

Судебная, прокурорская, правоохранительная деятельность

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам невыполнения требований о прохождении военными медицинскими освидетельствования на состояние наркотического опьянения

© **Кайнов Владимир Иванович**,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

© **Шеншин Виктор Михайлович**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

Аннотация. В статье рассматриваются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам невыполнения требований о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Отмечается, что законодатель приравнивает невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. Указывается, что в Российской Федерации имеется система как административно-правовых, так и медицинских мер, которые позволяют не только привлекать виновных лиц за отказ проходить медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения, но и осуществлять профилактические, медицинские мероприятия, которые способствуют избавлению человека от этой пагубной привычки.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, правовая позиция, медицинское освидетельствование, состояние опьянения, военнослужащий.

Legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of non-compliance with the requirements for military personnel to undergo a medical examination for drug intoxication

© **Kainov V.I.**,
Professor of the Department of State and Legal Disciplines North-Western branch of FGBOUVO "Russian State University of Justice", Doctor of Law, Professor

© **Shenshin V.M.**,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg State Fire Service EMERCOM of Russia, PhD in Law, Associate Professor

Abstract. The article examines the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the issues of non-compliance with the requirements for passing a medical examination for intoxication. It is noted that the legislator equates the failure to comply with the legal requirement to undergo a medical examination for intoxication to the consumption of narcotic drugs or psychotropic substances without a doctor's

appointment. It is indicated that in the Russian Federation there is a system of both administrative and legal and medical measures that allow not only to attract guilty persons for refusing to undergo a medical examination for a state of drug intoxication, but also to carry out preventive, medical measures that help to rid a person of this addiction.

Key words: Supreme Court of the Russian Federation, legal position, medical examination, state of intoxication, soldier.

В практике судов Российской Федерации важное место отводится вопросам привлечения виновных лиц — военнослужащих к административной ответственности за невыполнение законных требований уполномоченных на то должностных лиц о прохождении медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения. Данное требование основывается на запрете в Российской Федерации потреблять наркотические средства или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ¹.

В тех случаях, когда лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, а также незаконно приобретает, хранит, перевозит без цели сбыта растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, содеянное при наличии к тому оснований может повлечь административную ответственность (ст. 6.8 КоАП РФ). В целях предотвращения злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами законодатель ввел административную ответственность за их потребление без назначения врача (ст. 6.9 КоАП РФ).

Кроме того, Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена административная ответственность по ст. 6.9

КоАП РФ за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества².

Следует отметить, что в связи с увеличивающимся потреблением психоактивных веществ населением Российской Федерации данным Федеральным законом были внесены изменения в ст. 6.9 КоАП РФ, а именно введен запрет на потребление новых потенциально опасных психоактивных веществ. Поэтому с целью отнесения новых веществ к потенциально опасным психоактивным веществам требуется проведение экспертизы на состояние наркотического опьянения (ст. 26.4 КоАП РФ).

Согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ за нарушение законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан виновное лицо может быть привлечено к административной ответственности не позднее одного года со дня совершения административного правонарушения. Из этого следует сделать вывод о том, что срок давности привлечения к административной ответственности по ст. 6.9 КоАП РФ составляет один год с момента совершения административного правонарушения. Объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9 КоАП РФ являются общественные отношения в сфере противодействия обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области охраны здоровья населения. Объективную

¹ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»; Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года».

² Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, составляют действия, выражающиеся в:

а) потреблении наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 20.20, ст. 20.22 КоАП РФ;

б) невыполнении законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества.

При этом следует отметить, что законодатель в качестве субъекта правонарушения по ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ установил физическое лицо, достигшее 16 лет, а по ч. 2 ст. 6.9 КоАП — иностранного гражданина или лицо без гражданства, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они потребили наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества. При этом КоАП РФ установлено, что лицо, добровольно обратившееся в медицинскую организацию для лечения в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, освобождается от административной ответственности за данное правонарушение. Лицо, в установленном порядке признанное больным наркоманией, может быть с его согласия направлено на медицинскую и (или) социальную реабилитацию и в связи с этим освобождается от административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ (примечание к ст. 6.9 КоАП).

Субъективная сторона правонарушения по ст. 6.9 КоАП РФ предполагает наличие только умышленной формы вины.

Как указывается в постановлении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 декабря 2019 г. № 16-635/2019, действия лица, привлекаемого к административной ответственности за невыполнение законного требования должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества квалифицируются по ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, как потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ¹.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что законодатель приравнивает невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача.

Протоколы о совершении указанных правонарушений по данной статье составляются сотрудниками органов внутренних дел (полиции) (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ) и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (п. 83 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ), которые при наличии достаточных оснований полагать о нахождении лица в состоянии наркотического опьянения могут направить его на медицинское освидетельствование.

Дела по ст. 6.9 КоАП РФ рассматриваются мировыми судьями (ст. 23.1 КоАП РФ).

Что касается нововведения в части установления ответственности за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 6.9 КоАП), следует полагать, что процедура составления протокола и рассмотрения административного материала аналогична проце-

¹ Постановлении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.12.2019 N 16-635/2019

дуре, определенной в ст. 12.26 КоАП¹. А порядок направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения гражданина, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, регламентирован положениями ст. 27.12.1 КоАП.

Правила направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 37². Критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения установлены приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». Как следует из подп. 3.1 п. 5 указанного приказа Минздрава России, медицинское освидетельствование проводится в отношении лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача либо новое потенциально опасное психоактивное вещество, — на основании постановления, вынесенного судьей, следователем, органом дознания, или направления органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или долж-

ностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Применение экспресс-тестов на наркотики, в отличие от экспресс-тестов на алкоголь, в качестве мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях законодательно не установлено. Их результаты могут служить лишь основанием полагать, что лицо находится в состоянии наркотического опьянения.

Так, в этой связи следует обратить внимание на решение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2021 г. № 37-АД18-1, который, рассмотрев жалобу защитника — адвоката И.Н.А., действующей в интересах К.П.Я., на вступившие в законную силу постановление мирового судьи судебного участка № 5 города Минеральные Воды и Минераловодского района Ставропольского края от 09.10.2020 № 3-730-22-276/20, решение судьи Минераловодского городского суда Ставропольского края от 18.12.2020 № 12-306/2020 и постановление судьи Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2021 № 16-295/2021, состоявшиеся в отношении К.П.Я. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 6.9 КоАП Российской Федерации, указал: К.П.Я. вменено невыполнение в помещении отдела МВД России по Минераловодскому городскому округу в 16 часов 15 минут 08.10.2020 законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что он (К.П.Я.) потребил наркотические средства или психотропные вещества либо новые потенциально опасные психоактивные вещества без назначения врача (резкое изменение окраски кожных покровов лица, поведение, не соответствующее обстановке). Из материалов дела следует, что с протоколом об административном правонарушении названное лицо согласилось, подписав данный документ без замечаний. В письменных объяснениях К.П.Я. признал свой отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения 08.10.2020 в ОМВД России

¹ Стрельцов Е.Г. Административные правонарушения в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Судья. 2015. № 11. С. 39—42.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 37 «Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения».

по Минераловодскому городскому округу, удостоверив пояснения своей подписью. В постановлении о направлении на медицинское освидетельствование К.П.Я. сделал запись об отказе от его прохождения. Правовых аргументов, могущих служить основанием для отмены или изменения принятых судебных актов, при рассмотрении дела, равно как и в настоящей жалобе, по мнению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не приведено¹.

Вместе с тем, по мнению исследователей, следует обратить внимание на тот факт, что на практике возникают вопросы разграничения составов административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.26 и 6.9 КоАП.

В частности, объектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.9 КоАП, являются общественные отношения в области охраны здоровья населения. А субъектом данного правонарушения является гражданин, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП, является безопасность дорожного движения. Субъектом указанного правонарушения является водитель транспортного средства, порядок направления которого на медицинское освидетельствование на состояние опьянения регламентирован положениями ст. 27.12 КоАП².

Таким образом, административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 6.9 КоАП и ч. 1 ст. 12.26 КоАП, имеют отличия в объекте и субъекте, в связи с чем

являются самостоятельными составами административных правонарушений. В связи с этим весьма интересно решение Пермского краевого суда по данной правовой коллизии. Так, заместитель председателя Пермского краевого суда, рассмотрев жалобу адвоката К.С.А., поданную в защиту интересов П.Т.А., на вступившие в законную силу постановление мирового судьи судебного участка № 1 Березниковского судебного района Пермского края от 09.02.2019, решение судьи Березниковского городского суда Пермского края от 22.03.2019 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.26 КоАП), в отношении П.Т.А., пришел к вводу о том, что в рамках настоящего дела П.Т.А. обоснованно привлечен к административной ответственности как водитель транспортного средства, отказавшийся выполнить законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, отклонив доводы жалобы о том, что П.Т.А. ранее был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.9 КоАП за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, указав, что административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 6.9 КоАП и ч. 1 ст. 12.26 КоАП являются самостоятельными составами административных правонарушений, в силу ч. 1 ст. 4.4 КоАП при совершении лицом двух и более административных правонарушений административное наказание назначается за каждое совершенное административное правонарушение³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2021 № 37-АД18-1 по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 6.9 КоАП Российской Федерации.

² Аникин И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 75—78.

³ Постановление Пермского краевого суда № 8/16-34 от 18.04.2019 «О обоснованности привлечения к административной ответственности водителя транспортного средства П.Т.А., за совершенное административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 12.26 КоАП, отказавшегося выполнить законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения // Официальный сайт Пермского краевого суда в сети «Интернет»; Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные

И еще один нюанс по рассматриваемой в статье проблематике, на которое следует обратить внимание и которое говорит о достаточно гуманном отношении нашего государства к лицам, которые злоупотребляют наркотическими препаратами. Так, при назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах, на лицо, не выполнившее законное требование должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования, в соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП может быть возложена обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия. Между тем встает вопрос о том, каким образом назначать обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании, медицинскую и (или) социальную реабилитацию лицу, отказавшемуся пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения, не нарушив его Конституционные права. На наш взгляд, к решению данного вопроса в каждом конкретном случае суд будет подходить индивидуально, учитывая личность виновного, информацию о нахождении такого лица на учете у врача-нарколога, представленную административным органом, сведения о привлечении его ранее к административной ответственности, предусмотренной ст. 6.8 и ст. 6.9 КоАП [4, 2].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в Российской Федерации имеется система как административно-правовых, так и медицинских мер, которые позволяют не только привлекать виновных лиц за отказ проходить медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения, но и осуществлять профилактические, медицинские мероприятия, которые способствуют избавлению человека от этой пагубной привычки.

Библиография

1. Аникин, И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / И.А. Аникин // Административное право и процесс. — 2015. — № 7.
2. Анисифорова (Бучнева), М.В. Опыт стран Восточной Азии в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками / М.В. Анисифорова (Бучнева) // Административное право и процесс. — 2016. — № 11.
3. Антонов, С.Н. Дорожное движение: правонарушения и ответственность / С.Н. Антонов // Российская газета. — 2015. — № 14.
4. Стрельцова, Е.Г. Административные правонарушения в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / Е.Г. Стрельцова // Судья. — 2015. — № 11.

законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения»; Антонов С.Н. Дорожное движение: правонарушения и ответственность // Российская газета. 2015. № 14. С. 176.

Направления дальнейшего совершенствования низшего звена судов общей юрисдикции

© Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАЕН, главный научный сотрудник
Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета
правосудия

© Кочешев Сергей Петрович,
кандидат юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации главный редактор
журнала «Военно-юридический журнал»,
проректор по воспитательной работе ИМПЭ им.
А.С. Грибоедова

Аннотация. В статье анализируется противоречие между конституционным положением о том, что финансирование судов производится исключительно из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом, и тем, что аппарат мирового судьи финансируется из бюджета субъекта Российской Федерации. Авторы видят направления дальнейшего совершенствования мировой юстиции в расширении компетенции советов судей субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная система, мировая юстиция, мировой судья

Directions for further improvement of the lower level of courts of general jurisdiction

© Tuganov Yu.N.,
Chief Researcher of the Center for the Study of
Problems of Justice of the Russian State University
of Justice; Professor of the Russian Customs
Academy, Doctor of Law, Professor, Honored
Lawyer of the Russian Federation, Academician
Russian Academy of Natural Sciences.

© Kocheshev S.P.,
Editor-in-chief of the journal "Military Law
Journal",
Vice-rector for Educational Work of the A.S.
Griboyedov IME, Honored Lawyer of the Russian
Federation, Candidate of Law, Colonel of Justice
reserve

Abstract. The article analyzes the contradiction between the constitutional provision that the financing of courts is made exclusively from the federal budget and should ensure the possibility of full and independent administration of justice in accordance with federal law and the fact that the office of a justice of the peace is financed from the budget of a constituent entity of the Russian Federation. The authors see directions for further improvement of the justice of the peace in expanding the competence of the councils of judges of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: judicial system, world justice, justice of the peace

Базисными нормами правовой реальности мировой юстиции Российской Федерации являются: п. 1 ст. 1 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» и ч. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». В своей совокупности две эти нормы создают правовой феномен, не свойственный российской судоустройственной традиции. Сущность этого феномена состоит в том, что мировой судья, сам по себе, является судом — самостоятельным судебным органом, институализированным и функционирующим автономно от обеспечивающих его деятельность ресурсных подразделений и аппарата, которые относятся к исполнительной ветви власти.

Такая юридическая конструкция порождает фундаментальную юридическую коллизию судоустройственного законодательства, некоторые аспекты которой анализировались в ряде работ¹.

Противоречие заключается в необходимости соблюдать конституционное положение о том, что правосудие осуществляется только судом (в нашем случае это мировой судья без аппарата суда) и тем, что финансирование судов производится исключительно из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом (ч. 1 ст. 118 и ст. 124 Конституции Российской Федерации).

¹ Аулов В.К., Петухов Н.А., Туганов Ю.Н. Внедрение мировой юстиции в Российской Федерации: Верховный суд и его роль в сохранении целостности страны (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) // Военное право. 2022. №3. С.142—152; Дятчина Е.В. Проблемные вопросы организации работы мировых судей на современном этапе развития мировой юстиции // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 1 (34). С. 229—230; Институт мирового судьи: история, теория, законодательство, практика: монография / Л. В. Головки [и др.]; под общ. ред. Д.В. Зотова. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019; Саркисов С.О. Мировая юстиция как элемент общественного правосудия // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 357—359.

Правовая реальность состоит в том, что для обеспечения возможности полного и независимого осуществления правосудия мировым судьей формально достаточно исполнения следующих расходных обязательств Российской Федерации (п. 1 ст. 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»:

1) ежемесячного денежного вознаграждения, ежеквартального денежного поощрения мировых судей,

2) социальных выплат, предусмотренных для судей федеральными законами;

3) обеспечения нуждающихся в улучшении жилищных условий мировых судей жилыми помещениями;

4) материальной помощи и премий, которые выплачиваются за счет экономии средств фонда оплаты труда;

5) выплат из средств фонда оплаты труда за первые три дня временной нетрудоспособности.

В этих пяти случаях на мирового судью, как на суд, прямо распространяется действие Федерального закона от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации». К этому следует добавить, что в соответствии с п. 7 ст. 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» возмещение издержек, покрываемых за счет федерального бюджета, по делам, рассматриваемым мировыми судьями, осуществляется через органы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Именно такое буквальное толкование приведенных выше положений позволяет сделать вывод, что исполнения перечисленных расходных обязательств Российской Федерации достаточно для полного и независимого осуществления правосудия мировым судьей в соответствии с федеральным законом. Соответственно все иные требования по ресурсному обеспечению деятельности мировых судей, возложенные на бюджеты субъектов Российской Федерации, могут толковаться (и толкуются в некоторых случаях) как избыточные.

Данное умозаключение базируется на следующих правовых нормах.

Согласно ст. 37 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» организационное обеспечение деятельности мировых судей осуществляется органами исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом этого субъекта. Нормы п. 3 ст. 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» возлагает материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей на органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом этого же субъекта.

Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (подп. 40 п. 2 ст. 26.3) решение вопросов материально-технического обеспечения деятельности мировых судей также отнесено к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации, которые осуществляются данными органами самостоятельно за счет средств своего бюджета.

Обусловленная перечисленными нормами юридическая технология позволяла исполнительной и законодательными ветвями власти субъекта Российской Федерации игнорировать ст. 124 Конституции Российской Федерации, которая во взаимосвязи с положениями ст. 33 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» создает механизм защищенности финансирования судебной власти, в том числе, и в части финансирования расходов на мировых судей¹.

В частности, помимо организационного обеспечения деятельности мировых судей, на соответствующие уполномоченные

органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации также возложена реализация иных, зачастую многочисленных, переданных субъекту, полномочий.

Например, на 1 января 2016 г. Департамент по обеспечению деятельности мировых судей Забайкальского края, помимо собственно обеспечения деятельности мировых судей осуществлял:

— финансирование расходов, связанных с оплатой труда адвокатов, оказывающих гражданам бесплатную, юридическую помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсацией расходов на оказание такой помощи (пп. 9.3.1.)²;

— привлечение адвокатов к участию в государственной системе бесплатной юридической помощи. (пп.9.3.2.);

— организацию взаимодействия участников государственной системы бесплатной юридической помощи в пределах полномочий, установленных Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и Законом Забайкальского края от 10 октября 2012 г. № 701-33К «Об оказании бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации на территории Забайкальского края» (пп.9.3.5.);

— осуществление контроля за осуществлением переданного органам местного самоуправления отдельных муниципальных районов государственного полномочия по материально-техническому и финансовому обеспечению оказания юридической помощи адвокатами в труднодоступных и малонаселенных местностях Забайкальского края, государственного полномочия по материально-техническому и финансовому обеспечению государственных нотариальных контор Забайкальского края (п. 9.4.);

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 1998 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 102 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 год».

² Здесь и далее в этом предложении приводятся ссылки на Положение о департаменте по обеспечению деятельности мировых судей Забайкальского края. Утверждено постановлением Правительства Забайкальского края № 7 от 23 января 2014 г. В настоящее время утратило силу на основании Постановления Правительства Забайкальского края № 43 от 14 февраля 2017 г.

— осуществление контроля за осуществлением переданного органам местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, отдельных поселений государственного полномочия по созданию административных комиссий в Забайкальском крае (п.9.5.);

— осуществление контроля за осуществлением переданного органам местного самоуправления городских и сельских поселений государственного полномочия по определению перечня должностных лиц органов местного самоуправления, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных Законом Забайкальского края от 2 июля 2009 г. № 198-ЗЗК «Об административных правонарушениях» (п.9.6.);

— обеспечение реализации полномочий Правительства Забайкальского края по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели (п.9.7.);

— расчет числа граждан, которое необходимо включить в списки кандидатов в присяжные заседатели от соответствующих муниципальных образований, и направляет проект письма о таком числе граждан в Правительство края. (пп.9.7.1.);

— подготовка предложений по составлению общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели и предложения по внесению изменений и дополнений в них (пп.9.7.2.);

— подготовка заявок о предоставлении субвенций для финансового обеспечения полномочия и отчет об их использовании (пп.9.7.3.);

— подготовка предложений в Министерство финансов края о распределении средств субвенций между муниципальными образованиями (пп.9.7.4.).

Действующее в настоящее время Положение о департаменте по обеспечению деятельности мировых судей Забайкальского края, утвержденное постановлением Правительства Забайкальского края от 14 февраля 2017 г. № 43, практически в том же объеме сохранило за Департаментом все перечисленные полномочия.

Между тем единственной задачей Судебного департамента при Верховном Су-

де Российской Федерации является обеспечение деятельности судебной власти.

Не во всех субъектах Российской Федерации структуры, осуществляющие организационное обеспечение деятельности мировых судей, являются органами исполнительной власти субъекта. В некоторых субъектах Российской Федерации материально-техническое обеспечение возложено на подразделения таких органов. Например, в Санкт-Петербурге обеспечение деятельности мировых судей возложено на Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга, в котором статус органа, осуществляющего организационное обеспечение деятельности мировых судей, понижен¹ до уровня управления².

Приведенные выше обстоятельства в значительной мере снижают эффективность усилий по модернизации судебной системы, создают предпосылки асинхронности в материально-техническом обеспечении мировых судей и иных судов общей юрисдикции и, как следствие, порождают существенный разрыв между финансированием судебных систем некоторых субъектов Российской Федерации.

В том числе и вследствие этого однородные по своей юридической природе отношения по обеспечению деятельности двух судебных систем (мировых судей и федеральных судов общей юрисдикции), регулируются не одинаковым образом, а могут зависеть от факторов, находящихся за пределами правового поля.

Важную роль в сглаживании коллизийной проблематики сыграл Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в

¹ В некоторых случаях, например, как в Республики Бурятия, несмотря на наименование «Управление», орган по обеспечению деятельности мировых судей является исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. В Московской области Управление по обеспечению деятельности мировых судей является государственным органом Московской области.

² Официальный сайт Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга.

связи с совершенствованием правового регулирования в сфере организационного обеспечения деятельности мировых судей».

До принятия этого нормативного правового акта в большинстве регионов структуры, осуществляющие материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей, как и руководители судебных органов всех уровней, а также судебское сообщество, как правило, были устранены из полноценного участия в формировании бюджетов субъектов Российской Федерации.

Согласно действующей в настоящее время редакции ст. 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» мероприятия по организационному обеспечению мировых судей, которые по-прежнему осуществляются органами исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, с существенным и важным дополнением, по которому эти мероприятия должны быть направлены на «... создание условий для полного и независимого осуществления правосудия» (п. 1 указанной статьи).

После вступления в силу упомянутого выше Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 76-ФЗ правовой реальностью стало участие органов судебного сообщества в осуществлении судебной власти мировыми судьями и обеспечении самостоятельности низшего звена судов общей юрисдикции.

В частности, в настоящее время правовая реальность включает взаимодействие Совета судей субъекта Российской Федерации с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации при разработке проекта бюджета субъекта Российской Федерации в части расходов на материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей и финансирования оплаты труда работников аппарата мировых судей (п. 4 указанной статьи).

При выявлении разногласий по вопросам бюджетирования, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации прилагает к проекту бюджета субъекта Российской

Федерации предложения совета судей субъекта Российской Федерации вместе со своим заключением.

Обязательное информирование вышестоящих инстанций о наличии разногласий с судебной властью при разработке проекта бюджета субъекта переводит в правовую реальность процедуру корректировки федеральным законодателем позиции высших исполнительных и законодательных органов государственной власти субъекта Российской Федерации в ходе бюджетного процесса и выравнивания уровня бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации.

Правовой реальностью стало и участие советов судей субъекта Российской Федерации в установлении норматив расходов на финансовое обеспечение полномочий, указанных в подп. 40 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» по материально-техническому обеспечению деятельности мировых судей и оплате труда работников аппарата мировых судей (абз. 2 п. 2 ст. 26.14 того же закона).

Ранее никаких законодательно закрепленных стандартов по материально-техническому обеспечению деятельности мировых судей не существовало.

Еще одной особенностью правовой реальности низшего звена судов общей юрисдикции является обязательное в настоящее время согласие совета судей или конференции судей субъекта Российской Федерации на уменьшение размера бюджетных средств субъекта Российской Федерации, выделенных на материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей и финансирование оплаты труда работников аппарата мировых судей в текущем финансовом году или подлежащих выделению на очередной финансовый год, соответственно не более чем на 5 процентов и более чем на 5 процентов.

Направлениями дальнейшего совершенствования низшего звена судов общей юрисдикции связано с дальнейшей «федерализацией мировой юстиции» [4] и рас-

ширением компетенции советов судей субъектов Российской Федерации и наделянием их полномочиями:

1) требовать отчета от руководителя государственного органа субъекта Российской Федерации, осуществляющего организационное обеспечение деятельности мировых судей;

2) согласовывать: назначение и освобождение руководителя указанного органа, а также структуру государственного органа субъекта Российской Федерации, осуществляющего организационное обеспечение деятельности мировых судей.

Библиография

1. Аулов, В.К. Внедрение мировой юстиции в Российской Федерации: Верховный суд и его роль в сохранении целостности страны (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) /

В.К. Аулов, Н.А. Петухов, Ю.Н. Туганов // Военное право. — 2022. — № 3. — С. 142—152.

2. Дятчина, Е.В. Проблемные вопросы организации работы мировых судей на современном этапе развития мировой юстиции / Е.В. Дятчина // Бизнес. Образование. Право. — 2016. — № 1 (34). — С. 229—230.

3. Институт мирового судьи: история, теория, законодательство, практика: монография / Л.В. Головки [и др.]; под общ. ред. Д.В. Зотова. — Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019. — 510 с.

4. Кузнецова, Е.В. Правовое регулирование мировой юстиции в России: эволюция, проблемы, перспективы (к 20-летию восстановления института мировых судей) / Е.В. Кузнецова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2018. — № 3(43). — С. 45.

5. Саркисов, С.О. Мировая юстиция как элемент общественного правосудия / С.О. Саркисов // Молодой ученый. — 2019. — № 22 (260). — С. 357—359.

К вопросу о видах органов военного управления, решения, действия (бездействие) которых могут быть оспорены в порядке административного судопроизводства

© Шнякина Татьяна Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

© Рожок Никита Дмитриевич,

курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются особенности определения процессуальной правосубъектности органов военного управления по административным делам, рассматриваемым в порядке гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Сравниваются подходы законодателя и правоприменителя к определению видов органов военного управления, решения, действия (бездействия) которых могут быть оспорены в порядке административного судопроизводства.

Ключевые слова: органы военного управления, Министерство обороны Российской Федерации, административное судопроизводство, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, административный спор, военная служба, военнослужащий.

To the question of the types of military management bodies, decisions, actions (inaction) of which can be challenged in the order of administrative legal proceedings

© Shnyakina T.S.,

candidate of the law sciences, associate professor of 25th Department Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© Rozhok N.D.,

cadet of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the features of determining the procedural legal personality of military command and control bodies in administrative cases considered in accordance with Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The approaches of the legislator and the law enforcer to the definition of the types of military command and control bodies, decisions, actions (inaction) of which can be challenged in administrative proceedings are compared.

Key words: military authorities, Ministry of Defense of the Russian Federation, administrative proceedings, Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, administrative dispute, military service, serviceman.

ке, предусмотренном КАС РФ, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов военного управления, их должностных лиц.

Оспаривание решений, действий (бездействия) органов военного управления осуществляется по общим правилам КАС РФ с учетом особенностей, установленных в гл. 22 указанного Кодекса. Как отмечается в научных публикациях, с вступлением в силу КАС РФ военнослужащие получили надежный правовой инструмент защиты и восстановления нарушенных прав¹.

Назначение административного судопроизводства по названной категории дел заключается в защите прав и свобод военнослужащих, граждан, проходящих или прошедших военные сборы, граждан, пребывающих или пребывавших в мобилизационном людском резерве, членов семей военнослужащих, членов семей погибших (умерших) военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы от противоправных деяний органов военного управления и их воинских должностных лиц.

Непосредственно органы военного управления и их должностные лица являются не просто участниками, а публично-властными субъектами процесса государственного управления. Принимаемые ими решения, осуществляемые действия (бездействия) влекут за собой юридические последствия в виде установления общих правил поведения, либо в виде создания, изменения или прекращения конкретных государственно значимых правоотношений.

Сфера деятельности органов военного управления, по большей своей части, затрагивает вопросы обороны страны и безопасности государства, военного строительства, военно-технического сотрудничества, обеспечения выполнения международных договоров Российской Федерации. А непосредственные решения, действия (бездействия) органов военного управления напрямую влияют на правовое положение военнослужащих, их быт, а, следовательно, и боеготовность.

Для обеспечения реальной действенности способа защиты прав и свобод военнослужащего государством разработан порядок осуществления административного судопроизводства по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов военного управления.

Однако судебная практика сталкивается с актуальными вопросами определения состава, видов органов военного управления, решения, действия (бездействие) которых подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном гл. 22 КАС РФ. Помимо этого, важно правильно определять и сами виды решений, действий (бездействия), способных стать предметом разбирательства в порядке, предусмотренном гл. 22 КАС РФ. Проработка ответов на данные вопросы способна предотвратить совершение процессуальных ошибок не только в плане определения подсудности дел конкретным судам, но и повлиять на выбор порядка их рассмотрения и разрешения.

Термин «органы военного управления» используется на законодательном уровне, в частности, в федеральных конституционных законах от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ст. 6, 7, 10, 11, 14, 15, 18, 21) и от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (ст. 7), КАС РФ (ст. 1), федеральных законах от 31 января 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (ст. 7, 11, 22), от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ст. 3, 5, 7, 21, 22), от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (ст. 2) и др.

Однако законодателем четко не определен круг лиц, составляющих органы во-

¹ Корякин В.М. Административный иск как средство защиты нарушенных прав и законных интересов военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 5. С. 32—36.

енного управления, что на практике может вызывать существенные затруднения при подаче административным истцом административного искового заявления в части, касающейся определения административного ответчика, а соответственно возможности защитить нарушенное или нуждающееся в защите право административного истца.

Кроме того, в Федеральном законе «Об обороне» помимо термина «органы военного управления» без их определения упоминаются также:

— органы управления Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами (п. 2 ст. 3);

— органы объединений, соединений, воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации и в войска, не входящие в виды и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 11);

— органы, уполномоченные в области управления другими войсками, воинскими формированиями, органами и создаваемыми на военное время специальными формированиями (п. 3 ст. 22);

— федеральные органы исполнительной власти (органы), уполномоченные в области управления другими войсками, воинскими формированиями и органами (п. 5 и 7 ст. 17.1).

На подзаконном уровне органы военного управления упоминаются в Военной доктрине Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 (п. 8, 14, 32, 36), Положении о Министерстве обороны Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, (п. 2, 11), Положении о Генеральном штабе Вооруженных Сил Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 631, (п. 1, 6), Наставлении по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации, утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. № 717, (преамбула, и далее по всему тексту неоднократно), Инструкции по делопроизводству в Воору-

женных Силах Российской Федерации, утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170 (п. 213), приказе Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2019 г. № 404 «Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации» (п. 1, 6, 10); и др.

Так, согласно Военной доктрине Российской Федерации военная организация государства представляет собой совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Из данного определения мы видим, что органы военного управления входят в систему военной организации, но снова четкого указания на субъектный состав данных органов нет.

В отличие от законодательного и подзаконного уровней регулирования перечень органов военного управления на настоящий момент выработан судебной практикой. Так, согласно абз. 4 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» суды к органам военного управления относят:

1) Министерство обороны Российской Федерации;

2) иной федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба;

3) центральные органы военного управления (командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры);

4) территориальные органы военного управления (военные комиссариаты,

региональные центры, комендатуры территорий);

5) управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Согласно п. 2 ст. 13 Федерального закона «Об обороне» управление Вооруженными Силами Российской Федерации осуществляет Министр обороны Российской Федерации через Министерство обороны Российской Федерации.

При этом Минобороны России осуществляет комплектование формирований Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими, гражданским персоналом, обеспечение материально-техническими средствами и предоставление входящим в их состав военнослужащим и гражданскому персоналу медицинского и иных видов обеспечения (п. 3 ст. 10.1 цитируемого закона).

Министерством обороны Российской Федерации формируются общероссийские базовые (отраслевые) перечни (классификаторы) государственных услуг, федеральные перечни (классификаторы) государственных услуг, не включенных в общероссийские базовые (отраслевые) перечни (классификаторы) государственных и муниципальных услуг, и работ, оказание и выполнение которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации в целях медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны (п. 2 ст. 17.1 цитируемого закона).

Минобороны России устанавливает случаи и порядок оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (п. 6 ст. 17.1 цитируемого закона).

Обращает на себя внимание тот факт, что в Разделе II «Полномочия органов государственной власти Российской Федерации в области обороны» Федерального закона «Об обороне» Министерство обороны Российской Федерации не значится. Так, статьей 4 данного раздела предусмотрены соответствующие полномочия Президента Российской Федерации, статьей 5 — Федерального Собрания Российской Федерации, статьей 6 — Правительства Российской Федерации. Разделом III Федерального закона «Об обороне» органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и организации наделены функциями в области обороны.

Следовательно, исходя из системного толкования Федерального закона «Об обороне» и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», можно сделать вывод о том, что наличие полномочий или функций в области обороны не является существенным признаком органа военного управления.

Согласно п. 1 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 Минобороны России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, иные установленные федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации функции в этой области, а также уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере управления и распоряжения имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций.

В структуру Минобороны России входят центральные органы военного управ-

ления и иные подразделения (абз. 3 цитируемого пункта). При этом само Минобороны России пунктом 2 цитируемого Положения именуется органом управления Вооруженными Силами Российской Федерации.

В соответствии с п. 5 Положения Минобороны России осуществляет свою деятельность непосредственно и через органы управления военных округов (Северного флота), иные органы военного управления, территориальные органы (военные комиссариаты).

В Разделе II Положения Минобороны России наделено полномочиями, в ряде случаев именуемых также функциями (подп. 27.1, 48, 68.4, 70, 81.3, 82 п. 7), правами собственника имущества (подп. 71 п. 7) или правами (п. 8).

В частности, подпунктом 7 п. 7 цитируемого Положения Минобороны России наделяется рядом полномочий в качестве органа в области обороны, для чего имеет право издавать нормативные правовые акты и иные документы по вопросам, отнесенным к его компетенции (подп. 1 п. 8).

Следовательно, на подзаконном уровне (исполнительно-распорядительном) Минобороны России именуется органом управления Вооруженными Силами Российской Федерации и органом в области обороны, а также наделяется функциями федерального органа исполнительной власти и полномочиями в области обороны. При этом отмечается, что Минобороны России осуществляет свою деятельность непосредственно и через иные органы военного управления, территориальные органы (военные комиссариаты).

В соответствии с п. 5 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» к обороне привлекаются войска национальной гвардии Российской Федерации. Также согласно ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации, государственная гражданская служба.

Управление войсками национальной

гвардии осуществляет руководитель уполномоченного федерального органа исполнительной власти, являющийся главнокомандующим войсками национальной гвардии (ч. 4 ст. 6 цитируемого закона).

Росгвардия является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности и в сфере вневедомственной охраны (п. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510). Росгвардия абзацем 2 п. 1 данного Положения именуется центральным органом управления войсками национальной гвардии. А согласно абз. 3 этого же пункта Росгвардия для выполнения задач, возложенных на войска национальной гвардии, и обеспечения их деятельности создает: структурные подразделения центрального аппарата Росгвардии; территориальные органы Росгвардии; воинские части войск национальной гвардии; подразделения (органы) войск национальной гвардии, в которых проходят службу лица, имеющие специальные звания полиции; организации войск национальной гвардии.

Таким образом, Росгвардия — это иной федеральный орган исполнительной власти, в котором прямо Указом Президента Российской Федерации предусмотрена военная служба и опосредованно федеральным законом — через отсылку к войскам национальной гвардии, под которыми понимается государственная военная организация, предназначенная для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»).

В соответствии с п. 6 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» для выполнения

отдельных задач в области обороны привлекаются спасательные воинские формирования федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, СВР России, органы федеральной службы безопасности, органы государственной охраны, органы военной прокуратуры, военные следственные органы СК России, федеральный орган обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, а также создаваемые на военное время специальные формирования.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военная служба, помимо названных войск, воинских формирований, органов и создаваемых на военное время специальных формирований, предусмотрена также в воинских подразделениях федеральной противопожарной службы.

Также согласно Перечню федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством предусмотрена военная или приравненная к ней служба, утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 20 декабря 2004 г. № 317¹, к иным федеральным органам исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, относятся: МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, СВР России, ФСИН России, МЧС России.

Однако, приведенный Перечень вступает в коллизию с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», так как не называет в числе федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, Главное управление

специальных программ Президента Российской Федерации (ГУСП), являющееся федеральным агентством, но при этом добавляет МВД России и ФСИН России.

Как отмечалось выше, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» к органам военного управления также отнесены центральные органы военного управления (командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры), территориальные органы военного управления (военные комиссариаты, региональные центры, комендатуры территорий), управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

К центральным органам военного управления следует относить:

— во-первых, Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации (состоит из центральных органов военного управления и иных структурных подразделений: главные управления, Национальный центр управления обороной Российской Федерации, управления и архивная служба);

— во-вторых, главные командования видами Вооруженных Сил Российской Федерации;

— в-третьих, командования родов войск Вооруженных Сил Российской Федерации;

— в-четвертых, подразделения Минобороны России: главные управления, управления, департаменты, службы. Но при этом Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации к числу органов военного управления не отнесены такие подразделения Минобороны России, как техническая инспекция, контрольно-финансовая инспекция, государственная экспертиза, военно-научный комитет.

К территориальным органам военного

¹ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 20 декабря 2004 г. № 317 «Об утверждении Порядка ведения специального сегмента Федерального регистра лиц, имеющих право на получение государственной социальной помощи» // Рос. газ. 28 янв. 2005. № 16.

управления можно отнести региональные и территориальные органы военной полиции (региональные управления, региональную военную комендатуру, региональную и территориальную военную автомобильную инспекцию), а также военные комиссариаты.

Согласно приказу Министра обороны Российской Федерации от 16 июля 2021 г. № 424 «Об утверждении типовых положений о региональном и территориальном органах военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации» региональное управление военной полиции и региональная военная автоинспекция являются региональными органами военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляющими свою деятельность в границах территории военного округа (Северного флота), они подчиняются командующему войсками военного округа (Северным флотом); военная комендатура является территориальным органом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и подчиняется заместителю начальника штаба военного округа (Северного флота) — начальнику регионального управления военной полиции, за исключением военных комендатур, управление которыми осуществляет начальник Главного управления военной полиции Министерства обороны Российской Федерации; территориальная военная автомобильная инспекция является территориальным органом военной полиции, входит в структуру военной автомобильной инспекции Вооруженных Сил Российской Федерации и подчиняется начальнику соответствующей региональной военной автомобильной инспекции.

Согласно Положению о военных комиссариатах, утв. Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 2012 г. № 1609 «Об утверждении Положения о военных комиссариатах», военные комиссариаты являются территориальными органами Минобороны России и входят в состав военных округов (Северного флота). Они создаются в

субъектах Российской Федерации в целях обеспечения исполнения гражданами воинской обязанности, организации и проведения мобилизационной подготовки и мобилизации, реализации права граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, членов семей погибших (умерших) военнослужащих на социальные гарантии, включая пенсионное обеспечение, а также в целях реализации гарантий погребения погибших (умерших) военнослужащих и иных категорий граждан в соответствии с законодательством Российской Федерации. Руководство служебной деятельностью военных комиссариатов осуществляется Министерством обороны Российской Федерации через командующих войсками военных округов (командующего Северным флотом). Управление служебной деятельностью военного комиссариата осуществляется военным комиссаром. Военный комиссариат является юридическим лицом.

Управления и штабы создаются в военных округах¹. Военный округ — основная военно-административная единица Российской Федерации, в состав которой входят органы военного управления, объединения, соединения, военные части, организации Вооруженных Сил Российской Федерации и военные комиссариаты, находящиеся на территории военного округа. По своей сущности военный округ является общевоинским оперативно-стратегическим объединением Вооруженных Сил Российской Федерации, назначение — подготовка к вооруженной защите и вооруженная защита. В состав управления военными округами входят: командующий войсками военного округа, штаб, военный совет.

Управления объединениями (корпус, армия, фронт) состоят из должностных лиц: командующих и командиров объединений, их заместителей, подчиненных штабов и служб.

Управления соединениями (корпус, дивизия, бригада) состоят из должностных

¹Указ Президента Российской Федерации от 5 июня 2020 г. № 374 «О военно-административном делении Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. Ст. 3629.

лиц: командующих и командиров соединений, их заместителей, подчиненных штабов и служб.

Управления воинскими частями (полк, штабы дивизий, бригад, корпусов, армий, фронтов, иные воинские организации). Воинская часть является основной тактической и административно-хозяйственной единицей Вооруженных Сил Российской Федерации. Типичная структура управления воинской частью и обязанности должностных лиц определены Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹. Состав воинской части (полк, корабль 1 ранга): командир, штаб командования полка (возглавляет начальник штаба, являющийся заместителем командира полка), управление полка, в которое входят заместители командира полка и начальники служб полка, непосредственно организующие решение специальных функциональных задач, обеспечивающих боевую и мобилизационную готовность полка.

Обращает на себя внимание тот факт, что статьей 11.1 Федерального закона «Об обороне» статус юридического лица предусматривается для управления объединения, управления соединения и воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации, а не управления воинской частью.

В абз. 5 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» выделяются в категорию «воинские должностные лица» должностные лица органов военного управления, наряду с командирами (начальниками) воинских частей, начальниками органов военной полиции, начальниками гарнизонов, иными лицами, постоянно, временно или по специальному полномочию выступаю-

щими от имени Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

При этом всех их объединяют два признака — они осуществляют функции представителя власти либо выполняют организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, и в рамках реализации названных функций приняли оспариваемое решение, совершили оспариваемые действия (бездействие), имеющие обязательный характер и затрагивающие права и свободы заявителей. Дополнительно отмечается, что к числу воинских должностей относятся, в том числе, и руководители управлений, департаментов, учреждений и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

В связи с этим буквальное прочтение пункта 2 приводит к выводу о том, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в число органов военного управления не включает непосредственно объединения, соединения, в том числе гарнизоны, а также воинские части. При этом рассматривает их управления в качестве таковых, а, следовательно, статус юридического лица не является существенным признаком органа военного управления с позиций судебной практики.

На доктринальном уровне также на настоящий момент не выработано единой позиции по определению понятия и состава органов военного управления. Обратимся к некоторым определениям органов военного управления в справочной, научной, и иной литературе.

Например, в военном энциклопедическом словаре органы военного управления — это «предусмотренные штатами или временно созданные коллективы, предназначенные для выполнения определённых задач (функций) по руководству войсками (силами) в различных звеньях. В Вооруженных Силах органы военного управления подразделяются на центральные — Министерство обороны (МО), Ген. штаб, главные командования видов и командования родов войск ВС, главные и цен-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации»: в ред. от 24 декабря 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. Ч. 1. Ст. 5749.

тральные управления МО; оперативно-стратегические — управления военных округов (фронтов), флотов; оперативные — управления армий, флотилий, корпусов, эскадр. Структурными подразделениями органы военного управления являются направления, отделы (отделения), группы, службы. Для размещения и работы органы военного управления в угрожаемый период или в военное время развёртываются пункты управления»¹.

В учебнике по тактике под ред. В.Г. Резниченко под органами военного управления понимаются отдельные лица руководящего состава и немногочисленные коллективы офицеров, возглавляющие воинские формирования различного масштаба и выполняющие функции по управлению подразделениями, частями и соединениями при подготовке и в ходе боя. К ним относятся командиры, их заместители, штабы, начальники родов и видов войск, специальных войск и служб.

Разнообразные подходы в определении органов военного управления, приведенные выше, свидетельствуют о широком круге лиц, которые могут подразумеваться под органами военного управления, в том числе в схожих ситуациях. В этой связи важно отметить, что должностные лица входят в круг органов военного управления, являясь их составной частью. Определение должностных лиц применено указанным выше Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в расширительном толковании, т.е. даны признаки, по которым суд определяет является ли данный субъект воинским должностным лицом. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости законодательного (или на уровне указа Президента Российской Федерации) закрепления круга лиц, входящих в систему органов военного управления и наделяемых административной правосубъектностью. Исходя же из имеющихся данных, представляется возможным выделить следующие существен-

ные признаки органов военного управления:

— во-первых, в них федеральным законом должна быть предусмотрена военная служба;

— во-вторых, они наделены государственными или иными публичными полномочиями в области обороны, т.е. имеют организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные функции в области обороны, реализация которых по средствам осуществляемых ими действий (бездействия) или принимаемых решений затрагивает права, свободы и интересы граждан.

Соответственно, исходя из анализа правового регулирования в области обороны на законодательном, подзаконном и правоприменительных уровнях, к органам военного управления, обладающим процессуальной административной правосубъектностью, на настоящий момент возможно отнести следующие:

- 1) Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России);
- 2) Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия);
- 3) Федеральная служба безопасности Российской Федерации;
- 4) Федеральная служба охраны Российской Федерации;
- 5) Служба внешней разведки Российской Федерации;
- 6) Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;
- 7) органы военной прокуратуры;
- 8) военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;
- 9) входящие в состав перечисленных органов командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры (центральные органы военного управления);
- 10) военные комиссариаты, региональные центры, комендатуры территорий (территориальные органы военного управления);

¹ Военный энциклопедический словарь / Том 2. Редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев, В.М. Карев и др. М.: Большая Российская энциклопедия; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 248.

11) управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Библиография

1. Военный энциклопедический словарь / Т.2. Редкол.: А.П. Горкин, В. А. Золотарев,

В.М. Карев и др. — М.: Большая Российская энциклопедия; РИПОЛ КЛАССИК, 2001.

2. Корякин В.М. Административный иск как средство защиты нарушенных прав и законных интересов военнослужащих / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 5. — С. 32—36.

3. Тактика / под ред. В.Г. Резниченко. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Воениздат. 1987.

Уголовное право, уголовный процесс, криминология и криминалистика

Уголовно-правовые меры борьбы с подрывной деятельностью иностранных государств и организаций, направленной против безопасности Российской Федерации и направления их совершенствования

© Багаев Марат Муратович,

специалист юридического отдела центра
исследования проблем Российского права
«Эквитас»

Аннотация. Терроризм — средство насилия государств с наступательной политической платформой. В статье анализируются и раскрываются основные характерные черты преступлений террористической направленности. Рассматривается идеология терроризма как специальная цель преступлений террористической направленности. Автор рассматривает роль идеологии в организации терроризма и ее характерные черты. Рассматриваются проблемы противодействия подрывной деятельности государств, ведущих агрессивную внешнюю политику. Предложены уголовно-правовые меры борьбы с подрывной деятельностью, организованной против России.

Ключевые слова. Терроризм, идеология, насилие, борьба, подрывная деятельность, безопасность, организация антироссийской направленности.

Criminal law measures to combat subversive activities of foreign States and organizations directed against the security of the Russian Federation and directions for their improvement

© Bagaev M.M.,

Specialist of the Legal Department of the Center for
the Study of Problems of Russian Law "Эквитас"

Annotation. Terrorism is a means of violence of States with an offensive political platform. The article analyzes and reveals the main characteristic features of terrorist crimes. The ideology of terrorism is considered as a special purpose of terrorist crimes. The author examines the role of ideology in the organization of terrorism and its characteristic features. The problems of countering the subversive activities of states leading an aggressive foreign policy are considered. Criminal legal measures to combat subversive activities organized against Russia are proposed.

Keywords. Terrorism, ideology, violence, struggle, subversive activities, safety, anti-Russian organization.

С 1963 г. международное сообщество под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) разработало 19 международных соглашений, направленных на предотвращение террористических нападений¹. Во испол-

нение указанных международных соглашений было принято и подписано не менее 20 межрегиональных и региональных актов (деклараций, конвенций, соглашений,

¹ Международная правовая база. Контртеррористическое управление ООН. [Электронный ресурс].

Режим доступа:
un.org>counterterrorism/ru/international-legal (дата обращения: 28.04.2022).

договоров)¹, направленных против терроризма.

В рамках предметной области 39 сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1984 г. приняла Резолюцию 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах»².

В указанной Резолюции под государственным терроризмом ООН признала агрессию одного государства по отношению к другому, выражающуюся, в том числе, в насильственном изменении или подрыве общественно-политического строя государства, дестабилизации или свержении действующего правительства³.

Более конкретный подход к определению действий, попадающих под понятие «государственный терроризм», сделала Женевская декларация о терроризме 1987 г.⁴

Декларация определила государственный терроризм как форму политически мотивированного насилия, под предлогом которого государства с агрессивной политической платформой проводят антитеррористические и иные операции в отношении и на территории других государств, с заявленной целью противодействия международному терроризму, жертвами которых становятся народы третьих стран.

Не принижая роль и значение указанных международных «предметных кон-

венций», документам ООН и другим региональным актам, направленным на борьбу с терроризмом присущ один существенный недостаток, а именно: международная правовая платформа ни в одном документе не закрепляет признанной всеми субъектами международного публичного права дефиниции «терроризм», «государственный терроризм» и «международный терроризм».

В дефинициях терроризма⁵, встречающихся в научных работах и международных нормативных правовых актах, не выработано единое по своей сути определение терроризма и единый перечень деяний, которые можно причислить к террористическим преступлениям.

Как отмечал В.Н. Трубников: «... причина не просто в том, что терроризм как явление постоянно меняется, обращается к новым лозунгам, использует в своей практике все более изощренные средства и технологии. Сказывается целый ряд политических, социальных, психологических, наконец, исторических факторов, которые, несмотря на общее понимание масштабов угрозы, исходящей от современного терроризма, по-прежнему определяют существенные различия в подходах к содержанию этого явления»⁶.

В целом отсутствие общей дефиниции терроризма не оказывает решающего влияния на практическую деятельность специализированных подразделений, призванных заниматься вопросами борьбы с международной террористической деятельностью в рамках имеющегося антитеррористического законодательства.

Проблема заключается в невозможности выработать единый подход в борьбе с глобальным, расплывающимся по миру терроризмом, определить единый список

¹ Международные правовые акты. Национальный антитеррористический комитет РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: pas.gov.ru (дата обращения: 28.04.2022).

² Резолюция 39 сессии Генеральной Ассамблеи ООН № 39/159 1984-1985 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: un.org/ru/ga/39/docs/39res.shtml (дата обращения: 28.04.2022).

³ К акциям подобного рода можно отнести «цветные революции». См.: Цветные революции [Электронный ресурс]. Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 28.04.2022).

⁴ Женевская декларация о терроризме Генеральная Ассамблея ООН Док. А/42/307 от 29 мая 1987 г. Женева, 21 марта 1987 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: liveinternet.ru/users/efkaavakyan/post395508578 (дата обращения: 28.03.2022).

⁵ Сидоров Б.В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2.

⁶ Трубников В.И. Формируется новая философия отторжения терроризма: Беседа с первым заместителем министра иностранных дел России // Международная жизнь: Проблемы внешней политики. 2003. № 9-10/2003. С. 18—27.

деяний террористической направленности, так как трансформация международного, государственного и организованного терроризма повышает необходимость постоянного поиска новых правовых норм, способных дать симметричный ответ указанному угрожающему явлению в уголовно-правовом поле.

Опираясь на приоритет уголовно-правовых мер противодействия преступности террористической направленности, справедливо отметить, что «именно дефиниции уголовного законодательства обеспечивают законность и вместе с тем стимулируют активность использования непосредственных мер предупреждения, пресечения конкретных преступлений, достаточное и справедливое наказание за них»¹. Поэтому борьба с преступностью заключается главным образом в применении мер уголовно-правового воздействия².

Важным условием эффективности применения мер уголовно-правового воздействия на терроризм, в любых характерных признаках ее организации, является уточнение перечня конкретных террористических преступлений, за которые установлена ответственность уголовным законом.

Проанализировав позиции ряда ученых, Р.С. Иванов предложил, что при определении перечня террористических преступлений необходимо учитывать положения п. 1—3 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». По мнению данного автора, указанные нормы, раскрывая акты и методы терроризма, относят к данному явлению преступления, предусмотр-

енные ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 277 и 360 УК РФ³.

Вместе с тем, преамбула Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации гласит: «В целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361»⁴.

Более широкий подход к рассматриваемым преступлениям применен в указании Генеральной прокуратуры России⁵.

К преступлениям террористического характера без дополнительных условий, Генпрокуратурой России отнесены ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 208, ч. 4 ст. 211, 277, 360 и 361 УК РФ.

К преступлениям террористического характера, при наличии в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с террористической деятельностью, Генпрокуратурой России отнесены ст. 206, 209, 210, 210.1, 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 281, 295, 317, 318 и 355 УК РФ.

Связь с террористической деятельностью преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 206, 209—210.1, 222—223.1, 226, 281, 295, 317, 318 и 355

¹ Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. № 8. С. 87. См. также: Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 4 (226). С. 85—89.

² Гришанин П.Ф. Меры уголовно-правового воздействия на преступность и их реализация органами внутренних дел. М.: Академия МВД РФ, 1996. С. 3.

³ Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юр. наук. М., 2016. С. 139.

⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1. См. также: Курсанова А.С., Туганов Ю.Н. Организованные формы терроризма: новое в УК РФ и необходимость учета этих новелл в оперативно-разыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 4 (45). С. 23—25.

⁵ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности. Указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. Перечень № 22 преступлений террористического характера.

УК РФ, выражается, прежде всего, в целях их совершения. Цель совершения преступлений террористического характера, исходя из базовой легальной дефиниции терроризма, состоит в «оказании воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями посредством устрашения населения и (или) осуществления противоправных насильственных действий в иных формах»¹.

Следует отметить, что в указанных перечнях при определении базовых преступлений террористической направленности и при определении преступлений террористической направленности, где прослеживается связь совершенных преступлений с террористической деятельностью, наблюдается проблема в систематизации сходных и сопутствующих составов и их характеристике, что не позволяет дать четкой картины относительно всей структуры и составных частей терроризма, как системы террористических преступлений.

Следовательно, уголовно-правовое определение террористической деятельности шире определения, сформулированного в Федеральном законе «О противодействии терроризму»², что в свою очередь усложняет работу правоохранителям при квалификации преступных деяний террористической направленности, их отграничении друг от друга и от смежных составов преступлений³.

Уголовная политика⁴ России в области

¹ Курдуков А.Н. Система преступлений террористической направленности // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 17—24.

² Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81—89.

³ Курдуков А.Н. Указ. соч. С. 17—24.

⁴ Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. М., 1995. Уголовная политика (дефиниция не закреплена) подразумевает объединение всех видов деятельности,

террологии дает основание полагать, что отечественная уголовно-правовая система пребывает в состоянии постоянного поиска симметричного ответа трансформирующейся преступной деятельности террористической направленности.

В российском законодательстве отсутствует единый перечень, относящий преступления к категории «террористические». Деятельность ученых, занимающихся проблемным полем терроризма, сводится к тому, что вывести четко выраженную картину структуры терроризма как системе террористических преступлений не представляется возможным.

Небезосновательно писал первый заместитель председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобков, что террор, терроризм растет параллельно с развитием мировой цивилизации, если даже не опережает его⁵.

По этому поводу И.Б. Линдер высказывал: «... те, кто работает на переднем крае, уже давно применяют новые методы, от которых до последнего момента отказывались люди, призванные разрабатывать стратегию деятельности»⁶.

Обобщая проблему, в рамках исследования полагается возможным отметить, что такого рода отсталость является одним из недостатков романо-германской правовой семьи, поскольку законотворчество объективно не поспевает за изменениями социальных отношений, т.к. профессора права в некотором смысле оторваны от реальной жизни, в отличие от практиков.

Вместе с тем, объединяющим элементом, позволяющим говорить о преступлениях как о «террористических», является общая цель их совершения, к которой законодатель отнес «воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями

содержанием которых является противодействие преступности, в данном контексте, противодействие преступности террористической направленности.

⁵ Бобков Ф.Д. Как боролся с террором КГБ СССР // Российский кто есть кто. М., 2005, № 1. С. 78.

⁶ Линдер И.Б. По ту сторону зеркала // Международная Контртеррористическая Тренинговая Ассоциация. Изд. «Кумир», 1994. С. 128.

и (или) дестабилизация их деятельности»¹.

Помимо общей цели, террористические преступления могут совершаться и в частных целях.

Профессор В.Д. Малков предлагает к частным целям преступлений террористической направленности отнести: изменение политического строя, политики государства, свержение руководства; нарушение территориальной целостности государства; навязывание в качестве официальной идеологии определенных национальных, этнических, религиозных стандартов общественных отношений; освобождение арестованных террористов; расшатывание стабильности, дезорганизация работы органов власти и управления; получение уступок от власти; причинение вреда международным отношениям; развязывание войны и военных конфликтов².

Не отрицая позицию профессора права и других ученых, полагаем целесообразным при обобщении содержания общих и частных целей указанного преступного явления, выделить из перечня идеологическое обоснование цели преступления, определить и охарактеризовать его как специальную цель преступлений террористической направленности и предложить уголовно-правовые меры противодействия указанному угрожающему явлению³.

Понятие «специальная цель преступлений террористической направленности» не закреплено в уголовно-правовом законодательстве и не встречается в научной литературе. Идеологический контекст, как цель преступления предлагается в перечне частных целей преступлений террористической направленности.

Само явление «терроризм» рассматривается законодательством Российской Федерации как идеология насилия и практика

воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий⁴.

При этом сама идеология, не воплощенная в какие-либо общественно опасные деяния, не может быть криминализована⁵, а, следовательно, ее приверженцы до момента принятия ими конкретных действий по реализации террористической идеологии⁶ не могут быть подвергнуты мерам уголовной репрессии.

В Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013—2018 годы было отмечено, что «... силовые методы способны предупредить лишь конкретную угрозу совершения террористического акта. Для радикального снижения угрозы терроризма необходимо разрушить саму систему его воспроизводства, основу которой составляет идеология терроризма...».

Террористическая идеология формируется на определенном мировоззрении, которое отражает определенный тип мен-

⁴ Федеральный закон «О противодействии терроризму».

⁵ Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 101—106; Комиссаров В.С. Террористический акт: уголовно-правовая характеристика основного состав // Терроризм и экстремизм в России и странах АТР: проблемы правового регулирования и противодействия: материалы международной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010. С. 7—18.

⁶ «Идеология терроризма (от греч. idea — понятие, представление) — система идей, взглядов экстремистского характера, выражающая интересы различных субъектов социально-политических отношений, оправдывающая применение ими нелегитимного насилия и устрашения для реализации этих интересов, обосновывающая соответствующие цели террористической деятельности и, как правило, определяющая механизм их достижения». Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 66.

¹ Федеральный закон «О противодействии терроризму».

² Малков В.Д. Уголовно-правовые и криминологические характеристики терроризма и его предупреждение в системе обеспечения национальной безопасности России // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 168.

³ Обоснование и доказывание идеологии как специальной цели преступления террористической направленности — это тема отдельной диссертационной работы.

тальности и, по мнению С.В. Дашковой, имеет следующие характерные черты:

- искаженное восприятие действительности вплоть до его отрицания;
- радикальность во взглядах и экстремальность выбора способов действий;
- фанатизм, одержимость какой-либо идеей;
- утопизм и абсолютная вера в достижимость поставленных целей;
- мифологичность сознания, угроза-ориентированное восприятие мира;
- дуализм, поляризация («мы против них»), восприятие «другого» в образе «врага»;
- бескомпромиссность, крайняя нетерпимость к оппонентам, стремление навязать им свои ценности;
- догматизм, притязание на полное и исключительное обладание истиной¹.

Обобщая мнения ученых и положения, закрепленные законом, полагаем, что террористическая идеология есть идеология насилия и характерна государствам с наступательной, агрессивной политической платформой. Следовательно, идеология насилия есть средство идеологии превосходства, что является характерной чертой государств, ориентированных на доминирование в геополитическом пространстве, при том, что превосходство достигается путем политического, экономического, военного, и информационного насилия, посредством организованного государственного терроризма.

В соответствии с международными правовыми документами, субъектом внешней агрессии может быть только иностранное государство, при этом говорить открыто о внешней агрессии с точки зрения права некорректно, соотносить в уголовно-правовом поле деятельность международных террористических организаций и иностранных спецслужб сложно, но наличие терроризма с поддержкой иностранных государств всегда налицо².

¹ Дашкова С.В. Идеология современного терроризма // Вестник калмыцкого университета. 2017. № 1 (33). С. 143.

² Официальные отчеты XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г., Приложение № 31, С. 181—182.

Следует отметить, что идеология как преступное явление нацелена на изменение сознания личности и общества, навязывание этнонациональных и фундаментальных стандартов и деидеологизацию³, что противоречит п. 1 и 2 ст. 13 и п. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации, согласно которым в Российской Федерации признается идеологическое многообразие; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Таким образом, полагаем, что противодействие преступному явлению террористической направленности в рамках уголовно-правового поля требует специфического подхода, так как навязывание идеологических стандартов, так же, как и деидеологизация:

- это всегда программа государства или объединенных общим замыслом (общей идеей) государств;
- организовывается специальными службами (разведсообществом) и (или) организациями;
- нацелено на нанесение ущерба национальным интересам и безопасности другого государства и (или) ее организациям;
- носит террористический характер (акт политического, экономического, социального, военного и информационного насилия);
- вуалируется на долгую перспективу;
- входит в активную фазу в заданное время.

Вместе с тем, при условии, что уголовно-правовое определение террористической деятельности шире определения, сформулированного в Федеральном законе «О противодействии терроризму», и что терроризм всегда организовывается с поддержкой государства, полагается возможным предложить и обосновать уголовно-правовые меры противодействия подрывной деятельности иностранных государств

³ Несмотря на диспозицию п. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации, мы не можем отрицать того, что политика, проводимая главой государства направлена на создание национально ориентированной государственной идеологии.

и организаций, выступающих источником идеологии насилия против безопасности Российской Федерации.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 № 400, которая является базовым документом стратегического планирования государства, к перечню национальных интересов Российской Федерации законодатель относит защиту конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны.

Преступления против основ конституционного строя закреплены российским законодателем в гл. 29 разд. X УК РФ. В указанной главе ст. 275 «Государственная измена» и 276 «Шпионаж» при условии непосредственного объекта квалифицируются как преступления против безопасности Российской Федерации.

Согласно статистике, приведенной Т.В. Илларионовым¹, с принятием новой редакции ст. 275 «Государственная измена»² УК РФ количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по данной статье, увеличилось в два раза. Особенный прирост осужденных наблюдался в 2014—2016 и в 2019 годах, что было связано с формированием внешней политики России на фоне эскалации российско-украинского конфликта и обострением отношений между Россией и странами Евroatлантического альянса.

В новой редакции ст. 275 УК РФ устанавливает ответственность за деятельность, направленную против безопасности Российской Федерации, выражающуюся в выдаче сведений³, составляющих государ-

ственную тайну иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям.

Дополнительно диспозиция ст. 275 УК РФ также устанавливает ответственность за оказание финансовой, материально-технической, консультационной и иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

В соответствии с ч. 5 ст. 15 УК РФ данное преступление отнесено к особо тяжким преступлениям, так как за его совершение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

Исходным элементом состава преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, является объект, определение которого важно для уяснения юридической природы преступления. В теории уголовного права под объектом преступления принято понимать охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые направлено общественно опасное деяние и которым причиняется вред либо создается угроза причинения такого вреда⁴.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, является безопасность Российской Федерации, которая подразумевает состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз⁵.

Предметом государственной измены выступают сведения, составляющие госу-

30.11.1995 № 1203; О транспортной безопасности : Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ.

⁴ Здравомыслов Б.В. Уголовное право. Общая часть. М.: Юристъ, 2000. С. 106; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. С. 21; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР, 1980. С. 15; Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чиквадзе. Т. 2. М., 1970. С. 17; Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 82—83.

⁵ О стратегии национальной безопасности : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400-ФЗ.

¹ Илларионов Т.В. Современное состояние уголовной ответственности за государственную измену // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 253—257.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 12.11.2012 г. № 190-ФЗ.

³ О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1; Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне : Указ Президента Российской Федерации от

дарственную тайну. В соответствии с п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

Государственную тайну образуют охраняемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, выход которых из владения может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. В Законе Российской Федерации «О государственной тайне» дается перечень сведений, составляющих государственную тайну. Исчерпывающий же открытый Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержден Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203.

Адресатами государственной измены являются: иностранное государство, международная или иностранная организация или их представители.

Иностранное государство при совершении данного преступления фигурирует в лице его официальных органов и прежде всего специальных служб. Иностранная организация может быть и государственной, и негосударственной¹. Международная организация может находиться на территории иностранного государства или на территории России. Представителями иностранного государства, международной или иностранной организации являются их официальные лица², а также иные, неофициальные лица, действующие по их поручению.

Объективная сторона государственной измены выражается в трех формах:

- 1) шпионаж³;
- 2) выдача государственной тайны⁴;

¹ Предприятия, учреждения, объединения, организации группы, союзы, общества и т.д., независимо от их профессиональной и творческой направленности

² Члены правительственных делегаций, сотрудники дипломатического корпуса, сотрудники иностранных спецслужб, члены иностранных негосударственных организаций и т.д.

³ Объективные признаки шпионажа раскрываются в ст. 276 УК РФ.

3) иное оказание помощи иностранному государству, международной или иностранной организации или их представителям в проведении деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

С вводом в действие новой редакции ст. 275 УК РФ в научном сообществе в рамках предметной области не прекращаются споры в отношении квалификации института оказания иной помощи внешним и внутренним противникам государства.

Иное оказание помощи иностранному государству, международной или иностранной организации или их представителям в проведении деятельности против безопасности Российской Федерации представлено в диспозиции в виде типичных, хотя и не исчерпывающих форм оказания помощи: финансовая, материально-техническая, консультативная или иная помощь, направленные на оказание содействия в проведении подрывной деятельности против основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации, если они не охватываются вышеуказанными формами государственной измены.

Диспозиция ст. 275 УК РФ, по мнению В.И. Тюнина⁵, сформулирована обобщенно и абстрактно, соответственно, конкретного перечня сведений, образующих состав государственной измены, законодателем не предусмотрено.

Фактически правоприменители самостоятельно устанавливают наличие или отсутствие в действиях лица состава ст. 275 УК РФ, руководствуясь не конкретными нормами права, а своими внутренними убеждениями, сформированным подходом к работе и расследованию подобных преступлений.

⁴ Выдача государственной тайны выражается в действиях, связанных с передачей иностранному государству, международной или иностранной организации или их представителям указанных сведений лицом, которому они были доверены или стали известны по службе или работе либо стали достоянием лица иным путем, за исключением их собирания либо похищения.

⁵ Тюнин В.И. Государственная измена — новая редакция // Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов. Вып. 8. Омск, 2013. С. 81—85

Отсутствие конкретики порождает весьма актуальный вопрос: может ли лицо, оказывающее любую помощь иностранному государству, совершить государственную измену¹?

Объективно оказание помощи связано с установлением контакта, связи гражданином России с иностранным государством, международной или иностранной организацией или их представителями и совершением по их заданию:

1) преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, кроме «государственной измены» и «шпионажа» в чистом виде;

2) деяний, не образующих признаков указанных преступлений, но наносящих ущерб безопасности России.

В первом случае действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений: государственная измена и конкретное преступление данного вида.

Так, ст. 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» УК РФ относится числу преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

При условии совершения указанного уголовно наказуемого деяния по заданию иностранного государства, международной или иностранной организации или их представителей, совершенное преступление согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 275 и ст. 277 УК РФ.

К такого рода примерам следует отнести ст. 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», ст. 279 «Вооруженный мятеж», ст. 281 «Диверсия» УК РФ и т.д. При этом, следует отметить, что ст. 277, 278 и 279 УК РФ отечественными учеными-террологами и российским правоохранительными органами отнесены к преступлениям террористического характера.

Не подвергая сомнению устоявшуюся практику при совершении преступлений

террористической или изменнической направленности, полагаем, что недостаточное внимание оказывается признаку субъективной стороны преступления, а именно цели ее совершения.

На практике при расследовании преступлений, совершенных против основ конституционного строя и безопасности государства с признаками террористического акта, рассматривают совершенное деяние в совокупности с базовой статьей уголовного кодекса «террористический акт», оперируя общими и частными целями совершения преступления террористической направленности.

Во втором случае круг деяний многообразен и не имеет исчерпывающего перечня.

Так, ст. 189 «Незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники» УК РФ относится к числу преступлений в сфере экономической деятельности. В диспозиции ч. 1 указанной статьи в скобках прописано «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 226.1 и 275 настоящего Кодекса».

При условии совершения указанного уголовно наказуемого деяния по заданию иностранного государства, международной или иностранной организации или их представителей, совершенное преступление согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 275 и ст. 189.

С другой стороны, совершение преступления по ст. 189 УК РФ при наличии в статистической карточке отметки о ее связи с террористической деятельностью, согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 189, либо ст. 205.1 и ст. 189.

Справедливо напрашивается вопрос: при совершении преступления, предусмотренного ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 и 205.6 по заданию иностран-

¹ Илларионов Т.В. Современное состояние уголовной ответственности за государственную измену // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 253—257.

ного государства, международной или иностранной организации или их представителей, по какой статье квалифицировать указанные уголовно наказуемые деяния?

Безусловно, подавляющая часть преступлений террористического характера совершается по заданию, либо при участии иностранного государства или организации. Терроризм в данном случае сложно определять как идеологию насилия фундаменталистов или этнонационалистов. Терроризм в таком контексте выступает методом организации подрывной деятельности, наряду с пропагандой, провокациями, подстрекательством, финансовыми махинациями, насилием и т.п., а преступления террористической направленности являются преступлениями против безопасности государства.

Соглашаясь с мнением ряда ученых, следует отметить, что российское законодательство в части преступлений против безопасности и интересов государства жесткое. В соответствующих уголовных статьях много сложных формулировок, отсылок к другим законам и статьям уголовного кодекса, поэтому разобраться в них непросто. В свою очередь, при условии противоречивости мнений профессоров права о корректности крайней редакции ст. 275 УК РФ полагается, что диспозиция указанной статьи насыщена.

При этом находим целесообразным диспозицию ст. 275 УК РФ сформулировать следующим образом «Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Предлагается также ввести в УК РФ статью 275.1 «Организационная деятельность, направленная к совершению опасных государственных преступлений, а равно участие в антироссийской организации». Установить, что оказание иностранному государству, международной либо

иностранной организации или их представителям помощи в проведении подрывной деятельности против Российской Федерации, ее национальных интересов и безопасности наказывается лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет.

Под подрывной деятельностью следует понимать:

— сотрудничество со специальными службами иностранных государств;

— оказание финансовой, материально-технической, консультационной и иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против Российской Федерации;

— сотрудничество с запрещенными на территории Российской Федерации международными и иными организациями или их представителями.

Лицо освобождается от уголовной ответственности по предлагаемой статье, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшей подрывной деятельности.

В качестве исполнения наказания, альтернативной лишению свободы, представляется применение мер воспитательного характера в виде обязательного выезда на постоянное место жительства в населенные пункты северных и арктических территорий на срок до десяти лет, без права выезда за пределы субъекта проживания, либо федерального округа на срок заключения.

Полагаем, что при условии введения в УК РФ статьи в предложенной формулировке совершаемые уголовно-наказуемые деяния по заданию иностранного государства, международной или иностранной организации, запрещенной на территории Российской Федерации, или их представителей, будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренной предложенной статьей, ст. 275.1 и другими

статьями.

Библиография

1. Гришанин, П.Ф. Меры уголовно-правового воздействия на преступность и их реализация органами внутренних дел / П.Ф. Гришанин. — М.: Акад. МВД РФ, 1996.
2. Дашкова, С.В. Идеология современного терроризма / С.В. Дашкова // Вестник калмыцкого университета. — 2017. — № 33 (1). — С. 141—148.
3. Здравомыслов, Б.В. Уголовное право. Общая часть / Б.В. Здравомыслов. — М.: Юристь, 2000.
4. Иванов, Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Р.С. Иванов. — М., 2017.
5. Илларионов, Т.В. Современное состояние уголовной ответственности за государственную измену / Т.В. Илларионов // Молодой ученый. — 2020. — № 22 (312). — С. 253—257.
6. Комиссаров, В.С. Террористический акт: уголовно-правовая характеристика основного состава / В.С. Комиссаров // Терроризм и экстремизм в России и странах АТР: проблемы правового регулирования и противодействия : матер. междунауч.-практ. конф. — Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010. — С. 7—18.
7. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации / А.А. Кунашев // Уголовное право. — 2018. — № 6. — С. 81—89.
8. Курдуков А.Н. Система преступлений террористической направленности / А.Н. Курдуков // Российское право: образование, практика, наука. — 2021. — № 3. — С. 17—24.
9. Курсанова, А.С. Организованные формы терроризма: новое в УК РФ и необходимость учета этих новелл в оперативно-розыскной деятельности / А.С. Курсанова, Ю.Н. Туганов // Оперативник (сыщик). — 2015. — № 4 (45). — С. 23—25.
10. Малков, В.Д. Уголовно-правовые и криминологические характеристики терроризма и его предупреждение в системе обеспечения национальной безопасности России / В.Д. Малков // Общество и право. — 2012. — № 4 (41). — С. 164—171.
11. Миньковский, Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы / Г.М. Миньковский // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. — М., 1995.
12. Миньковский, Г.М. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним / Г.М. Миньковский, В.П. Ревин // Государство и право. — 1997. — № 8.
13. Сидоров, Б.В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства / Б.В. Сидоров // Вестник экономики, права и социологии. — 2017. — № 2.
14. Тарбагаев, А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма / А.Н. Тарбагаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 1. — С. 101—106.
15. Трубников, В.И. Формируется новая философия отторжения терроризма / В.И. Трубников // Международная жизнь: Проблемы внешней политики. — 2003. — № 9-10. — С. 18—27.
16. Туганов, Ю.Н. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 4 (226). — С. 85—89.
16. Тюнин, В.И. Государственная измена — новая редакция / В.И. Тюнин // Вопросы правовой теории и практики : Сб. научн. тр. Вып. 8. — Омск, 2013. — С. 81—85.

Новая судебная практика Верховного Суда Российской Федерации по квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»

Аннотация. В статье комментируется впервые изданное Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)», выявляются положительные и отрицательные стороны нового толкования практики применения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, преступления против интересов служб в коммерческой или иной организации, злоупотребление полномочиями, злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации.

New judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation on the qualification of crimes against the interests of service in commercial and other organizations

© Eermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
FGKOU VO «The Moscow Academy Investigative
Committee of the Russian Federation»

Annotation. The article comments on the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation issued for the first time "On some issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Articles 201, 201.1, 202, 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)" dated June 29, 2021 No. 21, identifies the positive and negative sides of the new interpretation of the practice of application criminal law norms.

Keywords: criminal law, criminal liability, crimes against the interests of services in a commercial or other organization, abuse of authority, abuse of authority in the execution of a state defense order, abuse of authority by private notaries and auditors, abuse of authority by a private detective or an employee of a private security organization.

В июне 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации впервые издал постановление, в котором дается толкование уголовно-правовых норм об уголовной ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, предусмотренных

статьями 201, 201.1, 202, 203 УК РФ. Предпосылками такого решения явились изменения, внесенные в примечание к ст. 201 УК РФ Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соот-

ветствии с которыми понятие «лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации», было четко отграничено от понятия «должностного лица», изложенного в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. В 2017 г. Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ), что детерминировало необходимость разъяснений практики применения указанной правовой нормы.

Следует иметь в виду, что вопросы судебной практики привлечения к уголовной ответственности за коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе и за мелкий коммерческий подкуп изложены в отдельном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 24 декабря 2019 г.).

Говоря о распространенности рассматриваемых преступлений в судебной практике, следует отметить, что в 2020 г. за все преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях было осуждено 367 лиц, совершивших 697 преступлений, что составляет менее 1 % от общего количества осужденных российскими судами в этом году и менее 1 % от общего количества совершенных в этом году на территории Российской Федерации преступлений. Из этого числа за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) было осуждено 128 человек (34 %), совершивших 142 преступления (20 %). За коммерческий подкуп было осуждено 195 человек (53 %), совершивших 423 преступления (60,7 %). Таким образом, на два этих состава преступления приходится 87 % осужденных за преступления против интересов службы в коммерческой или иной организации и 80 % совершенных преступлений указанной группы. Остальные составы преступлений, включенные в гл.

23 УК РФ, встречаются в судебной практике в единичных случаях. Например, за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ) в 2020 г. был осужден всего один человек, и то по дополнительной квалификации¹.

В 2019 г. за все преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях было осуждено 470 человек (на 28 % больше чем в 2020 г.), совершивших 945 преступлений (на 35 % больше, чем в 2020 г.), что также составляло менее 1 % от общего количества осужденных российскими судами в этом году и менее 1 % от общего количества совершенных в этом году на территории Российской Федерации преступлений. Из этого числа за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) было осуждено 167 человек (35,5 %), совершивших 219 преступлений (23 %). За коммерческий подкуп было осуждено 229 человек (49 %), совершивших 389 преступлений (41 %). Обращает на себя внимание тот факт, что в 2019 г. 29 человек (6 %), совершивших 286 преступлений (30 %), было осуждено за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ), тогда как в 2020 г. за это преступление было осуждено 15 человек, совершивших 28 преступлений, т.е. падение составляет за год: по количеству осужденных — в 2 раза, по количеству преступлений — на порядок, т.е. сократилось в 10 раз. На три этих состава преступления приходилось 90 % осужденных за преступления против интересов службы в коммерческой или иной организации и 94 % совершенных преступлений указанной группы. Остальные составы преступлений, включенные в гл. 23 УК РФ, встречались в судебной практике так же в единичных случаях. За злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2020 г.).

заказа (ст. 201.1 УК РФ) в 2019 г. также был осужден всего один человек¹.

В 2018 г. за все преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях было осуждено 467 человек (почти столько же, как и в 2019 г.), совершивших 795 преступлений (на 18 % меньше, чем в 2019 г.), что также составляло менее 1 % от общего количества осужденных российскими судами в этом году и менее 1 % от общего количества совершенных в этом году на территории Российской Федерации преступлений. Из этого числа за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) было осуждено 193 человека (41 %), совершивших 233 преступлений (29 %). За коммерческий подкуп было осуждено 209 человек (45 %), совершивших 446 преступлений (56 %). За мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ) в 2018 г. 26 человек (5,5 %), совершивших 75 преступлений (9 %), т.е. в 3,8 раза меньше, чем в 2019 г. Таким образом, на три этих состава преступления приходилось 91,5 % осужденных за преступления против интересов службы в коммерческой или иной организации и 94 % совершенных преступлений указанной группы. Остальные составы преступлений, включенные в гл. 23 УК РФ, встречались в судебной практике в единичных случаях. За злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ) в 2018 г. не был осужден ни один человек².

Таким образом, с одной стороны, наблюдается снижение общего количества осужденных за преступления против интересов службы в коммерческой или иной

организации и количества совершенных преступлений этой группы, с другой стороны, колебания статистических данных показывают, что у данной группы преступлений отсутствуют устойчивые детерминанты. Тем не менее значение этих преступлений в судебной практике растет, о чем свидетельствует издание рассматриваемого Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Переходя к сути рассматриваемого Постановления, следует отметить, что в п. 2 изложены положения, аналогичные п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее — Постановление от 16 октября 2009 г. № 19). Следует заметить, что приведенные в обоих постановлениях примеры злоупотреблений, такие, как освобождение работников организации от исполнения трудовых обязанностей с направлением для ремонта квартиры, обустройства домовладения, принадлежащих самому лицу либо его родственникам и знакомым, совершение сделки в отсутствие необходимого для этого согласия или последующего одобрения коллегиального органа управления организации, являются скорее превышением полномочий, а не злоупотреблением ими, поскольку во всех случаях лицо не использует свои полномочия вопреки законным интересам (у него попросту не может быть таких полномочий), а именно превышает имеющиеся у него полномочия, а по сути использует авторитет занимаемой должности, а не конкретные должностные полномочия.

Положительно следует отметить разъяснение относительно квалификации злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, которое может совершаться путем нецелевого расходования денежных средств, выделенных для реализации государственного оборонного заказа. Для должностных лиц указанное деяние образует отдельный состав преступления, предусмотренный ст. 285.1 УК РФ.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2019 г.).

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2018 г.).

В п. 3 комментируемого Постановления впервые дается определение того, что понимается под злоупотреблением полномочиями частным нотариусом или аудитором (ст. 202 УК РФ), что также следует положительно оценить.

В п. 4 разъясняется, что понимается под злоупотреблением полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ). Следует учитывать, что ст. 201.1 УК РФ была введена в УК РФ в 2017 г., а значит и состав преступления и разъяснения по практике применения этой уголовно-правовой нормы являются новыми и даются впервые.

В п. 5—8 разъясняется, что следует понимать под общественно опасными последствиями в ст. ст. 201, 201.1, 202 УК РФ. Учитывая, что при конструировании этих составов преступлений использовались оценочные категории: причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, такие разъяснения имеют ключевое значение для практики применения уголовного законодательства, тем более что они даются впервые.

В п. 9, 10 впервые даются разъяснения по практике применения ст. 203 УК РФ (превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей). В целом эти разъяснения аналогичны п. 19 Постановления от 16 октября 2009 г. № 19, однако изложены с учетом специфики рассматриваемого состава преступления.

В п. 11, 12 разъясняется, кто является субъектом преступлений, предусмотренных ст. 201, 201.1, 202, 203 УК РФ. Приводимые разъяснения повторяют положения различных нормативных правовых актов Российской Федерации, а применение на практике этих положений, как правило, не вызывает трудностей.

П. 13, в котором изложены положения о признании субъектом рассматриваемых преступлений лица, назначенного на соответствующую должность с нарушением требований и ограничений, по своей сути

повторяет положения п. 6 Постановления от 16 октября 2009 г. № 19. В этой части следует отметить спорность такого подхода, поскольку, на наш взгляд, следует различать случаи незаконного назначения на должность (лицо было назначено на должность не уполномоченным лицом, лицо присвоило полномочия другого лица, лицо не было своевременно уволено с работы и т. п.) и случаи назначения на должность с нарушением установленного порядка. При незаконном назначении на должность все действия или решения, принятые в качестве такого уполномоченного лица, априори являются незаконными и подлежат отмене, а само такое лицо не может являться субъектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 201, 201.1, 202, 203 УК РФ. Тем более что сам Верховный Суд Российской Федерации неоднозначно подходит к решению этого вопроса. Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» отмечается, что если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что в соответствии с законом лицо не подлежало призыву на военную службу или подлежало освобождению от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу либо имелись основания для отсрочки от призыва на военную службу, которые существовали до уклонения от призыва на военную службу, суд постановляет оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления. Таким образом, военнослужащий, незаконно находящийся на военной службе, не признается субъектом преступлений против военной службы, а должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, частный нотариус, аудитор, частный детектив, незаконно назначенные на свои должности, признаются субъектами соответственно должностных преступлений, либо преступлений против интересов службы в коммерческой или иной организации.

В п. 14 разъясняются положения, касающиеся такого элемента субъективной стороны преступления, обязательного для всех рассматриваемых составов преступлений, как наличие специальной цели — извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц. В целом комментируемый пункт повторяет по своей сути положения п. 16 Постановления от 16 октября 2009 г. № 19.

В п. 16 и 17 излагаются вопросы квалификации превышения полномочий частным детективом или частным охранником (ст. 203 УК РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации обоснованно указывает на тот факт, что частные детективы или частные охранники могут действовать в состоянии необходимой обороны или в обстоятельствах задержания лица, совершившего преступление (ст. 37, 38 УК РФ). Хотя в тексте постановления и делается отсылка к положениям Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», однако, исходя из положений ст. ст. 16—18 этого закона, следует, что какими-либо дополнительными полномочиями по применению оружия, физической силы или специальных средств частные охранники не обладают, в отличие от военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов. Положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, применяются к ним на общих основаниях.

Интересным представляется подход к разграничению квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 203 УК РФ. Из-за не совсем удачной конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 203 УК РФ — использования в диспозиции указания на способ совершения преступления и одновременно обязательное наступление общественно опасных последствий, имела место неопределенность в правоприменительной деятельности. Пленум Верховного Суда Российской Федерации решил превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, сопряженное с применением насилия или с угрозой его применения либо с использо-

ванием оружия или специальных средств и повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, либо причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, квалифицировать по ч. 1 ст. 203 УК РФ, а в случае умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью необходимо дополнительно квалифицировать по ст. 112 УК РФ. Если же в результате рассматриваемого преступления по неосторожности наступила смерть потерпевшего, либо ему был причинен умышленно тяжкий вред здоровью, либо деяние было сопряжено с убийством, то такие деяния следует квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 203 и соответствующей статьи из главы о преступлениях против личности. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации решил, что применение оружия, специальных средств или насилия, но не повлекшее тяжких последствий, охватывается ч. 1 ст. 203 УК РФ.

Положения п. 18 комментируемого Постановления о разграничении хищений чужого имущества и злоупотребления полномочиями повторяют положения п. 17 Постановления от 16 октября 2009 г. № 19 и подтверждают единый подход к разграничению квалификации такого рода деяний.

Положения п. 19 комментируемого постановления об установлении правового статуса и полномочий лиц, обвиняемых в совершении рассматриваемых преступлений, а также об установлении общественно опасных последствий этих преступлений, повторяют положения п. 18 и 22 Постановления от 16 октября 2009 г. № 19, что отражает существование определенных искажений судебной практики и в части квалификации рассматриваемых преступлений.

Интерес представляют указания Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в п. 20 комментируемого Постановления, о том, что положения ст. 23 УПК РФ о привлечении к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации, если деяние причинило вред исключительно интересам этой организации, не распространяются на преступления, предусмотренные ст. 201.1

УК РФ (злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа), поскольку в этом случае вред причиняется интересам государства в сфере обороны.

Вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, изложены также и в п. 11 Постановления от 16 октября 2009 г. № 19, а вновь введенное постановление дополняет и конкретизирует ранее данные разъяснения.

Подводя итоги настоящей статьи следует отметить, что вновь введенное постановление, разъясняющее правила квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, предусмотренных ст. 201, 201.1, 202, 203 УК РФ, разрешает некоторые противоречия, имевшие место в рассматриваемой сфере и будет способствовать единообразному и правильному применению судами и следственными органами указанных правовых норм.

Предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества в теории военно-уголовного законодательства и в судебной практике

© Изотов Даниил Михайлович,
кандидат юридических наук

© Мелешко Павел Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
права Военного университета, кандидат
юридических наук.

Аннотация. В статье проводится анализ судебной практики по вопросу предмета преступлений против порядка сбережения военного имущества.

Ключевые слова: преступления против порядка сбережения военного имущества, предмет преступления, оружие, боеприпасы, военная техника, военное имущество.

The subject of crimes against the order of saving military property in the theory of military criminal legislation and in judicial practice

© Izotov D.M.,
Candidate of Law.

© Meleshko P.E.,
Senior lecturer of the Department of Criminal Law
of the Military University, Candidate of Law.

Annotation. The article analyzes judicial practice on the subject of crimes against the order of saving military property.

Keywords: crimes against the order of saving military property, the subject of the crime, weapons, ammunition, military equipment, military property.

Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых предусмотрено прохождение военной службы, могут успешно выполнять возложенные на них задачи только при условии обеспечения необходимыми военной техникой, вооружением, иными техническими средствами и материальными ресурсами.

Уголовным кодексом Российской Федерации устанавливается уголовная ответственность за ряд преступных деяний, посягающих на установленный порядок сбережения военного имущества. К их числу относятся:

— умышленное уничтожение или повреждение военного имущества (ст. 346 УК РФ);

— уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ);

— утрата военного имущества (ст. 348 УК РФ).

Объектом данных преступлений является порядок обращения с оружием, боеприпасами и предметами военной техники, обеспечивающий их сохранность и готовность к использованию по назначению.

Установление уголовной ответственности за нарушение правил порядка сбережения именно этих видов военного имущества обусловлено повышенной общественной опасностью таких посягательств, поскольку уничтожение, повреждение или утрата оружия, боеприпасов и предметов военной техники способны существенно снизить боеспособность частей

и подразделений, войск и сил флота, сделать невозможным или затруднить выполнение поставленных боевых и учебно-боевых задач, и, принимая во внимание значительную стоимость современных сложных систем вооружения, техники и боеприпасов, — причинить существенный экономический ущерб военной организации государства.

Правильное применение ст. 346—348 УК РФ невозможно без уяснения содержания понятий оружия, боеприпасов и предметов военной техники. Но и раскрыть в полной мере их содержание не удастся без анализа соответствующей военно-судебной практики. Только это позволит выявить возникающие у правоприменителя сложности в квалификации по предмету преступления, предложить способы их разрешения.

Оружие как предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества (ст. 346-348 УК РФ)

1. Легальное определение оружия закреплено в ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», им признаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов.

Вместе с тем, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» разъяснил, что закон «Об оружии» регулирует только те правоотношения, что возникают при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия. При этом на иные виды боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, его действие не распространяется (п. 1 Постановления).

С учетом изложенного под оружием в ст. 346—348 УК РФ понимается находя-

щееся на вооружении Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы, и используемое для решения возложенных на них задач:

— боевое ручное стрелковое оружие (пистолеты и револьверы, винтовки и карабины, автоматы и пистолеты-пулеметы, пулеметы);

— другое огнестрельное оружие (пушки, гаубицы, минометы и иные системы артиллерийских орудий, гранатометы).

В судебной практике наиболее часто при совершении указанных преступлений в качестве предмета встречаются пистолеты и автоматы, что очевидно в силу массовости их использования в войсках.

Например, был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 341 УК РФ и по ст. 348 УК РФ прапорщик П., который во время несения службы в пограничном наряде 25 апреля 2011 г., в нарушение правил несения пограничной службы, отвлекся от несения службы, вступил в не относящиеся к несению службы разговоры со знакомыми ему местными жителями, распил с ними спиртные напитки, после чего уснул в служебном автомобиле, оставив без охраны участок Государственной границы Российской Федерации и без присмотра вверенное ему оружие с боеприпасами. Когда П. проснулся, он обнаружил утрату вверенного ему оружия и боеприпасов: автомата АК-74М и двух магазинов к нему с 50 патронами калибра 5,45 мм (в ходе предварительного следствия данное оружие и боеприпасы были обнаружены и возвращены в часть)¹.

Те же преступления при полностью аналогичных обстоятельствах совершил и прапорщик С., потерявший во время несения службы в пограничном наряде пистолет ПМ и 8 патронов к нему калибра

¹ Приговор Курского гарнизонного военного суда от 28 июля 2011 г. в отношении прапорщика П. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 348, 341 ч. 1 УК РФ.

9 мм (в ходе предварительного следствия были обнаружены и возвращены в часть)¹.

Помимо наиболее распространенных видов боевого ручного стрелкового оружия встречаются в судебной практике и иные виды огнестрельного оружия, состоящего на вооружении Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов, где предусмотрено прохождение военной службы.

Примером преступления, когда предметом посягательства явился довольно специфичный вид огнестрельного оружия, используемого лишь в отдельных подразделениях, служит уголовное дело в отношении полковника запаса В.

Так, согласно обвинительному заключению, бывший начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения воинской части полковник запаса В. 28 декабря 2006 г. на складе ракетно-артиллерийского вооружения получил по накладной боевое ручное огнестрельное оружие — нож разведчика стреляющий (НРС-2) калибра 7,62 мм, для последующей передачи в службу ракетно-артиллерийского вооружения войсковой части. После этого В. нарушил установленные УВС ВС РФ правила бережения вверенного ему для служебного пользования оружия, что повлекло по неосторожности его утрату в период времени с 28 декабря по 31 декабря 2006 г.²

2. Федеральный закон «Об оружии» в ст. 1 определяет холодное оружие как оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения.

Несмотря на то, что боевое значение холодного оружия в современных условиях практически полностью утрачено, оно продолжает оставаться на вооружении в качестве оружия «последнего шанса»; в частности, это относится к штыкам и штыкам-ножам.

Примером совершения преступления с посягательством на подобный предмет может служить следующее уголовное дело. Около 12 часов 21 ноября 2004 г. рядовой К., находясь в суточном наряде по части, обнаружил пропажу выданного ему на время дежурства штык-ножа. Его действия были квалифицированы как утрата военного имущества, по ст. 348 УК РФ³.

В понятие оружия входит и боевое холодное оружие, которыми оснащаются некоторые военнослужащие для решения специальных задач (ножи разведчика, ножи выживания и др.).

Так, согласно обвинительному заключению военнослужащий К. в 11-м часу 27 июня 2016 г. в ходе тактико-специальных учений при выполнении учебно-боевой задачи по преодолению водной преграды не обеспечил сохранность вверенного ему для служебного пользования холодного оружия — ножа «Эльф», что повлекло по неосторожности его утрату⁴. Названный нож был создан для нужд подразделений специального назначения и может использоваться как в качестве боевого ножа, так и ножа для выживания⁵, именно поэтому он и был признан предметом данного преступления.

Иные схожие с холодным оружием предметы, которые хотя и состоят на снабжении войск, но не предназначены для ведения боя и уничтожения живой силы противника, а, например, используются для обеспечения деятельности войск (хозяйственные ножи, скальпели и т.п.) или как элемент формы одежды (офицерский кортик), к предметам преступлений, предусмотренных ст. 346—348 УК РФ, не относятся. Этот тезис полностью подтверждается изучением судебной практики.

3. На вооружении войск и сил флота помимо огнестрельного и холодного стоит также ракетное, торпедное и ядерное ору-

¹ Приговор Курского гарнизонного военного суда от 28 июля 2011 г. в отношении прапорщика С. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 348, 341 ч. 1 УК РФ.

² Постановление Буденновского гарнизонного военного суда от 12 августа 2014 г.

³ Надзорное производство по уголовному делу № 20/08/0081-04 // Архив Главной военной прокуратуры.

⁴ Постановление Новочеркасского гарнизонного военного суда от 17 ноября 2016 г.

⁵ Шунков В. Предприятие «ЦНИИТочмаш», модель «Эльф» // Холодное оружие России: полная энциклопедия. Москва: Эксмо, 2014. С. 43.

жие. Вполне очевидно, что закон «Об оружии» такие виды оружия не упоминает.

Однако, по нашему мнению, относить к предмету преступлений, предусмотренных ст. 346—348 УК РФ, данные виды вооружений нельзя, поскольку в случае реализации данного подхода с неизбежностью будут возникать затруднения, связанные с невозможностью определения конкретного предмета того или иного преступления.

Действительно, в специальной литературе соответствующие термины используются. Например, под ракетным оружием «Военный энциклопедический словарь» предлагает понимать «вид оружия, в котором для доставки средств поражения к цели используются ракеты; совокупность различных ракетных комплексов для поражения наземных, воздушных и морских целей»¹. В свою очередь, ракетным комплексом признается «совокупность функционально связанных однородных ракет и специальных средств, обеспечивающих их содержание, пуск и управление полетом»².

Торпедное вооружение — это вид корабельного (авиационного) вооружения, который включает в себя торпеды, торпедные аппараты, торпедопогрузочные устройства, приборы управления торпедной стрельбой, устройства перезарядки торпедных устройств, ряд других систем и устройств³.

И вместе с тем, как мы полагаем, использование понятий «ракетное оружие», «торпедное оружие», «ядерное оружие» как разновидности предмета преступлений против порядка сбережения военного имущества корректным не является.

Так, для производства пуска ракеты или торпеды необходима совокупность функционально связанных средств поражения и технических средств, обеспечивающих их боевое применение, иначе говоря — комплекса вооружения⁴.

Схематично это можно проиллюстрировать следующим образом: зенитная

управляемая ракета, предназначенная для использования в составе зенитного ракетного комплекса, с момента выпуска на заводе и до момента использования размещается в транспортно-пусковом контейнере. Контейнер конструктивно обеспечивает хранение ракеты в надлежащих условиях, а также ее пуск. Однако такой контейнер не может быть использован для самостоятельного производства пуска ракеты, прежде его необходимо установить на соответствующую пусковую установку. В свою очередь, пусковая установка размещается на специальном гусеничном или колесном шасси, на военном корабле и т.п. При этом для пуска ракеты также необходимо наличие радиолокационной станции и пункта управления.

Вытекает закономерный вопрос: что из названных компонентов, необходимых для пуска ракеты, в уголовно-правовом смысле можно признавать ракетным оружием: их совокупность, пусковое устройство или, к примеру, транспортно-пусковой контейнер?

А как быть в случаях, когда на одном носителе конструктивно размещается несколько видов вооружения? Это, в частности, относится к зенитным ракетно-пушечным комплексам, которые помимо зенитных управляемых ракет вооружены также автоматическими пушками.

На наш взгляд, для квалификации преступных деяний по ст. 346—348 УК РФ применительно к использованию ракет и торпед допустимо говорить о наличии боеприпасов (боевых частей ракет и торпед) и предметов военной техники (пускового устройства, системы управления и т.п.), но оперировать понятием «оружие» — вряд ли возможно⁵.

4. В ряде источников к оружию как предмету рассматриваемой группы преступлений предлагается относить технические устройства, составной частью которых является один из видов оружия (например, бронетранспортер, боевая ма-

¹ Военный энциклопедический словарь. М.: Изд. дом «ОНИКС 21 век», 2002. С. 1112.

² Там же. С. 1112.

³ Там же. С. 1287.

⁴ Подробнее о комплексе вооружения смотри: Военный энциклопедический словарь. С. 631—632.

⁵ В равной степени это замечание применимо и к понятию «ядерное оружие», которое включает в себя непосредственно ядерный боеприпас, а также его носители (ракеты, торпеды, авиационные носители).

шина пехоты, танк, самоходная артиллерийская установка, боевой самолет и т.п.)¹.

Следование данной точке зрения порождает массу вопросов. К примеру, если признавать не военной техникой, а оружием танк, то какая должна быть правовая оценка повреждения собственно вооружения танка: его орудия и пулеметов? Или предположим, что вооружение танка исправно, но вследствие преступных действий военнослужащего не может функционировать силовая установка. Неужели в этом случае следует говорить о повреждении оружия? Другой вопрос: почему военный автомобиль повышенной проходимости («джип») без вооружения — это военная техника, а когда на него установлен пулемет (миномет, автоматический гранатомет), он будет считаться «оружием»? К чему относить бронированную ремонтно-эвакуационную машину: тоже к оружию, раз для самообороны на ней имеется пулемет? Но ведь основное предназначение такой машины — это не ведение боя, а эвакуация застрявшей и поврежденной техники, ее ремонт и техническое обслуживание, а также выполнение иных задач инженерного обеспечения деятельности войск.

Полагаем, что на эти и иные подобные вопросы практически невозможно найти непротиворечивые, в полной мере отвечающие требованиям формальной логики ответы.

В связи с этим более обоснованным представляется альтернативный подход, в соответствии с которым технические устройства, составной частью которых является оружие, сами по себе в понятие «оружие» входить не должны, и для целей ст. 346 и 347 УК РФ их следует признавать предметами военной техники².

¹ См., напр.: Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: Научно-практический комментарий. М.: «За права военнослужащих», 2004. С. 224; Военно-уголовное право : учебник. М.: «За права военнослужащих», 2008. С. 239; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X—XII. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 212.

² См.: Военно-уголовное право: учебник. М., 2020. С. 405.

Справедливости ради отметим, что судебная практика по данному вопросу складывается неоднозначно.

Так, приговором Белогорского гарнизонного военного суда осужден по ст. 347 УК РФ военнослужащий по контракту старшина К., являвшийся старшим техником танковой роты.

К. был признан виновным в том, что в нарушение требований уставов, наставлений и инструкций по правильной эксплуатации танка Т-80 перед началом его эксплуатации в целях обеспечения мер пожарной безопасности не предпринял мер по удалению топлива, находящегося на днище танка, и не отдал приказ экипажу танка удалить топливо, находящееся на днище танка, не установил кожух аккумуляторных батарей к стеллажу при выполнении работ в танке, направленных на запуск двигателя, допустил короткое замыкание полюсных выводов и перемычек при установке аккумуляторных батарей, перед установкой аккумуляторных батарей не выключил выключатель батарей, при подключении в танке проводов к полюсным выводам аккумуляторной батареи нарушил полярность и непрочно затянул болты без использования соответствующего гаечного ключа, чем не обеспечил надежный электрический контакт, при установке перемычек на аккумуляторных батареях не обеспечил надежное крепление проводов и прочное затягивание болтов для обеспечения надежного электрического контакта, при замене аппаратов электрооборудования на танке не выключил выключатель батарей, нарушил меры безопасности при включении аппаратов и систем электрооборудования танка.

В результате допущенных К. нарушений требований безопасности при эксплуатации танка от искрения в месте замыкания полюсных выводов аккумуляторных батарей и взаимодействия искр с горючесмазочным материалом, находящимся на днище танка, произошло возгорание танка Т-80, которое предпринятыми мерами не удалось остановить.

Это деяние К. повлекло тяжкие последствия, выразившиеся в уничтожении

танка с боеприпасами и топливом общей стоимостью свыше 11 млн. руб.

Действия К. судом квалифицированы по ст. 347 УК РФ как уничтожение по неосторожности *оружия и боеприпасов*, повлекшие тяжкие последствия¹.

Однако по похожему делу Кяхтинским гарнизонным военным судом была дана иная уголовно-правовая оценка содеянному.

Рядовой В. Обвинялся в том, что, являясь механиком-водителем танка Т-72, в нарушение установленных требований не обеспечил выполнение требований пожарной безопасности при эксплуатации танка, вследствие чего произошло возгорание его электропроводки, а в последующем — детонация и подрыв боекомплекта танка.

Судом данное деяние было расценено как уничтожение по неосторожности *боеприпасов и предметов военной техники*, повлекшим тяжкие последствия, что позволило квалифицировать содеянное по ст. 347 УК РФ².

Другой пример: 8 сентября 2016 г. рядовой М., находясь на территории позиционного района воинской части в Харабалинском районе Астраханской области, развел для приготовления пищи огонь возле замаскированного легковоспламеняющимися материалами БТР-82А, в результате чего произошло уничтожение *военной техники и оружия* вследствие пожара, повлекшее тяжкие последствия в виде причинения государству ущерба в сумме свыше 28 млн. руб., что судом было оценено как преступление, предусмотренное ст. 347 УК РФ³.

Данные примеры наглядно демонстрируют различие подходов к квалификации схожих по своему характеру деяний. В одном случае уничтоженный в результате пожара танк признавался оружием, а в

другом — военной техникой. В свою очередь, уничтожение огнем бронетранспортера было квалифицировано как уничтожение военной техники, при этом уголовно-правовая оценка того факта, что также было уничтожено и установленное на нем вооружение (автоматическая пушка и пулемет), органами предварительного следствия и судом дана не была.

Мы же полагаем, что в подобных случаях, когда в результате совершенного преступления была уничтожена как военная техника — носитель вооружения, так и установленное на нем оружие и боеприпасы, содеянное по предмету должно квалифицироваться как уничтожение одновременно и военной техники, и оружия, и боеприпасов.

5. В литературе отмечается, что не должны признаваться оружием в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 346—348 УК РФ, технические устройства, не предназначенные для уничтожения живой силы, сооружений и огневых средств противника (ракетницы, строительные, стартовые, сигнальные (звуковые) пистолеты и т.п.)⁴.

Очевидно, это утверждение основывается на положениях названного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5, согласно которому подобные предметы предлагается не относить к оружию для целей привлечения к ответственности по статьям 222, 223, 224—226¹ УК РФ.

Вместе с тем в практике встречаются отдельные случаи несоблюдения этих рекомендаций.

К примеру, по ст. 348 УК РФ были квалифицированы органами предварительного следствия действия прапорщика Б., совершившего преступное деяние при следующих обстоятельствах.

12 января 2012 г. Б. при объявлении сигнала «в ружье» получил в комнате хранения оружия пограничной заставы военное имущество и боеприпасы, в том числе 26-мм сигнальный пистолет СП-81. Получив боевую задачу, Б. вместе с личным составом направился на поиски нарушителя

¹ Приговор Белогорского гарнизонного военного суда от 7 ноября 2013 г. в отношении старшины К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 347 УК РФ.

² Приговор Кяхтинского гарнизонного военного суда от 28 ноября 2013 г. в отношении рядового В. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 347 УК РФ.

³ Приговор Астраханского гарнизонного военного суда от 2 мая 2017 г.

⁴ См., напр.: Военно-уголовное право : учебник. М.: «За права военнослужащих», 2008. С. 238.

государственной границы. По возвращении на пограничную заставу при сдаче имущества в комнате для хранения оружия Б. обнаружил отсутствие в кобуре сигнального пистолета, о чем доложил начальнику пограничной заставы¹.

По нашему мнению, даже при условии того, что состоящие на снабжении войск и сил флота устройства и предметы, конструктивно предназначенные для подачи световых, дымовых или звуковых сигналов и не предназначенные для ведения боя, не рассматривать в качестве оружия, их все же необходимо относить к числу предметов преступлений, предусмотренных ст. 346–348 УК РФ. Это военное имущество, представляющее собой достаточно сложные технические приспособления, следует относить к предметам военной техники, за посягательства на которые названными нормами также предусматривается уголовная ответственность.

Аналогично необходимо оценивать и утрату, повреждение либо уничтожение электрошоковых устройств и искровых разрядников, которые используются военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации для выполнения возложенных на эти войска задач, а равно иных подобных предметов, состоящих на вооружении, но не предназначенных для ведения боя.

Боеприпасы как предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества (ст. 346 – 348 УК РФ)

1. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание.

¹ Надзорное производство по уголовному делу № 14/19/0007-12 // Архив ГВП. Впоследствии данное уголовное дело судом было прекращено на основании ст. 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в связи с деятельным раскаянием подсудимого. См.: Постановление Майкопского гарнизонного военного суда от 19 апреля 2012 г. о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении прапорщика Б. // Архив Майкопского гарнизонного военного суда.

При этом в Законе содержится только понятие патронов, которыми признаются «устройства, предназначенные для выстрела из оружия, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метательное снаряжение».

Применительно к ст. 346—348 УК РФ, учитывая то обстоятельство, что к оружию, как уже отмечалось, будет относиться не только боевое ручное стрелковое, но иное находящееся на вооружении огнестрельное оружие (артиллерийские орудия и гранатометы), боеприпасами в качестве предмета рассматриваемой группы преступлений следует признавать помимо патронов к стрелковому оружию также артиллерийские снаряды и мины, гранатометные выстрелы.

В качестве примера совершения преступления, когда имело место посягательство на названные виды боеприпасов, можно привести следующее уголовное дело.

Военнослужащий Т. 16 февраля 2017 г., являясь начальником пункта боепитания, обнаружил оставшиеся после стрельб выстрелы к 30-мм автоматической пушке в количестве 53 шт., из них 42 патрона с осколочно-фугасно-зажигательным снарядом и 11 патронов с осколочно-трассирующим снарядом, действуя с прямым умыслом, путем закапывания в землю, а также утопления в воду совершил умышленные действия, непосредственно направленные на уничтожение или повреждение боеприпасов, исключая возможность их дальнейшего использования, то есть преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 346 УК РФ².

2. Довольно часто в практике встречаются ситуации, когда предметами преступного посягательства одновременно являлось как оружие, так и боеприпасы. Соответствующие примеры уже приводились.

При этом в некоторых случаях суды ошибочно относят к предмету преступлений против порядка сбережения военного

² Постановление Калининградского гарнизонного военного суда от 12 сентября 2018 г.

имущества предметы, которые таковыми не являются, а именно – оружейные магазины.

Так, Самарским гарнизонным военным судом осужден рядовой Д. за совершение преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ, выразившемся утрату боеприпасов — 30 патронов калибра 5,45 мм и магазина к автомату АК-74, в котором данные боеприпасы находились¹.

Аналогичным образом Балашихинским гарнизонным военным судом было разрешено дело по обвинению прапорщика О., обвинявшегося в утрате по неосторожности магазина к пистолету конструкции Макарова и 8 патронов к нему калибра 9 мм, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ².

Вместе с тем магазины для патронов в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» ни к оружию, ни к боеприпасам не относятся. Не отнесены они, по смыслу уголовного закона, и к предметам военной техники. В связи с этим вменение в вину утраты данного вида военного имущества в обоих указанных случаях представляется излишним.

Учтя это, Кяхтинский гарнизонный военный суд при вынесении приговора в отношении капитана Г., который обвинялся в том, что, являясь лицом суточного наряда в качестве дежурного по гарнизону, вследствие нарушения правила сбережения вверенных ему для служебного пользования оружия (пистолета Макарова) и боеприпасов (16 патронов калибра 9 мм), допустил по неосторожности их утрату, исключил из объема предъявленного обвинения указание на утрату магазинов к данному пистолету, как излишне вмененное³.

¹ Приговор Самарского гарнизонного военного суда от 7 апреля 2015 г. в отношении рядового Д. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ.

² Приговор Балашихинского гарнизонного военного суда от 29 января 2014 г. в отношении прапорщика О. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ.

³ Приговор Кяхтинского гарнизонного военного суда от 1 марта 2011 г. в отношении капитана Г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ.

3. В пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» отмечается, что по смыслу положений статей 222, 223, 225—226¹ УК РФ патроны светозвукового, травматического, газового действия, сигнальные, строительно-монтажные, учебные, охлажденные и иные патроны, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т.п.) и не предназначенные для поражения цели, не относятся к боеприпасам, взрывчатым веществам и взрывным устройствам.

Здесь уместно еще раз напомнить о том, что указанное Постановление Пленума Верховного Суда лишь ограниченно применимо к отношениям, возникающим в связи с оборотом иных, помимо боевого ручного стрелкового, видов боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и на которые действие Федерального закона «Об оружии» не распространяется.

В связи с этим приведенный выше тезис о том, что не предназначенные для поражения цели патроны не относятся к боеприпасам, не может быть распространен на такие виды боеприпасов, как артиллерийские снаряды и мины, а также гранатометные выстрелы.

Например, артиллерийская мина (основной элемент минометного выстрела) по назначению различается на мины основного, специального и вспомогательного назначения. Артиллерийские мины основного назначения предназначены для поражения живой силы и огневых средств, а также для разрушения полевых оборонительных сооружений противника. Артиллерийские мины специального назначения служат для постановки дымовой завесы (дымовые), для освещения местности в темное время суток (осветительные), для

переброски агитационной литературы на позиции противника (агитационные). Артиллерийские мины вспомогательного назначения (практические, учебные, системопробные) применяются для учебно-боевых стрельб, обучения устройству боеприпаса, испытаний минометов¹.

Таким образом, если рассматривать артиллерийские мины по аналогии с патронами и в том смысле, в котором об этом говорит Федеральный закон «Об оружии» и пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5, то можно сделать вывод о том, что только артиллерийские мины основного назначения и должны признаваться боеприпасами. Вместе с тем такой вывод будет глубоко ошибочным.

Видовым объектом, которому причиняется вред при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 346—348 УК РФ, выступает порядок сбережения военного имущества, то есть установленные законами, уставами, руководствами, наставлениями, инструкциями, приказами командиров (начальников) всех уровней правила обеспечения его сохранности, недопущения его уничтожения, повреждения, порчи или утраты.

При этом характер общественной опасности, который причиняется данными преступлениями, заключается в том, что уничтожение, повреждение или утрата оружия, боеприпасов и предметов военной техники способны существенно снизить боеспособность частей и подразделений, сделать невозможным или затруднить выполнение поставленных боевых и учебно-боевых задач, а также причинить экономический ущерб военной организации государства².

Исходя из этого, уничтожением или повреждением боеприпаса специального назначения соответствующему объекту может быть причинен не менее значительный вред, чем в случае уничтожения или повреждения боеприпаса основного назна-

чения. Напротив, в тех или иных обстоятельствах, в зависимости от условий боя и поставленной боевой задачи степень общественной опасности подобного преступного деяния может оказаться даже выше. К примеру, минометная батарея не смогла осуществить постановку дымовой завесы из-за того, что по вине конкретного военнослужащего ящик с артиллерийскими минами специального назначения (дымовыми) перед боем при переправе был утоплен. В результате замысел боя не смог быть реализован, подразделение было обнаружено противником и понесло большие потери.

Сказанное позволяет нам еще раз подчеркнуть: по смыслу ст.ст. 346—348 УК РФ, любые артиллерийские снаряды, артиллерийские мины и гранатометные выстрелы, даже если они предназначены не для поражения цели, а для решения специальных задач, также следует относить к боеприпасам.

Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи³.

Закономерно возникает вопрос: распространяем ли аналогичный подход также и к нелетальным патронам раздражающего и травматического действия при условии, что они поступают на вооружение воинских формирований? Например, такие патроны для отдельных видов оружия могут использоваться военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации при пресечении правонарушений и массовых беспорядков.

Аргумент в пользу отнесения таких патронов к числу боеприпасов как предмета преступлений, предусмотренных ст. 346—348 УК РФ, все тот же: нарушение правил их сбережения, повлекшее за собой утрату, уничтожение или повреждение, может негативным образом отразиться на способности отдельного военнослужащего или даже целого подразделения выполнить поставленную перед ними за-

¹ См.: Военная Энциклопедия: в 8 томах. Т. 1: «А» — Бюлов. М.: Воениздат, 1997. С. 257—258.

² См.: Военно-уголовное право: учебник / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. М., 2020. С. 402.

³ См., напр.: Камаев Р.Р. Уголовная ответственность за преступления против порядка сбережения военного имущества: монография / под ред. С.В. Максимова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 68.

дачу. То есть подобные деяния с посягательством на названные предметы способны причинять вред интересам обеспечения военной безопасности государства.

По нашему мнению, понимание патронов как боеприпасов для преступлений против порядка сбережения военного имущества должно быть отличным от преступлений, посягающих на общественную безопасность в сфере оборота огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222—226¹ УК РФ). Этот вывод следует, прежде всего, из характеристики объектов данных групп преступлений.

4. В ст. 346—348 УК РФ взрывчатые вещества и взрывные устройства в качестве предмета преступлений специально законодателем не выделяются, хотя эти понятия наряду с оружием и боеприпасами широко используется в других статьях Особенной части Уголовного кодекса, в том числе и о некоторых преступлениях против военной службы¹.

11 июня 2019 г. в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» были внесены изменения, в соответствии с которыми некоторые ранее признававшиеся судами в качестве боеприпасов предметы (в частности, гранаты и мины) теперь рекомендовано относить к категории взрывных устройств.

С учетом того, что данное разъяснение дано исключительно применительно к статьям 222, 223, 224 – 226¹ УК РФ, а диспозиции ст. 346 – 348 УК РФ понятие взрывных устройств не предусматривают,

¹ Примером может служить часть 2 статьи 342 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за нарушение уставных правил несения внутренней службы лицом, входящим в суточный наряд части (кроме караула и вахты), если это деяние повлекло утрату, уничтожение или повреждение находящихся под охраной наряда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо предметов военной техники, а равно иные тяжкие последствия.

содержательно круг предметов преступлений для этих норм остался тем же, и уничтожение или повреждение гранаты или мины по-прежнему должны расцениваться как уничтожение или повреждение боеприпасов².

В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении прапорщика Я., который, являясь должностным лицом — начальником пункта боепитания воинской части, после получения в распоряжении указанной части боеприпасов для проведения занятия по огневой подготовке с личным составом, допустил утрату двух гранат РГД-5 и двух запалов к ним, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов государства, выразившееся в утрате контроля над боеприпасами и возможности их хранения в установленном порядке.

Это деяние было квалифицировано по ст. 348 УК РФ³.

5. Изучение судебной практики показывает, что суды вынужденно расширительно толкуют понятие боеприпасов при привлечении военнослужащих к уголовной ответственности за совершение преступлений против порядка сбережения военного имущества, относя к числу таковых не только взрывные устройства (о чем было сказано выше), но и взрывчатые вещества.

Так, приговором Солнечногорского гарнизонного военного суда от 20 апреля 2012 г. военнослужащий Я. был признан виновным в том, что он, являясь должностным лицом — начальником инженерной службы штаба воинской части, не желая наступления негативных последствий для него, связанных с проведением разбирательства по поводу нарушения правил учета боеприпасов, незаконно вынес со склада за территорию воинской части 200-граммовые тротиловые шашки, после чего

² См.: Военно-уголовное право: учебник / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. М., 2020. С. 402.

³ Приговор Ставропольского гарнизонного военного суда от 10 сентября 2019 г. <https://sgvs-stv.sudrf.ru/>

умышленно уничтожил их в лесном массиве методом дробления и последующего сжигания, чем причинил материальный ущерб и существенно нарушил охраняемые законом интересы общества и государства.

По заключению эксперта тротилловые шашки были отнесены к числу инженерных боеприпасов, в связи с чем, суд определил предмет инкриминируемого преступления как нарушение правил сбережения боеприпасов, а содеянное было квалифицировано по ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 346 УК РФ.

Справочно отметим: инженерные боеприпасы представляют собой средства инженерного вооружения, содержащие в себе взрывчатые вещества и пиротехнические составы. Они подразделяются на средства взрывания, подрывные заряды, заряды разминирования и инженерные мины¹.

Военная техника как предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества (ст. 346—348 УК РФ)

Еще одной категорией военного имущества, указанной в диспозиции к рассматриваемым статьям УК РФ, являются предметы военной техники.

1. К предметам военной техники применительно к тем задачам, которые решаются российскими Вооруженными Силами, относятся, прежде всего, боевые машины, составной частью которых является оружие и основным предназначением которых является ведение боя, уничтожение живой силы и техники противника, разрушение зданий и сооружений.

Например, 20 июня 2013 г. механик-водитель В. в период несения службы патрульным, находясь в алкогольном опьянении, неправоммерно завладел без цели хищения боевой машиной пехоты БМП-2, при движении на которой не справился с управлением и совершил выезд за пределы проезжей части справа по ходу движения в кювет, с опрокидыванием машины, в результате чего, произошел пожар, от кото-

рого сгорели приборы и оборудование в отделении управления, силовом, боевом и десантном отделениях БМП-2, что повлекло причинение особо крупного ущерба на сумму более 1,7 млн. руб. Действия В. судом были квалифицированы судом по ст. 347 УК РФ².

Предметами военной техники являются также технические средства в их полной комплектации, предназначенные для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности войск и сил флота. В судебной практике можно встретить примеры, когда в качестве подобных предметов по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 346 и 347 УК РФ, признавались автоцистерна на базе автомобиля «КамАЗ»³, 4 единицы тягача МТ-ЛБ⁴, специальная пожарная машина⁵.

2. Изучение судебной практики показывает, что помимо различных видов машин к предметам военной техники органы предварительного следствия и суды также относили и широкий круг технических устройств, предназначенных для различных видов боевого обеспечения войск (например, радиостанцию⁶, прицелы ночного видения⁷, ночной бинокль⁸, бомбоискатель⁹).

Составные части военных машин и иной военной техники, комплектующие

² Приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 17 января 2014 г. <https://kaliningvs-kln.sudrf.ru/>

³ Приговор Сочинского гарнизонного военного суда от 8 ноября 2013 г. в отношении Ш. // Архив Сочинского гарнизонного военного суда.

⁴ Приговор Свободненского гарнизонного военного суда от 2 декабря 2000 г. в отношении Р. // Архив Свободненского гарнизонного военного суда.

⁵ Приговор Белогорского гарнизонного военного суда от 8 февраля 2019 г. в отношении Б. <https://belgvs--amr.sudrf.ru/>

⁶ Постановление 35 гвс от 19 мая 2017 г. в отношении С. // Архив 35 гарнизонного военного суда.

⁷ Приговор Грозненского гарнизонного военного суда от 22 марта 2018 г. <http://gvs.chn.sudrf.ru/>

⁸ Приговор Нижегородского гарнизонного военного суда от 19 мая 2010 г. в отношении лейтенанта М. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 337 и ст. 348 УК РФ.

⁹ Приговором Балтийского гарнизонного военного суда от 20 мая 2003 г. // Архив Балтийского гарнизонного военного суда.

¹ Инженерные боеприпасы. Руководство по материальной части и применению. Книга 1. М.: Воениздат, 1976. С. 3.

изделия к ним также признавались судами предметами военной техники.

Так, 27 апреля 2000 г. осуждены Краснореченским гарнизонным военным судом по ч. 2 ст. 346 УК РФ М. и Ф., которые умышленно повредили предметы военной техники – изделия, входящие в зенитно-ракетный комплекс С-300, снимая с них магниты.

Другой пример: по приговору Челябинского гарнизонного военного суда от 1 ноября 2019 г. Ж. был признан виновным в уничтожении предметов военной техники — радиолокационной станции с входящими в ее состав иными агрегатами. Преступление выразилось в извлечении из отсека оператора радиолокационной станции на базе автомобиля «Урал 4320» электронных плат и укладки ЗИП.

3. Следует особо отметить, что четких критериев, по которым те или иные технические устройства или их составляющие можно было бы относить к военной технике, не выработано. В теории военно-уголовного законодательства по данному поводу высказываются самые разные мнения, при этом в качестве критериев относимости техники к военной предлагаются ее нахождения на балансе воинской части, штатность, оценка основного предназначения техники. Не останавливаясь подробно на высказываемых точках зрения, отметим лишь, что затронутая проблема представляется гораздо более сложной, чем она ранее была представлена в позициях ученых.

Военная организация включает в себя помимо Вооруженных Сил Российской Федерации также и иные войска и органы, в которых предусмотрено прохождение военной службы. Понимание этого с неизбежностью порождает вопросы: как, с точки зрения уголовного закона, оценивать технику, используемую для выполнения специальных (не военных) задач, войсками национальной гвардии Российской Федерации, ФСБ России, ФСО России? Можно ли признавать ее военной? А если нельзя,

то как квалифицировать ее уничтожение или повреждение? Если по общеуголовным нормам (ст. 167 и 168 УК РФ), то насколько это обоснованно, учитывая, что данная техника используется для обеспечения национальной (в том числе и военной) безопасности Российской Федерации? А как быть с уголовно-правовой оценкой утраты такой техники?

Эти и многие другие вопросы применительно к термину «предметы военной техники» еще только требуют самостоятельного осмысления.

В завершение отметим определенное несовершенство понятийного аппарата, используемого в ст. 346—348 УК РФ. Предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества, по нашему мнению, требует гармонизации с иными нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в части использования универсальной терминологии (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства). Не отвечающим требованиям правовой определенности является и используемое в законе понятие «предметы военной техники», особенно если учитывать широчайшую номенклатуру различного рода техники и технических устройств, используемых различными составляющими военной организации государства.

Библиография

1. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации : Научно-практический комментарий. — М.: «За права военнослужащих», 2004.
2. Военно-уголовное право : учебник. — М.: «За права военнослужащих», 2008.
3. Военно-уголовное право: учебник / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. — М., 2020.
4. Камаев, Р.Р. Уголовная ответственность за преступления против порядка сбережения военного имущества: монография / под ред. С.В. Максимова. — М.: Юрлитинформ, 2017.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X—XII. — М.: Изд. Юрайт, 2017.

Почерковедческое исследование документов и подготовка материалов для проведения почерковедческих исследований

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теория права, гражданское право, и гражданский процесс» Российского университета транспорта, профессор 25 кафедры Военного университета Минобороны России

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим, при подготовке, организации и проведении криминалистической экспертизы письма. Это во многом зависит от полноты собранных образцов для сравнительного исследования. Показано, что одной из основных причин, приводящих либо к вероятному (неполному) выводу эксперта, либо вовсе к отказу от формирования вывода, является неполный подбор образцов почерка, подписей. Показаны наиболее вероятные причины такого рода дефектов результатов экспертизы. На конкретных примерах реально проведенных экспертиз высказаны некоторые суждения по предупреждению таких ошибок и ложных выводов.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза; образцы почерка; эксперт-почерковед; официальный документ; частный документ

Handwriting research of documents and preparation of materials for handwriting research

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of "Theory of Law, Civil Law, and Civil Procedure" of the Russian University of Transport, Professor of the 25th Department of the Military University of the Ministry of Defense of Russia

Annotation. The article is devoted to the problems that arise during the preparation, organization and conduct of a forensic examination of a letter. It depends a lot on the completeness of the collected samples for comparative research. It is shown that one of the main reasons leading either to the probable (incomplete) conclusion of the expert, or to the refusal to form a conclusion at all, is an incomplete selection of handwriting samples, signatures. The most probable causes of such defects in the results of the examination are shown. Some judgments on the prevention of such errors and false conclusions are expressed on concrete examples of actual examinations.

Keywords: handwriting expertise; handwriting samples; handwriting expert; official document; private document

Успех криминалистической экспертизы письма в значительной мере зависит от того, насколько тщательно она подготовлена. В процессе подготовки материалов для проведения экспертизы судьи, органы дознания, предварительного следствия должны собрать необходимые для эксперта сравнительные материалы и сведения об объектах исследования. В Постановлении

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» в п. 7 отмечено, что оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чем основаны выводы эксперта, приняты ли им во внимание все материалы, представленные на экспер-

тизу, и сделан ли им соответствующий анализ.

В зависимости от объектов исследований и сведений, которые необходимо выяснить с помощью специальных познаний эксперта, перед ним ставится интересующий следствие или суд вопрос. Правильная постановка вопроса определяет перспективы его решения.

Необходимо подчеркнуть, что вместе со спорным документом эксперту предоставляются образцы почерка и подписей подозреваемого (предполагаемого) исполнителя. Проведенный анализ выводов в экспертных заключениях дает основание полагать, что объем образцов почерка и подписи влияет на форму вывода.

Одной из основных причин, приводящих к вероятному выводу эксперта, либо к отказу от формирования экспертом вывода, является неполный подбор образцов почерка, подписей. Самыми распространенными причинами вероятных выводов или отказа от выводов является следующее: количественный недостаток образцов почерка и подписи либо их качественный недостаток (малообъемность и малоинформативность). Кроме того, встречается частичная несопоставимость спорных записей, подписей и образцов почерка, подписи, либо большой временной интервал между выполнением спорных записей, подписей и их образцов.

Частичное разрешение вопросов, поставленных перед экспертами и вероятные выводы экспертов, связанные с недостаточным количеством сравнительного материала, несопоставимостью спорных записей и образцов почерка, подписей, могут являться основанием для назначения дополнительных либо повторных экспертных исследований.

Однако необходимо уточнить, что в экспертной практике встречаются вопросы, которые являются фактически неразрешимыми ни в категорической, ни вероятной форме. Так, 8 мая 2004 г.¹ на исследование поступили цифровые записи «336» с исправленной цифрой «6» на «8»

(см. иллюстрацию 1) и «2142» (см. иллюстрацию 2) на полетном купоне от 4 мая 2003 г.

При сравнении с образцами почерков четырех лиц, эксперт отказался от дачи вывода по причинам:

— малый объем графической информации в объектах исследования;

— ограниченная сопоставимость образцов почерка (образцы почерка подозреваемых лиц были отобраны на обычных листах писчей бумаги, в то время как спорные записи расположены в графах, где в качестве ограничителя пространства для их выполнения выступают бланковые строки);

При подготовке материалов для почерковедческого исследования следует учитывать, что образцы почерка и подписей делятся на три категории:

— свободные образцы, которые выполнены до возбуждения уголовного (административного, гражданского, арбитражного) дела и не связанные с ним;

— условно-свободные образцы, которые выполнены после возбуждения уголовного (административного, гражданского, арбитражного) дела и связанные с ним, расположенные в объяснениях, в протоколах;

— экспериментальные образцы, которые выполнены после возбуждения уголовного (административного, гражданского, арбитражного) дела, выполненные под контролем судьи, следователя, оформленные в установленном порядке, согласно с протоколом получения образцов почерка, подписи для сравнительного исследования.

Свободные образцы почерка и подписей являются наиболее ценными для эксперта и не только из-за упрощения сравнительного исследования, но и в связи с их защищенностью от намеренных изменений (исключая лиц, которые занимаются мошенничеством в течение длительного времени).

¹ Здесь и далее указаны материалы экспертной практики.

Иллюстрация 1 — изображение цифровой записи «336»

Эти образцы почерка/подписей могут быть запрошены следователем или судом в следующих учреждениях: образовательных, профессиональных, правоохранительных, финансовых, налоговых инспекциях, нотариальных конторах (в личных делах, в автобиографиях, экзаменационных листах, заявлениях, декларациях, реестрах и других документах).

Потребность правоохранительных органов в подробных рекомендациях по подготовке материалов для проведения почерковедческих исследований возникла достаточно давно. Так, данной проблематике были посвящены отдельные части в работах многих криминалистов, наиболее известные из которых Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская¹, В.Ф. Орлова². Вместе с тем, качественной стороне вопроса подготовки материалов для почерковедческого исследования не уделяется должного внимания. Несомненно, такое положение дел, как в практическом, так и в теоретическом плане, недопустимо.

Кроме того, на практике в указанной сфере вызывает определенные затруднения процесс отбора образцов, что может быть связано с отсутствием достаточно обоснованной программы действий по их обнаружению и изъятию.

Остановимся подробнее на подготовке материалов для проведения почерковедческих исследований. Результаты криминалистической экспертизы письма в значительной мере зависят от того, насколько

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : Учебник для вузов / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. НОРМА, 2003. С. 288—289.

² Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика / Гос. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы при Минюсте России. – 2-е изд. М.: Наука, 2006.

Иллюстрация 2 — изображение цифровой записи «2142»

качественно (с учетом количества и сопоставимости со спорными объектами) подобраны образцы почерка, подписей. Исчерпывающие сведения об исследуемом документе помогут снизить вероятность подмены документа (предоставления других экземпляров документа) и избежать подлога документа (замены оригинала документа на неподлинный документ). При описании документа надо учитывать следующие данные, перечисленные далее.

1. Необходимые данные в официальных и частных документах.

1.1. Официальные документы должны содержать реквизиты:

— наименование, дату, номер, количество экземпляров, от имени кого составлен и кому предназначен (физическое или юридическое лицо);

— оттиски штампов, печатей, подписи правомочных лиц;

— сведения о порядке составления и изготовления документа (номер типографского заказа, объем тиража и т. п.).

1.2. Частные документы не имеют строго установленной формы, но и в них обязательно указываются: фамилия, имя и отчество исполнителя, его адрес, наименование учреждения и лица, которому направлен документ. Документ скрепляется подписью составителя.

2. Точное расположение документа (на каком бланке, на каком листе бумаги (формат), в каком томе и на каком листе уголовного/гражданского дела, либо реестровой книги).

3. Конкретное расположение объектов исследований (записей, подписей) на листе. Пример: подпись расположена справа от слов: «Иванов И.И.», либо между словами «Глава Холдинга ТРАНСГАЗ» и «Иванов И.И.», или под словами «...представитель компании...» и т. п.

Необходимо отметить важность исследуемых документов в любом почерковедческом исследовании по сравнению со всем предоставленным сравнительным материалом, поскольку от информативности и объемности исследуемого материала зависят выводы эксперта. Исследование документа неразрывно связано с определением способа выполнения документа.

При анализе поступивших документов можно выявить два основных вида подделки: частичная и полная. Отметим, что частичную подделку можно установить на основе единоличного или комиссионного исследования документов экспертом/специалистом.

Единоличное исследование происходит при первичной экспертизе или дополнительной (при недостаточной ясности и полноте заключения эксперта, кроме того, при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств дела может быть назначена дополнительная судебная экспертиза).

Комиссионное исследование производится, как правило, не менее чем двумя экспертами одной специальности (в случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам).

При полной подделке документа необходимо проведение комплексного исследования, когда документ анализируется экспертами/специалистами разных специальностей, в этом случае, дознаватель, следователь или судья получает разностороннюю информацию об исследуемом документе.

Приведем пример частичной подделки документа. Так, частичная подделка документа была выявлена в договоре купли-продажи от 31 марта 2004 г. от имени Григорьева В.А. При проведении почерковедческого исследования было установлено, что запись от имени Григорьева В.А. была выполнена П.О.Г. (см. иллюстрацию 3).

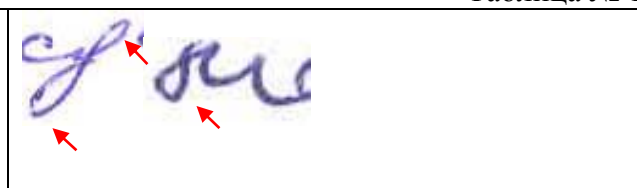

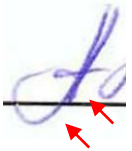
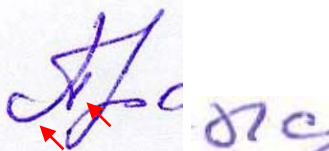
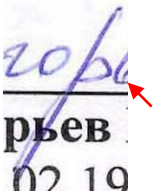
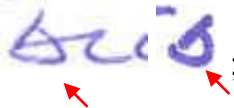

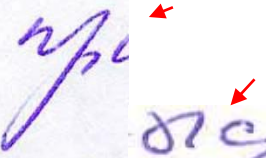

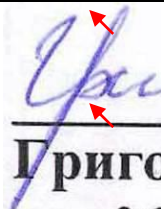

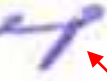
Григорьев Валерий Алексеевич,
г.р. 06.02.1961

Иллюстрация 3 — изображение рукописной записи

Далее приведем совпадающие признаки почерка: слева расположены фрагменты из спорной записи, а справа — из образцов почерка П.О.Г. (см. Таблицу № 1).

Таблица № 1

Полную подделку документа можно проиллюстрировать комплексным заключением эксперта, по судебной экспертизе по делу № А23-5010/2020 по исковому заявлению ООО «ОБУВНАЯ ФАБРИКА РОМЕР» к ИП Гончарову Роману Петровичу о взыскании задолженности в сумме 19 246 660 руб. 87 коп., штрафных санкций в сумме 250 337 руб. 02 коп., процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 01.01.2020 по 30.06.2020 г. в сумме 557 679 руб. 88 коп., процентов за пользование чужими денежными средствами на дату вынесения судебного решения, находящемуся в производстве Арбитражного суда Калужской области, было установлено, что экспериментальные образцы оттисков печати и свободные образцы оттиска в карточке с образцами подписей и оттиска печати ИП Гончаров Роман Петрович на 1 листе; ди-

лерском договоре о реализации товара № Д-6/19 от 09 января 2019 г. с приложением № 1, заключенном между ООО «Обувная фабрика Ромер» и ИП Гончаровым Романом Петровичем на 8 листах проставлены одной печатью, а в товарной накладной № 66 от 20.06.2019 г. грузополучатель ИП Кондратьев Роман Геннадьевич поставщик ИП Гончаров Роман Петрович на 1-м листе проставлены другой печатью. Подписи от имени Гончарова Р.П. во всех спорных документах, а также документах, представленных в качестве свободных образцов, за исключением Дилерского договора о реализации товара № Д-6/19 от 09 января 2019 г. с приложением № 1, заключенного между ООО «Обувная фабрика Ромер» и ИП Гончаровым Романом Петровичем на 8 листах, являются поддельными. Подделка подписей

от имени Гончарова Р.П. произведена тремя разными лицами.

При поступлении на исследование многообъектных экспертиз, когда возникает необходимость установить выполнены ли предоставленные объекты одним или несколькими лицом/ами и в каких условиях (в какой ситуации), первым этапом исследования является анализ исходных данных, на котором устанавливается пригодность к исследованию поступившего материала.

Наиболее трудными для принятия решения являются диагностические задачи, когда вопрос ставится о способе выполнения исследуемых объектов, например, выполнены ли исследуемые записи рукописным или техническим способом. В настоящее время такая задача разрешима.

В том случае, когда вопрос ставится в отношении идентификации исполнителя исследуемых документов по их копиям, например, выполнены ли исследуемые объекты (их электрофотографическое отображение) Ивановым И.И., то эта задача наиболее трудная для получения ответа в какой-либо определенной форме (категорической, вероятной). Для проведения экспертного исследования копии документов ограничено пригодны по следующим причинам:

1) невозможно утверждать, что в действительности имелись подлинники исследуемых объектов;

2) невозможно установить рукописным или техническим способом выполнены ли исследуемые объекты.

Надо отметить, что, несмотря на вышеуказанные причины, в существующей практике специалист довольно часто приходит к вероятным выводам по копиям документов.

Формулировка вывода в вероятной форме или в форме отказа от ответа на поставленный вопрос в основном обусловлена следующими причинами:

— невозможно в необходимом объеме исследовать морфологию штрихов в записях/подписях;

— невозможно восстановить последовательность выполнения штрихов, составляющих запись/подпись;

— невозможно установить нажимные характеристики движений при выполнении записей/подписей.

На практике все эти причины встречаются в почерковедческих объектах, обладающих характеристиками, перечисленными ниже:

1) недостаточным объемом графической информации, необходимой для проведения исследования, содержащейся в исследуемых объектах (с малым буквенным/цифровым составом, малоинформативными исследуемыми объектами, например, подписями и т.п. (см. иллюстрацию 4);

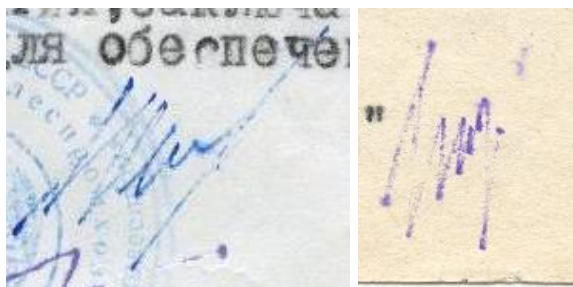
Иллюстрация 4 — изображение малоинформативной подписи

2) неблагоприятными условиями выполнения исследуемых объектов (когда объекты исследования искажены, вследствие их выполнения необычными орудиями письма, на необычной поверхности для письма, например, записи, выполненные на стене (см. иллюстрацию 5);

Иллюстрация 5 — изображение записей, выполненных на стене

3) низким качеством исследуемых объектов (когда представлены копии документов и др., см. иллюстрации 6, 7);

Иллюстрации 6, 7 — изображения слабовидимых подписей

4) ограниченным числом образцов почерка/подписи, включая как количество материалов, так и качество (малообъемные и малоинформативные образцы почерка/подписи, см. иллюстрацию 8);

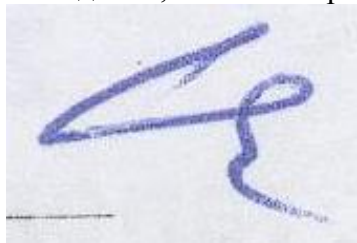
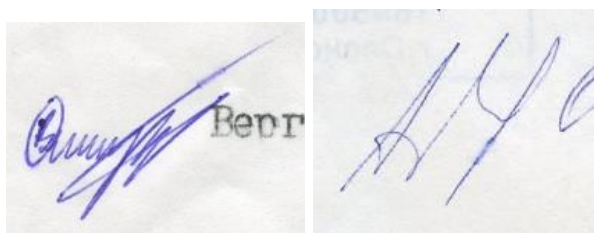

Иллюстрация 8 — изображение малообъемной подписи

Иллюстрации 9, 10 — изображение несопоставимых подписей

Если первые три перечисленные характеристики устранить не всегда представляется возможным в силу объективных обстоятельств (исследуемые объекты нельзя заменить, поскольку они имеют доказательственное значение), то две последние обычно можно исключить, поскольку подготовка сравнительного материала для проведения исследования в значительной степени зависит от лица, назначившего экспертизу.

Таким образом, следует стремиться к максимально тщательному подбору сравнительных образцов почерка/подписи. От качества образцов, полноты передачи ими информации о сравниваемых почерковедческих признаках во многом зависят как результаты исследования, так и уровень

аргументации выводов, что имеет важное значение на этапе проверки и оценки доказательств.

При подборе сравнительных образцов необходимо учитывать их сопоставимость с исследуемыми объектами по следующим характеристикам:

1) по составу: образцы почерка по возможности должны содержать все письменные знаки (буквенные, цифровые, буквенно-цифровые), а при сравнении подписей — все элементы транскрипции (буквенной, штриховой, буквенно-штриховой) исследуемого объекта;

2) по нормам письма в соответствии с прописью, на основе которой выполнялись исследуемые объекты;

3) по характеру выполнения (тщательно, небрежно, с подражанием печатному шрифту, стилизованному почерком, непривычной рукой и т.п.);

4) по способу выполнения (орудие письма, сорт бумаги и т.п.).

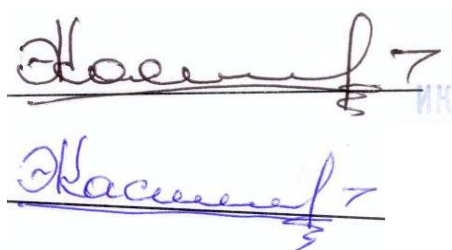
5) несопоставимость исследуемых объектов и образцов почерка, подписей (см. иллюстрации 9, 10).

Вначале на основе определения вариационности проверяется однородность исследуемых объектов. Эксперт группирует поступившие записи, подписи в зависимости от однородности и сходства движений. Так, при поступлении многообъектных экспертиз или большом количестве образцов почерка/подписей надо решить выполнены ли подписи/почерк одним или разными лицами. Так, все представленные записи/подписи могут образовывать как одну сходную по структурно-геометрическим характеристикам группу, например, подписи, расположенные в экспериментальных образцах (см. иллюстрации 11—13), так и несколько групп, например: две группы образцов подписей ЭЖ (см. иллюстрации 14—17).

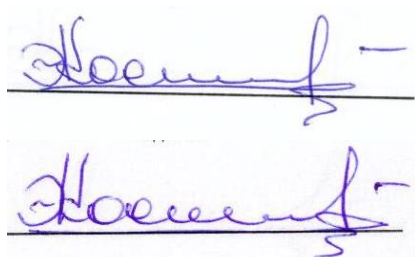
Определение вариационности исследуемых почерков/подписей необходимо при подборе наиболее сопоставимых образцов, поскольку несет в себе значимую информацию и может быть использовано в качестве общего идентификационного признака.

Иллюстрации 11—13 — изображение подписей от имени А.

Иллюстрации 14, 15 — изображение подписей от имени ЭК от января 2004

Иллюстрации 16, 17 — изображение подписей от имени ЭК от апреля 2004

Подобным образом осуществляется анализ предварительно отобранного сравнительного материала. По экспериментальным образцам можно выявить вариационность общих и частных признаков (этой особенностью подчеркнем важность этого вида образцов почерка/подписи), что позволит выбрать наиболее сопоставимые образцы почерка/подписей по каждой группе исследуемых объектов. При отсутствии однородности исследуемых объектов и образцов почерка/подписей подбор образцов проводится по сопоставимым участкам. Причем, привилегированное место отдается образцам почерка/подписей, содержащим большие по объему сопоставимые участки. Идеальная ситуация скла-

дывается тогда, когда эксперт может подобрать каждому звену в исследуемых объектах, не менее 3—5 образцов почерка/подписи. Меньшее число образцов почерка/подписи затрудняет объективную оценку вариационности количественных параметров.

Сравнение вариационности в исследуемых объектах и образцах почерка/подписи в многообъектной экспертизе способствует, помимо подбора сравнительного материала, положительному или отрицательному решению идентификационной задачи. Это можно проследить в том случае, когда по вариационности исследуемые объекты и образцы почерка/подписи составляют ярко выраженные однородные группы (разнородные группы).

Далее приведем характеристики свободных и экспериментальных образцов почерка/подписи, поскольку в большинстве случаев экспертной практики от их подбора в большой степени зависит категоричность выводов.

Свободные образцы почерка, подписей должны быть представлены не менее чем в 5—10 документах. Важно, чтобы они были сопоставимы с исследуемыми объектами по времени выполнения. При серьезных патологиях, травмах разрыв во времени исполнения исследуемых объектов и образцов почерка/подписи (временной период) не должен превышать нескольких месяцев, квартала. Временной период в школьном, пожилом/старческом возрасте не должен превышать полугод, а в среднем возрасте - двух-трех лет.

Следующая категория образцов - это экспериментальные образцы. Поскольку они не защищены от намеренного изменения, то их следует отбирать с соблюдением специальных требований, перечисленных ниже:

- отбор образцов почерка, подписи по возможности производится несколько раз с разрывом во времени от нескольких часов до нескольких дней;

- после заполнения очередного листа с образцами почерка/подписи он удаляется из поля зрения пишущего;

- образцы почерка, подписей удостоверяются исполнителем с полной расшиф-

ровкой фамилии, имени, отчества для увеличения объема сравнительного материала;

— образцы почерка, подписей заверяются лицом, осуществляющим отбор, с указанием условий их выполнения.

Отметим отдельные случаи, когда к отбору экспериментальных образцов почерка, подписи предъявляются специальные требования.

1. При наличии сведений об изменении почерка, подписи предполагаемым исполнителем часть сравнительных образцов почерка, подписи можно отбирать на листах под копировальную бумагу с пишущим прибором без красящего вещества, чтобы избежать влияния зрительного контроля за письмом.

2. При выполнении исследуемого объекта с подражанием печатному, чертежному либо другому специальному шрифту при выполнении сравнительных образцов из поля зрения пишущего удаляют все печатные тексты (плакаты, газеты и т.п.), чтобы исключить возможность срисовывания.

3. При наличии сведений о возможности выполнения исследуемых объектов в каких-то необычных условиях (неудобная поза, жесткая подложка, движущийся транспорт и т.п.), желательно отбирать сравнительные образцы почерка, подписи в аналогичных условиях.

4. При наличии пространственных ограничений в выполнении исследуемых объектов, расположенных в специальных графах, строках, колонках необходимо воспроизвести эти условия при отборе сравнительных образцов (расположить записи/подписи в колонках, строках, специальных графах).

Кроме того, обязательно отбирается один лист с образцами почерка/подписи предполагаемого исполнителя, выполненный непривычной для него рукой, чтобы удостовериться, что он не владеет в совершенстве письмом обеими руками.

Экспериментальных образцов почерка должно быть не менее 6 листов (по 2 ли-

ста, выполненных в разном темпе: медленном, среднем/привычном, быстром).

Невыполнение указанных требований может привести к отсутствию результата экспертного исследования.

Экспертная практика показывает, что при надлежащем подборе образцов в категорической форме решаются не только идентификационные, но и диагностические задачи, наиболее сложные для выводов в определенной форме.

При этом следует учитывать, что возможна фальсификация экспериментальных образцов подписи, при условии отсутствия свободных образцов. Вопросами фальсификации записей или автоподлогом подписей занимались такие криминалисты как Л.Е. Ароцкер¹, Л.Ф. Солнцева², Н.В. Дутова, В.Ф. Орлова, Л.Е. Ли³.

Так, по гражданскому делу № 2-771/2021, находящемуся в производстве Останкинского районного суда г. Москвы, на экспертизу были представлены только экспериментальные образцы почерка и подписи Т.П.Г. При исследовании этих образцов эксперт обратил внимание на их неестественную вариативность, особенно заключительных частей, которые обычно выполняются наиболее стабильно (см. иллюстрации 18—19).

¹ Ароцкер Л.Е. Признаки автоподлога подписей // Практика криминалистической экспертизы : сб. 1—2. М.: Госюриздат, 1961. С. 90—92.

² Солнцева Л.Ф. Исследование подписей, исполненных с целью последующего от них отказа // Практика криминалистической экспертизы : сб. 1—2. М.: Госюриздат, 1961. С. 92—96.

³ Дутова Н.В., Орлова В.Ф., Ли Л.Е. Дифференциация подлинных подписей и подписей, выполненных с подражанием после предварительной тренировки. М.: ВНИИСЭ, 1984.

Иллюстрации 18, 19 — изображение экспериментальных образцов подписей Т.П.Г.

Эксперт провел исследование материалов дела, в ходе которого обнаружил копию паспорта Т.П.Г. с его подписью, отличавшейся от экспериментальных образцов, но совпадающей с подписями от его имени в спорных документах (см. иллюстрацию 20).

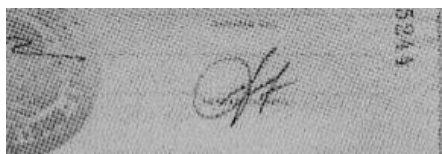
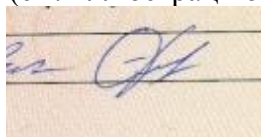

Иллюстрация 20 — изображение подписи Т.П.Г. во фрагменте документа

В дальнейшем были найдены еще несколько документов, содержащих свободные образцы подписи Т.П.Г., совпадавшие по графике с его подписью в паспорте, нотариальной доверенности на имя К.Н.А. 23.11.2016 г., договоре займа между Т.П.Г и Т.И.К. от 10.08.2018 г. (см. иллюстрации 21, 22), облатке на обороте последнего листа договора поручительства от 20.04 2017 г. (см. иллюстрацию 23).

Иллюстрации 21, 22 — изображение подписей Т.П.Г. во фрагментах документах

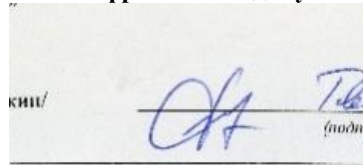

Иллюстрация 23 — изображение подписи Т.П.Г. во фрагменте документа

Таким образом, были установлены признаки автоподлога (намеренного искажения исполнителем собственной подписи) в находящихся в материалах дел экспериментальных образцах подписи Т.П.Г.

В заключение необходимо отметить, что выполнение требований по подбору сравнительного материала для проведения почерковедческих исследований существенно влияет на результаты экспертного исследования, а именно:

- сокращает сроки производства почерковедческого исследования;
- увеличивает доказательность заключения в связи с полной и развернутой характеристикой признаков почерка/подписей;
- экспертная оценка в большинстве случаев приобретает категорический характер.

Способствовать этому может эффективное взаимодействие экспертных организаций, судов, органов дознания и предварительного следствия при подготовке материалов для проведения почерковедческих исследований.

При необходимости использования специальных познаний при подготовке материалов для проведения почерковедческого исследования должен привлекаться специалист, который не только сможет корректно сформулировать вопросы, но и подготовить специальные таблицы по сбору образцов почерка и подписей.

В связи с этим для улучшения работы всех заинтересованных сторон по проведению почерковедческих исследований в экспертных учреждениях разрабатываются методические пособия и рекомендации для судов, следственных органов и органов дознания.

Повысить результативность работы экспертных организаций, правоохранительных органов возможно с помощью организации их активного взаимодействия.

Библиография

1. Аверьянова, Т.В. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. — 2-е издание, перераб. и доп. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. — М.: Изд. НОРМА, 2003.
2. Ароцкер, Л.Е. Признаки автоподлога подписей / Л.Е. Ароцкер // Практика криминалистической экспертизы : сб. 1—2. — М.: Госюриздат, 1961. — С. 90—92.
3. Дутова, Н.В. Дифференциация подлинных подписей и подписей, выполненных с подражанием после предварительной тренировки. / Н.В. Дутова, В.Ф. Орлова, Л.Е. Ли. — М. : ВНИИСЭ, 1984. — 325 с.
4. Орлова, В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика / В.Ф. Орлова ; Гос. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы при Минюсте России. — 2-е издание. — М.: Наука, 2006.
5. Солнцева Л.Ф. Исследование подписей, исполненных с целью последующего от них отказа / Л.Ф. Солнцева // Практика криминалистической экспертизы : сб. 1—2. — М.: Госюриздат, 1961. — С. 92—96.

Криминалистическая характеристика преступлений против избирательных прав граждан

© **Роганов Сергей Александрович**,
доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, профессор ПетрГУ
© **Берников Герман Олегович**,
магистрант ПетрГУ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с одним из элементов частной методики расследования преступлений — криминалистической характеристикой преступлений против избирательных прав граждан. Представлен краткий анализ структурных элементов криминалистической характеристики вышеназванной категории преступлений и показаны корреляционные связи между ними.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, избирательные права, избирательный бюллетень, методика расследования преступлений, электоральные преступления.

Forensic characteristics of crimes against voting rights of citizens

© **Roganov S.A.**,
Doctor of Law, Professor, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, Professor of PetrSU
© **Bernikov G.O.**,
Master's student of PetrSU

Annotation. The article deals with issues related to one of the elements of a private methodology for investigating crimes — the forensic characterization of crimes against the electoral rights of citizens. A brief analysis of the structural elements of the forensic characteristics of the above category of crimes is presented and correlations between them are shown.

Key words: forensic characteristics, voting rights, ballot, methods of crime investigation, electoral crimes.

В современной России нередко встречаются всевозможные нарушения избирательных прав, включая случаи фальсификации и подделок подписей за кандидатов. В условиях реформирования избирательного законодательства, а именно, увеличение сроков голосования на некоторых выборах фактически до трех дней, у правонарушителей появляется больше возможностей для создания препятствий, затрудняющих волеизъявление граждан. Можно спрогнозировать факт увеличения количества совершенных преступлений вышеназванной категории и, как результат, необходимость в разработке теоретически обоснованной криминалистической характеристики данного вида преступлений с

целью последующей выработки методики расследования и профилактики подобных криминальных действий.

Необходимо подчеркнуть, что исследователи уделяют крайне мало внимания разработке комплексной методики расследования преступлений против избирательных прав граждан, базовым элементом которой выступает криминалистическая характеристика. Между тем рассматриваемая нами криминалистическая категория призвана не только усилить эффективность раскрытия и расследования преступлений, но и обеспечить практических работников современными методическими рекомендациями, направленными на профилактику преступлений данного вида.

В настоящее время учеными ведется дискуссия относительно практической применимости первого элемента — криминалистической характеристики электоральных преступлений. Так, одни исследователи заявляют, что эта категория выступает важным элементом криминалистики, позволяющим обеспечить эффективность расследования преступного события¹. Здесь следует подчеркнуть, что в науке не существует однозначного определения анализируемого термина. Например, С.Л. Денисов, проанализировав предложенные дефиниции, пришел к выводу, что они делятся на три ключевые категории²:

— во-первых, криминалистическая характеристика определяется как научно разработанная система типичных признаков конкретного вида преступления, позволяющая выяснить механизм следообразования, а также уяснить первоочередные следственные задачи;

— во-вторых, криминалистическая характеристика выступает в качестве системы сведений о типичных элементах ситуации совершения преступлений определенных категорий, криминалистически связанных между собой элементов и проявляющихся в особенностях механизма следообразования;

— в-третьих, криминалистическая характеристика является ничем иным как системой сведений о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида, отражающей закономерные связи между ними и служащей построению и проверке следственных версий для решения задач расследования.

Другие ученые придерживаются иной точки зрения. Например, С.Г. Павликов полагает, что криминалистическая характеристика является научной абстракцией, основанной на анализе следственной, экспертной, оперативно-розыскной и судеб-

ной практики³. Однако, как справедливо, на наш взгляд, замечает А.Ю. Головин, необходимо разрабатывать элементы криминалистической характеристики системно, а также теоретически и практически обоснованно⁴. Поэтому в рамках этой статьи мы подробно остановимся на изучении и детализации этого элемента методики расследования электоральных преступлений.

Для начала остановимся на её структуре. Так, известный криминалист Р.С. Белкин называл следующие элементы криминалистической характеристики⁵:

1) характеристика типичной исходной информации;

2) система данных о типичных способах совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичных последствиях их применения;

3) личность вероятного преступника и вероятные мотивы и цели преступления;

4) личность вероятной жертвы преступления и данные о типичном предмете посягательства;

5) данные о некоторых типичных обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка);

6) данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению конкретного вида, рода преступлений.

На основании предложенной системы и анализе статистических данных можно выделить элементы криминалистической характеристики преступлений, которые, на наш взгляд, актуальны в текущий период времени и удачно отражают совокупность взаимосвязанных криминалистически значимых данных.

¹ Прохоров М.С. Криминалистическая характеристика преступлений // Известия Российского государственного университета. 2008. № 3. С. 354.

² Денисов С.Л. Понятие «криминалистическая характеристика преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 68.

³ Павликов С.Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений // Учёные труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 5. С. 117.

⁴ Головин А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия ТулГУ. 2012. № 1. С. 45.

⁵ Грибунов О.П. Научное наследие Р.С. Белкина и его влияние на становление и развитие криминалистической науки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85). С. 104—107.

Мы предлагаем рассматривать следующие составные части криминалистической характеристики преступлений против избирательных прав граждан:

— особенности возбуждения уголовного дела;

— способ совершения и сокрытия преступления;

— личность вероятного преступника, его мотивы и цели;

— место, время и обстановка совершения преступного деяния.

Рассмотрим каждый из этих элементов.

Процесс возбуждения уголовного дела, совершенного в рамках подготовки и проведения выборов.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» определяется обязанность прокурора в обеспечении качественного и эффективного надзора за исполнением законов органами предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности, а также исполнении надлежащего надзора за законностью решения о возбуждении уголовного дела¹. Внимание акцентируется на соблюдении следственными органами особого порядка привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, предусмотренного ст. 448 УПК РФ.

В рамках изучаемой темы стоит обратить внимание на п. 11, 12, 13, 14 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, определяющие особый порядок возбуждения уголовного дела, в частности, положение о том, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица, либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается разными должностными лицами. Ру-

ководителем следственного органа СК России по субъекту Российской Федерации решение о возбуждении уголовного дела принимается в отношении депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления; члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса; зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. В свою очередь Председателем СК России решение о возбуждении уголовного дела принимается в отношении члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта Российской Федерации; зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы. Таким образом, устанавливается строгий надзор за законностью возбуждения уголовного дела в электоральной, сфере как со стороны руководства СК России, так и с позиции Прокуратуры Российской Федерации.

Следует отметить, что предустановленный контроль над возбуждением уголовного дела полностью обоснован в связи с двумя факторами. Во-первых, возникают трудности с квалификацией внутри УК РФ, поскольку существует пять статей, касающиеся электоральных преступлений; во-вторых, существует возможность декриминализации деяний, предусмотренных в КоАП РФ. Поэтому необходимо правильно квалифицировать преступное деяние, предусмотренное ст. 141, 141.1, 142, 142.1, 142.2 УК РФ для соблюдения принципа законности, а также определения справедливого наказания.

Способ совершения и сокрытия преступления.

Отметим, что до сих пор не существует конвенциональной дефиниции этой категории. На наш взгляд, наиболее ёмкое определение «способа преступления» было выработано А.А. Бессоновым. Исследователь, проанализировав разработки Г.Г. Зуйкова и Р.С. Белкина в этой области, предложил под способом совершения пре-

¹ Приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

ступления понимать систему умышленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, охватываемую единым преступным замыслом, детерминированную психофизическими качествами личности преступника (его соучастника) и избирательным использованием им (ими) соответствующих условий, места, времени, а также учетом возможных действий (бездействий) со стороны потерпевшего, иных лиц¹.

Опираясь на опыт работы в Единый день голосования 2021 г. в качестве члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса и существующую следственно-судебную практику, мы предлагаем выделять несколько типичных способов совершения преступных деяний в электоральной сфере.

Во-первых, существует возможность незаконной выдачи и получения избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, бюллетеня для общероссийского голосования в том случае, когда избиратель голосует по открепительному удостоверению.

Механизм получения открепительного удостоверения регламентируется Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а именно ст. 62 «Открепительное удостоверение». В соответствии с законом участник референдума, который в день голосования не сможет прибыть в помещение для голосования того избирательного участка или участка референдума, где он включен в список избирателей, участников референдума, вправе в установленные законом сроки получить в определяемой законом комиссии открепительное удостоверение и принять участие в голосовании (в пределах избирательного округа, округа референдума, где избиратель, участник референдума обладает активным избирательным правом, правом на участие в референдуме) на том избирательном участке,

участке референдума, на котором он будет находиться в день голосования.

Иными словами, избиратель может обратиться в избирательную комиссию региона, где он официально прописан, для получения открепительного удостоверения. При обращении избиратель выбирает ту участковую избирательную комиссию, с которой он сможет отдать свой голос непосредственно в период голосования, после чего ему выдают удостоверение со всеми необходимыми данными.

На выборах в Единый день голосования 2021 г. в Республике Карелия избиратель имел возможность отдать голос за три органа законодательной власти, так как избирались депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, депутаты Законодательного Собрания Республики Карелия седьмого созыва и депутаты Петрозаводского городского Совета двадцать девятого созыва. Таким образом, член участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса в дни голосования выдавал местному избирателю без открепительного удостоверения шесть избирательных бюллетеней, из которых два предназначались для голосования за депутатов Государственной Думы (один по единому избирательному округу, а второй по одномандатному избирательному округу), два выдавались для голосования за депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия и ещё два – для голосования за депутатов Петрозаводского городского совета.

Однако для избирателя, который имел открепительное удостоверение и приехал из другого населенного пункта Республики Карелии, например, из Костомукши, член участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса имел право выдавать только три избирательных бюллетеня: два для голосования за депутатов Государственной Думы по единому и одномандатному избирательному округу и один для голосования за депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия по единому избирательному округу.

Очевидно, что выполнение обязанностей члена участковой избирательной ко-

¹ Бессонов А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 172.

миссии в подобной ситуации становится куда затруднительнее. При непрерывном потоке избирателей и множестве вопросов от общественных наблюдателей, пристально следящих за всеми действиями на участке, член участковой избирательной комиссии может выдать не три, а два избирательных бюллетеня, забывая, например, про бюллетень для голосования за депутатов Государственной Думы одномандатному избирательному округу. Важно отметить, что членами участковых избирательных комиссий каждый час ведется подсчет избирательных бюллетеней для получения своевременной информации о наличии бюллетеней и пресечения ошибок в их выдаче. Потерянный или неверно выданный избирательный бюллетень в любом случае найдется, так как при окончательном подсчете голосов учитывается количество избирательных бюллетеней до открытия участковой избирательной комиссии и количество бюллетеней, выданных за все дни голосования с отдельными временными промежутками.

В таких гипотетических условиях, для того, чтобы не допустить выявления факта незаконной выдачи избирательного бюллетеня и скрыть преступление, член участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса может уравнивать количество недостающих бюллетеней путем незаконной выдачи избирательного бюллетеня другим избирателям. В такой ситуации член участковой избирательной комиссии выдает избирательный бюллетень для голосования за депутатов Государственной Думы как по единому, так и по одномандатному избирательному округу (хотя должен выдать только первый) уже другому избирателю с открепительным удостоверением из другого региона, например, из Мурманской области.

Во-вторых, исходя из анализа следственно-судебной практики, выделим ряд других способов совершения и сокрытия преступлений, которые наиболее часто совершаются в процессе подготовки и проведения голосования на избирательных участках.

В качестве способа совершения преступления против избирательных прав

граждан может выступать создание искусственной очереди на избирательном участке с целью недопущения голосования избирателей за кандидата. Приведем конкретный пример. Согласно приговору Петрозаводского городского суда по уголовному делу № 1-18/2018 «Карасова Г.Е., Васильева Н.М., ФИО27, ФИО8, ФИО7, ФИО5, ФИО9, ФИО6 и иные неустановленные лица вступили между собой в предварительный сговор на воспрепятствование свободному осуществлению гражданами своих избирательных прав путем создания искусственной очереди на избирательном участке, с целью недопущения голосования избирателей за иных кандидатов в депутаты, нежели представляемых ими ФИО4 и ФИО3»¹.

Ещё одна возможность совершения электорального преступления усматривается во включении в конечный протокол подсчета бюллетеней участковой избирательной комиссией испорченных, либо неиспользованных бюллетеней в качестве учтенных с выбором «нужного» кандидата или партии с целью их победы на выборах или искусственного увеличения явки избирателей. Например, согласно приговору «Плотников С.Ю., в период времени с 20 часов 00 минут 13.09.2015 года по 05 часов 40 минут 14.09.2015 года, находясь в помещении избирательной участковой комиссии №..., выявляя бюллетени, в которых были проставлены две отметки о голосовании, в том числе одна из которых за кандидата ФИО1, подлежащие учету, как испорченные, с целью обеспечения включения указанных бюллетеней в протокол участковой избирательной комиссии об итогах голосования, как проголосовавших за кандидата ФИО1, прикрывая пальцем руки вторую отметку о голосовании за другого кандидата, оставляя в поле видимости отметку о голосовании за кандидата ФИО1, предъявлял указанные бюллетени членам участковой избирательной комиссии и другим лицам, объявляя им заведомо

¹ Приговор Петрозаводского городского суда г. Петрозаводска от 22.06.2018 по делу № 1-18/2018 // ГАС РФ «Правосудие». 2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 06.05.2022).

ложную информацию об отданном избирателем голосе за кандидата ФИО1»¹.

Третьим способом совершения электорального преступления выступает подделка подписей избирателей в списке избирателей и проставление от их имени отметок (знаков) в избирательных бюллетенях. Например, согласно приговору Ленинского районного суда г. Астрахань от 28.10.2016 по делу № 1-564/2016 члены участковой избирательной комиссии внесли недостоверные сведения в список избирателей, при этом, используя шариковую ручку, собственноручно проставили две подписи с подражанием подписи ФИО54, свидетельствующие о получении ими двух избирательных бюллетеней².

Таким образом, способы совершения и сокрытия электоральных преступлений крайне разнообразны и неодноплановы в том смысле, что зависят от действий самого преступника, его опыта работы в период выборов, уровня контроля со стороны вышестоящих органов, а также обстоятельств, сопутствующих совершению преступления.

Личность вероятного преступника, мотивы и цели преступления.

Во многих случаях, исходя из анализа следственно-судебной практики, преступниками являются должностные лица, члены избирательных комиссий (ст. 141, 141.1, 142, 142.1 УК РФ), сотрудники органов исполнительной власти, члены избирательных штабов и иные лица, которые осознанно желают обеспечить победу определенной партии или кандидата.

Анализируемые преступления в большинстве случаев совершаются группой лиц. Однако стоит отметить и то, что вопреки организованной структуре преступлений, и исполнители, и организаторы до момента возбуждения уголовного дела не привлекались к уголовной и администра-

тивной ответственности. Более того, соучастники преступлений положительно характеризуются по месту работы и жительства, не состоят на учете у врача-психиатра и врача-нарколога, а также занимают ответственные должности на основной работе, либо в избирательных комиссиях и штабах разных уровней.

В качестве мотива совершения преступления против избирательных прав граждан чаще всего выступает корысть, а именно желание получить материальную выгоду при достижении «нужных» результатов на выборах, либо иная личная заинтересованность. В качестве выгоды выступает либо материальная польза, выраженная в денежном эквиваленте, либо услуги или последующий патронаж со стороны выигравшего кандидата или партии в отношении совершившего электоральное преступление.

Итак, можно говорить о том, что преступления против избирательных прав граждан совершаются группой лиц из корыстных мотивов и с прямым умыслом, при котором лица осознают общественную опасность своих действий и предвидят возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий.

Место, время и обстановка совершения преступного деяния.

Обратимся к анализу ст. 141, 142 и 142.1 УК РФ, в которых указаны места возможного совершения преступления.

Преступления, предусмотренные ст. 142 и 142.1 УК РФ, совершаются в помещениях предвыборных штабов кандидатов, а также в избирательных комиссиях всех уровней. Более того, существует возможность совершить незаконный «вброс» за пределами избирательных комиссий в процессе осуществления голосования вне избирательных участков с использованием специальных передвижных урн для голосования.

Достаточно большое количество преступлений против избирательных прав граждан совершается в сельской местности, о чём свидетельствует анализ судебной практики.

На это повлиял ряд факторов, в числе которых: отдаленность территории от ад-

¹ Приговор Новосибирского районного суда г. Новосибирска от 30.06.2017 по делу № 1-30/2017 // ГАС РФ «Правосудие». 2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 10.04.2022).

² Приговор Ленинского районного суда г. Астрахань от 28.10.2016 по делу № 1-564/2016 // ГАС РФ «Правосудие». 2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 06.05.2022).

министративного центра, влекущая за собой снижение контроля и наблюдения за избирательной комиссией; личное знакомство граждан, влияющее на их взаимоотношение в пределах избирательного участка; правовой нигилизм граждан, выраженный в незнании избирательного законодательства.

Временной период совершения преступления зависит от того, когда Центральная избирательная комиссия назначит дни выборов и соответственно период до дней голосования. Однако наиболее часто электоральные преступления совершаются в период с 20:00 по 05:00 в последний день голосования, в связи с тем, что в указанный промежуток времени членами участковых избирательных комиссий составляется итоговый протокол голосования на участке, который может фальсифицироваться. В этой связи необходимо добавить, что возможность трехдневного голосования, впервые введенная Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», расширяет временные границы и возможности для совершения электорального преступления. Это связано, прежде всего, с увеличением нагрузки на участковую избирательную комиссию в период голосования.

Таким образом, рассмотренные элементы криминалистической характеристики преступлений против избирательных прав граждан имеют большое значение при расследовании уголовных дел и могут служить опорой для органов предварительного следствия при определении ими алгоритма тактических и процессуальных действий.

Библиография

1. Бессонов, А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики / А.А. Бессонов // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — №4. — С. 171—173.
2. Головин, А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики / А.Ю. Головин // Известия ТулГУ. — 2012. — № 1. — С. 43—45.
3. Грибунов, О.П. Научное наследие Р.С. Белкина и его влияние на становление и развитие криминалистической науки / О.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 2 (85). — С. 103—109.
4. Денисов, С.Л. Понятие «криминалистическая характеристика преступления» / С.Л. Денисов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 5. — С. 67—69.
5. Павликов, С.Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений / С.Г. Павликов // Учёные труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. — 2012. — № 5. — С. 116—119.
6. Прохоров, М.С. Криминалистическая характеристика преступлений / М.С. Прохоров // Известия Российского государственного университета. — 2008. — № 3. — С. 353—355.

Понятие предмета доказывания и его пределы

© Суденко Владимир Егорович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта, почётный работник сферы образования Российской Федерации

Аннотация. Рассматриваются вопросы, относящиеся к понятию и содержанию предмета доказывания, его сущность и пределы. Критически определяются законодательные понятия доказывания по уголовному делу и его содержание. Раскрываются цели доказывания в авторской редакции, поскольку в уголовно-процессуальном законе об этом даже нет упоминания. Показано содержание теории доказательства, включающей доказывание в виде элемента как средства процесса доказывания. Определяется деятельность органов дознания, экспертных учреждений, следствия и суда как комплекс их деятельности по установлению истины по преступлению. Отмечается, что преступление к моменту его расследования уже произошло в прошлом, а составляющие его данные не могут быть непосредственно восприняты судом, следователем, дознавателем. Однако названным субъектам расследования и суду доказательства и доказывание доступны для непосредственному восприятию.

Ключевые слова: доказывание; предмет доказывания; дознаватель; следователь; суд; пределы доказывания.

The concept of the subject of proof and its limits

© Sudenko V.E.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology" of the Institute of Law of the Russian University of Transport, Honorary Worker of Education of the Russian Federation

Annotation. Issues related to the concept and content of the subject of proof, its essence and limits are considered. The legislative concepts of proof in a criminal case and its content are critically determined. The purpose of proof in the author's wording is revealed, since there is not even a mention of this in the criminal procedure law. The content of the proof theory is shown, including proof in the form of an element as a means of the proof process. The activities of the bodies of inquiry, expert institutions, investigation and court are determined as a complex of their activities to establish the truth of the crime. It is noted that the crime had already happened in the past by the time of its investigation, and its constituent data cannot be directly perceived by the court, the investigator, the interrogating officer. However, to the named subjects of the investigation and the court, evidence and proof are available for direct perception.

Key words: proof; the subject of proof; interrogator; investigator; court; limits of proof.

В теории отечественного уголовно-процессуального права и в УПК РФ в качестве предмета доказывания рассматривается вся совокупность доказательств по расследуемому уголовному делу, перечень которых приведён в ст. 73 УПК РФ, являясь обязательным для достижения положительного результата предварительного

следствия и судебного рассмотрения, прежде всего для установления истины по делу.

Большинство учёных в области уголовно-процессуального права, к мнению которых присоединяется и автор данной работы, полагают и справедливо отстаивают положение, по которому приведён-

ный в УПК РФ перечень подлежащих доказыванию обстоятельств — далеко не исчерпывающий, он открыт для признания необходимости доказывания и других обстоятельств, не включённых в указанный в уголовно-процессуальном законе список, что необходимо и для правильной уголовно-правовой квалификации содеянного. На это указывал профессор Л.Е. Владимиров в начале двадцатого века, который в 1910 г. отмечал: «Вопрос о том, какие предметы составляют *guid probandum* (то, что подлежит доказыванию) в отдельном случае, разрешается так или иначе, смотря по тому, что требуется уголовным законом для состава данного преступления, какие обстоятельства принимаются во внимание при индивидуализировании виновности подсудимого. Таким образом, *guid probandum* есть вопрос того или другого отдельного уголовного дела, определяемого так или иначе в кодексе. Точное определение *guid probandum* совершается, следовательно, на основании материального уголовного права; судопроизводство, как способ исследования, исполняет программу, начертанную уголовным законом»¹.

Определяемый ст. 73 УПК РФ предмет преступления характерен почти для всех уголовных дел. Однако при расследования отдельных уголовных дел со специфическими признаками субъектов расследуемых преступлений выявляются специфические особенности предмета доказывания, продиктованные таким элементом состава этих преступлений, как субъект преступления. В подтверждение сказанного приведём требования ст. 421 УПК РФ о доказывании дополнительных обстоятельств по совершённым несовершеннолетними преступлениям. Это же относится и делам по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. 434 УПК РФ).

Отметим специфические особенности предмета доказывания при рассмотрении в суде уголовных дел с участием присяжных

заседателей (ст. 339 УПК РФ). Перед последними на разрешение выносятся узкий круг вопросов, в том числе:

- доказано ли, что деяние имело место;
- доказано ли, что это деяние совершил подсудимый;
- виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

Однако, в соответствии со ст. 347 УПК РФ присяжные заседатели не участвуют в разрешении других вопросов.

Предмет доказывания, установленный при возбуждении уголовного дела, не является застывшим, неизменным по содержанию, он вполне может подвергаться изменениям и дополнениям. В процессе расследования, когда появляются и исследуются вновь полученные те или иные обстоятельства, когда обнаружены совсем другие доказательства, вполне возможно качественное и количественное изменение предмета доказывания. При этом ранее не известные обстоятельства могут быть обнаружены в ходе предварительного расследования или даже на стадии судебного разбирательства. Подобное возможно и при разбирательстве в суде второй инстанции.

В то же самое время имеются и иные суждения относительно того, что предмет доказывания — это постоянное или же изменчивое явление. К примеру, Н.П. Кузнецов полагает, что «предмет доказывания является одним и тем же в тех стадиях процесса, где осуществляется такое производство»². С этим мнением уважаемого Н.П. Кузнецова вряд ли можно бесспорно согласиться, поскольку даже после вынесения приговора и вступления его в силу рассмотрение уголовного дела возможно в надзорной инстанции, когда могут быть открыты новые обстоятельства, исследование которых вполне может изменить предмет доказывания.

Отметим, что несмотря на наличие в ст. 73 УПК РФ общих требований к предмету доказывания и содержанию доказывания, его (доказывания) конкретное со-

¹ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 144. Цит. по: Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Часть 1. М.: Юрайт. 2017. С. 43.

² Кузнецов Н.П. Доказательства и доказывание // Уголовный процесс России. Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 114.

держание вполне может измениться в процессе производства по расследованию уголовного дела.

Для успешного расследования уголовного дела по конкретному преступлению требуется доказывание, первое, самого деяния, то есть имело ли место данное событие; второе, относится ли данное деяние (действия или бездействие) к общественно опасным; наконец, третье, запрещено ли это деяние уголовным законом. Само событие может быть подтверждено доказыванием обстоятельств, сопровождающих данное преступление, а именно, в чём заключается конкретная направленность преступного посягательства, совершено оно в виде действий или бездействия, а по материальным составам — имелись ли преступные последствия от данного деяния. Установление названных обстоятельств помогает определить объект и объективную сторону состава данного преступления. Но если событие не было установлено, то, естественно, отсутствует и его состав как преступления, что влечёт отказ в возбуждении уголовного дела. Если же уголовное дело уже было возбуждено, то оно прекращается, на что указывает п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В случае передачи возбуждённого и законченного расследованием уголовного дела в суд, который не установил наличия в деянии состава преступления, судом постановляется оправдательный приговор по п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ.

Доказывание обстоятельств совершённого деяния означает определение объекта, интересов и благ, на которые было направлено преступное посягательство, и вместе с ним установление предмета преступления. Далее устанавливаются признаки, характеризующие внешнее проявление деяния (действие или бездействие). В обязательном порядке необходимо доказывание причинной связи между самим деянием и наступившими в результате этого деяния последствиями, которые могут быть выражены в виде вреда или ущерба. Особенность обязательного доказывания причинной связи между деянием и последствиями заключается в том, что такая связь воз-

можна лишь при наличии трёх обязательных условий:

— первое, деяние по времени произошло раньше наступления последствий (хотя бы на мгновение). Если последствие наступает во время совершения деяния или после него, то в связи с отсутствием названной причинной связи деяние не будет общественно опасным;

— второе, деяние стало непосредственной причиной данного последствия;

— третье, данное последствие с неизбежностью наступило в результате именно этого деяния, а не иного.

К признакам объективной стороны, требующим доказывания, относятся место, способ, обстановка, орудия, средства совершения преступления, наличие которых учитывается судом при выборе вида и размера наказания. В то же время следует иметь в виду, что любое преступление, как и любое непроступное деяние, всегда совершается в какое-то время, в каком-то месте, в какой-то обстановке, с помощью каких-то орудий или средств. Поэтому доказывание таких, называемых факультативными, обстоятельств требуется тогда, когда статья, по которой квалифицируется данное конкретное деяние, прямо указывает на конкретный факультативный признак или подразумевает его. К примеру, применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей влечёт ответственность по п. «б» ч. 2 ст. 257 УК РФ. Здесь такой факультативный признак, как орудие или средство охоты требует своего доказывания, поскольку он является в данном случае обязательным. Это же относится и к п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, где указаны обязательные для доказывания факультативные признаки состава незаконной охоты. Подобные обстоятельства (признаки) зачастую обнаруживаются в процессе осмотра места происшествия¹.

Помимо обстоятельств, характеризующих объективную сторону, требуется доказывание обстоятельств, относящихся к

¹ См. напр.: Суденко В.Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1 (68). С. 210—222.

личности виновного. Прежде всего, требуется доказывание относительно самого субъекта преступления, то есть кто совершил данное общественно опасное деяние, данное лицо или какое-то другое. Неправильное определение действительно виновного лица неизбежно приведёт к привлечению к уголовной ответственности невиновного, а это есть ни что иное, как нарушение законности.

После доказывания конкретного виновного в преступлении лица, необходимо доказать форму и вид вины данного человека, а также мотивов его деяния. Всё это относится к субъективной стороне состава совершённого преступления. Если не будет доказана виновность данного лица, тогда не может идти речь о его привлечении к уголовной ответственности, а в случае, когда уголовное дело возбуждено и направлено в суд, в отношении этого лица выносится оправдательный приговор. Для законного привлечения конкретного лица к уголовной ответственности требуется достаточно доказательств его вины, то есть необходимо полное раскрытие признаков субъективной стороны. Подтверждением сказанного является вынесение приговора, в котором суд, прежде всего, решает вопрос, имело ли место совершение общественно опасного деяния, и совершил ли подсудимый то, в чём он обвиняется, то есть виновен ли он в совершении данного преступления.

В случае признания лица виновным в совершении преступления, суд выясняет форму его вины — умышленно или по неосторожности совершено инкриминированное ему деяние, а также вид вины, при умысле является ли он прямым или косвенным, а при неосторожности — как относилось это лицо к своему деянию и к его последствиям. То есть, в случае неосторожности речь идёт о легкомыслии или небрежности¹.

Важное значение для законного решения суда имеет доказывание мотива в деянии виновного лица — что двигало виновным при совершении преступления для

достижения своей цели. При доказывании вины лица, совершившего преступление, мотив очень часто выступает в качестве отягчающего или смягчающего наказания виновного лица. В юридической литературе нередко можно прочесть о низменных мотивах лица, совершившего преступление, или не низменных. По нашему мнению, мотивы всегда нейтральны, но способы их реализации, действительно могут быть низменными или иными. К примеру, *корысть как мотив* может побуждать лицо на достижение намеченной цели преступным путём, но может побуждать и к непроступному достижению той же самой цели. Один для достижения своего материального блага совершает кражу, грабёж, разбой, мошенничество и т.п., а другой помимо основной работы находит ещё и дополнительную.

Это же относится и к *мотиву мести*. Отвергнутый поклонник мстит, распуская сплетни о девушке, а то и применяет в отношении неё физическое насилие, как это было с одним «горячим» поклонником, который отомстил девушке облив её лицо кислотой. В противоположность этому, разве могла месть быть низменным мотивом во время Великой Отечественной войны, когда бойцы Красной Армии мстили немецким захватчикам за погибших родных, за истерзанных жён, сестёр, дочерей и матерей, за разрушенные дома, сёла и города? Ответ может быть только один — нет, такая месть высоконравственна, она оправдана в любое время, в любом месте, и она никак не низменна.

Таким образом, доказывание мотива преступления включено в обязательный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, и это закреплено в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Это необходимо и потому, что нет безмотивных преступлений, как нет безмотивных любых действий или бездействия, совершаемых любым человеком, а в некоторых случаях даже психически больными лицами. Именно установления мотива по каждому уголовному делу и требует уголовно-процессуальное законодательство России.

Обратимся к необходимости или возможности доказывания цели преступления,

¹ См.: Суденко В.Е. Доминирующее значение субъективной стороны в преступлении // Военное право. 2018. № 4 (50). С. 224—231.

а именно того результата, к которому стремился «деятель» преступления, хотя закон прямо и не указывает цель среди обстоятельств, подлежащих доказыванию по любому уголовному делу. Возможно, это обусловлено тем, что установление мотива преступных действий (бездействия) виновного лица, как правило, в свою очередь предполагает и установление цели, к которой стремится лицо, совершающее преступление. Некоторые теоретики отечественного уголовного процесса считают, что цель, к которой стремился виновный в совершении преступления, подлежит обязательному доказыванию, с чем следует полностью согласиться¹.

Среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, законодатель называет такие, которые характеризуют личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). При расследовании уголовного дела в обязательном порядке доказывается возраст лица, совершившего преступление, достигнутый им на момент его совершения. Как правило, возраст определяется путём приобщения соответствующих документов к уголовному делу, а при их отсутствии либо появлении сомнения в их подлинности, обязательно назначается судебная экспертиза (п. 5 ст. 196 УПК РФ).

Не менее важно для успешного расследования преступления также доказывание вменяемости субъекта совершённого деяния либо его невменяемости в случаях возникновения у следователя, защиты или у законных представителей этого лица подозрений о неадекватности его поведения. Как на практике, так и на теоретическом уровне принято считать любое физическое лицо вменяемым, то есть осознающим своё поведение и способным руководить им. Однако при возникновении сомнений в этом, для их разрешения в обязательном порядке требуется назначение судебной экспертизы, в соответствии с требованиями п. 3 и 4 ст. 196 УПК РФ.

В Особой части УК РФ имеется немало норм, устанавливающих уголовную ответственность субъектов, которые

помимо признаков общего субъекта (возраст, вменяемость), обладают дополнительными признаками, вытекающими из возраста, отношения к военной службе, занятия должностного положения, гражданства и т.д. Таких субъектов принято называть специальным субъектом. В то же время недопустимо взамен недостающих для предъявления обвинения доказательств использовать отрицательную характеристику виновного лица. Такая характеристика никак не может заменить доказательств вины субъекта преступления².

В дополнение ко всем перечисленным требованиям относительно доказывания по уголовному делу, закон обязывает определять наличие, характер и размеры ущерба или вреда, наступившего в результате совершения преступления. При этом вред возможен физический, имущественный, моральный. Обязательное доказывание характера и размера вреда или ущерба необходимо для правильной квалификации содеянного по соответствующей статье, её части и пункту уголовного закона (УК РФ). Скажем, возможен лёгкий вред здоровью, вред здоровью средней тяжести и тяжкий вред здоровью. Размер имущественного (материального ущерба при посягательстве на собственность возможен в следующих размерах: мелкое хищение в размере до 1 тыс. руб. регулируется ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ; мелкое хищение в размере от одной до двух тысяч пятисот рублей подпадает под действие ч. 2 ст. 7.27 этого же Кодекса. Другие размеры ущерба от хищения определены в ряде примечаний к статьям УК РФ, и они бывают значительного размера: от 5 тыс. руб. для гражданина, потерпевшего от хищения; крупного размера — превышают 250 тыс. руб.; особо крупного размера — превышают 1 млн. руб. Тем не менее необходимо иметь в виду, что не всегда можно точно определить размер ущерба, особенно когда преступление считается неоконченным, то есть является покушением на хищение.

К примеру, лицо, промышляющее карманными кражами, надеялось похитить

¹ Доля Е.А. Доказательства и доказывание // Уголовный процесс. Под ред. В.П. Божьева. М., 2004. С. 153.

² Кузнецов Н.П. Доказательства и доказывание // Уголовный процесс России. Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 117—118.

крупную сумму денег, которую гражданин получил в банке (50 тыс. руб.) и положил, как казалось карманнику, в карман пальто. На выходе из банка виновный якобы случайно столкнулся с гражданином и сумел в это время похитить у того из кармана, по мнению воришки, все деньги, но тут же был задержан. В руке у него оказалось лишь три 50-рублёвых купюры, а пятьдесят тысяч рублей гражданин положил совсем в другой карман. Какой ущерб следует вменить виновному? Некоторые пишут, что только эти сто пятьдесят рублей. Но ведь карманник лез в карман за большей суммой, а не за той, которую сумел похитить. По нашему мнению, вменить виновному следует покушение на кражу в значительном размере, но никак не мелкое хищение. Это же относится и к случаям хищения вместо денежных купюр простых бумажек. В подобном случае необходимо говорить об ошибке в предмете преступного посягательства. Но виновному следует вменить покушение на денежные средства, на что у него был направлен умысел, реализованный посредством хищения.

В целях законного, соответствующего российскому уголовно-процессуальному законодательству определения физического или юридического лица в статусе потерпевшего, обязательно должно быть процессуальное доказывание причинённого ему вреда или ущерба. Указанное обязательно требуется не только для правильной квалификации содеянного, но и для решения вопроса об удовлетворении гражданского иска по уголовному делу.

К не менее важным обстоятельствам, требующим доказывания по преступлению, относится доказывание обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных ст. 37—42 УК РФ, среди которых — необходимая оборона, причинение вреда преступнику при его задержании, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск и исполнения приказа или распоряжения.

Подлинную объективную истину по делу невозможно достигнуть без установления и доказывания обстоятельств, при наличии которых уголовное наказание

смягчается. Такие обстоятельства предусмотрены в ч. 1 ст. 61 УК РФ и их необходимо доказывать в том числе и при отсутствии ходатайства об этом со стороны потерпевшего, его представителя, защитника. Говоря о смягчающих наказание обстоятельствах, отметим их открытый перечень, то есть суд вправе выйти за пределы перечня ч. 1 ст. 61 УК РФ, признавая таковыми и другие обстоятельства, доказанные в процессуальном порядке.

Помимо доказывания обстоятельств, смягчающих наказание, требуется в обязательном порядке учитывать и доказывать отягчающие наказание обстоятельства. Последние перечислены в ст. 63 УК РФ, но они ни в коем случае не могут быть расширены, как это возможно в отношении смягчающих обстоятельств. Список отягчающих наказание обстоятельств, содержащийся в ст. 63 УК РФ, является закрытым, исчерпывающим, не подлежащим расширению. Доказывание отягчающих обстоятельств начинается с возбуждения уголовного дела и осуществляется на протяжении всего не только досудебного следствия, но и в суде.

Названные и рассмотренные выше обстоятельства, которые требуется доказывать по данному общественно опасному деянию — преступлению, так или иначе, являются признаками состава данного преступления, характеризующими такие его элементы, как объективная и субъективная сторона. Сказанное требует в обязательном порядке устанавливать все без исключения признаки данного общественно опасного деяния (преступления). Без их чёткого и ясного доказывания вряд ли можно добиться цели не только расследования, но и судебного рассмотрения совершённого деяния.

Нельзя обходить стороной доказывания таких обстоятельств, наличие которых приводит к тому, что подозреваемое лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, что доказывается и провозглашается в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Кроме приведённых, к аналогичным обстоятельствам, требующим обязательного доказывания, следует отнести предусмотренные ст. 75, 76, 76¹, 76², 78,

90 УК РФ обстоятельства, устанавливающие основания освобождения от уголовной ответственности, и указанные в ст. 80¹, 81, 82 УК РФ обстоятельства, при наличии которых виновное лицо освобождается от наказания.

Следует отметить некоторые парадоксальные положения уголовного законодательства, не вписывающиеся в объективные требования борьбы с преступностью в целом, и с некоторыми отдельными преступлениями. Так, ст. 75, 76 УК РФ (деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим) предусматривают *возможность* отказа от привлечения лица к уголовной ответственности, если оно *впервые* совершило преступление *небольшой* или *средней тяжести*. Да, в этих случаях виновное лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, но это не императивное указание уголовного закона, поскольку такое лицо может быть и не освобождено от уголовной ответственности. Здесь, по нашему мнению, всё отдаётся на усмотрение правоприменителя — дознания, предварительного следствия и т.д., что вполне может иметь коррупционную составляющую. В то же время, в примечаниях к ряду статей Особенной части УК РФ сказано не о возможности, а об *обязательности* освобождения от уголовной ответственности при совершении тяжкого, а то и особо тяжкого преступления. К таковым относятся примечания к ст. 126, 127¹, 205, 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵, 206 и к другим статьям УК РФ. Полагаем, что такая «гуманность» вряд ли может поспособствовать борьбе с преступлениями террористического характера и экстремистской направленности. Мало того, она может в некоторой степени даже провоцировать лиц, освобождённых от уголовной ответственности, на повторение подобных преступных действий.

Несмотря на то, что в ст. 73 УПК РФ перечислены обстоятельства, которые необходимо доказывать по делу, тем не менее, их перечень далеко не исчерпывающий и отдельные теоретики уголовно-процессуального права добавляют к ним обстоятельства, не указанные в названной статье. К примеру, Н.П. Кузнецов пишет о необходимости доказывания тех причин,

которые не позволили виновному довести начатое преступление до конца; обстоятельства, характеризующие личность потерпевшего и его поведение перед совершением против него преступления; обстоятельства, требующие принять промежуточные решения о приостановлении дела, о задержании подозреваемого, об избрании меры пресечения и т.д.; обстоятельства, характеризующие участвующих в деле лиц (языковые затруднения, болезнь подозреваемого), а также некоторые другие, внешне второстепенные обстоятельства¹, но важные для успешного расследования уголовного дела и судебного рассмотрения и достижения истины по расследуемому преступлению.

В ч. 2 ст. 73 УПК к предмету доказывания, помимо прочего, отнесены обстоятельства, которые способствовали совершению преступления. Как свидетельствует практика, причины, порождающие преступления, и условия, способствовавшие их совершению, в процессе расследования уголовного дела нередко довольно трудно установить, а поэтому криминалисты в своих работах по методике расследования отдельных видов преступлений говорят о доказывании обстоятельств, способствующих их совершению. Мы же добавим к этому: «... и сокрытию преступлений». Если же обратиться к ст. 68 УПК РСФСР, то она относила их к предмету доказывания.

Большинство исследований доказывания и доказательств в уголовном судопроизводстве, определяя содержание предмета доказывания, заканчивали рассмотрение этих вопросов применительно к семи названным обстоятельствам.

¹ Кузнецов Н.П. Теория доказательств в уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 119—120.

Однако в 2006 г. законодатель внёс в ч. 2 ст. 73 УПК РФ пункт восьмой, который в 2016 г. был в очередной раз изменён, что только подтверждает нестабильность уголовно-процессуального законодательства, его постоянный «ремонт».

П. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ требует доказывания обстоятельств, характеризующих подлежащее конфискации имущество, в соответствие с требованиями ст. 104¹ УК РФ. Указанная уголовно-процессуальная норма указывает, что конфискация как мера уголовно-правового характера применяется в отношении имущества, полученного виновным лицом за счёт совершения преступления (преступлений). При этом подлежат конфискации и доходы, полученные за счёт такого имущества, а также конфискуются имущество и доходы от него, использованные для совершения другого (других) преступления.

Кроме перечисленных случаев конфискации имущества в соответствии с требованиями п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УПК РФ, конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество либо доходы от такого имущества, используемые или предназначенные для финансирования терроризма,

экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), что конечно же направлено на подрыв материально-финансовой базы организованной преступности в целом и преступлений террористической и экстремистской направленности, в частности.

Библиография

1. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Ч. 1 / А.Р. Белкин. — М.: Юрайт, 2017.
2. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. — СПб., 1910.
3. Кузнецов, Н.П. Теория доказательств в уголовном процессе; под ред. Н.В. Жогина / Н.П. Кузнецов. — М., 1973.
4. Суденко, В.Е. Доминирующее значение субъективной стороны в преступлении / В.Е. Суденко // Военное право. — 2018. — № 4 (50). — С. 224—231.
5. Суденко, В.Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия / В.Е. Суденко // Мир транспорта. — 2017. — Т. 15. — № 1 (68). — С. 210—222.
6. Уголовный процесс / Под ред. В.П. Божьева. — М., 2004. —
7. Уголовный процесс России / Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. — Воронеж, 2003.

О несоответствии выводов суда, изложенных в судебном акте, фактическим обстоятельствам дела, как основание для отмены судебных решений: практика военных судов

© Харитонов Станислав Станиславович,
полковник юстиции запаса, кандидат
юридических наук, профессор
© Шарапов Сергей Николаевич,
полковник юстиции запаса, кандидат
юридических наук, доцент

Аннотация. В публикации применительно к проблеме несоответствия выводов суда, изложенных в судебном акте, фактическим обстоятельствам дела, как основанию для изменения или отмены судебных решений в апелляционном производстве приведены примеры характерных нарушений уголовно-процессуального и уголовного законов, допущенных в судебном разбирательстве уголовных дел в военных судах.

Ключевые слова: военные суды; основание для изменения или отмены судебных решений; апелляционное решение.

On the inconsistency of the conclusions of the court, set out in the judicial act, with the actual circumstances of the case, as a basis for the annulment of court decisions: the practice of military courts

© Kharitonov S.S.,
colonel of justice of the reserve, candidate of legal
sciences, professor
© Sharapov S.N.,
Colonel of Justice of the Reserve, PhD in Law,
Associate Professor

Annotation. In relation to the problem of discrepancy between the conclusions of the court set forth in the judicial act, the actual circumstances of the case, as the basis for changing or canceling court decisions in the appeal proceedings, the publication provides examples of characteristic violations of the criminal procedural and criminal laws committed in the trial of criminal cases in the military courts.

Key words: military courts; grounds for changing or canceling court decisions; appeal decision.

Когда, совершив ошибку, не исправил её,
это и называется совершить ошибку.

Конфуций

Одним из пяти оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, перечисленных в ст. 389¹⁵ УПК РФ, является несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Согласно ст. 389¹⁶ УПК РФ приговор

признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, если:

1) выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании;

2) суд не учел обстоятельств, которые

могли существенно повлиять на выводы суда;

3) в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие;

4) выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания.

Как справедливо отмечено К.В. Ивасенко, «обжалование приговора по данному основанию означает несогласие заявителя с тем, как уголовное дело разрешено по существу *с точки зрения установления фактов*. Апелляционная инстанция, осуществляя проверку фактических обстоятельств дела, может самостоятельно устранить выявленные нарушения, используя свои полномочия по непосредственному собиранию или исследованию доказательств.»¹ И конечно, суд апелляционной инстанции по итогам проверки фактических обстоятельств дела может отменить приговор суда первой инстанции и направить уголовное дело в тот же суд, но в ином составе, на новое рассмотрение.

Приведенные ниже примеры апелляционных решений из практики военных судов за последний год демонстрируют необходимость минимизации судебных ошибок, тем самым обеспечивая реализацию принципов законности и справедливости в судебной системе.

1. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

По приговору Уссурийского гарнизонного военного суда К. и С. наряду с другими преступлениями признаны виновными и осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ за со-

вершение мошенничества в составе организованной группы в отношении потерпевших Д., В. и З.

Как указано в приговоре, К., будучи начальником связи-заместителем начальника штаба воинской части, и его подчиненный С., не обладая полномочиями и не имея по своему служебному положению возможности влиять на решения, принимаемые правоохранительными органами в рамках уголовного судопроизводства, с целью личного обогащения путем обмана и злоупотребления доверием сослуживцев вступили в преступный сговор, объединившись для совершения преступлений в организованную группу. При этом они, распределив роли, разработали совместный план действий, включающий подыскивание информации о совершении военнослужащими правонарушений, доведение о наличии в отношении них материалов проверок и уголовных дел в правоохранительных органах и возможных в связи с этим негативных последствиях, а также сообщение заведомо ложных сведений о возможности разрешения данных вопросов за вознаграждение.

Флотский военный суд в апелляционном порядке приговор изменил в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, приведя в обоснование следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Правильно расценив действия виновных по отношению к каждому из потерпевших как мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, суд первой инстанции никаких фактических данных в обоснование вывода о наличии указанного квалифицирующего признака в приговоре не привел.

При этом постоянство контактов между осужденными, на что сослался суд первой инстанции в приговоре, в большей степени было обусловлено их служебной деятельностью и сложившимися личными

¹ См.: Курс уголовного процесса. Под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.

взаимоотношениями, нежели намерением на совершение преступных действий, в то время как заслуживающих внимания сведений о наличии в их действиях признаков устойчивости, сплоченности и организованности, обусловленных реализацией именно преступных целей, то есть основополагающих при определении такой формы соучастия как организованная группа, в деле не имеется.

Таким образом, признаков совершения виновными указанных преступлений в составе организованной группы по делу не установлено.

Суд апелляционной инстанции с учетом согласованности действий виновных, направленных на хищение денежных средств путем мошенничества и выполнения каждым из них своей роли, что свидетельствует о наличии предварительной договоренности, пришел к выводу о совершении ими преступлений в отношении названных потерпевших в составе группы лиц по предварительному сговору и, приняв во внимание размер похищенных денежных средств, переqualificировал действия осужденных в отношении потерпевших Д., В. и З. с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ, снизив назначенное им наказание как за каждое преступление, так и по совокупности¹.

2. Получение военнослужащим излишне выплаченного денежного довольствия, обусловленное ошибочным его начислением финансовым органом в отсутствие обмана со стороны военнослужащего, мошенничеством не является.

По приговору Севастопольского гарнизонного военного суда, оставленному без изменения апелляционным определением окружного военного суда, Б. осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ за хищение чужого

имущества путем обмана в крупном размере, выразившееся в получении в период с 10 ноября 2014 г. по 10 ноября 2016 г. — после увольнения его с военной службы и исключения из списков личного состава воинской части — денежного довольствия как действующему военнослужащему.

Рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе защитника осужденного, Кассационный военный суд судебные постановления отменил, уголовное дело в отношении Б. прекратил в связи с отсутствием в деянии состава преступления, признав за Б. право на реабилитацию.

В обоснование принятого решения суд кассационной инстанции привел следующие доводы.

Признавая Б. виновным в мошенничестве, суд указал, что тот, осознавая отсутствие у него правовых оснований на получение денежных средств, зачисляемых федеральным казенным учреждением «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» на банковский счет по прежнему месту военной службы, и зная об обязанности сообщить о данном факте командованию, умышленно умолчал о поступлении излишне начисленных ему денежных средств в сумме 944 228 руб., распорядившись ими по своему усмотрению, то есть похитил их путем обмана.

Вместе с тем согласно п. 1 и 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает, в частности, в соответствии со ст. 159 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом.

Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, при-

¹ См.: Апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 30 сентября 2021 года. URL: https://tihookeanskyfvs-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2498564&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 11.07.2022); Обзор апелляционной практики Тихоокеанского флотского военного суда по уголовным делам за 2 полугодие 2021 года URL: http://tihookeanskyfvs-prm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=174 (дата обращения 11.07.2022).

знается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

По делу не установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении Б. действий (бездействия), направленных на создание условий и послуживших основанием для перечисления на его банковский счет денежных средств, указанных в приговоре. Возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, с чем уголовный закон связывает момент окончания вмененного Б. преступления, он приобрел непосредственно после их зачисления на банковский счет, то есть до совершения действий (бездействия), которые суды ошибочно указали в качестве объективной стороны преступного деяния.

Что касается распоряжения уволенным военнослужащим излишне выплаченным денежным довольствием, то само по себе оно не может считаться представляющим достаточную для криминализации общественную опасность, поскольку предоставление необоснованных выплат должно быть в такой ситуации исключено действиями командования и сотрудников финансовых органов, которые принимают решение о выплате денежного довольствия в конкретном размере. При таких обстоятельствах в действиях Б. отсутствует состав преступления, поскольку выплата денежного довольствия была осуществлена ему при отсутствии с его стороны каких-либо активных действий на получение денежного довольствия¹.

3. Признавая последствиями преступных действий подсудимого причинение

вреда здоровью потерпевшего, суд в приговоре обязан привести признаки определения степени тяжести такого вреда и мотивировать свои выводы об этом.

По приговору Магнитогорского гарнизонного военного суда Г. осужден по п. «а» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ за совершение им как должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов гражданина с применением насилия и причинением тяжких последствий, выразившихся в причинении здоровью потерпевшего тяжкого вреда по признаку опасности для жизни.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного, окружной военный суд приговор изменил ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в нем, фактическим обстоятельствам уголовного дела, приведя в обоснование следующее.

Г. предъявлено обвинение в том, что, являясь начальником для М., будучи недовольным отказом последнего выполнить требование подойти к нему, схватил М. за бушлат, оттолкнул к стене, ударил ладонью в висок и коленом в левое колено, после чего выполнил подсеку, от которой тот упал. В результате указанных действий Г. потерпевшему причинена тупая травма левого коленного сустава, а также повреждение передней крестообразной связки сустава, что повлекло значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть.

Судом первой инстанции указанные действия были квалифицированы как повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни.

Между тем, согласно заключению судебно-медицинского эксперта, причиненные Г. потерпевшему повреждения расцениваются как тяжкий вред здоровью по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть.

Вывод эксперта основан на п. 6.11.7 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля

¹ См.: Кассационное определение Кассационного военного суда от 9 июня 2021 года. URL: http://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3481513&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения 11.07.2022); Информационный бюллетень URL: http://gvs.brj.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=210 (дата обращения 11.07.2022).

2008 г. № 194н.

В приговоре на это экспертное заключение суд сослался в качестве доказательства, однако мотивов своего несогласия с ним, как и обоснования изменения обвинения в его соответствующей части не привел.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред, наличие корыстной или иной личной заинтересованности), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака.

Таких обстоятельств судом первой инстанции приведено не было.

В связи с этим окружной военный суд исключил из описательно-мотивировочной части приговора указание на то, что причиненный действиями Г. тяжкий вред здоровью потерпевшего имел опасность для жизни последнего, и указал, что Г. применил насилие и причинил потерпевшему тяжкие последствия, выразившиеся в причинении потерпевшему тяжкого вреда здоровью, вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть, как это было установлено судом первой инстанции и охватывалось предъявленным обвинением¹.

¹ См.: Апелляционное определение Центрального окружного военного суда от 23 сентября 2021 года. URL: https://covs--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=277226&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 11.07.2022); Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за 2021 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=221 (дата обращения 11.07.2022).

4. *Степень тяжести вреда здоровью потерпевшего, выразившегося в неизгладимом обезображивании его лица, определяется и устанавливается судом с учетом необходимых доказательств неизгладимости повреждения.*

По приговору Нижегородского гарнизонного военного суда Т. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, выразившегося в неизгладимом обезображивании лица потерпевшего, совершенного из хулиганских побуждений.

Окружной военный суд в апелляционном порядке приговор изменил, перекалифицировал действия Т. с п. «д» ч. 2 ст. 111 на п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ — как умышленное причинение легкого вреда здоровью, совершенное из хулиганских побуждений, приведя в обоснование следующее.

Согласно приговору, Т., используя незначительный повод для инициированного им же конфликта, грубо нарушив общественный порядок, применил насилие к ранее незнакомому несовершеннолетнему Г., в результате чего потерпевшему причинены различные телесные повреждения, том числе в виде укушенной раны основания носа. Рубец, являющийся следствием заживления укушенной раны носа, как указал суд первой инстанции в приговоре, является неизгладимым, причинил неизгладимые изменения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно.

В соответствии с п. 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 и п. 6.10. Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н (далее — Медицинские критерии), степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, выразившегося в неизгладимом обезображивании его лица, определяется судом. Производство судебно-медицинской экспертизы ограничивается лишь установлением неиз-

гладимости данного повреждения, а также его медицинских последствий в соответствии с Медицинскими критериями. Одновременно названным пунктом Медицинских критериев установлено, что под неизгладимыми изменениями следует понимать такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция). При таких обстоятельствах, вопрос об обезображивании лица человека, являясь юридическим и оценочным, должен разрешаться судом исходя из общепринятых эстетических представлений о красоте, привлекательности человеческого лица с учетом всех обстоятельств дела, в том числе и мнения потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, за исключением врача — судебно-медицинского эксперта, заключение которого ограничивается лишь установлением неизгладимости причиненного повреждения.

Так как указанный квалифицирующий признак с учетом необходимых доказательств неизгладимости повреждения устанавливается в судебном производстве, соответственно, именно суд вправе определить степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, выразившегося в неизгладимом обезображивании его лица.

По делу установлено, что рубец, являющийся следствием заживления укушенной раны носа, находится в складках крыльев носа потерпевшего и в том числе при близком рассмотрении визуально не виден. Об этом показали участвующие в суде апелляционной инстанции потерпевший и его представитель, настаивая на отсутствии неизгладимости обезображивания лица, то есть, по сути, опровергая доводы обвинения об обезображивании человеческого лица.

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции о причинении потерпевшему тяжкого вреда здоровью, выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, является несостоятельным, что

повлекло за собой перекалфикацию содеянного виновным¹.

5. Судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению.

По приговору Реутовского гарнизонного военного суда В. признан виновным в приобретении и хранении без цели сбыта наркотического средства в значительном размере. Квалифицируя действия В. как приобретение и хранение наркотического средства по ч. 1 ст. 228 УК РФ, суд в описательно-мотивировочной части приговора указал, что тот для личного потребления осуществил сбор, измельчение и высушивание произраставшей на участке местности конопли, изготовив, таким образом, наркотическое средство каннабис (марихуану). Однако в изготовлении наркотического средства В. органами предварительного расследования не обвинялся.

В соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

По изложенным основаниям окружной военный суд в апелляционном порядке приговор изменил и исключил из описательно-мотивировочной части приговора указание суда на изготовление В. наркотического средства. (Апелляционное определение 2-го Западного окружного военного суда от 25 февраля 2021 г.).

Подытоживая, полагаем возможным согласиться с мнением А.Ю. Астафьева о том, что применительно к содержанию ст. 389¹⁶ УПК РФ «... предметом проверки

¹ См.: Апелляционное определение 2-го Западного окружного военного суда от 23 сентября 2021 года. URL: https://2zovs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1140365&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 11.07.2022); Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за 2-е полугодие 2021 года. URL: http://26gvs.kaz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=117 (дата обращения 11.07.2022).

в апелляционной инстанции следует считать: достаточность фактических данных, положенных в основу приговора; объективность и всесторонность исследования обстоятельств дела; мотивированность выводов суда; непротиворечивость выво-

дов»[1].

Библиография

1. Астафьев, А.Ю. Обоснованность приговора суда (логико-правовой анализ) / А.Ю. Астафьева // Российская юстиция. — 2019. — № 4. — С. 50—53.
 2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — М.: Статут, 2016. — 1287 с.
-

Правовые основы освобождения военнослужащих от уголовной ответственности за причинение смерти врагу в ходе боевых действий

© Чернышев Дмитрий Борисович,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права. Уральский юридический институт МВД России
© Карымова Карина Руслановна,
курсант. Факультет подготовки сотрудников полиции. Уральский юридический институт МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы имплементации в российское уголовное законодательство норм международного права, регулирующих вопросы причинения военнослужащими вреда жизни и здоровью противника в ходе боевых действий. Отмечается отсутствие в УК РФ в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, причинения смерти военнослужащим армии противника в ходе боевых действий. Предлагается дополнить главу 8 УК РФ нормой, предусматривающей возможность признания физического уничтожения вражеских военнослужащих непроступным, что дало бы возможность применения в данной ситуации национального законодательства.

Ключевые слова: военное насилие, комбатант, военнослужащие, убийство, преступление, боевые действия.

The legal basis for the exemption of military personnel from criminal liability for causing death to the enemy during hostilities

© Chernyshev D.B.,
Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
© Karymova K.R.,
Cadet. Faculty of Police Training. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation. The article deals with the problems of implementation into Russian criminal legislation of the norms of international law regulating the issues of causing harm to the life and health of the enemy by military personnel during hostilities. It is noted that in the Criminal Code of the Russian Federation, as a circumstance excluding the criminality of the act, causing death to enemy army servicemen during hostilities. It is proposed to supplement Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation with a norm providing for the possibility of recognizing the physical destruction of enemy servicemen as impregnable, which would make it possible to apply national legislation in this situation.

Keywords: military violence, combatant, military personnel, murder, crime, fighting.

Военные конфликты различной интенсивности выступают неотъемлемой составляющей всей истории человеческого общества. Безусловно, война является трагедией, приносящей бедствия населению участвующих в ней стран. Самые негативные из них — это гибель людей, как воен-

нослужащих, так и мирного населения. С формальной точки зрения, принимая участие в боевых действиях, военнослужащий применяет различные виды вооружения с целью причинения смерти солдатам противоборствующей армии. Согласно уголовному законодательству всех государств

причинение смерти является убийством и предусматривает ответственность. Очевидно, что причинение смерти врагу в условиях войны должно являться обстоятельством, исключающим преступность деяния, однако ни одно из оснований, включенных в гл. 8 УК РФ, не охватывает рассматриваемый случай. В связи с этим необходимо правовое обоснование освобождения военнослужащих от уголовной ответственности. Это обуславливает актуальность научного изучения данной проблемы.

В настоящей статье предпринята попытка анализа ответственности военнослужащих за убийство солдат вражеской армии, совершенные в период ведения боевых действий, которые формально содержат признаки преступления, однако за которые военнослужащие не несут уголовной ответственности.

Прежде всего, необходимо рассмотреть сущность войны как явления, обуславливающего взаимные убийства военнослужащих армий противоборствующих стран. Н.С. Розов в своем исследовании выделяет условия, оказывающее непосредственное детерминирующее влияние на возможность возникновения вооруженного конфликта между государствами. К таковым автор относит наличие существенных противоречий между сторонами — потенциальными противниками; объективный либо субъективный дисбаланс могущества; высокий уровень агрессивных установок у одной, либо у обеих сторон; наличие у одной либо обеих сторон конфликта достаточных средств насилия; слабость, отсутствие противодействия, а в отдельных случаях — попустительство со стороны мирового сообщества; наличие у сторон решимости сражаться¹.

Классическое определение войны приводится в трудах К. Клаузевица, как «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»². В.И. Ленин представляет войну в качестве продолжения политики иными, насильствен-

ными средствами³. В экономическом аспекте война является борьбой за право обладания природными и экономическими ресурсами, собственностью, удовлетворение объективной потребности в новом витке экономического и технического развития⁴.

В современном понимании война является формой противоречий в межгосударственных и внутригосударственных отношениях с применением военной силы (средств вооруженной борьбы) противостоящими сторонами⁵.

Исходя из приведенных определений, можно сделать вывод, что война является актом межгосударственных отношений, в связи с чем не может регулироваться национальным законодательством указанных сторон. Из этого следует, что все последствия военных действий, в первую очередь связанные с причинением вреда собственности, здоровью и жизни людей, принимающих в ней участие, должны разрешаться на уровне международного права.

Ст. 15 Конституции Российской Федерации закрепляет приоритет ратифицированных международных актов над отечественными, в связи с чем в рамках рассмотрения поставленной проблемы мы будем опираться на нормы международного гуманитарного права.

Основными документами, устанавливающим правовую основу ведения войны между государствами, выступают Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (принята на Второй конференции мира в Гааге 18 октября 1907 г.), Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны, Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания военных преступников.

Нашедшие отражение в перечисленных документах положения относительно

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 30. С. 133—136.

⁴ Троцкая А.В. К вопросу о сущности войны // Вестник молодежной науки. 2016. № 1 (3). С. 23.

⁵ Ксенофонтов В.А. Современная война: основные особенности // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1 (14). С. 65—72.

¹ Розов Н.С. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Время мира. 2003. № 3. С. 75—120.

² Клаузевиц К. О Войне. М., 2007.

допустимого, а также недопустимого поведения в ходе вооруженных конфликтов, распространяются, прежде всего, на их непосредственных участников, в связи с чем следует определить круг субъектов применения международного военного законодательства.

Современное международное гуманитарное право делит всех участников военных действий в период международных вооруженных конфликтов на сражающихся (комбатантов) и несражающихся (некомбатантов). В основе такого деления лежит причастность указанных лиц к процессу ведения военных действий¹.

Впервые перечень лиц, официально отнесенных к участникам вооруженных конфликтов и обязанных соблюдать ограничения и запреты, касающиеся методов ведения войны, был установлен в 1907 г. на проходившей в г. Гаага (Королевство Нидерланды) Международной конференции мира. Согласно принятым решениям, воюющими признаются лица, входящие в состав вооруженных сил (военнослужащие) регулярной армии, а также участники ополчения либо добровольческих отрядов, имеющие во главе ответственное лицо (командира, начальника), обладающие определенными и явно видимыми отличительными знаками (форменная одежда, знаки отличия), носящие оружие открыто и соблюдающие законы и обычаи войны².

В 1949 г. на проходившей в г. Женеве Дипломатической конференции для составления международных конвенций о защите жертв войны к участникам военных действий (т. н. комбатантам) было отнесено также население неоккупированной территории, которое стихийно берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска. При этом в качестве условия отмечено обязательное открытое но-

шение оружия. Также в указанный перечень включаются гражданские лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав (обслуживающий персонал воинских формирований), а также члены организованного движения сопротивления³.

По мнению П.Г. Зверева, определение «комбатант» предназначено для защиты лиц, подпадающих под него, в случае захвата их в плен и недопущения того, чтобы с ними обращались как с бандитами, а также для возложения, в случае необходимости, на государство, на службе которого такие лица состоят, ответственности за все, что они совершают от его имени⁴.

Деление на законных участников вооруженных конфликтов (комбатантов и некомбатантов) и лиц, принимающих участие в конфликте в нарушение международного законодательства, связано с разным объемом прав и обязанностей у них во время военных действий (правового статуса), что, в свою очередь, влияет на режим военного плена⁵.

Правовой статус комбатантов представляет собой комплекс их прав и обязанностей, а также ответственности, которая наступает в случае нарушения ими норм международного гуманитарного права, применяемого именно в период вооруженных конфликтов⁶.

Прежде всего, следует отметить признание права комбатантов на непосредственное участие в военных действиях с оружием в руках. Из этого вытекает право на применение военного насилия в отношении неприятеля. Однако и к ним самим при этом может быть применено военное насилие, в том числе физическое уничтожение. Из этого следует, что комбатант является одновременно и субъектом, и объектом применения военного насилия. Причем прекращение статуса объекта прямых военных действий другой проти-

¹ Павлова Л.А. Виды вооруженных конфликтов и статус участников вооруженных конфликтов по международному праву // Международное право. 2007. № 2. С. 17.

² Зверев П.Г. Правовой статус законных участников вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

³ Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными, ст. 4.

⁴ Зверев П.Г. Указ. соч.

⁵ Пчелкина Е.В. Некоторые проблемы определения правового статуса комбатантов и некомбатантов в первую и вторую мировую войну // Успехи современной науки. 2016. № 11. Т. 16. С. 160—163.

⁶ Зверев П.Г. Указ. соч.

воборствующей стороны возможно лишь в случае попадания в плен, ранения, перевода на работы в тыл, либо окончания военных действий. Помимо перечисленных прав на участие в боевых действиях и применение в них различных видов разрешенного вооружения, в том числе уничтожение комбатантов воборствующей стороны, на законных участников войны накладываются определенные обязанности¹.

Рассматривая правовой статус некомбатанта, можно отметить, что они вправе носить личное оружие и применять его для самообороны. До тех пор, пока некомбатанты используют оружие только в целях защиты себя или вверенного им имущества, к ним не может применяться военное насилие. В случаях, когда некомбатанты вступают в непосредственно боевые действия, они приобретают статус комбатантов, и к ним применяются положения Конвенции о законах и обычаях войны². Исходя из положений ст. 4 Женевской конвенции и ст. 43 Дополнительного протокола I можно сделать вывод о том, что статус комбатанта и некомбатанта напрямую зависит от правоспособности лица на производство выстрела.

Рассматривая правовые запреты на определенные действия участников вооруженных конфликтов, следует отметить, что перечень деяний, признанных на международном уровне в качестве военных преступлений, определен Римским статутом Международного уголовного суда 1998 г.³ В частности, ст. 8 указанного документа к преступлениям, совершаемым непосредственно в ходе боевых действий, относит умышленное убийство лиц, относящихся к гражданскому населению согласно Женевской конвенции 1949 г.

(п. «а» пп. «ii»)), а также серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах, таких, как убийство или ранение сложивших оружие и сдавшихся комбатантов противной стороны (п. «b» пп. «vi»)), применение яда или отравленного оружия (п. «b» пп. «xvii»)), использование в ходе ведения боевых действий разрывных боеприпасов к стрелковому оружию (п. «b» пп. «ix»)), удушающих, ядовитых газов, жидкостей, материалов или средств (п. «b» пп. «xviii»)), а также оружия, боеприпасов и техники, вызывающих ненужные страдания, являющихся предметом всеобъемлющего запрещения (п. «b» пп. «xx»)).

Закрепленный в ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. принцип законности (*Nullum crimen sine lege*) устанавливает в качестве преступления только те деяния, которые прямо закреплены в качестве таковых в национальных либо международных правовых актах⁴. Указанная норма имплементирована в российское уголовное законодательство, найдя свое отражение в ст. 3 УК РФ «Принцип законности»⁵.

Согласно классической правовой формуле «разрешено всё то, что прямо не запрещено»⁶, можно сделать вывод о том, что все действия комбатантов, направленные на физическое уничтожение других комбатантов, являются допустимым насилием при условии, если они не сопряжены с перечисленными выше нарушениями. Исходя из этого, все то, что прямо не отнесено к числу военных преступлений, таковым не является.

Ранее нами упоминалось, что комбатанты имеют право на применение в от-

¹ Имангулова Г.Р. Некоторые проблемы определения правового статуса комбатантов // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). С. 66—68.

² Пчелкина Е.В. Указ. соч.

³ Текст Римского статута, распространенного в качестве документа A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 г. с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 г., 12 июля 1999 г., 30 ноября 1999 г., 8 мая 2000 г., 17 января 2001 г. и 16 января 2002 г. Статут вступил в силу 1 июля 2002 г.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Дата обращения: 24.05.2022)

⁵ Курносоева Т.И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 203—207.

⁶ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997.

ношении комбатантов противной стороны военного насилия. Оно заключается в применении физической силы людей к людям, включая использование различных видов вооружения и военной техники, либо прямая угроза такого применения силы, целью которого является принуждение¹.

Основным руководящим документом, определяющим правила ведения боевых действий на суше вооруженными силами Российской Федерации, является Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя. Согласно ст. 1 Устава основной формой действий вооруженных сил в ходе ведения боевых действий является нанесение ударов, ведение огня в целях уничтожения противника. Под ударом понимается поражение войск противника путем воздействия на них средствами поражения. Ведение огня предусматривает стрельбу из различных видов оружия для поражения целей (включая военнослужащих противной стороны) и является основным способом уничтожения противника. Также рассматриваемый устав относит физическое уничтожение противника к основным задачам общевойскового боя².

Из сказанного можно сделать вывод о том, что ведение боевых действий предусматривает физическое уничтожение военнослужащих противоборствующей стороны путем применения к ним различных видов оружия. И, если указанное поведение не содержит в себе признаков запрещенных методов ведения войны, являющихся военным преступлением, то оно таковым не является.

Проводившиеся исследования проблем имплементации положений международного права в отечественное законодательство ограничиваются в основном вопросами криминализации военных преступле-

ний³, оставляя без внимания вопросы освобождения от уголовной ответственности, регулируемые международными актами. Так, в настоящее время в УК РФ отсутствует норма, предусматривающая в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, причинение вреда военнослужащим противоборствующей армии в ходе боевых действий.

Полагаем, что в рамках устоявшейся практики закрепления норм международного права в национальном законодательстве, существует потребность в имплементации не только уголовно-правовых запретов, но и оснований, исключающих наступление уголовной ответственности. Предмет настоящего исследования — вопросы причинения вреда военнослужащими противнику в ходе боевых действий, на наш взгляд, следует относить к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, т. к. это является общественно-полезным действием, направленным на защиту охраняемых общественных отношений⁴ — территориальной целостности государства, конституционного строя и политического режима, а также прав и свобод граждан, проживающих на территории страны.

В связи с тем, что рассматриваемая ситуация причинения вреда видится по содержанию наиболее близкой понятию необходимой обороны, синтаксическую конструкцию объективной стороны новой уголовно-правовой нормы по аналогии со ст. 37 УК РФ предлагаем построить следующим образом:

«Статья 37.1. Причинение вреда здоровью либо убийство военнослужащих противоборствующей стороны в ходе военных действий.

Не является преступлением причинение смерти или ранения участником боевых действий другому участнику боевых действий, если смерть либо ранение при-

¹ Розов Н.С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 29—39.

² Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя. Часть 3. Взвод, отделение, танк // URL: http://militera.lib.ru/regulations/0/g/2005_bu3.pdf (Дата обращения: 24.05.2022).

³ Курносоева Т.И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

⁴ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.В. Бриллиантова М., 2018.

чинены в ходе вооруженного конфликта, в зоне вооруженного конфликта и, если при этом не было допущено нарушений законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах».

Указанная мера призвана создать правовую основу для применения норм международного законодательства на внутригосударственном уровне.

Библиография

1. Зверев, П.Г. Правовой статус законных участников вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук / П.Г. Зверев. — М., 2005. — 156 с.
2. Имангулова, Г.Р. Некоторые проблемы определения правового статуса комбатантов / Г.Р. Имангулова // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12 (79). — С. 66—68.
3. Ксенофонтов, В.А. Современная война: основные особенности / В.А. Ксенофонтов // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2018. — № 1 (14). — С. 65—72.
4. Курносова, Т.И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство : дис. ... канд. юрид. наук / Т.И. Курносова. — М., 2016. — 293 с.
5. Курносова, Т.И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство / Т.И. Курносова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 4. — С. 203—207.
6. Павлова, Л.А. Виды вооруженных конфликтов и статус участников вооруженных конфликтов по международному праву // Международное право. — 2007. — № 2. — С. 14—19.
7. Пчелкина, Е.В. Некоторые проблемы определения правового статуса комбатантов и некомбатантов в первую и вторую мировую войну / Е.В. Пчелкина // Успехи современной науки. — 2016. — № 11. — Т.16. — С. 160—163.
8. Розов, Н.С. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия / Н.С. Розов // Время мира. — 2003. — № 3. — С. 75—120.
9. Розов, Н.С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия / Н.С. Розов // Гуманитарный вектор. — 2009. — № 1. — С. 29—39.
10. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. — М.: ИНФРА М-Норма, 1997. — 570 с.
11. Троцкая, А.В. К вопросу о сущности войны / А.В. Троцкая // Вестник молодежной науки. — 2016. — № 1 (3). — С. 23.
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2018. — 1184 с.

Военные проблемы международного права

Международные правовые основы правоохранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации

© Некрасов Александр Анатольевич,
доктор военных наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Центра анализа проблем
пограничной безопасности

Аннотация. В статье исследуются основные положения международных правовых актов, регламентирующих служебную деятельность пограничных органов в различных видах пунктов пропуска через государственную границу. В ней анализируются дефиниции, характеризующие правоохранный характер данной деятельности. В работе выявлена степень имплементации международных норм в российские правовые акты.

Ключевые слова: международные соглашения и конвенции, правоохранительная деятельность, пограничный контроль, пути международного сообщения, пункты пропуска, имплементация правовых норм.

International legal framework for law enforcement activities of border authorities at checkpoints across the state border of the Russian Federation

© Nekrasov A.A.,
doctor of military sciences, professor, Leading
Researcher, Center for Analysis of Border Security
Problems

Annotation. The article examines the main provisions of international legal acts regulating the official activities of border authorities at various types of checkpoints across the state border. It analyzes the definitions that characterize the law enforcement nature of this activity. The paper reveals the degree of implementation of international norms in Russian legal acts.

Keywords: international agreements and conventions, law enforcement, border control, international communication routes, checkpoints, implementation of legal norms.

Исходя из устоявшихся взглядов на правоохранительную деятельность¹, можно утверждать, что правоохранительная деятельность пограничных органов в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации (далее — пункты пропуска) как составная часть по-

граничной деятельности осуществляется с целью охраны норм права от нарушений, выявленных при осуществлении пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных, путём применения мер государственного принуждения к правонарушителям, обеспечения исполнения назначенных мер наказания (взыскания), принятия мер по предупреждению правонару-

¹ Божьев В.П. Правоохранительные органы. М., 2012; Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории) : дис. ... д-ра юрид. М., 1992; Числов А.И. Профессиональная правоохранительная деятельность (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000 и др.

шений в будущем при строгом соблюдении установленного порядка¹.

Важность международных правовых основ этой деятельности обусловлена тем, что в Законе Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» отмечается, что пограничное законодательство основывается на Конституции Российской Федерации, а также на международных договорах Российской Федерации.

При этом в ст. 15 Конституции Российской Федерации указано, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью российской национальной правовой системы.

Согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.).

Все международные договоры Российской Федерации, нормы которых регулируют правоохранительную деятельность пограничных органов в пунктах пропуска, можно условно классифицировать по сфере регулируемых отношений:

1. Международные договоры, регламентирующие деятельность пограничных органов по противодействию угрозам национальной безопасности России, проявляющимся в пунктах пропуска:

- по борьбе с транснациональной организованной преступностью;
- по борьбе с терроризмом;
- по противодействию незаконному обороту наркотиков.

2. Международные договоры, регулирующие порядок использования пунктов пропуска для установления и поддержания международных связей:

- договоры об установлении пунктов пропуска;
- договоры о порядке взаимных поездок граждан.

3. Международные договоры, регламентирующие отношения в сфере функционирования отдельных видов международных сообщений и направленные на облегчение прохождения контрольных процедур в пунктах пропуска:

- договоры, регламентирующие морское (речное) сообщение;
- договоры, регламентирующие воздушное сообщение;
- договоры, регламентирующие железнодорожное сообщение;
- договоры, регламентирующие автомобильное сообщение.

Проанализируем основные положения указанных международных договоров, регулирующие правоохранительную деятельность пограничных органов по противодействию угрозам национальной безопасности России, проявляющимся в пунктах пропуска.

При этом необходимо отметить, что надежная защита и охрана государственной границы (пограничная безопасность государства) в пунктах пропуска является составной частью системы национальной безопасности вместе с другими ее элементами, такими как: обеспечение обороноспособности страны (военная безопасность); экономическая безопасность; поддержание социального мира в обществе; защита от экологических бедствий и другие. В системе все элементы взаимосвязаны и один элемент дополняет другой: не

¹ Венчиков Д.А. Признаки правоохранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска через государственную границу // Военное право. 2018. № 3; Некрасов А.А. Проблемные вопросы правоприменительной деятельности пограничных органов ФСБ России в пунктах пропуска через государственную границу и пути их решения // Оперативник (сыщик). 2012. № 4 (33). С. 38—42; Туганов Ю.Н. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в контексте обеспечения государственной безопасности // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 50—54.

может быть достаточной военной и пограничной безопасности при слабой и неэффективной экономике, как не может быть высокоразвитой экономики без надежной военной и пограничной безопасности¹.

При этом наличие связей (отношений) между элементами, позволяющих достигать поставленной цели, определяет основное свойство системы. Одним из инструментов, регулирующих общественные отношения в системе национальной безопасности, является военное право².

Следовательно, развитие норм военного права является одним из направлений развития системы правового обеспечения пограничной безопасности и правоохранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска как элемента этой системы.

Одним из основополагающих международных правовых актов данной группы является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. В данной Конвенции используются дефиниции «компетентные органы» (ст. 2, 11, 16, 18, 20), «правоохранительные меры» (ст. 11, 12), «правоприменительные меры» (ст. 27), раскрываются признаки транснациональной преступности и отдельные положения содержания правоохранительной деятельности.

В трех протоколах к данной Конвенции отражены положения, которые непосредственно относятся к деятельности пограничных органов в пунктах пропуска. В частности, в них рекомендуются «меры пограничного контроля», направленные на противодействие: торговле людьми, особенно женщинами и детьми; незаконному

ввозу мигрантов по суше, морю и воздуху; незаконному изготовлению и обороту огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему. В протоколах дается определение «поддельного документа», содержатся требования к «проверке документов» и «защите документов от подделок» и др.

Так, в ст. 3 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху» отмечено:

с) «поддельный документ на въезд/выезд или удостоверение личности» означает любой документ на въезд/выезд или удостоверение личности, которые:

- i) были подделаны или изменены каким-либо материальным образом любым лицом или учреждением, кроме тех, которые в законном порядке уполномочены изготавливать или выдавать документ на въезд/выезд или удостоверение личности от имени государства; или
- ii) были ненадлежащим образом выданы или получены с помощью представления неверных данных, коррупции или принуждения или каким-либо иным незаконным образом; или
- iii) используются лицом, иным, чем законный владелец;

Дефиниция «поддельный документ на въезд/выезд или удостоверение личности» имеет существенное значение в правоприменительной практике пограничных органов, так как позволяет квалифицировать состав преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 322 УК РФ.

Вместе с тем, в российских нормативных правовых актах, регулирующих порядок проверки документов у лиц, следующих через государственную границу, применяются следующие термины: «действительные документы»³, «подлинные документы»⁴, «действительные и недействительные документы»¹.

¹ Фатеев К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. См., об этом также: Туганов Ю.Н. Пограничная деятельность: юридический инструментариум Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании // Военно-юридический журнал. 2019. № 8. С. 21—24.

² Корякин В.М. Введение в теорию военного права : монография // Российский военно-правовой сборник : Военное право в XXI веке. М., 2007. № 9.

³ О Государственной границе Российской Федерации: закон Рос. Федерации. Ст. 11.

⁴ О порядке применения средств и методов контроля при осуществлении пропуска лиц,

Однако в российской правовой системе данное определение нормативно не закреплено. При этом ни в одном российском правовом акте не дается содержание данных понятий, что, несомненно, является правовым пробелом и требует дальнейшей научной проработки.

Термины «правоохранительные органы», «компетентные органы», «правоохранительная деятельность», «меры пограничного контроля» применяются и в других международных правовых актах, направленных на противодействие правонарушениям в пограничной сфере². Однако содержания данных терминов в этих документах не дается, что также является правовым пробелом.

Определенный научный интерес представляет Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г.

В данном международном правовом акте закреплены следующие «важные принципы и предпосылки гуманного осуществления функций по поддержанию правопорядка, а именно, что:

а) как и все другие учреждения системы уголовного правосудия, каждый орган

охраны порядка должен представлять общественность в целом, нести перед ней ответственность и быть ей подотчетным,

б) эффективное поддержание этических норм среди должностных лиц по поддержанию правопорядка зависит от существования хорошо продуманной, повсеместно принятой и гуманной системы законов,

с) каждое должностное лицо по поддержанию правопорядка является частью системы уголовного правосудия, цель которой состоит в предотвращении преступности и борьбе с ней, и что поведение каждого должностного лица этой системы оказывает воздействие на всю систему,

д) от каждого органа по охране порядка в соответствии с основной предпосылкой любой профессии необходимо требовать осуществления самоконтроля в полном соответствии с принципами и нормами, изложенными в настоящем документе, и что действия должностных лиц по поддержанию правопорядка должны подвергаться тщательной проверке со стороны общественности, которая может осуществляться либо советом, министерством, прокуратурой, судом, омбудсменом, комитетом граждан, либо любым сочетанием этих органов или любым другим органом по надзору»³.

Далее в Кодексе излагаются нормы поведения, которые должны соблюдать должностные лица правоохранительных органов. Вероятно, данные положения должны быть учтены в требованиях к поведению сотрудников федеральной службы безопасности.

Основными международными правовыми актами, направленными на противодействие незаконному обороту наркотиков, являются Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических и психотропных веществ и Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых

транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 2 февр. 2005 г. № 50.

¹ Служебная инструкция ФСБ России (документ опубликован не был).

² См.: Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: ратифиц. 9 октября 1990 г.: постан. Верх. Сов. СССР № 1711-1; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма : ратифиц. 20 апреля 2006 г. ФЗ № 56-ФЗ; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма: ратифицирована 20 апреля 2006 г.: ФЗ № 56-ФЗ; Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом : ратифиц. 28 декабря 2004 г.: ФЗ № 176-ФЗ; Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров : вступило в силу для Рос. Фед. 4 января 2002 г.; Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией.

³ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка: принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1979 г. // Международные акты о правах человека : Сб. документов. М., 1998 г. С. 35—41.

Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

В вводной части Конвенции ООН дается правовая оценка негативного влияния данного явления, в частности, «взаимосвязь между незаконным оборотом и другими связанными с ним формами организованной преступности, которые подрывают законную экономику и создают угрозу для стабильности, безопасности и суверенитета государств, ... незаконный оборот представляет собой международную преступную деятельность, пресечение которой требует неотложного и самого первоочередного внимания, ... незаконный оборот обеспечивает большие прибыли и финансовые средства, что позволяет транснациональным преступным организациям проникать в правительственные механизмы, законную торговую и финансовую деятельность и общество на всех его уровнях, разлагать и подрывать их».

Согласно нормам Конвенции, каждая Страна осуществляет, разрабатывает или совершенствует конкретные программы подготовки персонала правоохранительных органов, отвечающих за пресечение незаконного оборота наркотиков.

В Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров нормативно закреплён перечень компетентных органов, в функции которых входят «вопросы борьбы, профилактики и предупреждения незаконного оборота наркотиков и прекурсоров», в том числе: «органы национальной безопасности и специальные службы; пограничные ведомства». Следовательно, деятельность пограничных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков имеет международную правовую основу. Соответственно, в ведомственных приказах, регламентирующих деятельность пограничных органов, должны быть отражены нормы Конвенции и Соглашения.

Проведенные ранее исследования показали, что одной из угроз национальной

безопасности России является незаконная миграция¹.

В международном праве предпринимаются определенные попытки правового регулирования деятельности, направленной на борьбу с незаконной миграцией. В частности, в рамках СНГ действует Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией, некоторые вопросы борьбы с незаконной миграцией отражены в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

Рассматривая сущность незаконной миграции, можно утверждать, что процесс незаконного перемещения людей из страны в страну (или транзитом в третье государство) носит сугубо осознанный и целевой характер. Говоря другими словами, преследуя целью «осесть» и легализоваться в государстве с более высоким уровнем экономического и социально-политического развития, незаконные мигранты преднамеренно (в большинстве случаев используя различные ухищрения) нарушают установленный государственными нормативными правовыми актами порядок пересечения государственной границы и (или) правила пребывания на территории Российской Федерации. Однако к категории «незаконный мигрант» нельзя относить всех иностранных граждан и лиц без гражданства, «нарушивших правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территории другого государства», как это зафиксировано с ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией. Если принять данную формулировку, то согласно российскому законодательству под данную категорию попадают все нарушители государственной границы Российской Федерации.

Важное место в правоохранительной

¹ Прудникова Т.А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

деятельности пограничных органов в пунктах пропуска занимает противодействие терроризму и экстремизму. Основными международными правовыми актами, регулирующими деятельность по борьбе с терроризмом, являются:

— Европейская Конвенция о пресечении терроризма: заключена в г. Страсбурге 27.01.1977 г.;

— Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята в г. Нью-Йорке 09.12.1999 г.;

— Протокол, вносящий изменения в Европейскую Конвенцию о пресечении терроризма: подписан в г. Страсбурге 15.05.2003 г.;

— Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом: подписан в г. Минске 04.06.1999 г.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в международных правовых актах, направленных на противодействие различным преступлениям трансграничного характера, закреплены такие правовые понятия как «правоохранительные органы», «компетентные органы», «правоохранительная деятельность» и др. Следовательно, их применение в научной среде и в российских нормативных правовых актах вполне правомерно.

Кроме того, можно утверждать, что меры пограничного контроля относятся к «правоохранительным мерам», а органы, осуществляющие эти меры, к «правоохранительным органам». Учитывая, что согласно российскому законодательству меры пограничного контроля осуществляют пограничные органы, можно также утверждать, что пограничные органы относятся в правоохранительным.

Вторую группу международных договоров Российской Федерации, нормы которых регулируют правоохранительную деятельность пограничных органов в пунктах пропуска, составляют соглашения о международных сообщениях.

Согласно международным нормам, каждое государство устанавливает правила пересечения государственной границы ли-

цами и транспортными средствами, передвигающимися по путям международного сообщения. В этих целях заключаются двухсторонние договоры о взаимных поездках и о пунктах пропуска, устанавливающих перечни действующих пунктов пропуска международного и двустороннего сообщения, режимы их работы, полномочия пограничных органов по пропуску и иные вопросы.

Третий блок международных договоров в сфере правоохранительной деятельности пограничных органов составляют акты, регламентирующие отношения в сфере функционирования отдельных видов международных сообщений, а также отдельные вопросы пропуска лиц и различных категорий транспортных средств.

Основными международными правовыми актами, регламентирующими отношения на морских путях международного сообщения (в морских пунктах пропуска), являются:

— Конвенция по облегчению международного морского судоходства 1965 г. (ФАЛ-65);

— Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.;

— Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС) 2002 г.

В Конвенции по облегчению международного морского судоходства с приложениями к ней содержатся нормы, направленные на упрощение и сокращение формальностей, требований в отношении документов и процедур при переходе, во время стоянки и при отходе судов, совершающих заграничные рейсы; сформулированы меры надлежащего порядка в период работы транспортных предприятий и контролирующих органов при оформлении лиц, товаров, грузов и животных; даны рекомендации желательности принятия государствами-участниками стандартов во всех случаях, когда это практически возможно, и приведения в полное соответствие с ними своих собственных формальностей, требований в отношении документов и процедур, осуществляемых в международных морских пунктах пропуска.

В соответствии с Конвенцией ФАЛ-65 почти все страны мира при приходе и отходе судов «ограничивают информацию, требуемую ими от судовладельцев и других заинтересованных сторон кроме той, которая требуется Конвенцией». Конвенцией определен состав данных предварительного информирования и конкретный список предоставляемых документов при приходе и отходе судна. В связи с отсутствием указанного перечня документов в Типовой схеме каждым органом государственного контроля в российских портах формируются собственные требования к перечню запрашиваемых документов и данных предварительного информирования.

В Типовой схеме не учтены требования Конвенции ФАЛ-65, которыми предусмотрено, что «Государственным властям следует: а) разработать системы электронной передачи данных для представления информации до прибытия и до отхода; б) рассмотреть вопрос о повторном и последующем использовании информации до прибытия и до отхода в последующих процедурах как части информации, требуемой для выпуска/очистки пассажиров и груза»¹.

Данные правовые пробелы значительно усложняют процедуру проведения пограничного и других видов контроля, увеличивают время простоя судов в порту, что наносит судовладельцам определенные экономические потери. В данной ситуации российские порты, в конечном итоге, теряют свою экономическую привлекательность, и Россия несет экономические убытки.

Определенное развитие международных правил пребывания морских судов в пунктах пропуска внесла Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. В ней установлены такие правовые нормы, как: порядок установления границ порта и рейдовых стоянок морских судов; порядок захода

морских судов в порт и стоянки на рейде порта; возможность принятия национальных законов и правил «предотвращения нарушения таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил прибрежного государства»; правомочия прибрежного государства по решению дел об уголовных правонарушениях на борту иностранного судна.

Важное значение для регулирования вопросов противодействия угрозам национальным интересам в морских пунктах пропуска имеет перечень в Конвенции запрещенных иностранным судам видов деятельности, в период их нахождения в порту и на рейде.

Естественно, что данные правовые нормы должны учитываться в российских нормативных актах, устанавливающих правила пребывания иностранных судов морских пунктах пропуска.

После террористических актов в США 11 сентября 2001 г. двадцать вторая сессия Ассамблеи Международной морской организации (ИМО) единогласно решила разработать новые меры по охране судов и портовых средств. В этой связи 12 декабря 2002 г. Конференция ИМО одобрила поправки к Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года (МК СОЛАС-74), касающиеся специальных мер по повышению безопасности и усилению охраны на море, и Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС 2002 года).

Так, в Кодексе ОСПС установлены следующие обязательные правовые нормы:

- проведение комплекса мероприятий по недопущению проникновения на борт судна и прилегающую к нему портовую территорию посторонних лиц;
- порядок прохода на морские суда должностных лиц, пассажиров и членов экипажа;
- меры по контролю за территорией порта и портовыми средствами.

Не вызывает сомнения, что выработанные международными конвенциями стандарты и рекомендации должны быть, по возможности, наиболее полно реализованы в нормативных правовых документах Российской Федерации и учтены в право-

¹ Конвенция по облегчению международного морского судоходства и резолюции, утвержденные международной конвенцией по облегчению морских пассажирских и грузовых сообщений 1965 г. С. 262—279.

охранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска.

Основным международным правовым актом, регулирующим отношения на воздушных путях международного сообщения (в воздушных пунктах пропуска), является Чикагская Конвенция о международной гражданской авиации 1944 г., принятая в рамках деятельности Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Данная Конвенция с приложениями, регламентирует международные нормы гражданской авиации и координирует её развитие с целью повышения безопасности и эффективности.

В данной Конвенции регламентированы следующие положения, затрагивающие правоохранительную деятельность в пунктах пропуска:

— порядок прибытия в пункты пропуска воздушных судов и их убытия, процедуры пребывания воздушных судов в пунктах пропуска, мероприятия по облегчению прохождения пограничного, таможенного и иных видов контроля (ст. 10, 13, 16, 22, 23 Конвенции);

— правила въезда в воздушные пункты пропуска, пребывания и выезда из них лиц и багажа, порядок нахождения в пунктах пропуска транзитных пассажиров (глава 3 Приложения 9 к Конвенции);

— определение мест стоянок воздушных судов, маршрутов движения пассажиров и порядка их доставки в пункты пропуска (глава 6 Приложения 9 к Конвенции);

— меры по недопущению проникновения в контролируемые зоны и к местам стоянок воздушных судов посторонних лиц. Ограждение территории воздушного пункта пропуска (Приложение 17 к Конвенции).

Таким образом, можно утверждать, что перечисленные нормы Конвенции о Международной гражданской авиации в полной мере относятся к содержанию режима государственной границы и, следовательно, должны учитываться в правоохранительной деятельности пограничных органов в воздушных пунктах пропуска.

Кроме того, ст. 37 Чикагской Конвенции обязывает государства-участников

Конвенции «сотрудничать в обеспечении максимально достижимой степени единообразия правил, стандартов, процедур и организационных действий ... по всем вопросам, в которых такое единообразие будет содействовать и совершенствовать аэронавигацию», а также, что «ИКАО принимает и по мере необходимости время от времени изменяет международные стандарты, рекомендуемые практики и процедуры, касающиеся ... таможенных и иммиграционных процедур ..., а также таких других вопросов, касающихся безопасности, регулярности и эффективности аэронавигации, какие время от времени могут оказаться целесообразными».

Данное требование также должно учитываться при разработке российских нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в воздушных пунктах пропуска.

На железнодорожных путях международного сообщения Россия участвует в международном правовом регулировании в основном в рамках деятельности Организации сотрудничества железных дорог (далее — ОСЖД).

В рамках ОСЖД заключены Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (далее — СМГС) и Соглашение о международном пассажирском сообщении (далее — СМПС).

Так, в СМПС прописаны следующие нормы, имеющие отношение к правоохранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска:

— условия и документы, по которым пассажиры могут прибывать в пункты пропуска через границу и убывать из них;

— порядок следования через пункты пропуска поездов (вагонов) прямого международного сообщения;

— описание документа на право проезда в поезде международного сообщения (пассажирского билета) и который подтверждает правомерность нахождения лица в пункте пропуска;

— обязанность физических (пассажиров) и юридических (железная дорога) лиц «соблюдать паспортно-административные (в том числе визовые), таможенные и другие правила, установленные при проезде

железнодорожным транспортом в международном сообщении».

На автомобильных путях международного сообщения деятельность пограничных и других контрольных органов регулируется в основном двухсторонними договорами. Кроме того, Российская Федерация является участником Конвенции МДП¹. Участниками данной Конвенции являются 24 государства Европы, а также США, Япония, Афганистан, Иран, Турция, Израиль и некоторые другие. Отличительный знак государств-участников Конвенции — табличка ТИР (TIR) на автотранспорте.

В соответствии с достигнутыми соглашениями грузы, перевозимые между государствами-участниками Конвенции и транзитом через их территории в опломбированных автомашинах или погруженных на автомашины опломбированных контейнерах, освобождаются от уплаты таможенных пошлин и, как правило, не подвергаются досмотру в пунктах пропуска, если не будут обнаружены неисправности пломб или повреждения целостности упаковки.

Однако не все перечисленные в международных правовых актах рекомендации нашли своей полной реализации в российских нормативных актах. Так, основным нормативным документом, регламентирующим действия государственных контрольных органов в пунктах пропуска, являются Типовые схемы организации пропуска через государственную границу Российской Федерации лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных, в которых вообще отсутствуют упоминания и ссылки на международные правовые акты².

¹ Таможенная Конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП) от 14 ноября 1975 г. // Международные перевозки грузов, серия «Закон и бизнес». СПб, 1996.

² Об утверждении типовой схемы организации пропуска через государственную границу Российской Федерации лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных в морских и речных (озерных) пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации : приказ Минтранса РФ от 22 декабря 2009 г. № 247; Об утверждении Типо-

Таким образом, анализ международных договоров, регламентирующих отношения в сфере функционирования отдельных видов международных сообщений показал, что все они содержат правовые нормы, регулирующие правила прохождения контрольных процедур в пунктах пропуска через границу, контроль за соблюдением которых возложен на пограничные органы.

Подводя итог анализу международных договоров, необходимо отметить, что, несмотря на их значительное количество, существуют некоторые пробелы при имплементации норм международного права в национальное законодательство, что, несомненно, негативно влияет на правоохранительную деятельность пограничных органов в пунктах пропуска.

Библиография

1. Божьев, В.П. Правоохранительные органы / В.П. Божьев. — М.: Юрайт, 2012. — 376 с.
2. Братко, А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории): дис. ... д-ра юрид. наук / А.Г. Братко. — М.: Академия МВД России, 1992. — 368 с.
3. Венчиков, Д.А. Признаки правоохранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска через государственную границу / Д.А. Венчиков // Военное право. — 2018. — № 3.
4. Корякин, В.М. Введение в теорию военного права: монография / В.М. Корякин // Российский военно-правовой сборник : Военное право в XXI веке. — М., 2007.
5. Некрасов, А.А. Проблемные вопросы правоприменительной деятельности пограничных органов ФСБ России в пунктах пропуска через государственную границу и пути их решения /

вой схемы организации пропуска через государственную границу Российской Федерации лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных в автомобильных пунктах пропуска : приказ Минтранса России от 24 января 2014 г. № 23; Об утверждении Типовой схемы организации пропуска через государственную границу Российской Федерации лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных в воздушных пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации : приказ Минтранса России от 29 января 2010 г. № 21; Об утверждении Типовой схемы организации пропуска через государственную границу Российской Федерации лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных в железнодорожных пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации : приказ Минтранса России от 9 февраля 2010 г. № 31.

А.А. Некрасов // Оперативник (сыщик). — 2012. — № 4 (33). — С. 38—42.

6. Прудникова, Т.А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов : дис. ... д-ра юрид. наук / Т.А. Прудникова. — М.: Мос. универ. МВД России, 2016. — 455 с.

7. Туганов, Ю.Н. Пограничная деятельность: юридический инструментарий Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании / Ю.Н. Туганов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 8. — С. 21—24.

8. Туганов, Ю.Н. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в контексте обеспече-

ния государственной безопасности / Ю.Н. Туганов // Военное право. — 2018. — № 6 (52). — С. 50—54.

9. Фатеев, К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / К.В. Фатеев. — М.: Воен.ун-т, 2005. — 374 с.

10. Числов, А.И. Профессиональная правоохранительная деятельность (теоретико-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук / А.И. Числов. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. — 478 с.

Установление специальных административно-правовых режимов в приграничных районах для противодействия незаконной миграции: опыт отдельных западных государств

© Свиных Евгений Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются предписания национальных законодательств отдельных западных государств, устанавливающие в их приграничных районах специальные административно-правовые режимы в целях противодействия незаконной миграции. Помимо хорошо знакомого российскому законодателю режима пограничной зоны (полосы) в европейских странах описываются специальные административно-правовые режимы, направленные исключительно на ограничение права лиц на убежище. Подвергнуты анализу режимы зоны ожидания во Франции, нейтральной зоны в Испании и зоны отсечения в Австралии.

Ключевые слова: государственная граница; пограничная зона; зона ожидания; зона отсечения; приграничная территория; приграничный район; пограничное пространство; пограничная безопасность; административно-правовой режим; незаконная миграция; право на убежище.

Establishment of the special administrative law regimes in border areas to counteract illegal migration: the experience of some Western States

© Svininyh E.A.,
doctor of legal sciences, associate professor of the
department of civil law

Abstract. The author describes the regulations of some Western States establishing special administrative law regimes for their border areas to counteract illegal migration. In addition to a regime of a border zone (borderland), that is well known to the Russian legislator as a border regime, the author considers European countries' special administrative law regimes which are exclusively designed to limit the human right to asylum. The regimes of the waiting zone in France, the neutral zone in Spain and the excised zone in Australia were analyzed.

Keywords: state border; border zone; waiting zone; excised zone; border area; border district; border space; border security; administrative law regime; illegal migration; right to asylum.

Одним из правовых средств обеспечения пограничной безопасности¹, использу-

¹ Под пограничной безопасностью понимается состояние защищенности политических, экономических, информационных, гуманитарных и иных интересов личности, общества и государства на государственной границе и в пограничном пространстве (См.: Модельный закон о пограничной безопасности : принят в г. Санкт-Петербурге 28 окт. 2010 г. постановлением 35-10 на 35-м пленарном заседании Межпарлам. Ассамблеи государств-участников СНГ) : ст. 2 // Информ. бюллетень. Межпарлам. Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 2011. № 49. С. 113—144).

емых отечественным законодателем, является установление в пределах пограничного пространства² специальных админи-

² Пограничное пространство Российской Федерации включает в себя государственную границу Российской Федерации и приграничную территорию Российской Федерации, подводную среду и воздушное пространство Российской Федерации, а также исключительную экономическую зону, континентальный шельф Российской Федерации, другие морские пространства, в пределах которых Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию (См.: Основы

стративно-правовых режимов: режима государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через государственную границу. Кроме того, анализ содержания Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» позволяет говорить об установлении законодателем режима приграничной территории.

Действие вышеназванных режимов ограничено в пространстве. В ряде случаев определяются зоны или полосы, в пределах которых могут проводиться режимные мероприятия и устанавливаются определенные ограничения прав человека. Так, пограничный режим действует в пограничной зоне¹ и ее составных частях — стометровой² и пятикилометровой полосах местности, прилегающих к государственной границе или российским берегам водных объектов.

Установление на государственной границе и приграничной территории административно-правовых режимов направлено на противодействие правонарушениям в области защиты государственной границы, включая отдельные виды правонарушений в сфере миграции. В российском законодательстве положения о таких административно-правовых режимах действуют достаточно давно. Это подтверждает их эффективность как средств обеспечения пограничной безопасности. Тем не менее значительный интерес представляет опыт западных государств по установлению в своих приграничных районах специальных административно-правовых режимов для противодействия незаконной миграции. Выявление положительных практик позволит наметить возможные направления

совершенствования отечественного законодательства.

Опыт западных европейских государств по установлению режима пограничной зоны (полосы).

В государствах — членах Европейского Союза (ЕС) пограничные проверки на внутренних и внешних границах ЕС осуществляются в соответствии с требованиями Шенгенского кодекса о границах³. При этом в праве ЕС нет норм, аналогичных положениям российского законодательства о таких административно-правовых режимах, как режим государственной границы, пограничный режим, режим в пунктах пропуска через государственную границу. Во многом это является следствием требования ст. 26(2) Договора о функционировании Европейского Союза⁴, согласно которому внутренний рынок ЕС включает в себя пространство без внутренних границ, в пределах которого должно быть гарантировано свободное перемещение товаров, лиц, услуг и капитала. Пограничный контроль на внутренних границах между государствами — членами ЕС был отменен, а его повторное введение является исключением.

Положения об административно-правовых режимах обеспечения пограничной безопасности содержатся в национальных законодательствах ряда государств — членов ЕС, имеющих сухопутные внешние границы ЕС с третьими странами. Например, в Финляндии предусмотрен режим пограничной зоны. Эта зона может простираться на суше до 3 км и на море до 4 км от государственной границы (ст. 49 Закона Финляндии «О пограничной охране»⁵). В Польше режим пограничной зоны долгое время являлся частью национального законодательства, принятого в период вхожде-

государственной пограничной политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 25 апр. 2018 г. № 174 : п. 6 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2018. — № 18, ст. 2614).

¹ См.: О Государственной границе Российской Федерации : закон Рос. Федерации от 1 апр. 1993 г. № 4730-I : ст. 16.

² См.: Правила пограничного режима / утв. приказом ФСБ России от 7 авг. 2017 г. № 454 : подп. «а» п. 10.

³ См.: О Кодексе Союза о правилах, регламентирующих передвижение людей через границы : Регламент № 2016/399 Европейского парламента и Совета Европейского Союза.

⁴ См.: Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C 202/01).

⁵ См.: Rajavartiolaitos 578/2005 : Annettu Naantalissa 15 päivänä heinäkuuta 2005. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2005/20050578> (дата обращения: 10.06.2022).

ния Польши в состав стран социалистического блока. Падение «железного занавеса» не привело Польшу к отказу от пограничной зоны на внешних границах ЕС (ширина зоны может составлять до 15 км¹. — *Прим. авт.*), хотя значительно отразилось на содержании ее режима в сторону смягчения². В Литовской Республике размер пограничной зоны, включающей в себя также пограничную охранную зону, на границе с Российской Федерацией и Республикой Беларусь составляет до 5 км³. В Латвийской Республике размер пограничной полосы может составлять до 2 км, а пограничной зоны – до 30 км⁴.

В таком европейском государстве, не являющемся членом ЕС, как Норвегия, запрет или ограничение нахождения и передвижения в пределах определенного расстояния от государственной границы и пунктов пропуска через нее допускаются лишь в качестве чрезвычайной меры временного характера на основании решения короля и в законодательно определенных целях⁵.

¹ См.: Ustawa z dnia 12 października 1990 r. o ochronie granicy państwowej : art. 12–13 // Dz.U. 1990 nr 78 poz. 461. – URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19900780461/U/D19900461Lj.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).

² См.: Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji z dnia 21 kwietnia 2008 r. w sprawie warunków uprawiania turystyki, sportu, połowań i połowu ryb w strefie nadgranicznej // Dz.U. 2008 nr 80 poz. 481. – URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20080800481/O/D20080481.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).

³ См.: Lietuvos Respublikos valstybės sienos ir jos apsaugos įstatymo Nr. VIII-1666 pakeitimo : Įstatymas 2017 m. liepos 4 d. Nr. XIII-593 : straipsnis 11–12. – URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/Idea548067b411e7827cd63159af616c/asr> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ См.: Latvijas Republikas valsts robežas likums : pants 15, 19. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=201364> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵ См.: Lov om grensetilsyn og grensekontroll av personer (grenseloven) : Tilråding fra Justis- og beredskapsdepartementet 11. august 2017, godkjent i statsråd samme dag. (Regjeringen Solberg). Proposisjon til Stortinget (forslag til lovvedtak). Prop. 161 L (2016–2017) : § 7.2.5. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/prop.-161-l-20162017/id2565670/?ch=7> (дата обращения: 10.06.2022) ; Lov om grensetilsyn og grensekontroll av

personer (grenseloven) : § 12. – URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2018-04-20-8/KAPITTEL_2#KAPITTEL_2 (дата обращения: 10.06.2022).

Анализ законодательства отдельных западных европейских государств позволяет заметить, что они устанавливают в своих приграничных районах режим пограничной зоны (полосы) преимущественно в целях создания условий для своевременного выявления национальными пограничными службами незаконных пересечений государственной границы вне пунктов пропуска, а также иных правонарушений в сфере обеспечения пограничной безопасности. Содержание рассматриваемого режима, как правило, связано с ограничением прав собственников земельных участков, а также права на свободу передвижения, личную неприкосновенность, осуществление определенных видов деятельности. Кроме того, сотрудники пограничных служб наделяются определенными властными полномочиями, которые они могут реализовывать в пределах пограничной зоны (полосы).

Режим пограничной зоны (полосы) в западных европейских государствах во многом схож с российским пограничным режимом. Однако в ряде государств Западной Европы установлены административно-правовые режимы, не имеющие аналогов в отечественной правовой системе. Эти режимы направлены на создание препятствий для подачи нелегальными мигрантами ходатайств о предоставлении им убежища. Установление данных режимов было связано с усилением миграционного давления и существующим противоречием между расширением миграционных потоков и желанием государств всеобщего благосостояния ограничить иммиграцию. Ведь одним из наиболее важных условий функционирования таких государств является существование четкой линии, отделяющей их граждан от всех остальных⁶. В качестве примера упомянутых административно-правовых режимов можно в первую очередь указать на режим

personer (grenseloven) : § 12. – URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2018-04-20-8/KAPITTEL_2#KAPITTEL_2 (дата обращения: 10.06.2022).

⁶ См.: Большова Н.Н. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству-нации в условиях глобализации (на примере ФРГ) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С. 96.

так называемой зоны ожидания (*zone d'attente*) во Франции.

История создания во Франции зон ожидания.

Создание зон ожидания — следствие резкого роста в начале 80-х гг. XX в. числа лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища в государствах — членах Совета Европы. Создание в парижских аэропортах международных зон позволило Франции уклониться от исполнения своих международных обязательств по предоставлению убежища иностранным гражданам и апатридам. В частности, согласно нормам международного права, ищущие убежища иностранцы и апатриды без документов, необходимых для въезда во Францию, не могут быть высланы из страны до рассмотрения их запроса (п. 2 ст. 32 Женевской конвенции о статусе беженцев¹).

Международная зона рассматривалась как негосударственное, экстерриториальное пространство. В ней содержались иностранные граждане и апатриды, которым было отказано во въезде во Францию или целью которых было ходатайство о предоставлении убежища. Нормативный срок помещения в зону и содержания в ней не был четко определен. МВД Франции, осуществляющее функцию охраны государственной границы, дало распоряжение пограничной службе игнорировать требования внутригосударственных законов, аргументируя это тем, что международная зона не является территорией Франции. В результате целые семьи мигрантов содержались в небольших камерах в пределах терминалов аэропорта и близлежащих отелей, признаваемых продолжением международной зоны. Причем многие лица, прибывшие в парижские аэропорты им. Шарля де Голля и Орли с целью ходатайства о предоставлении убежища, были лишены этой возможности и в последующем подверглись высылке.

Таким образом, Франция использовала юридическую фикцию для исключения действия на определенной части своей территории ряда правовых норм национального ми-

грационного законодательства. Франция «стерла» часть своей территории, «как бы продырявив себя географически»².

В июле 1992 г. вступил в силу Закон о зоне ожидания³. Он имплицитно признавал суверенитет Франции над международной зоной, которая была переименована в зону ожидания. Законом определялось, что зона ожидания «простирается от места посадки или высадки до места, где осуществляется проверка людей». Кроме того, законодатель распространил режим зоны ожидания на места содержания отдельных категорий лиц в пределах порта, аэропорта, железнодорожного вокзала.

Вместе с тем цели, достигаемые посредством признания пространства в пределах зоны ожидания и международной зоны находящимся за пределами территории Франции, различались. Режим международной зоны определял не только правовой статус пребывающих в ней людей, но был также направлен на регулирование таможенных процедур. В свою очередь цель установления режима зоны ожидания была связана исключительно с ограничением иммиграции. В последующем это отразилось на пространственных пределах данной зоны.

Режим зоны ожидания основывается на идее, что пребывающие в зоне отдельные категории лиц находятся не на территории Франции, а перед ее границей. Действие данного режима избирательно: он распространяется только на иностранцев и апатридов, прибывших железнодорожным, водным или воздушным транспортом и которым отказано во въезде на территорию Франции, либо которые ходатайствуют в приграничном районе о предоставлении убежища.

Итак, установление режима зоны ожидания базируется на идее различения физи-

² См.: Shachar A. The shifting border of immigration regulation // *Stanford Journal of Civil Rights and Civil Liberties*. 2007. Vol. 30. № 3. pp. 165—193.

³ См.: Loi n° 92-625 du 6 juillet 1992 sur la zone d'attente des ports et des aéroports et portant modification de l'ordonnance n° 45-2658 du 2 novembre 1945 relative aux conditions d'entrée et de séjour des étrangers en France. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000175480/1992-07-09/> (дата обращения: 10.06.2022).

¹ См.: Конвенция о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28 июля 1951 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6—28.

ческого нахождения во Франции и юридического въезда в нее иностранцев и апатридов (так называемая концепция законного въезда в государство¹. — *Прим. авт.*). Для признания отдельных категорий лиц въехавшими во Францию недостаточно одного лишь физического нахождения на территории государства. Въездом во Францию признается только прохождение установленной процедуры допуска на ее территорию². Подобное разграничение физического нахождения и юридического въезда позволило французским властям обосновать ограничения прав содержащихся в зоне людей³.

В 2003 г. объем понятия «зона ожидания» был расширен. Оно стало включать участки местности «вблизи места высадки», а также любое место, куда въезжающий во Францию иностранный гражданин или апатрид препровождается по административным или медицинским причинам (например, суд, больница. — *Прим. авт.*)⁴. Категория «вблизи места высадки» является оценочной, что дает возможность для ее различной интерпретации правоприменительными органами.

Причиной внесения в 2003 г. в законодательство описанных изменений стало прибытие в феврале 2001 г. на пляж французской Ривьеры 910 нелегальных мигрантов. Власти Франции без какого-либо правового основания установили специальную зону ожидания, в которой были разрешены задержание и последующее содержание мигрантов. Эта зона пролегла от места высадки мигрантов до военного городка, где они

содержались после задержания. Однако в то время закон не допускал установления зоны ожидания за пределами порта, аэропорта или международной железнодорожной станции. Как следствие, существовала высокая вероятность успешного судебного оспаривания содержания в таких зонах.

В результате законодательных изменений 2003 г. произошел отказ от подхода, используемого ранее для определения границ зоны. Новый подход не предполагал установления четких пространственных границ зоны ожидания. Границы данной зоны, равно как и пределы действия ее режима, стали определяться правовым статусом находящегося в ней лица. Фактически границы зоны ожидания изменялись вслед за перемещениями иностранцев и апатридов. Таким образом, если первоначально зоны ожидания имели пространственный «якорь» только в приграничных районах Франции, то с 2003 г. была установлена привязка границ этой зоны к человеку вне зависимости от его перемещений по Франции: в целях миграционного законодательства этот человек все равно признавался находящимся вне Франции. Зона ожидания превратилась из географического пространства, в пределах которого у находящегося в нем лица имеется определенный набор прав и обязанностей, в правовое пространство, предназначенное для государственного управления в области внешней миграции. В результате один и тот же участок местности может признаваться как находящимся за пределами Франции (для лиц, не допущенных к въезду во Францию. — *Прим. авт.*), так и территорией Франции (для лиц, допущенных к въезду во Францию. — *Прим. авт.*).

В 2011 г. понятие «зона ожидания» было расширено еще раз. Специальные зоны ожидания было разрешено устанавливать сроком до 26 дней в случаях, когда группа из 10 и более иностранных граждан и/или апатридов пересекла государственную границу Францию вне установленных мест (например, на пляже. — *Прим. авт.*). В такой ситуации зона ожидания устанавливалась между местом, где власти обнаружили нелегальных мигрантов, и ближайшим пунктом пропуска через государственную границу, но не далее, чем на 10 км от грани-

¹ См.: Hathaway J. C. *The Rights of Refugees Under International Law*. — Cambridge, 2005 ; Basaran T. *Legal borders in Europe: The waiting zone // A Threat Against Europe? Security, Migration, Integration* / ed. by J. P. Burgess, S. Gutwirth. — Brussels, 2011. — pp. 63–64.

² Подробнее см.: Basaran T. *Security, Law and Borders: At the Limits of Liberties*. — London, 2012.

³ См., например: France: Unaccompanied children detained at borders. 500 a year held in transit zones / Human Rights Watch, 2014. — URL: <https://www.hrw.org/news/2014/04/08/france-unaccompanied-children-detained-borders> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ См.: Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile (далее – CESEDA) : art. L221-2. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070158/ (дата обращения: 10.06.2022).

цы¹. Законодательное изменение 2011 г. было вызвано инцидентом на о. Корсика, на побережье которого в январе 2010 г. высадились 123 нелегальных мигранта².

Понятие зоны ожидания по законодательству Франции.

Действующее французское законодательство³ определяет зону ожидания через перечисление категорий лиц, которые могут в ней содержаться, и очерчивание ее границ.

Во-первых, зона ожидания представляет собой особое правовое пространство для лиц, не являющихся гражданами Франции (в первую очередь беженцев и нелегальных мигрантов. — *Прим. авт.*), которые прибыли во Францию железнодорожным, морским или воздушным транспортом, но не получили разрешение на въезд от миграционного органа. Кроме того, в зоне ожидания могут содержаться иностранные граждане и апатриды, пересекшие границу Франции вне пунктов пропуска через нее в составе группы из не менее 10 лиц, не являющихся гражданами Франции.

Во-вторых, по общему правилу зона ожидания находится на территории порта или вблизи места посадки/высадки, аэропорта, железнодорожной станции. Эта зона проходит от места посадки/высадки пассажиров до пункта пропуска через государственную границу, в котором осуществляется проверка законности ее пересечения. Если лицо попало во Францию, минуя пункты пропуска в составе группы из не менее 10 человек, то зона ожидания устанавливается между местом, где власти обнаружили нелегальных мигрантов, и ближайшим пунктом пропуска, но не далее, чем на 10 км от государственной границы.

Зона ожидания — это экстерриториальная зона содержания под стражей, в которой иностранцы и апатриды без требуемых для въезда во Францию документов или целью

которых является ходатайство о предоставлении убежища содержатся от нескольких часов до нескольких недель в ожидании разрешения на въезд во Францию или решения о признании их беженцами⁴.

Создание, расширение и ликвидация зон ожидания осуществляется на основании административного решения уполномоченного органа региональной власти⁵. Никаких проверок обоснованности и целесообразности принятия таких решений на законодательном уровне не предусмотрено. Кроме того, допускается ретроспективное установление зон ожидания, что еще больше ограничивает возможности контроля за действиями властей.

Содержание режима зоны ожидания во Франции.

Порядок содержания иностранцев и апатридов в зоне ожидания закреплен законодательно. Содержание лица в зоне ожидания признается лишением свободы⁶. Уполномоченный орган власти (обычно это пограничная полиция (*police aux frontières*). — *Прим. авт.*) принимает мотивированное решение о помещении лица в зону ожидания на срок не более четырех дней⁷. Данное решение может быть обжаловано в суде. В случае пересечения государственной границы Франции вне установленных мест группой из 10 и более иностранных граждан

⁴ См.: Makaremi C. The Waiting Zone // *Memory and Migration: Multidisciplinary Approaches to Memory Studies* / ed. by J. Creet and A. Kitzmann. Toronto, 2011. P. 71.

⁵ Первоначально решение о необходимости и местонахождении зоны ожидания мог принять префект любого департамента в пределах своей территориальной юрисдикции. Согласно действующему законодательству на принятие решения уполномочен уже не префект, а «компетентный административный орган» (CESEDA : art. L341-6), то есть полномочия по созданию зоны ожидания перемещены еще ниже по государственно-властной иерархии. — *Прим. авт.*

⁶ Однако так было не всегда. См.: Дело «Амуур против Франции» (жалоба № 19776/92) : постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июня 1996 г. — URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/530337b54.html> (дата обращения: 22.04.2022).

⁷ См.: CESEDA : art. L341-2.

¹ См.: CESEDA : art. L.221-2.

² См.: Jamet C. Migrants de 'barque' s en Corse: le HCR interpelle la France [Disembarked migrants in Corsica: the UNHCR calls on France] // *Le Figaro*. 2010. 22 January. URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2010/01/22/01016-20100122ARTFIG00500-une-certaine-demigrants-debarque-sur-une-plage-corse-.php> (дата обращения: 10.06.2022).

³ См.: CESEDA : art. L341-1, L341-6.

и/или апатридов максимальный срок содержания в зоне ожидания составляет 26 дней¹.

Согласно общему правилу для подачи запроса о предоставлении убежища необходимо находиться на территории Франции. Однако люди, находящиеся в зоне ожидания, не могут подать указанный запрос, так как не считаются въехавшими на территорию Франции на законных основаниях. К таким лицам применяется отдельная процедура, известная как «убежище на границе». Она включает подачу лицом, находящимся в зоне ожидания, предварительного заявления о предоставлении убежища. По результатам рассмотрения в зоне ожидания данного заявления Французское бюро защиты беженцев и апатридов (*Office français de protection des réfugiés et apatrides* (далее — *OFPRA*)) выдает заключение. В нем пограничной полиции дается рекомендация о допуске лица на территорию Франции. При отсутствии препятствий МВД Франции в лице пограничной полиции разрешает въезд в страну в целях получения убежища и принимает предварительное решение о том, является ли заявление о предоставлении убежища «явно необоснованным». Заявителю предоставляется пропуск на восемь дней и доступ к обычной процедуре предоставления статуса беженца, применяемой во Франции. В противном случае лицу отказывают во въезде и становится возможной его немедленная депортация. Эта практика не считается высылкой, осуществляемой в нарушение ст. 33 Конвенции о беженцах, поскольку считается, что иностранный гражданин (апатрид) не въехал во Францию на законных основаниях.

Проведение процедуры «убежище на границе» осуществляет МВД Франции, хотя ответственность за предоставление статуса беженца возлагается на иные органы — *OFPRA* и Апелляционную комиссию по делам беженцев. Такое распределение полномочий возможно благодаря тому, что убежище на границе рассматривается как процедура решения вопроса о допуске на территорию, а не предоставления статуса беженца. Окончательное решение о допуске на территорию принимает МВД Франции, в то

время как *OFPRA* выполняет только консультативную функцию.

По сравнению с обычной процедурой предоставления статуса беженца проведение процедуры «убежище на границе» предполагает ограничение прав иностранцев и апатридов на свободу, доступ к правосудию и обжалование незаконных действий органов власти². Так, находящееся в зоне ожидания лицо содержится под стражей до принятия окончательного решения по его заявлению. Хотя максимальный срок такого содержания ограничен 26 днями и допускается судебное обжалование, сама возможность административного задержания лиц, ищущих убежища, противоречит общим нормам французского законодательства.

Обращаясь к вопросу ограничения права на доступ к правосудию, укажем следующее. Лица могут обжаловать в суд свое задержание, а также отказ во въезде. Однако эффективность обжалования крайне низка вследствие отсутствия возможности приостановления исполнения оспариваемых административных решений на период судебного разбирательства: зачастую такие решения исполняются немедленно и лицо, подавшее жалобу, может быть выслано до принятия судом решения по его жалобе. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) указал, что отсутствие во французском законодательстве отлагательной оговорки противоречит Европейской конвенции о правах человека³.

Опыт Испании по установлению специальных приграничных зон.

² См.: La Procédure en Zone d'Attente: Guide Théorique et Pratique / Association nationale d'assistance aux frontières pour les étrangers. – Paris, 2006. – P. 27–31 ; La Roulette Russe de l'Asile à la Frontière – Zone d'Attente: Qui Détourne la Procédure? Rapport sur la procédure d'admission sur le territoire au titre de l'asile / Association nationale d'assistance aux frontières pour les étrangers. – Paris, 2003.

³ См.: Дело «Гебремедхин (Габерамадхиен) против Франции» [Gebremedhin (Gaberamadhien) v. France] (жалоба № 25389/05) : постановление Европейского Суда по правам человека от 26 апр. 2007 г. (бывшая II Секция) (извлечение) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2007. – № 10.

¹ См.: CESEDA : art. L341-6.

Заметим, что французский опыт по созданию специальных приграничных зон исключительно для ограничения прав лицами на убежище – не единственный на европейском континенте. Так, МВД Испании заняло позицию, в соответствии с которой действие общих правил испанского миграционного законодательства¹ не распространяется на лиц, обнаруженных между пограничными ограждениями, отделяющими испанский анклав Мелилья от Марокко. Несмотря на то, что три оградительных забора расположены на территории Испании, зона между ними была рассматривается как «нейтральная». С 1998 г. иностранные граждане, попавшие в эту зону, задерживаются пограничниками и незамедлительно возвращаются в Марокко без возможности ходатайства о защите². В 2014 г. эти несоответствующие международным обязательствам Испании действия были легализованы путем закрепления полномочий по их осуществлению в национальном миграционном законодательстве³. В нарушение международного права действующее испанское законодательство допускает немедленную высылку иностранных граждан, направляющихся в Сеуту и Мелилью⁴. В то время как согласно нормам международного права, иностранные граждане вправе ходатайствовать на границе о предоставлении им убежища, на практике

они лишены такой возможности. Отметим, что ЕСПЧ отклонил доводы испанского правительства о том, что заявители, обнаруженные на верхней части третьего (внутреннего) забора, отделяющего Мелилью от Марокко, не находились на территории Испании. Суд установил нарушение Испанией запрета на коллективную высылку путем возвращения заявителей в административном порядке, поскольку они находились под испанской юрисдикцией⁵.

Режим пограничных зон в США.

В США согласно Закону об иммиграции и гражданстве (*Immigration and Nationality Act*) существуют две разновидности пограничных зон – 25-мильная⁶ и 100-мильная⁷. Режимы этих зон предполагают возможность реализации правоохранительными органами определенных властных полномочий, а также ограничение прав пребывающих в них лиц. При этом возможность ходатайства о предоставлении убежища не ограничивается.

В вышеупомянутых зонах пограничные подразделения реализуют следующие специальные полномочия в целях выявления правонарушений в сфере миграции.

Во-первых, сотрудники Иммиграционной и таможенной полиции США (*US Immigration and Customs Enforcement* (далее – *ICE*)) вправе без судебного ордера применять на границе и в приграничных районах ряд административно-принудительных мер⁸ в порядке, утвержденном руководителем Министерства национальной безопасности (*US Department of Homeland Security*)⁹ (ст. 287 Закона об иммиграции и гражданстве).

¹ См.: Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social. – URL: <https://www.boe.es/eli/es/lo/2000/01/11/4/con> (дата обращения: 10.06.2022).

² См.: Mailet P., Mountz A., Williams K. Exclusion Through Imperio: Entanglements of Law and Geography in the Waiting Zone, Excised Territory and Search and Rescue Region // *Social & Legal Studies*. 2018. № 27. № 2. pp. 142–163. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4956059.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).

³ См.: Sánchez Miguel Angel Acosta. Las fronteras terrestres de España en Melilla: Delimitación, vallas fronterizas y “tierra de nadie” // *Revista electrónica de estudios internacionales*. – 2014. – № 28. – P. 2–34. – URL:

<https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4956059.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ См.: Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social : Disposición adicional décima. Régimen especial de Ceuta y Melilla.

⁵ См.: Дело «N.D. и N.T. против Испании» (жалобы № 8675/15 и 8697/15) : постановление Европейского Суда по правам человека от 13 февр. 2020 г. // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека*. – 2020. – Специальный выпуск № 4. – С. 27–98. – URL: https://advokatkamchatka.ru/images/documents/Прецеденты_ЕСПЧ_2020_4.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

⁶ См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(3)

⁷ См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(3) ; 8 CFR § 287.1(a)(2).

⁸ См.: 8 U.S.C. § 1357(a), (c); 8 C.F.R. §§ 287.1, 287.3, 287.5, 287.8.

⁹ К примеру, для задержания иностранного гражданина, подлежащего высылке из США, сотрудник *ICE* должен иметь административный

Стоит заметить, что по общему правилу, закрепленному в Четвертой поправке к Конституции США, производство на территории США обыска и задержания требует судебного ордера, выдаваемого при наличии на то достаточных оснований. Однако повседневные проверки на государственной границе США, включая досмотр лиц при пересечении ими государственной границы, могут проводиться без ордера и наличия оснований подозревать лицо в совершении правонарушения¹. Осуществление задержания и так называемых расширенных «пограничных» досмотров в приграничных районах и пунктах пропуска через государственную границу также не требует судебного ордера. Вместе с тем у сотрудника уполномоченного органа власти должны быть основания подозревать лицо в совершении правонарушения и считать, что это лицо пересекло государственную границу незадолго до проведения названных процессуальных действий².

Полномочия сотрудников *ICE* на осуществление задержания без судебного ордера закреплены в ст. 287(а) Закона об иммиграции и гражданстве. В частности, такое задержание возможно, если (1) лицо незаконно въезжает или пытается въехать в Соединенные Штаты в присутствии уполномоченного сотрудника; или (2) есть «причина полагать», что лицо находится в США незаконно и, вероятно, скроется от правоохранительных органов до того, как будет получен ордер на его арест³. Кроме того, при определенных обстоятельствах допускается задержание без судебного ордера лица, подозреваемого в совершении преступления (например, когда преступление совершено в присутствии сотрудника или есть «основа-

ния полагать», что подозреваемый совершил тяжкое преступление и, вероятно, скроется от правоохранительных органов. – *Прим. авт.*)⁴.

Согласно ст. 287(с) Закона об иммиграции и гражданстве уполномоченные сотрудники *ICE* вправе без судебного ордера производить досмотр лица, ходатайствующего о разрешении на въезд в Соединенные Штаты, и его вещей⁵. При этом для производства досмотра должна быть «обоснованная причина» подозревать, что имеются основания для отказа лицу во въезде, которые могут быть установлены в результате досмотра⁶.

Применение уполномоченным сотрудником некоторых административно-принудительных мер в приграничных районах не требует даже наличия доказательств пересечения государственной границы лицом, в отношении которого эти меры применяются. Речь идет, например, об остановке дорожным патрулем транспортных средств вблизи границы для опроса лиц, находящихся в транспортном средстве. Такая остановка правомерна лишь при наличии оснований подозревать лицо в совершении правонарушения⁷. В силу ст. 287(а)(1) Закона об иммиграции и гражданстве сотрудник *ICE* вправе «получать объяснения от любого иностранного гражданина или лица, считающегося иностранным гражданином, относительно его права находиться или оставаться в Соединенных Штатах»⁸.

Для досмотра транспортного средства в целях обнаружения предметов контрабанды или следов иных правонарушений требуется наличие веской причины. И хотя остановка транспортного средства в пунктах пропуска через государственную границу может осуществляться без наличия оснований подозревать лицо в совершении правонарушения, должна быть обоснованная причина для досмотра транспортного средства в указанных пунктах.

«ордер на задержание» (форма I-200) (См.: 8 U.S.C. § 1226(a) ; 8 C.F.R. § 236.1(b)). – *Прим. авт.*

¹ См.: *United States v. Flores-Montano*, 541 U.S. 149, 152–153 (2004) ; *United States v. Montoya de Hernandez*, 473 U.S. 531, 538 (1985) ; Anthony D. *The U.S. Border Patrol's Constitutional Erosion in the "100-Mile Zone"* // *Penn State Law Review*. – 2020. – Vol. 124. – № 2. – P. 391–432.

² См.: *United States v. Martinez-Fuerte*, 428 U.S. 543, 562 (1976) ; *United States v. Brignoni-Ponce*, 422 U.S. 873, 884 (1975) ; *Almeida-Sanchez*, 413 U.S. at 273 ; *Alfonso*, 759 F.2d at 734.

³ См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(2) ; 8 C.F.R. § 287.5(c)(1).

⁴ См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(4), (5) ; 8 C.F.R. § 287.5(c)(2)-(4).

⁵ См.: 8 U.S.C. § 1357(c) ; 8 C.F.R. § 287.5(d).

⁶ См.: 8 U.S.C. § 1357(c).

⁷ См.: *Flores-Montano*, 541 U.S. at 152–54, 156 ; *Montoya de Hernandez*, 473 U.S. at 541.

⁸ См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(1).

Во-вторых, пограничникам, патрулирующим приграничные районы, предоставлено право доступа на частные землевладения в пределах 25 миль от государственной границы.

Так, согласно ст. 287(а)(3) Закона об иммиграции и гражданстве¹ уполномоченные сотрудники ICE имеют «доступ к частным землям» (но не к жилищам. – *Прим. авт.*) в пределах 25 миль от внешней границы Соединенных Штатов с целью «патрулирования границы»².

В-третьих, пограничники вправе останавливать и досматривать в пределах 100 воздушных миль³ от границы любые транспортные средства в целях выявления лиц, незаконно пересекших государственную границу⁴.

В ст. 287(а)(3) Закона об иммиграции и гражданстве закреплено, что «на разумном расстоянии от любой внешней границы Соединенных Штатов» сотрудник ICE может «высаживаться на любом судне в территориальных водах Соединенных Штатов, железнодорожных поездах, автотранспортных средствах, воздушных судах, иных транспортных средствах и осуществлять их досмотр в целях обнаружения иностранных граждан» для обеспечения соблюдения федерального иммиграционного законодательства⁵. В свою очередь «разумное расстояние» определяется как расстояние «до 100 воздушных миль (то есть примерно 115 миль) от любой внешней границы Соединенных Штатов» или «любое иное более короткое расстояние», установленное главным патрульным агентом Таможенной и пограничной охраны США (*US Customs and Border Protection*) или специальным агентом ICE применительно к определенному району или округу⁶. При определении разумного расстояния в пределах района или округа учитываются топографические характеристики района (округа), расположение мест слияния транспортных артерий, идущих от

внешней границы США, плотность населения и возможные неудобства для него, виды используемых транспортных средств и достоверная информация о перемещении лиц, которые незаконно въехали в США⁷. Кроме того, при наличии «необычных обстоятельств» допускается признание «разумным» расстояния протяженностью 100 воздушных миль⁸.

Девять из десяти крупнейших городов США находятся в пределах 100 воздушных миль от границы, и несколько штатов полностью лежат в пределах этой области, включая Коннектикут, Делавэр, Флорида, Гавайи, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Род-Айленд и Вермонт (см. рис. 1). В результате установления пограничной зоны размером 100 воздушных миль (185, 2 км) две трети населения США, или примерно 200 млн человек, потенциально могут быть подвергнуты задержанию и досмотру агентами Таможенной и пограничной охраны США⁹.

Причем, без судебного ордера могут быть остановлены, подвергнуты опросу, досмотру и задержанию лица, которые не пересекали государственную границу (и, возможно, никогда не делали этого) и находятся в сотне километров от государственной границы¹⁰.

Опыт Австралии по установлению зон отсечения.

История установления Австралией зон отсечения (*excised zones*) во многом схожа с появлением зон ожидания в портах захода, расположенных во Франции.

Зоны отсечения – это территории, исключенные из миграционной зоны Австралии (*migration zone*).

¹ См.: Immigration and Nationality Act of 1952, Pub. L. No. 82-414, 66 Stat. 163 (1952).

² См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(3); 8 C.F.R. § 287.5(b).

³ Одна воздушная миля равная 1853 м. – *Прим. авт.*

⁴ См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(3) ; 8 CFR § 287.1(a)(2).

⁵ См.: 8 U.S.C. § 1357(a)(3) ; § 1225(d)(1).

⁶ См.: 8 C.F.R. § 287.1(a)(2).

⁷ См.: 8 C.F.R. § 287.1(b).

⁸ См.: 8 C.F.R. § 287.1(b).

⁹ The Constitution in the 100-mile Border Zone / American Civil Liberties Union. –us-constitution-free-zone (дата обращения: 10.06.2022).

¹⁰ См.: Anthony D. Op. cit. P. 392.

Рис. 1. Прохождение по территории США пограничной зоны размером 100 воздушных миль от государственной границы

(Источник: Searches and Seizures at the Border and the Fourth Amendment : Congressional Research Service Report R46601. – Washington, 2020. – P. 10)

Миграционная зона была установлена в результате внесения в 1980 г. изменений¹ в австралийский Закон о миграции (*Migration Act No. 62 of 1958*²). Для пребывания в миграционной зоне иностранный гражданин или апатрид должен иметь австралийскую визу. Ходатайство о предоставлении убежища можно подать только, находясь в миграционной зоне. При этом несанкционированный въезд в миграционную зону влечет ограничение доступа к рассмотрению ходатайства австралийскими судами.

До 2001 г. австралийская миграционная зона включала континентальную часть Австралии и некоторые внешние территории, например, о. Рождества. В 2001 г. в морском пространстве Австралии произошел инцидент с норвежским грузовым

судном «*MV Tampa*». Оно спасло более 400 терпящих бедствие мигрантов. Однако премьер-министр Австралии Д. Ховард отказал капитану в разрешении на заход в порт на о. Рождества. Данное решение было преимущественно популистским, а мотивы его принятия были связаны с участием Ховарда в очередной избирательной кампании.

В дальнейшем в рамках реализации программы «Тихоокеанское решение» австралийский парламент принял первый пакет законоположений о так называемом отсечении. Согласно новым правилам, имеющим ретроактивное действие, тысячи квадратных километров территории Австралии в целях ограничения иммиграции были признаны находящимися за ее пределами. В этот же период было дано новое, сильно зауженное законодательное определение миграционной зоны, в которой возможно легально подать прошение об убежище: большая часть территории Австралии была выведена из состава миграционной зоны. В результате были созданы

¹ См.: The Immigration (Unauthorised Arrivals) Act No 112 of 1980. – URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/num_act/iaa1980380/ (дата обращения: 10.06.2022).

² См.: URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00337> (дата обращения: 10.06.2022).

два режима предоставления убежища в Австралии:

1) общий, который действует в пределах миграционной зоны, и;

2) специальный, который действует в зонах отсечения.

Иностранные граждане и апатриды, задержанные или высадившиеся в зонах отсечения, ограничены в своих правах на получение убежища¹. Фактически любые просители убежища, не добравшиеся до континентальной части Австралии, не могут рассчитывать на получение статуса беженца.

В последующие годы границы зон отсечения были расширены с целью упреждения обращений с ходатайствами о предоставлении убежища и воспрепятствования контрабанде людей в обход зон отсечения. Так, в 2002–2003 гг. зоны отсечения были расширены за счет удаления их границ в сторону от берега Австралии, а также включения в состав указанных зон континентальной части Австралии.

С. Тэйлор в образной форме указывает, что даже в случае, если лица, ищущие убежища, достигают территории континента, то вслед за их передвижениями перемещается и зона отсечения: эти лица «переносят на себе отсечение в правовой системе как пузырь на теле»². В 2012 г. изменения законодательства о миграции распространили эффект отсечения таким образом, что режим зоны отсечения стал охватывать лиц, как достигших внешних территорий, так и побережья Австралии.

В основе режима зоны отсечения лежит идея необходимости контроля за передвижением лиц, чьей целью является ходатайство о предоставлении убежища. Лица, задержанные в пределах зоны отсечения, доставляются австралийскими властями в специальные центры иммиграционного содержания. Как правило, эти центры располагаются либо на внешних территориях Австралии, либо в сопредельных

государствах, с которыми Австралия заключила соответствующие договоры (например, в Науру и Папуа – Новой Гвинее. – *Прим. авт.*). Рассмотрение заявлений от задержанных лиц осуществляется в этих центрах. При этом вероятность положительного решения по вопросу о разрешении на въезд в Австралию невысока.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет классифицировать специальные административно-правовые режимы, устанавливаемые западными государствами в приграничных районах в целях противодействия незаконной миграции, на два вида.

Во-первых, это режим пограничной зоны (полосы). Он схож с российским пограничным режимом. Режим пограничной зоны (полосы) позволяет обеспечить деятельность пограничных ведомств государств, предупреждать и своевременно выявлять правонарушения в сфере защиты государственной границы, в том числе связанные с незаконной миграцией. Его ключевыми элементами являются специальные властные полномочия, которыми наделяются пограничные ведомства, а также ограничения прав лиц, пребывающих в пограничной зоне (полосе). Как правило, размер пограничной зоны незначителен. В качестве обратного примера можно привести почти 200-километровую пограничную зону в США.

Во-вторых, это режим зоны ограничения права иностранцев и апатридов на получение убежища. Он является довольно новым правовым средством противодействия незаконной миграции. Режим основан на юридической фикции исключения из состава государственной территории пространства, расположенного в границах указанной зоны. Предполагается, что иностранцы и апатриды, прибывавшие на территорию государства без требуемых для въезда документов и находящиеся в данной зоне, не пересекли государственную границу и, как следствие, не могут ходатайствовать о предоставлении убежища. Элементами режима являются ограничение права лиц на получение убежища и властные полномочия пограничных ведомств по задержанию иностранцев и

¹ См.: Magner T. A less than 'pacific' solution for asylum seekers in Australia // *International Journal of Refugee Law*. – 2004. – Vol. 16. – № 1. – P. 53–90.

² См.: Taylor S. Sovereign power at the border // *Public Law Review*. – 2005. – Vol. 16. – № 1. – P. 55–77.

апатридов, прибывших в страну без необходимых документов, их содержанию под стражей в пределах зоны, либо высылке из страны.

Библиография

1. Большова, Н.Н. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству-нации в условиях глобализации (на примере ФРГ) / Н. Н. Большова // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 5. – С. 94–108.

2. Anthony, D. The U.S. Border Patrol's Constitutional Erosion in the "100-Mile Zone" // Penn State Law Review. – 2020. – Vol. 124. – № 2. – pp. 391–432.

3. Basaran, T. Legal borders in Europe: The waiting zone / T. Basaran // A Threat Against Europe? Security, Migration, Integration / ed. by J. P. Burgess, S. Gutwirth. – Brussels : Brussels University Press, 2011. – pp. 63–74.

4. Basaran, T. Security, Law and Borders: At the Limits of Liberties. – London : Routledge, 2012. – 160 p.

5. France: Unaccompanied children detained at borders. 500 a year held in transit zones / Human Rights Watch, 2014. – URL: <https://www.hrw.org/news/2014/04/08/france-unaccompanied-children-detained-borders> (дата обращения: 10.06.2022).

6. Hathaway, J. C. The Rights of Refugees Under International Law / J. C. Hathaway. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – li, 1002 p.

14. Shachar, A. The shifting border of immigration regulation // Stanford Journal of Civil Rights and Civil Liberties. – 2007. – Vol. 30. – № 3. – pp. 165–193.

15. Taylor, S. Sovereign power at the border // Public Law Review. – 2005. – Vol. 16. – № 1. – pp. 55–77.

7. La Procédure en Zone d'Attente: Guide Théorique et Pratique / Association nationale d'assistance aux frontières pour les étrangers. – Paris : Anafé, 2006.

8. La Roulette Russe de l'Asile à la Frontière – Zone d'Attente: Qui Détourne la Procédure? Rapport sur la procédure d'admission sur le territoire au titre de l'asile / Association nationale d'assistance aux frontières pour les étrangers. – Paris : Anafé, 2003.

9. Magner, T. A less than 'pacific' solution for asylum seekers in Australia // International Journal of Refugee Law. – 2004. – Vol. 16. – № 1. – pp. 53–90.

10. Maillet, P., Mountz, A., Williams, K. Exclusion Through Imperio: Entanglements of Law and Geography in the Waiting Zone, Excised Territory and Search and Rescue Region // Social & Legal Studies. – 2018. – № 27. – № 2. – pp. 142–163.

11. Makaremi, C. The Waiting Zone // Memory and Migration: Multidisciplinary Approaches to Memory Studies / ed. by J. Creet and A. Kitzmann. – Toronto : University of Toronto Press, 2011. – pp. 68–92.

12. Sánchez Miguel Angel Acosta. Las fronteras terrestres de España en Melilla: Delimitación, vallas fronterizas y "tierra de nadie" // Revista electrónica de estudios internacionales. – 2014. – № 28. – p. 2–34. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4956059.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).

13. Searches and Seizures at the Border and the Fourth Amendment : Congressional Research Service Report R46601. – Washington, 2020. – 67 p.

16. The Constitution in the 100-mile Border Zone / American Civil Liberties Union. – URL: <http://www.aclu.org/technology-and-liberty/fact-sheet-us-constitution-free-zone> (дата обращения: 10.06.2022).

Правовое регулирование деятельности воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности по решению военных задач

© Шоев Шодмон Рустамович,

адъюнкт Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

© Джабборов Фарходжон Нозимович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела международного права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности (КСОР ОДКБ). Авторы отмечают важность участия Республики Таджикистан в составе данной региональной организации в интересах обеспечения безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности от внутренних и внешних угроз.

До принятия решения по развертыванию и применению воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в составе КСОР ОДКБ, он находится под таджикской юрисдикцией. Это касается как вопросов комплектования, так и финансового и материально-технического обеспечения таджикского контингента.

Анализируя действующие международные соглашения и национальное законодательство Республики Таджикистан, авторы пришли к выводу, что государства субъективно, с учетом своих интересов, определяют для себя какие принципы и нормы международного права являются общепризнанными, а если нормы и принципы имеют договорную форму, то не всегда государства их ратифицируют. В связи с этим, предлагают норму ч. 1 Положения о командовании КСОР ОДКБ в следующей редакции: «Командование КСОР организует свою деятельность, руководствуясь принципами и нормами международного права, признанными государствами-членами ОДКБ...».

Ключевые слова: Коллективные силы оперативного реагирования, Вооруженные Силы Республики Таджикистан, региональная безопасность, международный терроризм, агрессия, международное сотрудничество, принципы и нормы международного права.

Legal regulation of the activities of the military contingent of the Armed Forces of the Republic of Tajikistan as part of the Collective Rapid Reaction Forces of the Collective Security Treaty Organization to solve military tasks

© Shoev Sh.R.,

Associate Professor of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© Jabborov F.N.,

PhD in Law, Senior Researcher at the International Law Department of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

Annotation. Legal regulation of the contingent of the Armed Forces of the Republic of Tajikistan as part of the Collective Rapid Reaction Forces of the Collective Security Treaty Organization (hereinafter referred to as the CSTO CSR). The authors note the importance of the participation of the Republic of Tajikistan in this regional organization in the interests of ensuring security and stability in the Central Asian region of collective security from internal and external threats.

Until a decision is made on the deployment and use of the military contingent of the Armed Forces of the Republic of Tajikistan as part of the CSTO CSR, it is under Tajik jurisdiction. This concerns both the issues of recruitment, as well as financial and logistical support of the Tajik contingent.

Key words: Collective Rapid Reaction Forces, Armed Forces of the Republic of Tajikistan, regional security, international terrorism, aggression, international cooperation, principles and norms of international law.

Международно-правовое позиционирование Республики Таджикистан в современном миропорядке определено Постановлением и Заявлением Верховного Совета Республики Таджикистан от 9 сентября 1991 г. о государственной независимости Республики Таджикистан¹, как суверенного субъекта системы международных правоотношений. Вместе с тем гражданская война (1992—1997) в Республике Таджикистан временно приостановила поступательный процесс государственного строительства².

После распада СССР с целью обеспечения безопасности в регионе 1992 г.³ был подписан Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., на основе которого была создана Организация Договора о коллективной безопасности. Республика Таджикистан с момента подписания данного договора является активным участником и полноправным членом этой Организации.

¹ Декларация о суверенитете Республики Таджикистан (с учетом поправок, внесенных Постановлением Верховного Совета Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Декларацию о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики» № 391, от 9 сентября 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. Душанбе: 1991. №18. 119 с.).

² Холиков, И.В. Понятие и сущность военного сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник военного права. 2020. №1. С. 57—64.

³ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. // Содружество: информац. вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1992. № 5. С. 9—11.

ОДКБ является преемником Организации Варшавского Договора в качестве международной организации коллективной безопасности в постсоветском пространстве, хотя объединяет шесть государств бывшего Советского Союза. Деятельность ОДКБ основывается на соблюдении принципов и норм международного права и носит оборонительный характер в отношении агрессии, также направлена на предотвращении терроризма, экстремизма, международных преступлений с целью сохранения мира и безопасности в пространстве государств-членов⁴. Сотрудничество с ОДКБ в целях сохранения суверенной безопасности является для Республики Таджикистан определяющим.

14 июня 2009 г. в г. Москве государства-члены Организации Договора о коллективной безопасности подписали важнейший базовый документ — Соглашение о коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности (КСОР ОДКБ)⁵. При этом ощутимым фактором многосторонней военной интеграции, особенно в плане противодействия международному терроризму, стало создание Коллективных сил оперативного реагирования. Вопросы

⁴ Шоев Ш.Р. Институционно-правовые начала участия Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ в обеспечении региональной безопасности // Военное право. 2021. № 3 (67). С. 288.

⁵ Соглашение о коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902272592> (дата обращения 20.06.2022).

обеспечения функционирования КСОР ОДКБ, повышения их боеготовности, организации взаимодействия с национальными органами военного управления, тылового обеспечения находят свое отражение в вышеупомянутом соглашении.

Кроме вышеуказанного, в данной сфере существует еще множество проблем, связанных как с недостаточным правовым регулированием данной сферы общественных отношений, так и с недочетами в профессиональной деятельности воинского контингента Республики Таджикистан в составе КСОР ОДКБ. До настоящего времени в Республике Таджикистан недостаточно глубоко изучены теоретические проблемы применения воинских контингентов в составе военных коалиций в условиях боевой обстановки, недостаточно четко проработаны основные принципы функционирования данных воинских формирований, а также отсутствует целостная концепция дальнейшего поступательного развития сотрудничества государств-членов ОДКБ в военной сфере.

Участие воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в совместных операциях КСОР соответствует положениям Устава ООН. Согласно Соглашению о КСОР ОДКБ, действия воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в совместных операциях КСОР по обеспечению региональной коллективной безопасности включают:

— развертывание на территории любой из Сторон с целью демонстрации готовности к применению военной силы;

— участие в предотвращении и отражении вооруженного нападения, в том числе агрессии, локализации вооруженных конфликтов;

— участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, других видов транснациональной организованной преступности;

— усиление войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов Сторон;

— участие в обеспечении оперативного развертывания объединенных (региональных) группировок войск (сил);

— участие в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи¹.

Решение о направлении и об участии Воинского контингента Республики Таджикистан в совместных операциях КСОР ОДКБ за пределами страны принимает Президент Республики Таджикистан на основе Конституции Республики Таджикистан, других нормативных-правовых актов, соглашений в рамках ОДКБ и решений Совета коллективной безопасности ОДКБ. О принятых решениях Президент Республики Таджикистан информирует Маджлиси Милли и Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан (парламент страны).

Для подготовки к участию в совместных операциях КСОР ОДКБ по обеспечению региональной коллективной безопасности в состав контингента КСОР от Вооруженных Сил Республики Таджикистан входят воинские контингенты и формирования сил специального назначения. Для участия в совместных операциях по обеспечению коллективной безопасности определяются следующие мероприятия:

— руководство по подготовке к выполнению поставленных задач возложить на Командующих видами Вооруженных Сил, начальников главных и центральных управлений Генерального Штаба и Центрального аппарата Министерства обороны Республики Таджикистан;

— Генеральный Штаб координирует и осуществляет контроль над подготовкой выделенных воинских формирований в состав КСОР ОДКБ и предоставляет Президенту предложения по составу и численности воинского контингента;

— Организационно-мобилизационное управление совместно с Управлением вос-

¹ Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности от 14.06.2009 г.

питательной работы разрабатывает требования, предъявляемые к военнослужащим воинского контингента Вооруженных Сил в составе КСОР ОДКБ;

— Управление международного военного сотрудничества Министерства обороны обеспечивает направление военнослужащих воинского контингента для участия в совместных операциях по обеспечению коллективной безопасности.

Устав ООН допускает заключение региональных соглашений или создание органов для решения вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, соответствующих целям ООН. Государства вправе также использовать свои вооруженные силы в целях обеспечения индивидуальной или коллективной обороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН.

Так как ОДКБ носит оборонительный характер, согласно Правилам применения силы КСОР¹, применение этих сил осуществляется на территориях государств — членов ОДКБ, Правила предусматривают, что при проведении операций контингентами КСОР должны соблюдаться принципы и нормы международного гуманитарного права. Такой подход предусмотрен также в ч. 1 Положении о командовании КСОР, хотя в нем используется термин «принципы и нормы международного права»². Однако в этих документах не даются определения принципов и норм международного права в целом, и принципов и норм международного гуманитарного права, в частности.

В связи с этим возникает вопрос: что представляют собой принципы и нормы международного права и международного гуманитарного права, и каким образом контингенты Вооруженных Сил Республики Таджикистан по решению военных задач должны их соблюдать.

В отличие от Конституции Российской Федерации 1993 г., где общепризнанные

принципы и нормы международного права наряду с международными договорами Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ст. 10), Конституция Республики Таджикистан не предусматривает положение об общепризнанных принципах и нормах международного права, как части системы права Республики Таджикистан. В том случае если принципы и нормы международного права, были внесены в международные договоры, признанные Республикой Таджикистан, то они как договорная норма приобретают приоритет над национальными законами. На наш взгляд, общепризнанные принципы и нормы международного права составляют часть правовой системы, независимо от провозглашения этого положения в конституции страны.

Как справедливо отмечает Г.И. Тункин, «основные принципы международного права — это общепризнанные принципы международного права, имеющие наибольшее значение для решения основных проблем современных международных отношений»³.

В науке международного права традиционно выделяют десять основных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН и Декларации принципов международного права, в Заключительном акте СБСЕ:

- суверенное равенство государств;
- мирное разрешение международных споров;
- неприменение силы или угрозы силой;
- невмешательство в внутренние дела государства;
- сотрудничество;
- равноправие и самоопределение народов;
- добросовестное выполнение международных обязательств;
- нерушимость границ, территориальная целостность;

¹ Правила применения силы КСОР (Приложение 2 к Соглашению о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ от 14 июня 2009 г.).

² Положение о командовании КСОР [Электронный ресурс].

³ Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. М.: Международные отношения, 1983. С. 33.

— уважение прав человека и его основных свобод¹.

Так как Положение о Командовании КСОР предусматривает норму, согласно которой командование КСОР организует свою деятельность, руководствуясь принципами и нормами международного права, в таком случае оно должно соблюдать следующие нормы: основные принципы международного права; отраслевые принципы международного права (т.е. принципы международного гуманитарного права); нормы универсальных конвенций; общепризнанные обычно-правовые нормы.

Однако стоит отметить, что в международном праве есть принципы и нормы, которые признаются отдельным государством, и они не считаются общепризнанными. В этом случае государство не несет ответственность за их несоблюдение. В связи с этим, целесообразно внести поправку в ч. 1 Положения о командовании КСОР в следующей редакции: «Командование КСОР организует свою деятельность, руководствуясь принципами и нормами международного права, признанные государствами-членами ОДКБ».

Принципы международного гуманитарного права — это основные идеи, руководящие начала, которые лежат в основе международного гуманитарного права и выражают его содержание и направленность. Они отражают состояние правосознания человеческого общества, выступая при этом нормообразующим фактором².

Итак, в соответствии с Правилам применения силы КСОР при проведении операций контингентами КСОР обеспечивается соблюдение следующих принципов и норм международного гуманитарного права:

1. Универсальные (общие) принципы международного гуманитарного права (Принцип гуманности, недопустимости дискриминации, ответственности за нарушение норм и принципов международного гуманитарного права).

2. Принципы, касающиеся выбора средств и методов ведения войны, так называемые принципы «Гаагского права» (ограничения воюющих в выборе средств и методов вооруженной борьбы, ограничения средств и методов ведения войны по лицам, ограничения ведения войны по объектам, ограничения по средствам и методам ведения военных действий (*ratione conditionis*)).

3. Принципы, обеспечивающие защиту жертв войны, так называемые принципы «Женевского права» (Принцип нейтральности государств и лиц, оказывающих гуманитарную помощь и исполняющих гуманитарные функции, принцип нормальности, принцип государственной защиты покровительствуемых лиц, принцип обеспечения международной защиты покровительствуемых лиц)³.

Проанализировав законодательство Республики Таджикистан, включая документы, устанавливающие правовой статус воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в составе КСОР ОДКБ, важно заметить, что в нем не установлен порядок осуществления норм международного гуманитарного права.

В связи с этим можно согласиться с мнением С.А. Раджабова, который предлагает разработать законопроект, предметом которого станет порядок осуществления норм международного гуманитарного права, в котором были бы обозначены субъекты, их полномочия, процедура имплементации норм международного гуманитарного права.

¹ Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. С. 126—141.

² Толочко О.Н. Международное гуманитарное право: Учеб. пособие [Электронный ресурс]. — URL: https://interlaw.by/22principyu_mgp.html (дата обращения: 12.06.2022).

³ Холиков, И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара, Оренбург, 28 мая 2014 г. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294—307.

го права в рамках компетенции каждого органа государственной власти, наделенного конституционным полномочием осуществлять правовое обеспечение приведения в действие норм международного гуманитарного права¹.

Согласно Плану по боевому применению сил и средств системы коллективной безопасности, утвержденному Советом коллективной безопасности, Коллективные силы ОДКБ регулярно проводят учения на территории государств-членов этой региональной организации. Так, 18 октября 2021 г. на территории Республики Таджикистан в рамках совместного оперативно-стратегического учения ОДКБ «Боевое братство-2021» состоялась церемония открытия специальных учений «Эшелон-2021», «Поиск-2021» и совместного учения «Взаимодействие-2021».

В своем выступлении на церемонии открытия учения Начальник Объединенного штаба ОДКБ генерал-полковник А.А. Сидоров, отметил: «Центрально-Азиатскому региону мы уделяем особое внимание. Основным источником нестабильности является обстановка внутри и вокруг Исламской Республики Афганистан. Именно поэтому впервые в рамках совместной подготовки мы проводим три учения одновременно». Он пожелал участникам специальных учений проявить свои лучшие качества: высокий профессионализм, слаженность в работе, а при необходимости — взаимопомощь и взаимовыручку, и подтвердить готовность к действиям по обеспечению коллективной безопасности наших государств². Подобные учения были проведены на территории Республики Таджикистан неоднократно.

Вопрос применения воинского контингента Вооруженных Сил Республики

Таджикистан по решению военных задач все больше и больше приобретает практическое значение³. Впервые за всю историю создания ОДКБ, воинский контингент Вооруженных Сил Республики Таджикистан в составе одного миротворческого батальона был направлен для стабилизации обстановки в Республику Казахстан.

Следует напомнить, что в январе 2022 г. в Республике Казахстан преступные группировки под предлогом роста цен на автомобильный газ организовали митинги, и, хотя выдвинутые социально-экономические и общественно-политические требования были услышаны и выполнены правительством страны, для них это не имело значения. Цель захватчиков была очевидна: подрыв конституционного строя.

В ходе внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отметил, что «В соответствии с решением Совета безопасности Республики Казахстан, основанном на всестороннем анализе правоохранительных и специальных служб, ситуация была квалифицирована как угроза терроризма и акт агрессии. События в Республике Казахстан приобрели критический характер. Город Алма-Ата и девять областных центров оказались в руках незаконных вооруженных формирований. Мы объявили режим контртеррористической операции⁴».

Для стабилизации ситуации в Республике Казахстан практически впервые в своей истории были применены контингенты Вооруженных Сил государств-членов ОДКБ в составе Коллективных миротворческих сил. Парламент Республики Таджикистан одобрил решение применить Вооруженные Силы страны за пределами республики для выполнения международных обязательств. Республика Таджикистан и 7 января 2022 г. направил в Респуб-

¹ Раджабов С.А. Международное гуманитарное право в Республике Таджикистан. Душанбе, 2007. С. 288.

² См.: В Республике Таджикистан начались учения ОДКБ «Эшелон-2021», «Поиск-2021» и «Взаимодействие-2021» [Электронный ресурс]. — URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-respublike-tadzhikistan-nachalis-ucheniya-odkb-eshelon-2021-poisk-2021-i-vzaimodeystvie-2021/ (дата обращения: 13.06.2022).

³ Амонулов Ш.П., Холиков И.В. Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества // Военное право. 2020. № 4(62). С. 205—211.

⁴ Выступление Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ.

лику Казахстан в составе Миротворческих сил ОДКБ около 200 военнослужащих. Их задачей была охрана военных и государственных объектов, содействовать правоохранительным органам, а не подавление акции протестов.

Исходя из вышеизложенного приходим к следующим выводам:

— сотрудничество Республики Таджикистан в рамках ОДКБ является важным не только для обеспечения безопасности самого государства. Оно обеспечит безопасность всей зоны ответственности ОДКБ от реальных внешних угроз, как терроризм, незаконный оборот наркотических средств и т.д.;

— деятельность ОДКБ носит оборонительный характер в отношении внешних агрессий;

— в целях совершенствования таджикского законодательства считаем целесообразным в Конституции Республики Таджикистан, используя практику законодательства Российской Федерации, указать, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы. Данный подход более конкретизировал бы дуалистический подход к соотношению международного и внутригосударственного права;

— целесообразно внести поправку в ч.1 Положения о командовании КСОР следующим образом: «Командование КСОР организует свою деятельность, руководствуясь принципами и нормами меж-

дународного права, признанными государствами-членами ОДКБ».

Библиография

1. Амонулов, Ш.П. Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества / Ш.П. Амонулов, И.В. Холиков // Военное право. — 2020. — № 4(62). — С. 205—211.

2. Международное право : учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2006. — 624 с.

3. Раджабов, С.А. Международное гуманитарное право в Республике Таджикистан / С.А. Раджабов. — Душанбе, 2007. — 354 с.

4. Тункин, Г.И. Право и сила в международной системе / Г.И. Тункин. — М.: Международные отношения, 1983. — 200 с.

5. Холиков, И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара, Оренбург, 28 мая 2014 года. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. — С. 294—307.

6. Холиков, И.В. Понятие и сущность военного сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан / И.В. Холиков, Ш.П. Амонулов // Вестник военного права. — 2020. — № 1. — С. 57—64.

7. Шоев, Ш.Р. Институционно-правовые начала участия Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ в обеспечении региональной безопасности / Ш.Р. Шоев // Военное право. — 2021. — № 3 (67). — С. 284—289.